

Дорогие наши читатели!

Уходит эпоха книги. Наши домашние библиотеки, которые мы собирали в прошлом столетии и которыми так гордились, теряют своё высокое предназначение. Катастрофически сокращается число книжных магазинов по стране. Закрываются множество библиотек, а те, которые ещё живы, не могут пополнять свои фонды и выписывать, как это было принято всегда, “толстые” литературные журналы, являвшиеся ещё совсем недавно нашей национальной гордостью. Государство экономит на этом какие-то копейки в стране, где о Смутном времени мы судим по драме “Борис Годунов”, о нашествии Наполеона на Россию по роману “Война и мир”, о величайшей мировой революции по “Тихому Дону”, по поэмам “Двенадцать” и “Анна Снегина”, о Великой Отечественной войне по “Василию Тёркину” и роману “Молодая гвардия”.

Но ваш любимый журнал ещё живёт хотя и нелёгкой, но достойной жизнью, и в нём до сих пор работают преданные нашему общему делу сотрудники, пришедшие в коллектив в девяностые годы. Вместе с вами, дорогие читатели, мы пережили эпоху государственного переворота 1991–1993 годов, эпоху дефолтов и грабительской приватизации, эпоху небывалого в мировой истории мошенничества и олигархического беспредела. Лишь в начале третьего тысячелетия мы с вами, благодаря приходу во власть Владимира Путина, стали освобождаться от горбачёвско-ельцинского растления всей нашей жизни. Мы с вами — русские писатели и русские читатели, сплочённые одной правдой и одной волей, всегда чувствовали свою ответственность перед нашей историей, перед временем, перед традициями великой русской литературы. Наши отцы и деды в 1941 году понимали, что “отступить некуда, позади Москва”. А сегодня и мы, беря с них пример, повторяем: нам тоже отступить некуда — за нами стоят Пушкин и Достоевский, Шолохов и Есенин, Михаил Булгаков и Андрей Платонов.

А если вспомнить о наших современниках, сплотившихся вокруг журнала во второй половине XX века... о Валентине Распутине, Николае Рубцове, Василии Белове, Вадиме Кожинове, Юрии Кузнецове, Игоре Шафаревиче, Митрополите Санкт-Петербургском Иоанне и других выдающихся именах, создавших славу журнала! Да, их уже нет с нами, но они — это наш бессмертный полк, сделавший всё для того, чтобы “Наш современник” вот уже двадцать лет являлся самым популярным, самым читаемым “толстым” журналом России.

Их традиции сегодня продолжают Александр Проханов и Виктор Лиханов, Владимир Крупин и Альберт Лиханов, Сергей Шаргунов и Захар Прилепин, Михаил Тарковский и Юрий Козлов, Иван Переверзин и Андрей Убогий. Всех не перечислить, если вспомнить о многих молодых писателях, нашедших себя в стенах “Нашего современника”. Не оскудела ещё русская земля талантами, жив ещё союз нерушимый русских писателей и русских читателей.

Двадцать седьмого ноября этого года мне исполняется 85 лет. Более четверти века вместе со своими ближайшими друзьями я все силы отдаю любимому журналу. Пора бы и на покой, но я до сих пор получаю ежегодно сотни читательских писем, и не всегда успеваю отвечать на них и сознаю, что остаюсь в долгу перед их авторами, к которым обращаюсь, может быть, с последней дружеской просьбой: сделайте и лично мне и всему коллективу редакции простой, но бесценный подарок. Подпишитесь на журнал, в который мы постараемся вложить в 2018 году все свои способности, весь свой опыт, всю свою любовь к нашей родине, о которой великий Пушкин, основатель журнала “Современник”, сказал: “Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал”.

Станислав Куняев

НАШ СОВРЕМЕННОК

№ 11 2017

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№ 11 2017

Год за годом читатели с нетерпением открывают новые и новые книги Станислава Юрьевича Куняева. И давно уже знают, что это не только поэт высокого полёта, главный редактор лучшего литературного журнала страны, но и выдающийся публицист, литературный критик, историк, мыслитель. За последние десять лет им издано более десятка книг, которые каждый русский человек обязан поставить перед собой на полку.

Смелость, решительность, объективность — “Стас уполномочен заявить...”, так называется сборник его лучших статей и бесед, написанных на рубеже XX и XXI веков, одни названия дорогого стоят: “Я художник, следовательно не либерал”, “Стихи пишутся неоскорбляемой частью души”, “Нас проиграли, как крепостных в карты”, “Воля к сопротивлению”...

Подняв польские вопросы и дав на них исчерпывающие, нелюбезные в своей жёсткой оценке ответы в книге “Шляхта и мы”, Куняев написал достойное продолжение на тему “Это спор славян между собою, домашний старый спор, уж взвешенный судьбою” в недавней книге “Нет на свете печальней измены... или Ще не вмерла Украина”. И если в книге про шляхту ставился вопрос “кто победит в неравном споре — кичливый лях или верный росс”, то здесь в роли кичливого ляха выступил майданутый украинец, одуряченный потомками Мазепы и Бандеры.

Который раз в дополненном и переработанном виде выходит фундаментальный труд Станислава Юрьевича “Жрецы и жертвы холокоста”, о том, как чаще всего неверно трактуется идея богоизбранности еврейского народа и как сам этот народ вновь и вновь расплачивается кровью и страданиями за действия своих нечестивых “доброжелателей”. “Холокост становится явлением мирового порядка. Это — трагедия, это — фарс, это — бизнес, это — политика, это — гламур, это — перформанс, это — “наше всё”, — заявляет автор.

Глубоко продуманы и прочувствованы книги Станислава Юрьевича “Любовь, исполненная зла...”, “И бездны мрачной на краю...”. И, конечно, знаменитый “Сергей Есенин”, книга, которую Станислав Куняев написал вместе с сыном Сергеем и которая выдержала 13 изданий.

В 2013 году Институт русской цивилизации выпустил весомое собрание статей Куняева под названием “Русский дом”. Здесь и работы, исполненные обличительного пафоса, показывающие, кто и как пытался и пытается поджечь, расшатать, развалить и распродать по кускам нашу уникальную русскую цивилизацию, наш единый и любимый Дом; и сочинения, показывающие, чем же мы так отличаемся от других народов, в чём наше своеобразие, уникальность и ценность для всей мировой культуры, всей мировой жизни.

Своей подвижнической деятельностью Станислав Куняев укрепляет дух народа, а значит, и Русский дом.

Со славным 85-летним юбилеем, дорогой Станислав Юрьевич!

Редакция, Общественный совет журнала “Наш современник”

Павел Дмитриевич Корин — величайший русский живописец XX столетия. Его этюды к незаконченной картине “Русь уходящая” стали духовным гимном несломленной православной России. Чрезвычайно интересно читать два отклика на это гениальное полотно: отклик 1936 года чиновника из Культпросветотдела ЦК ВКП(б) и размышления нашего современника — критика, литературоведа, историка Вадима Валериановича Кожина.

“Известный московский художник Павел Корин более 10 лет работает над подготовкой картины, где должны быть изображены церковники, монахи, юриды и т. д.

По заявлению Павла Корина, картина должна представлять собой гигантское полотно, изображающее внутренний вид Успенского собора и собравшихся там фанатиков религии. Он утверждает, но весьма неуверенно, что вся эта коллекция мракобесов собрана им для того, чтобы показать их обречённость. Между тем никакого впечатления обречённости, судя по эскизам, он не создаёт. Наоборот, эскизы говорят о другом. В действительности Павел Корин передаёт ненависть этих людей, по его замыслу, сильных, волевых, преисполненных готовности умереть за свои религиозные идеи.

Мастерски выписанные фанатики и тёмные личности явно превращаются в героев, христиан-мучеников, гонимых, но не сдающихся поборников религии.

Внешность персонажей картины П. Корина характерна нарочитой нищетой, униженностью, грязью, подчёркивающими их угнетённое состояние, в то время как внутренний образ настойчиво демонстрирует перед зрителем особую стойкость, убеждённость и непреклонность этих людей...

Есть все основания полагать, что при таких условиях, используя подготовленные эскизы, Павел Корин сделает исключительную в художественном отношении картину, которая по своему содержанию будет играть на руку нашим врагам”.

*Зам. Зав. Культпросветотдела ЦК ВКП(б): А. Ангаров
8.XII.36*

“Корин создавал “Реквием”, или, по его же определению, “последний парад православия”. Готовясь к работе, он не раз слушает реквием Моцарта и Берлиоза, “Гибель богов” Вагнера и записывает: “Этот пафос и стон должен быть в моей картине”; “день суда, который превратит мир в пепел”.

И, может быть, растущее осознание того, что к о н ц а, который он хотел воссоздать, на самом деле нет, побудило П. Д. Корина не завершать своё творение. Ученик Павла Корина, художник В. И. Иванов, метко сказал о “Реквиеме”: “Сам худ работы над неосуществлённой картиной содержит в себе историческую культурную ценность”. И ценность глубочайшую! Именно в свете, в духе творческих исканий П. Д. Корина нужно осмысливать всё то, что выразилось в приведённых выше документах 1920-х годов. Не “чернуху” в них видеть, а исполненную — всемирную — трагедийность”.

Вадим Кожин. 1990

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО «ИПО писателей»

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Юбилей 3

Проза

Юрий УБОГИЙ
Время вокзала.
Дневник писателя 19

Андрей АНТИПИН
Капли марта.
Повесть 48

Дмитрий ДАРИН
Тракторист Серёга.
Рассказ 68

Игорь БЕЛКИН-ХАНАДЕЕВ
В дверях. Рассказ 83

Поэзия

Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ
Млечная мельница 16

Игорь ТЮЛЕНЕВ
Как принято — живём,
не тужим 45

Александр ШУРАЛЁВ
На месте покоса
взрастает отава... 65

Поэтическая мозаика 87

Память

Олег ЧУХНО
Я жив сознанием своим... 78

Станислав КУНЯЕВ
“Дневник третьего
тысячелетия” 107

Юрий ПАХОМОВ
“А море и стонет, и плачет” 201

Очерк и публицистика

Алексей ВАСИЛЬЕВ
Аргументы ВКС:
пределы прагматизма 133

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

Отдел прозы —
(495) 625-57-45

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

С. С. Зотов —
ред. отдела публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Елена ЛАРИНА,
Владимир ОВЧИНСКИЙ
Технологии ИГИЛ 144

Андрей ФУРСОВ
Октябрь 1917 — момент истины
русской смутреволюции 163

Александр КАЗИНЦЕВ
Вдохновенная ошибка 180

Яна САФРОНОВА
Заглянуть в лицо 186

Евгений ШИШКИН
Русский язык: время угроз 191

Валерий СДОБНЯКОВ
Птицы над нами 229

Критика

Александр ВОДОЛАГИН
Сильные мысли о России 240

Виктор ОВЧИННИКОВ
“...Мы дальше их пошли...” 254

Светлана ТЮРЬМОРЕЗОВА
“Добро должно быть
с кулаками”? 260

Эдуард АНАШКИН
“Чем ближе ночь —
тем родина дороже” 266

Слово читателя

“Вы строите дом
с названием Россия” 271

В конце номера

Анатолий АБРАШКИН
Откровение
Ивана Виноградова 280

Инна БАСОВА
Слово Селезнёва 285

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов; Оператор: Н. С. Полякова;

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 07.11.2017. Формат 70х108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 4034-2017. Тираж 5000 экз.

Подписаться на журнал по минимальной цене можно в редакции (пн.-чт. с 12 до 17 ч.)

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по электронной почте не принимаются)

Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.
Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarph.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ЮБИЛЕИ

К 85-летию Станислава Куняева

СЕРГЕЙ МИРОНОВ

Председатель партии “Справедливая Россия”

БУДЕМ ВМЕСТЕ СРАЖАТЬСЯ ЗА ПРАВДУ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ!

Хочу искренне и от всей души поздравить замечательного поэта и не менее замечательного многолетнего главного редактора журнала “Наш современник” Станислава Куняева с 85-летним юбилеем. А ещё хочу его поздравить как коллегу-геолога. Геологи – особые люди. Смысл их жизни – поиск. Вот и Станислав Куняев всю жизнь ищет слова и образы для своих стихов (чего стоит его ставшая хрестоматийной строчка: “Добро должно быть с кулаками!”), идеи и мысли для своей яростной и местами спорной публицистики, новые молодые таланты для публикации на страницах журнала. “Справедливая Россия” и редакция “Нашего современника” активно сотрудничают в отборе, оценке и определении лауреатов ежегодной литературной премии “В поисках правды и справедливости”, учреждённой партией для молодых поэтов, прозаиков и публицистов. Многие лауреаты этой премии стали авторами журнала. Сегодня они достойно представляют российскую литературу, являются её надеждой и опорой.

Доброго здоровья, творческого долголетия и новых свершений во всех ваших начинаниях, дорогой Станислав Юрьевич! Будем вместе сражаться за правду и справедливость!

Так держать!

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

Председатель Российского детского фонда

НЕУДОБНЫЙ КУНЯЕВ

Мы знакомы со Стасиком давным-давно. Вернее, это я его знаю с 1967 года, ещё вовсе и не познакомившись с ним лично. Из Новосибирска, куда я уехал из родной Вятки собкором “Комсомольской правды”, меня перевели на работу в Москву, и, отдалённый тысячами вёрст от семьи, я принялся писать первую свою большую повесть “Чистые камушки”. Писал, ни с кем не перемолвляясь даже звуком (и сейчас считаю это неизменным для себя правилом), после работы сидел в большом общем кабинете ЦК комсомола на проезде Серова и, перекусив в буфете, оставался тут до поздней ночи.

Первое, что уверенно, ни минуты не сомневаясь, вывел тогда на первом листке, был эпиграф: “Добро должно быть с кулаками”. Имя автора материализовалось через пару, может быть, лет, но уверенность жёстко построенного утверждения не только вела меня, пока я писал повесть, но ведёт и всю жизнь, во всём, что мне приходилось и приходится одолевать. В общем, эти слова, этот бескомпромиссный приговор, даже – выстрел, – ранит своей точностью всякий раз, когда я не только цитирую, но просто думаю о них.

И как же достойно было познавать, что эта строка абсолютно, без всякого отступа, совпадает с личностью автора.

Станислав Куняев – служащий правде. Я не знаю случая, когда бы Куняев и правда не совпадали. Такое убеждение приходит, говоря откровенно, не сразу. Даже после полудискуссии-полудраки “Классика и мы” в ЦДЛ, которой мне пришлось быть свидетелем и которая вызвала сотрясение основ в “больших домах”, я не пришёл к такому выводу. Да, бойня, да, стычка двух – или даже более – воззрений, но ту сечу за непреклонность истины можно было принять за молодую самоотверженность. Все ждали умиротворения, и кто-то его достиг.

Но не Стасик. Прошли годы, и многое в его жизни для меня оказалось за занавесью. Он был поэтом, стал секретарём Московского союза, сидел в буфетах ЦДЛ, насквозь пропитанных то ли отвагой поэзии, то ли неприкрытым спором о русскости – не мне судить. Тем более, я пошёл обочь, в литературу для юношества, а там позволялось много такого, за что взрослая литература не бралась, к примеру, нравственные метания слёток принимали за возрастное: окрепнут, мол, и успокоятся. А если – напротив...

Но если у литературы про младших были и всемогущие покровители, вроде Сергея Владимировича Михалкова, и разумные управители, как, к примеру, Константин Федотович Пискунов, директор “Детгиза”, приходивший к своему столу из курьеров, то “взрослая” поэзия и проза словно нарочно сталкивались чуть не по понедельно, подогреваемые и остужаемые модной тогда литературной печатью. Станислав Куняев обретался в самом что ни на есть кипящем вареве.

И всегда, когда мы накоротке пересекались с ним, он был готов, мне казалось, немедленно завернуть рукава, скинуть пиджак и броситься с кулаками за правду, которой служил.

И вот он пришёл в “Наш современник”. Одними – возносимый, другими – поливаемый. Перед Стасиком журнал этот стал знаменем русского народа: Сергей Видулов привёл туда целую плеяду – жизнью выдвинутую плеяду истинно русских сыновей: Фёдор Абрамов, Виктор Астафьев, Юрий Бондарев, Сергей Никитин, Василий Белов, Евгений Носов, догонявший их Валентин Распутин.

“Современник” демонстрировал свою преднамеренную, отборную особенность: деревенская жизнь (кроме Ю. Бондарева), народное бытование, всё, что идёт от земли – это и есть русскость.

Оказалось, этого мало. Русскость давно вышла за пределы своего народного бытования, а викуловский, хоть и честный, и верный, но выбор всё-таки ограниченный отсекал всё остальное.

И Стасику пришлось расширять круг мышления.

Помню, что одной из первых, конечно, глобальных, философских, непостижимых и до сих пор не только что не понятных, но и непрочитанных гигантских публикаций стала “Пирамида” Леонида Максимовича Леонова. Она настолько выламывалась из предшествовавших традиций “Современника”, что её и печатали-то как бы отдельно, вроде приложения к журналу. Может, и в самом деле – “Пирамида” есть приложение ко всей отечественной словесности, как предположение грядущего, пролог к чему-то не ясному пока для нас? И, может, не нам осмыслять это так непросито написанное пророчество?

А далее “Наш современник” Куняева в советничестве с Вадимом Кожиновым смело ввёл ранее приглушённую, щемящую ноту – русскую классику, признаваемую “второстепенной” во лета оны, но вдруг оказавшуюся более чем первостепенной: например, Тютчева. Аристократ, выросший и состоявшийся на Западе, Фёдор Иванович оказался русским патриотом такого неподкупного свойства, что это-то и следовало всячески возносить – не как серию литературоведческих разборов, а как развитие его философом, состоящих-то порой всего из одной строчки. Если бы мы хотели не просто сами жить, а продолжать начатые в советские поры деяния в защиту русскости, её утверждение и новое назначение.

В разных форматах, на разном уровне, в дни новых страданий и старых предательств, “Наш современник”, переплавляя в новые ценности старые девизы, сохранял подлинность правды.

Куняев, даже ценной собственной поэзии, был первым, как всегда, был закопёрщиком в отыскании неудобной правды. Его книги публицистики,

напечатанные сначала в журнале, а потом и томами, циклами томов, будто бы торопясь к какому-то новому берегу, устанавливали иные связи между нами и классикой, жёстко разбирая “исторические” измышления и разного свойства ложь.

Мне кажется, “Наш современник” советских лет как-то отплывал в сторону, назад, его авторы, сделав безмерно важное, сказав о том, что было забыто или извращено, теперь уступают анализу того, что будет. И здесь весь неподкупный образ главного редактора, вся его отвага определяют правдивость и честность русских страданий первой четверти двадцать первого века. А правда, как ведомо, всегда неудобна, как неудобна бескомпромиссность личности Станислава Куняева.

В “Нашем современнике” – смелая поэзия, отважная публицистика, надёжная проза. И всё это обретено разумом, верностью и отвагой его главного редактора.

Я не раз говорил ему: “Почему журнал называется “Наш современник”? Ну ладно, в советское время “наш” к нему подходило. Но сейчас-то! Может, пора нескромно вспомнить Некрасова и вернуть старое и вовсе не скромное название “Современник”?”

Стасик пока усмехается и отшучивается. Но то, что сделал для журнала он сам, ничуть не меньше трудов Некрасова. Правда, говорят, Некрасову в карты везло. А сейчас с кем играть?

СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ

ЕСТЬ МЕСТО ИМ В СНЕГАХ РОССИИ...

На стене – портрет Пушкина. Станислав Юрьевич Куняев рассказывает, что переписал бы “Клеветникам России”, заменив “поля” на “снега”, и жадно затягивается сигаретой.

И декламирует: “Есть место им в снегах России...”

И чего здесь больше – крепкого неприятия недругов или страсти к чистому родному снегу?

Можно пошутить: всё дело в том, что его Россия – это поля под сугробами и метелью. Агент русского холода, он жаждет Россию подморозить.

Впрочем, это же его красивое стихотворение “Увидеть Родину весной...” И точнее будет сказать иначе: он тот, для кого почвенничество – не умственная конструкция, а живая сопричастность природе со всеми её оттенками и перепадами, с чернозёмом и глиной, излучинами рек, комарами и костяникой. Это и есть его русский путь. Природа, которая учит сострадать народу. Народ, который учит слышать природу.

Станислава Юрьевича клеймили столько, что живого места не оставили, – сплошное клеймо.

И по той же логике, чудовища они все, пригретые его журналом: скульптор Клыков, композитор Свиридов, художник Глазунов, артист Бурляев, историк Кожинов, поэт Кузнецов... Да-да, все-все! Распутин, Белов, Солоухин, Бондарев, Балашов, Тряпкин...

А на самом-то деле – яркие творцы, каждый со своим даром. Знаковые имена русской жизни. И никуда не денешься...

Он лих и крут? А сколько его терзали! Достаточно почитать постсоветский фэйсбук, где наши интеллигентнейшие западники (особенно старой закалки) устраивают адские партсобрания и, коллективно матерясь, желают сдохнуть всякому отступившему от “генеральной линии”. Как кошмарно далеко всё это от свободы слова и мысли!

Полагаю, что таков был “случай Куняева”. Высунулся, решил поспорить, начали унижать, топтать, задели самолюбие русского мужика, стал отвечать грубее и резче. Он и сейчас даже в дружеской беседе ловит каждый вопрос, как подранок. Слушает наострѣнным ухом. Я был рад провести с Куняевым большую беседу.

Восемьдесят пять. Ясный ум и, может, потому что я говорил с ним доброжелательно и искренне, отсутствие готовых ответов. Нет приговоров ни революции, ни вообще двадцатому веку. Но есть глубинная преданность Родине, сопричастность её трагической и великой судьбе. И это главное и во всех его книгах, и в стихах. . .

Голос с жёсткими интонациями, но не обличителя. Медь голоса, которым декламируют. У Куняева очевидная привычка с влюблённым нажимом читать стихи — свои и чужие, близких и дальних. . . Помногу, по памяти.

Он совсем не случайно признаётся, что все его идеи идут от сердца, от чувств, от переживаний. . .

Он предпочитает ответы в виде собственных стихов, и если давать наш разговор целиком, получится внушительная подборка. Говорили почти четыре часа, поэтому хватает даже на сборник.

Голос твёрд, а взгляд уплывает вместе с водами вологодской Мегры, где по-прежнему рыбачит.

— Вы еще и курите?

— Да нет, это я сейчас. . . про поэзию заговорили. . . адреналин!

Он мягко улыбается, моргает сквозь очки, делает новую жадную затяжку, замолкает, выживая из памяти чью-то строку (неважно: свою или нет), и декламирует возвышенным медным голосом.

— Ночь уже! Расходитесь! Эх, надымил! — в кабинет заходит бородатый мужичок, тоже в очках, но скреплённых изолентой.

— Мой Савельич, — смущённо смеётся Куняев. — Я если сил наберусь, хочу на войну поехать, в Донецк, там почитаю. . .

Отвечаю:

— Это можно устроить.

Савельич за спиной своего Петруши машет руками, живописно корчит физиономии, и вся тревога понятна: не надо ему, старому, никуда, не то здоровье. . .

Выходим во двор, в темноту, под снег, лобзаемся с Куняевым троекратно, и на миг кажется — не в центре города, а посреди чистого поля.

Они садятся в потрепанный “Жигулёнок”, Савельич заводит мотор, и пропадают в метели.

Станислав Юрьевич, сил, радости, побед! Новых стихов!

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

председатель Союза писателей России

КАКИЕ НАШИ ГОДЫ!

Дорогой Станислав!

Вот ты стал ещё богаче и сильнее. Конечно, не капиталом. Это как-то русским писателям не дано. А опытом, духом, литературой, культурой, нашей историей, верой в конечную Победу России. Я уже не говорю о твоих успешных рыбных победах в северных реках страны, что позволяет многим соотечественникам поставить вопрос о новом министре рыбной промышленности, который наконец-то решит в стране проблему доступности рыбы простым людям.

Но ты же не можешь разорваться: надо литературой заниматься, культурой, журналом. . .

Я всегда называл “Наш современник” стратегическим журналом русских писателей, где есть место и молодёжи, и уже зрелым талантам, где вырабатывается дух и стиль современной литературы.

Имена Белова и Распутина служили духовными маяками для современников, они собирали русский народ, вдохновляли его. . .

А сколько стихов и песен “вышло из шинели” “Нашего современника”. Это они меня побудили написать и представить в сентябрьском номере вашего журнала большой очерк о нашей песне, единящей людей, укрепляющей дух

нации. Я думаю, что духовные силы авторов “Нашего современника” помогут России преодолеть все испытания.

Дорогой Станислав, дорогой Стасик, все мы благодарим тебя за ту работу, за те усилия, которые ты проявил и проявляешь в нашей литературе. Твори, дерись.

Будь здоров и силен.

Добра, крепости духа, терпения и веры.

Спасибо тебе.

Твой давний друг и сотоварищ,

В. Н. Ганичев.

P. S. Помнишь, мы отмечали 90-летие Сергея Михалкова, где он, слегка заикаясь, сказал: “Вот когда отмечали мне 85 лет, все говорили: “Здóрово, давай до 90”. Глупо было бы обещать, а дожил умно!”

Давай умно жить и дальше.

Какие наши годы!

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

ЕРБОГАЧЁН

Двадцати пяти лет от роду Станислав Юрьевич Куняев закончил филологический факультет Московского университета и уехал на три года в Тайшет Иркутской области работать в районной газете.

Такие решения ниоткуда не берутся. Люди делятся на тех, кто едет “от”, и тех, кто едет “к” или “за”. Как правило те, кто едет “от”, в конце концов уезжают “за”. От “преследования” властей и всех вариантов “непонимания современников” просто за границу... страны или совести – неважно. А кто едет “к” – тот едет к земле и людям – за силой.

Будучи, по его же словам, уже поэтом, но ещё “университетского значения”, Станислав Юрьевич поехал в Сибирь, безошибочно чуя её силу. Русский писатель всегда стремился отшлифовать, выточить до зеркального блеска в трудной стихии, где ещё рубцуются смыслы, и, очарованный простым трудовым народом, причаститься его силы. Вспомним “Казakov” Толстого. Вспомним наших писателей-первопроходцев – Арсеньева, Шишкова, Федосеева...

Сибирская земля обладает удивительным свойством, всё в ней доведено до предела, всё – сам концентрат. Если мороз – то мороз, жара – то жара. Всё в ней плотнее, особенно время. И человек, попавший в её оборот, живёт с удвоенной силой и скоростью, проходит семимильно за год то, что в нашей тёплой размеренной Расеюшке за семь лет проживёшь. Всем известно: морозы калят, расстояния ширят плечи, но ещё больше калят и окрыляют люди, которые среди разреженности населения, привязке его к реке, становятся огромней, тысячевёрстно продлеваясь по Енисею, Тунгускам, Амуру.

Самолёт пожирает пространство...

Час. Другой. Не видать ни зги,

ни деревни, ни государства,

ни огня — бесконечное царство

бездорожья, тайги и пурги.

За четыреста лет русский первопроходец отворил путь и насытил сибирскую землю огромным числом чутких к силе переселенцев. Открывшись небывальными талантами к героическому труду, они сумели заложить-наработать такие пласты охотничьей, золотопромысловой, просто крестьянской традиции, что для писателя дражайшим счастьем стало и наградой – пройти с лотком по хрустальным ключам, намыть бесценного золота.

“Суровая зимняя сибирская жизнь в течение трёх лет спасла меня как человека, как гражданина и как поэта”, – скажет писатель многие годы спустя. Сибирь ускорила духовное становление и подарила России нечестный нынче пример человека, с молодых лет ощутившего в себе дар защитника, твёрдо вставшего на этот путь и никогда не изменявшего выбранному тракту, как бы морозно ни глядели звёзды сквозь голые кроны лиственней. А как точно он понял Сибирь! Что в стуже спасение. Что “снег и холод препятствует гнили”. Иначе бы не посоветовал: “Когда не хватает тепла – люби леденящую вьюгу”.

Как зверовой пёс восточно-сибирской лайки раз за разом затравливается на сохатого и медведя, так истинный поэт “затравливается” на всё настоящее, исконное, без чего уже сам не сможет. “А как же я? Как же проживу без этого? Когда сухой звенкийской осенью польётся светлым дождём лиственничная хвоя, и не моё лицо будут щекотать её мягкие иглы – усну ли я на городском своём ложе? И кто-то будет мёрзнуть у ног, а я нет? Или, как у Куваева: “Так почему же вас не было на тех тракторных санях и не ваше лицо обжигал морозный февральский ветер, читатель?” Да не посмеют мне так сказать!”

Из писем Вячеслава Шугаева С. Ю. Куняеву: “. . . Представь, что будут ещё утиные перелёты, лиственничная хвоя будет осыпаться в лывы, и Добролёт ещё стоит. Мир не так уж плох, как нам бы хотелось. Собираюсь на День оленевода в Ербогачён, в конце марта. Может быть, вырвешься? Какая-то неделя. Столько их уходит просто так – в дым, в чад, в смрад. Конечно, и в Ербогачёне всё просто так и всё-таки всё по-другому.

Олени, солнце, белейший снег, тихие белые излучины, строганина среди хороших и естественных людей. А? По-моему, просто необходимо это сделать. Обнимаю и жду. В. Шугаев”.

Годы спустя, отвечает Станислав Юрьевич: “Нет, наверное, более счастливых минут в жизни, чем те, в которые, осторожно разводя руками чёрные лапы елей и красные ветви черемухи, ты крадешься по запорошенной снегом траве к заветному можжевельниковому кусту, куда только что со сладостным для сердца трепетом крыльев, сбивая снег с рябиновых веток, сел вырвавшийся у тебя из-под ног рябчик”.

Ербогачён – село на самом севере Иркутской области. Центр Катангского района. Основан в 1860 году. По-эвенкийски *нербэкэ* означает холм, поросший сосновым бором. Поселение расположено на правом берегу Нижней Тунгуски, Угрюм-реки. В Ербогачёне стоит музей В. Я. Шишкова. Годы спустя после Тайшетской эпопеи в Ербогачён приезжал на охоту Станислав Юрьевич Куняев вместе с Вячеславом Максимовичем Шугаевым, жившим в ту пору в Иркутске.

Были костры, запах лиственничного дыма и луч закатного солнца на золотистых соснах *нербэкэ*. Были разговоры в зимовье. Были люди – такие, как Степан Романыч, который плоты гонял с Ербогачёна в Туруханск на Енисей за две тысячи вёрст! Вязал их размоченными молодыми ёлочками – в обруча, которые, подсохнув, брали баланы намертво и не хуже металла. И не ради приобщения к “традиционному образу жизни”, а жись такая была – развёрстка тридцать первого года. Через судьбы таких Романычей баланс за балансом и собирается в плот Русская судьба.

А есть ещё и Горный Алтай. . .

*От голубого огня
плавилась тёмная дали...
Сколько прозрений меня
в эти часы окружали!
И уплывали к утру...
Думаю,
что и поныне
кружат они на ветру
где-нибудь в Чуйской долине.*

Кружат. Правда. И в Курайской степи, и над Чике-Таманом. Сколько ни прочитаешь прекрасных строк о России, пока сам не пройдёшь, не испытаешь на себе её ветра – не станут по-настоящему родными, не войдут в плоть и кровь эти края. Тогда и сами места, и строки о них в такой сплав сольются, что мураши по спине поползут. Пожизненные. Как сейчас. . .

А ведь есть ещё и Дальний Восток.

*Одну и другую неделю
не видно воздушных путей,
и ты предаешься безделью
среди работающих людей.
В часы предрассветных прогулок
идёшь поглядеть на прилив,
покуришь и бросишь окурочек
в холодный Курильский залив.
Ну что ж, ты дошёл до предела,
а значит, приблизился срок —
душа для работы созрела,
пора раздуть огоньёк.*

О чём эти мысли? Этот канонический для русского поэта поворот мужской судьбы? Сейчас поймём.

*Я научился засыпать в седле,
рассчитывать опасное движение,
не торопясь угадывать во мгле
ведущее к ночлегу направление.
Я вовремя почувствую беду,
страх одолею и отпряну в страхе,
а если где-то кожу обдеру,
все заживает, словно на собаке.
Я рад, что тело на краю земли
все испытанья выдержало с честью.
Окрепил ноги, руки обросли
какой-то золотистой шерстью.
Как изменилось тело! Но душа
не может быть иной, хоть лезь из кожи.
Она во власти суеверной дрожи
в ночной простор глядит, едва дыша.
Не замечая быстротечных дней,
она живёт иными временами,
и будущее властвует над ней,
и прошлое преследует тенями.
Нет-нет услышу: с милыми людьми
(на что ей эти реки, эти горы!)
она ведёт немые разговоры,
глядит в слезах в родимые просторы,
в другие ночи и другие дни.*

Так вот зачем дарована очарованному страннику эта даль, этот ветер, этот богоданный Ербогачён... Чтобы замереть по-над Тихим океаном, Катунью или Угрюм-рекой (уже и неважно) и, поражённому красотой мира, услышать, наконец, голос собственной души, заглушённый городским шумом, раскрыть совесть, освободить память — и свою, и предков — и понять, что они едины. И защитить. И сказать, спустя жизнь: “Я-то знаю твоё объятие, // я тобой навсегда обречён, // ты стоишь надо мной, как заклятье, // мой пожизненный Ербогачён!” Сколько таких Ербогачёнов, Кайерканов, Суриндаконов и Магдагачей навсегда овладевали молодыми русскими душами, и какая могучая в этом преемственность...

“Что ж, пора приниматься за дело, // за старинное дело своё”.

Пора. Но теперь моя закалённая Ербогачёном душа, узнавшая себя, уже настолько сильна, что никакой город не заглушит её голос шумами своими, никакой умник не сойдёт с пути речами, и будет она верна себе во граде, веси или острове — хоть где.

Низкий поклон Вам, дорогой Станислав Юрьевич, от писателей Красноярья и многая лета! Ербогачён Вас слышит! И ждёт.

Красноярский край

АНДРЕЙ УБОГИЙ

ЧЕМПИОН ПО “ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ МНОГОБОРЬЮ”

Прежде всего, поражает его разносторонность, при том, что в любом из своих воплощений, в любой из ролей, в любой ситуации жизни Станислав Юрьевич Куняев всегда прям, непритворен, открыт и азартен. Вот не такой уж и давний заплыв по Угре – и он, с неизжитым спортивным задором, пускается наперегонки со спутником, который моложе него на тридцать лет. Вот новогоднее застолье в редакции “Нашего современника”, где собираются литераторы со всей страны, и Куняев здесь – настоящий симпозиарх, предводитель шумного пира. Вот больница, где наш юбиляр перенёс три операции сразу – своего рода рекорд! – и где на него с восхищением и изумлением смотрели все медики, от главного хирурга до девочки-санитарки.

А калужский бор в тридцатиградусные морозы – и лыжный куняевский марш-бросок к огромной любимой сосне, вероятной прапаматери всех сосен бора? А огненный полкИ калужских парных – где температура на добрую сотню градусов выше, чем в зимнем бору? Вот в таких перепадах температур – и противоречиях жизни! – существует Станислав Юрьевич Куняев, всегда оставаясь собою самим, удивительным и неповторимым. Кажется, он умудряется жить во все стороны сразу, наступать по всем фронтам бытия, и в этом своём наступлении быть одновременно и солдатом, и генералом.

Многие, думаю, недоумевают: отчего это Куняев, большой русский поэт, многолетний редактор знаменитого журнала, публицист и историк, признанный лидер не просто русской литературы, но и всего современного русского мира, – отчего это он, да ещё достигший возраста патриарха, не просто с молодым упоением рассказывает о своих юношеских победах на стадионах или в былых уличных драках, но и сейчас готов, кажется, плыть по реке, ловить сёмгу в любимой Мегре или даже вступать в рукопашную схватку? Зачем ему, всё и всех победившему, всё и всем давно доказавшему, доселе длить эти молодецкие игры? Что это – кипение жизни, ещё не вполне исчерпавшей себя? Или это лукавство большого ума, нисходящего к нам, собеседникам, чтобы быть нам понятней и ближе?

Мне в легендарной куняевской удали видится смысл, подводящий нас к замыслу о гармоничном человеке. Мечта о таком человеке испокон века сопровождала людей, иногда воплощаясь в реальности. Так античность строила свой идеал человека, который был должен уметь и сражаться, и философствовать, и возлежать на пирах, и побеждать на стадионах. Так в XV веке возник Леонардо, чьё имя стало давно нарицательным, обозначающим исключительную одарённость во всех сферах жизни. Так Шекспир устами Гамлета сказал об одном из своих персонажей: *“Он человек был – в полном смысле слова...”* (И я при этих словах всегда вспоминаю именно о Станиславе Юрьевиче, только с радостью заменяя прошедшее время на настоящее.) Так был Гёте, с одинаковым жаром погружавшийся что в недра “Фауста”, что в науки, что в кипенье практической жизни. Так явился наш Пушкин, о котором его гениальный младший собрат написал, что он, дескать, *русский человек в его развитии, каким он явится через двести лет*. Так появился Чехов с его знаменитой фразой о том, что *“в человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли”*. И всё это – примеры воплощённой мечты человека о себе самом, гармоничном и полноценном. Пожалуй, нет выше задачи, но и нет тяжелее ноши, чем постараться в своей ограниченно-краткой судьбе воплотить эту самую гармоническую полноценность.

И вот, возвращаясь к нашему юбиляру, я порой думаю: а что, если был бы такой вид спортивного многоборья под названием “человек”? То есть в зачёт шли бы все вообще проявления человека, со всеми способностями и достижениями его тела, души, ума, воли, духа в их сложном единстве? И длилось бы состязание это не час и не день, а всю, скажем, жизнь? Так вот, я совершенно уверен, что в таком воображаемом состязании по “человеческому многоборью” наш дорогой Станислав Юрьевич является абсолютным

чемпионом не то что России, а целого мира! Всей своей жизнью, всем ярким, азартным накалом её он показал нам возможность человека как такового, прекрасного и гармоничного, и вот именно это должно наполнять нас, его современников, восхищением и благодарностью.

А теперь простите меня, дорогой Станислав Юрьевич, что я столько наговорил о Вас в третьем лице, и позвольте обратиться к Вам напрямую. Многая лета Вам! Твёрдой руки, ясных мыслей – и радости! Ваш Андрей Убогий.

Калуга

ЮРИЙ КОЗЛОВ

главный редактор журнала “Роман-газета”

“ВАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ! ПОБЕДА БУДЕТ ЗА ВАМИ!”

85 лет – магическая цифра в жизни любого человека. Особенно поэта и особенно в России. К Станиславу Куняеву – большому русскому поэту и многолетнему главному редактору лучшего российского литературного журнала “Наш современник” – вполне применимы строки Тютчева: “Блажен, кто посетил сей мир // В его минуты роковые. // Его призвали всеблагие, // Как собеседника на пир”. От себя лично как почитателя поэтического и публицистического таланта Станислава Юрьевича, а также от редакции дружественного “Нашему современнику” журнала “Роман-газета” хочу пожелать ему как можно дольше оставаться на божественном пиру, пить из чаши бессмертья всеблагих. Тем более, что его талант по-прежнему в силе, гражданская позиция несокрушима, а редакторская рука тверда и мудра. Сразу оговорюсь, что единицей измерения мудрости редактора литературного журнала сегодня является не только качество публикуемых материалов, но и сам факт его существования, а также наличие в нём сотрудников, получающих определённое вознаграждение за свою работу и подвижническую преданность литературному делу. В 85 лет Станислав Куняев не превратился в почивающего на лаврах патриарха. Он молод душой, его энергии и ясности мысли завидуют молодые (и не очень) собратья по перу. Станислав Куняев – живая энциклопедия русской литературы нового времени, его опыт близкого – творческого, духовного и товарищеского общения с её столпами – Распутиным, Беловым, Бондаревым, Кузнецовым, Кожинным, Лобановым и многими другими писателями бесценен и уникален. Долгих и плодотворных лет жизни Вам и “Нашему современнику”, уважаемый Станислав Юрьевич. Ваше дело правое! Победа будет за вами!

РОМАН СЕНЧИН

ГОРЯЧИЙ ЧЕЛОВЕК

Почему-то повелось считать шестидесятниками так называемых “западников”, “либералов”, “эстрадников”. Но и “деревенщики” (термин этот давно утратил свою иронически-пренебрежительную окраску), “тихие лирики” тоже вышли из того мгновения отечественной истории, которое получило название “оттепель”.

У многих из них – и тех, и других – была общая юность, литературные, художественные студии, их объединяла романтика великих строек, плаваний

по северным морям, геологические партии... Это были очень горячие, эмоциональные люди, и эта эмоциональность не оставляет их всю жизнь, горит в них и в преклонном возрасте. Пусть вскоре после окончания “оттепели” они разошлись, оказались на разных полюсах, но складом характеров, категоричностью в отстаивании своих убеждений всё же оставались близки.

Один из таких горячих людей – Станислав Юрьевич Куняев.

Кажется, впервые я узнал имя Станислава Куняева лет в одиннадцать. Прочитал в “Литературной газете” его статью от “Великого до смешного”. Уже тогда я был поклонником Владимира Высоцкого, хотя слышал к тому времени – это был 1982 год – едва ли десятую часть песен Высоцкого, видел всего несколько фильмов.

Статья Куняева меня не возмутила (как многих), хотя в ней о Высоцком говорилось нелицеприятно, а вызвала интерес и нечто вроде благодарности. Кажется, это были первые строки, которые я о Высоцком прочитал в печати. Хотя благодарность соперничала с желанием задать автору вопросы, попытаться поспорить об оценке некоторых песен, которые Станислав Куняев критиковал, и я их уже знал.

С тех пор я читаю всё, что мне встречается за подписями “Станислав Куняев”, “Ст. Куняев”, и всегда возникает потребность обговорить статью, очерк, воспоминание... Познакомившись (а это произошло в 1997 году), мы несколько раз дискутировали или за рюмочкой, или без, иногда на ходу, встретившись на улице в огромной, но каким-то магнитом упорно сталкивающей некоторых людей друг с другом Москве. И Станислав Юрьевич, такой непримиримый в своих текстах, оказывался в разговорах всегда хоть и эмоциональным, но сдержанным, вооружённым крепкими доводами соперником.

Вообще одно из поразительнейших качеств Станислава Юрьевича – он знает наизусть множество стихотворений тех, кого считает своими противниками, о ком пишет порой беспощадные строки. Победить в споре Куняева, как я убедился, практически невозможно. Наверняка легче поругаться, разорвать отношения, сделать вид, что его просто нет, что многие и делали.

Сегодня известностью пользуются публицистические книги Станислава Юрьевича, его воспоминания. Кто-то их восславляет, кто-то – поносит последними словами. К сожалению, о Куняеве-поэте вспоминают теперь редко. А ведь он, в первую очередь, поэт, и весь жар его произведений других родов литературы объясняется этим. Поэты холоднокровными быть не могут, чем бы ни занимались.

В домашней библиотеке моих родителей была полочка книг поэтов 60–70-х годов. В основном тоненькие, потрепанные, в мягких обложках сборники. Рядом и Соколов, и Слуцкий, и Шаламов, и Евтушенко, и Куняев, и Вознесенский, и Рубцов, и Жигулин...

Из стихотворений Станислава Юрьевича мне первым запомнилось не “Добро должно быть с кулаками”, которого, скорее всего, и не было в тех его сборниках в нашей библиотеке, а вот это, поразившее меня, подростка, с первого прочтения:

*Реставрировать церкви не надо –
пусть стоят как свидетели дней,
как вместилища тары и смрада
в наготе и в разрухе своей.
Пусть ветшают...
Недаром с веками
в средиземноморской стороне
белый мрамор — античные камни, —
что ни век, возрастает в цене.
Штукатурка. Покраска. Побелка.
Подмалёвка ободранных стен.
Совершилась житейская сделка
между взглядами разных систем.
Для чего? Чтoб заезжим туристам
не смущал любознательный взор
в стольном граде иль во поле чистом
обезглавленный тёмный собор?*

*Всё равно на просторах раздольных
ни единый из них не поймёт,
что за песню в пустых колокольнях
русский ветер угрюмо поёт!*

Не знаю, может, советских цензоров ввёл в заблуждение этот лежащий на поверхности призыв не реставрировать церкви, а может, были в издательстве сотрудники, разделяющие идею стихотворения. Но так или иначе, оно было особенным в те времена, неожиданным и в то же время закономерным.

Обо всей России говорить не могу, но у нас, на юге Красноярского края, в 70-е – начале 80-х стояло много заброшенных, полуразрушенных, непригодных и под склады церквей. Их разрушало в те годы уже не государство, а те люди из народа, “крепкие мужики”, о каких написал в одноимённом рассказе Василий Макарович Шукшин.

Стихотворение, судя по дате под ним, было написано в 1975-м. Тогда в атеистическом советском обществе началось движение за сохранение старины. Некоторые церкви стали потихоньку восстанавливать. Те, что представляли пресловутую “историческую ценность”, о чем опять же писал Шукшин в рассказе “Мастер”.

Протест против этой лицемерной, лживой, без души заботы о старине наверняка и заставил написать Станислава Куняева такое тяжёлое, но честное произведение.

...Лично с автором стихотворения я познакомился вскоре после того, как стал учиться в Литературном институте. Я предложил в журнал “Наш современник”, главным редактором которого является Станислав Юрьевич, свой рассказ “Прогноз погоды”, написанный после трёх лет жизни в сибирской деревне. Благодарен, что рассказ был принят, опубликован. С тех пор я автор “Нашего современника” и соратник Станислава Юрьевича, а случается, оппонент.

Теперь я живу не в Москве, редко бываю в редакции “Нашего современника”, и мне не хватает этого умного, горячего человека. Но выходят его статьи, очерки, как всегда, вызывающие волнение и желание поговорить, обсудить, отозваться... Здоровья Вам, Станислав Юрьевич, энергии и сил! Шевелите нас, сонных и вялых, жгите глаголом.

Екатеринбург

ВЛАДИМИР КРУПИН

“ИНО ЕЩЁ ПОБРЕДЁМ...”

Станислав Юрьевич, я столько о тебе писал, и всегда с радостью. Тянулся за тобой, и всегда безуспешно, в рифмовке, например. Писал “Поэму странствий” Байкальского меридиана: “Поэма странствия, она Куняеву посвящена”.

А уж на тему рыбалки! Обидно же мне, что лучшее, что написано о Куняеве-рыбаке, написано мною, совсем не рыбаком. Вот зачем ты не захотел печатать мою махонькую повесть “Ловцы человеков”? – “Мне неудобно, это обо мне, в моём журнале, что подумают?”

А что подумают? Вот какой у нас Станислав Юрьевич, и как его лихо Крупин описал. Никто тебе не мешает её и сейчас тиснуть.

Да, братья и сёстры! Станислав Куняев исключителен, единичен и велик в русской прозе и поэзии. Именно так. Более того, скажу, что именно пост главного редактора и его публицистика заслоняет от читателей его высокую поэзию, удивительную прозу. Только что паки и паки читал его рассказы о Степане Фаркове. О! И ещё раз “О”! Дал безсмертие русскому человеку, воину, страдальцу, тому великому русскому характеру, на котором выжила и выживет Русь.

А взяты стихи. Да что! Этот мальчишка в шинели в церкви в снежный вечер в Калуге. Или: кто теперь вспомнит, что “Дети Арбата” – это чей-то роман. Да это же стихи Куняева. Тут уж “на грузинское имя не спишешь”.

Станислав Юрьевич, сколько врагов из-за тебя зубные протезы носят – зубы о тебя сломали. Жалко дураков. Ну, признайтесь, что Куняев лучший русский поэт современности (из ныне живущих мужчин, из женщин – Сырнева), лучший редактор, а что публицист лучший, так почитайте его работы о поляках, Холокосте, Серебряном веке, шестидесятниках. Читали же! И всё не успокойтесь? Странно. Я думал, вы умнее.

Ну вот, брат во Христе Стахий, отъюбилеим и “ино ещё побредём”.

СЕРГЕЙ ДОНБАЙ

ПО СЕБЕ ЗНАЮ СИЛУ ВАШЕЙ ПОДДЕРЖКИ

Дорогой и глубокоуважаемый Станислав Юрьевич!

Писатели Кузбасса, которые являются читателями-подписчиками журнала “Наш современник” – всенародного русского журнала, возглавляемого Вами, от души поздравляют Вас с достойным 85-летним юбилеем!

По себе знаю силу Вашей поддержки. Предисловие к моей книге стихотворений “Посредине России”, написанное Станиславом Юрьевичем Куняевым несколько лет назад, до сих пор помогает мне чувствовать себя в строю русской литературы.

Помогающую силу Вашего слова ощутили и мои друзья, поэты Кемерово: Николай Колмогоров, Борис Бурмистров, Любовь Никонова. Такую поддержку всегда ждали, получали и получают от Вас талантливые поэты и прозаики бескрайней русской провинции.

Силу Вашего убеждения, дорогой Станислав Юрьевич, чувствуют читатели журнала и книг, в них поэты Серебряного века и поэты советского времени предстают часто в новом свете. Навсегда запомнились мне выстраданные жизнью, пророческие строки, прочитанные Куняевым со сцены филармонии в Кемерово:

*Мы павших своих не считали,
Мы кровную месть не блюли,
И, может, поэтому стали
Последней надеждой земли.*

Дорогой юбиляр! Да хранит Вас Бог.

Кемерово

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

ВОИН

Со Ст. Ю. Куняевым я познакомился у В. В. Кожина в 1980 году. Тот и другой заинтересовались моей тогда ещё не опубликованной статьёй о Пушкине, оценили её, и Станислав Юрьевич пригласил меня к себе домой.

Он тогда только приехал с Севера, куда регулярно ездил на рыбалку. Жена Ст. Ю. Галина пригласила нас к столу, где главной закуской была сёмга собственного улова и посола. К сёмге хозяин дома поставил графинчик неразведённого спирта. Разливая в рюмки, спросил: “Тебе разбавить водой?” Я ответил: “Нет, привык водой запивать”, – чем, мне кажется, повысил, как сегодня принято говорить, рейтинг доверия.

Мы говорили об обстановке в стране, о восточной философии, к которой он относился в ту пору, скажем так, сдержанно. Ему больше нравились мои патриотически активные стихи. В нём, безусловно, жил человек глубоко православный, причём воин. Таким воином он остался и до наших дней, и годы никак не повлияли на его мощный гражданский темперамент. Читаю его только что написанные статьи и вижу, насколько молод он по духу и сегодня, когда ему исполняется 85. Его православие, как и у Кожинова, на мой взгляд, было основано не только на религиозном чувстве, но, прежде всего, на идеях патриотизма и защиты русской культуры во всех её видах от посягательств тех, кто её искажает и разрушает.

Я внимательно слежу за тем, что пишет Ст. Ю. Куняев, высоко ценю его и как поэта, и как автора замечательных статей и книг. Недавно прочёл его исследование о Серебряном веке. Свой отклик я изложил в письме ему, которое было опубликовано в самом любимом моём журнале “Наш современник”. Мне очень близка позиция Ст. Ю. Куняева по большинству вопросов, волнующих сегодня всех патриотически настроенных людей.

Считаю Станислава Куняева фигурой ничуть не меньшей, чем покойный Вадим Кожин и здравствующий Александр Проханов, столь же крупным лицом в истории движения русской мысли, в литературе, политике, охране наших национальных начал, как и они. Журнал “Наш современник”, возглавляемый им уже больше, чем четверть века, сделал для русской литературы столько, сколько не сделал ни один литературный журнал страны. Не буду перечислять (это лучше меня сделали другие авторы) все блистательные фигуры в нашей прозе, поэзии, публицистике, литературной критике, которые были представлены на страницах журнала. Сколько новых талантливых имён нашей словесности было открыто именно этим изданием! А как ждут очередного номера журнала в культурной провинции патриотически настроенные читатели! Сам это видел в Сибири и на Алтае. Но, может быть, самое главное – “Наш современник” вместе с газетой “Завтра” отстаивали русский путь и сумели повлиять на курс нашего государственного корабля, повернув его траекторию в правильном направлении. Может быть, это неочевидно для неопытного читателя, но я убеждён, что дело обстоит именно так. Потому здесь публикуются не просто литераторы, но и серьёзные государственные люди, наша патриотическая элита – Дмитрий Олегович Рогозин, Николай Иванович Рыжков, Сергей Иванович Бабурин, Юлий Александрович Квицинский, Наталья Алексеевна Нарочницкая. Не помню, чтобы хоть в одном либеральном литературном журнале печатались бы политики такого калибра. Но разве могло бы это состояться без такого мощного магнита крупного русского поэта, критика, публициста, мемуариста и организатора литературного процесса, как Станислав Юрьевич Куняев?!

Не могу не выразить благодарность Станиславу Юрьевичу за то, что именно “Наш современник” опубликовал множество моих стихотворений и статей и поддержал меня в трудные моменты моей жизни, когда меня по идеологическим соображениям нигде не печатали. Некоторое признание, которое получили мои стихи и публицистика в последние годы, – огромная заслуга “Нашего современника”.

Многая лета, дорогой Станислав Юрьевич! Поздравляю Вас с этой некруглой, но весьма почтенной датой! Сам почти два года назад прошёл через такой же юбилей и понимаю, как непросто сражаться за страну в таком возрасте. Держитесь, страна нуждается в таких людях, как Вы!

Новосибирск

ВИКТОР БРЮХОВЕЦКИЙ

МЛЕЧНАЯ МЕЛЬНИЦА

* * *

Восходит солнце, на бугре садится,
Откидывает жаркую полу,
И золотым лучом, как тонкой спицей,
Проводит по оконному стеклу.

И в тот же миг окно течёт росой,
И мне уже не спится. Не до сна!
Я половицу шупаю босою
Ногой, и половица холодна.

Крыльцо дымится утренней влагой,
Озноб, входя неслышно под ребро,
И дрожью, и весёлою отвагой
Переполняет детское нутро.

А дом уже живёт, шумит и дышит.
Коня в оглобли пятят, ехать чтоб,
И, встряхивая шаль, на влажной крыше
Урчит сизарь и раздувает зоб.

Летит солома, взрытая щенками,
Отец седёлку на коня кладёт,
И кто-то осторожными руками
Меня берёт и через жизнь ведёт.

БРЮХОВЕЦКИЙ Виктор Васильевич — известный русский поэт, автор нескольких стихотворных книг. Живет в поселке Кузьмолово Ленинградской области.

* * *

По лезвию калёной стали
Стекла роса, и рассвело,
И кони у колоды встали
И задышали тяжело.
А на поляне, под берёзой,
В рассветной дымке голубой,
Задёрганный колхозной прозой,
С отвисшей мокрою губой
Стоял Гнедко. Не шевелился.
Один. Понур. Мослы... бока...
Казалось, он сюда явился
Из бронзы и стоит века,
Как памятник суровый быту,
Тоске, налитой по края,
Уздечке старенькой, копыту,
Косматым лентам из репья.

* * *

Вышняя вечная млечная мельница!
Что в ней качается, вертится, мелется?
В мельницу эту на звёздный лоток
Время течёт,
Вытекает песок.

К мельнице этой в начале погони
Я подошёл и подставил ладони:
— Жернов вселенский, кружись, не крошись!..
И натекло мне на целую жизнь.

С тем и пошёл я по жизни, сгорая,
Данное мне по крупнице теряя.
Кончилось поле, иду за межу,
Чуя ладонями, что ухожу.

ВСТРЕЧАЙ МЕНЯ, БАТЫЙ...

Который год сюда не дуют злые ветры,
Сюда идут стада — не воинская рать.
От Бийска до степей монгольских километры,
От сердца моего — всего рукой подать.

Я в горы поднимусь, я опущусь в долину,
Костёр поможет мне увидеть сотни лиц.
— Встречай меня, Батый! Я тоже ем конину,
И так же пью кумыс алтайских кобылиц.

Мы больше не враги, союз наш крепко смочен
Кровавою слезой близ русских берегов.
Мой узкий глаз остёр, но ножик мой заточен
Для мирного труда, не более того.

Семь прожитых веков для вечности ничто ведь,
Они ушли за край, распались в темноте.
Нам нечего делить, нам незачем злословить,
Земля уже не та, и мы с тобой не те.

Отстроена Рязань — не сдвинешь, не уронишь...
И нынче у шатра, где ем твоё и пью,
Я знаю: коль усну — ты мой кадык не тронешь,
И если ты уснёшь, тебя я не убью.

* * *

Я молодой поэт. Мне пятьдесят.
Пью молоко и сплю на сеновале.
Держу корову, пару поросят
И улы прячу на зиму в подвале.

А что! А почему бы и не жить!
Ходить в кирзе, промасленной фуфайке,
Рубить венцы, налимов потрошить,
По вечерам играть на балалайке,

Смотреть звезду, внимать иным мирам,
Грызть семечки не хуже маслобойки,
И квасом похмеляться по утрам
После весёлой дружеской попойки.

А иногда чинить карандаши,
Сдувать с тетради слой тяжёлой пыли,
Чтоб мысли о бессмертии души
Мою, ещё живую, не томили.

БАБУШКА

Бабушка в сквере. В пальто и берете.
С бабушкой рядом вязанье в пакете.
В пальцах мелькают тонкие спицы.
Смотрят на бабушку с ветки синицы,
Смотрят, гадают и не понимают:
Что это бабушка часто вздыхает!
Тонкие пальцы... Блестящие спицы...
Ну, до чего ж бестолковые птицы!
Бабушка вяжет для внуков. Заочно.
Бабушка носит посылки на почту.
Бабушка с почты посылок не носит...
Лето прошло, и кончается осень.
В парках повяла, пожухла трава...
Внуку — девятый, а внученьке — два.
Рядом чужие играют дети.
Бабушке зябко в пальто и берете.
Солнце лучами сквозь листья играет.
Бабушка вяжет и думу гадает:
“Может, приедут, внучаток покажут...”
Может, приедут...
И вяжет, и вяжет.

ЮРИЙ УБОГИЙ

ВРЕМЯ ВОКЗАЛА

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Новоафонская пещера так громадна, что не веришь глазам своим — не может быть! А ещё и обустройство сложное смущает и запутывает душу — узкоколейки, вагончики её полуигрушечные, подсветка разнообразная, подвижная, трепетная, музыка возвышенная, но ведь подземная, на волю просящаяся... Толком и не поймёшь, то ли ты в сокровенной глубине природы вдруг оказался, то ли во вполне рукотворной, карнавальной какой-то обстановке... Но в душе среди всей этой сумятицы замрёшь, поражённый, увидев стремящиеся друг к другу сталактит и сталагмит. Сталактит сосулькой огромной свисает с потолка пещеры, с конца его острого капли падают мерно и быстро, попадая на острие сталагмита, растущего снизу, навстречу, со дна пещеры. Целые миллионы лет, может быть, сталактит и сталагмит наращиваются капелью из раствора насыщенного и тем тянутся друг к другу, чтобы встретиться, в конце концов, ещё, возможно, через миллионы лет. И понимание тяги этой взаимной осознаётся, переживается тобой с сочувствием мгновенным. Это ж любви некой первичной набросок в минеральной, мёртвой природе. Да и мёртвой ли?

УБОГИЙ Юрий Васильевич родился в 1940 году в селе Красная Поляна Курской области. Окончил Воронежский медицинский институт и Высшие литературные курсы. Более 20 лет работал психиатром и психотерапевтом. В "Нашем современном" публикуется с 1978 г. Автор 12 книг прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Калуге.

* Продолжение. Начало в №10 за 2014 год, №9 за 2015 год, №11 за 2016 год.

* * *

Габриэль Гарсиа Маркес, автор знаменитого романа “Сто лет одиночества”, Нобелевский лауреат, встретил двенадцатилетнюю девочку Мерседес, когда ему не было тридцати. Влюбился, дождался возраста возможности вступления в брак, женился на ней и прожил всю жизнь. В конце жизни страдал полной потерей памяти (болезнь Альцгеймера) и узнавал только её. Она и приходила ежедневно в клинику с утра, садилась на видное ему место и сидела с вязаньем там весь день, уходя домой на ночь. И так годы целые. Как грустно завершение этой любви и как прекрасно!

* * *

Девочка лет десяти еле-еле по асфальту бредёт на роликовых коньках, растопырив для равновесия руки. Потом с асфальта на травку перебирается, по ней шагает гораздо увереннее... Вспомнилось, как я впервые на коньки встал — в комнате, где мы жили. Долго ходил, пошатываясь, из угла в угол, истинный восторг испытывая при этом, — я на коньках! Какая же сила воображения быть должна, чтобы такой прогулкой восторгаться?! Разве что любовь на подобное способна, делая красавицу из дурнушки...

Коньки в нашей ребячьей жизни занимали третье место после лыж и велосипеда. С горок, а то и с целых гор обледенелых мы на них “гоняли”, за задние борта грузовиков цеплялись проволочными крючками, проезжали “на прицепе” сколько могли, по первому льду, трещащему и прогибающемуся, проскакивали на речке с берега на берег. Я сквозь лёд и провалился однажды, хорошо, на неглубоком, по грудь, месте. Помню удивление, с которым бежал домой — было гораздо теплее, чем должно было бы быть. И второе удивление помню — матушка не ругала меня, а хлопотала вокруг с причитанием. Догадался, что это от испуга, — утонуть ведь мог...

В первую студенческую зиму пошёл на каток впервые, взял напрокат коньки с ботинками и жестокое разочарование испытал. Ботинки не валенки, к которым мы в детстве коньки привязывали накрепко. Коньки с ботинками вихлялись с непривычки, голеностоп начинал болеть через несколько минут, и приходилось на снег выходить, стоять, отдыхая.

А каток был хорош — девушки, огоньки мигающие, разноцветные, музыка... Одну песенку до сих пор помню: “Догони, догони!” — ты лукаво кричишь мне в ответ...” Хорош был каток, но больше на него я так и не пришёл. Стыдно было вновь учиться катанию на коньках после своих детских подвигов...

* * *

Каждому, конечно, выпадают ночи особенно тяжкие и одинокие. В болезни, в горе большом, неизбежном. Вот в такие ночи, как в окопах, атеистов, скорей всего, нет...

* * *

“Если есть “Троица” Рублёва, значит, есть Бог”. Флоренский. Сказал это не художник, в искусство своё погружённый, а математик, физик, экспериментатор, богослов... И ведь веришь сказанному как-то мгновенно, до размышления ещё, лишь вспомнив “Троицу” и, тем более, глядя на неё. А потому, что свет от неё исходит Божественный, гармония, покой... Не мог человек лишь сам по себе, один такое создать. Боговдохновенная она, “Троица”, что и понимаешь с полной очевидностью.

* * *

Какая двойственность огромная в слове “никогда”. Удивительное слово, относящееся то ко всему плохому, то ко всему хорошему. “Никогда больше не будет так больно и одиноко”, — одно и “Никогда больше не встретиться нам” — совсем, совсем другое.

И второе действует гораздо сильнее. “Никогда не встретиться...” А в мире ином? Надеяться лишь можно робко...

* * *

Узнал недавно, что по понятиям католиков душа человека, в ад попавшая, остаётся там навсегда, а у православных есть надежда и возможность освободить её оттуда, вымолив близкими, болеющими о ней людьми. Разница огромная, и сколько споров богословских наверняка было по этому вопросу. Но и ещё есть вопрос — приближает ли изучение богословия к Богу, даёт ли веру, укрепляет ли её? Сомнительно. Можно предположить даже, что как раз наоборот. Вдруг тут по известной пословице “Чем дальше в лес, тем больше дров” получается? И на месте найденного ответа на вопрос два новых возникают? И представляется, что вера как таковая в сути своей одной и той же быть должна — и у богослова, утонченно-глубокого, и у простеца, про богословие даже и не слыхавшего. Вера — она вера и есть, в конечном счёте, от степени ума или образованности не зависит.

Тут притча вспоминается, в районе Белого моря бытовавшая. Жили три древних старца на маленьком острове, и была у них одна молитва: “Трое вас, трое нас, помилуй нас”. Приплыл к ним на корабле священник, узнал про такое и научил их молитву “Отче наш” читать. Долго старцы её учили и, наконец, выучили. А когда корабль от острова стал отплывать, священник увидел вдруг, что все три старца по воде, аки посуху, вслед бегут, корабль догоняют. Оказалось, забыли молитву, напомнить просят. Поразмыслил священник, да и сказал, чтоб молились прежней своей молитвой, что этого им вполне достаточно.

Вот и у Толстого в старости сильно ослабела память, но он этим не очень-то и огорчился. Записал в дневнике, что это даже к лучшему: неважное забываешь, остаётся один настой. Мысль для всех стариков утешительная, только вот жаль, что качество “настоя” этого — не толстовского разлива...

* * *

Воронеж, зима, пригородный парк, постепенно в лес переходящий. Бежал на лыжах прямо на закат, который был такой мощи и красоты, что остановиться пришлось, посмотреть на всё вокруг поподробней и повнимательней.

Солнце искрит сквозь стволы, снег розоватый, тени глубокие, чёрные, с добавкой синевы... Прекрасно всё так, что даже тяжело становится и особенно как-то одиноко. Отковырнул бездумно кусочек зеленоватой коры с осинки, пожевал, поёжился от терпкой, свежей горечи чудесной. И стало так, будто словом с кем-то перемолвился...

Полсотни с лишним лет назад это было, а вспомнилось, как вчера.

* * *

Стою ранней весной на железнодорожной насыпи, а впереди поле белое, снежное, и две на нём проталины рядом — чёрные, как глаза земли, открывшиеся вдруг. А над полем — небо облачное, и в облаках — синие, яркие просветы, неба глаза. Вот и встретились, наконец, после зимней разлуки

долгой. Много им сказать друг другу нужно и много сделать совместно до новой, к зиме, разлуки.

А если человеческие глаза, чёрные и голубые, встретятся вдруг и начнётся, пойдёт с первого этого взгляда любовь? Любовь? Сколько же тут будет всего, побольше, пожалуй, чем у неба и земли! И разлука будет когда-нибудь, не до весны следующей, а навсегда...

* * *

Из сора всякого-разного растут стихи, по мудрому слову Анны Ахматовой. А мудрость в том, что “сора” с научной, физико-химической точки зрения и нет совсем в природе. Есть тот же физико-химический состав всех предметов и веществ Вселенной. И прекрасная, голубоватая, мерцающая звезда любви Венера состоит из тех же молекул, атомов и элементарных частиц, что и содержимое мусорного бачка. Разве что в бачке набор атомов и молекул будет побогаче... И в жизни душевной человеческой нечто подобное. Очень близки, а в самой-самой глубине одинаковы чувства царя и пастуха, полководца и солдата. И суждения о сущности природы человеческой, высказанные великими мудрецами и учёными, равно касаются всех, всех, всех. А уж перед Богом все равны тем более. Есть в этом некая высшая справедливость и утешение глубокое, последнее, несокрушимое.

* * *

Есть поразительная съёмка, сделанная с космического аппарата, улетающего за пределы Солнечной системы в глубины космоса. Снимается непрерывно Земля по мере её удаления. Вот она в экран ещё не вмещается, рукой, кажется, подать. И так в ней всё знакомо, так же почти, как знаком тебе твой город, улица твоя, дом твой... Моря, озёра, реки, горы, равнины. И начинает казаться, что ты везде жил-был, настолько всё близкое и родное. Но уходит и уходит оно, уменьшается, сливаясь одно с другим, очертания теряя. И всё, что было на ней, родной Земле нашей, уходит вместе с ней. И твоя жизнь, и жизнь каждого на ней человека, живущего сейчас и жившего когда-то. Все радости и горести, все поражения и победы, вся ненависть и вся любовь... И наскальные изображения уходят, и пирамиды, и “Мадонна Литта”, и “Сороковой концерт”, и “Война и мир”, и “Я вас любил”... А вот Земля становится лишь кружочком голубоватым, а вот просто точкой светящейся, но исчезает и она...

Хорошо бы этот уход, этот “улёт” от нас нашей Земли всему человечеству каждый день показывать. В напоминание и назидание. Большая была бы от этого для души и дел человеческих польза. Спасение даже, может быть...

* * *

В послевоенные годы особенно много было в обиходе фольклорного, народного и, к сожалению, нецензурного, чаще всего песенки и песни, стишки и стихи длиннейшие, баллады целые; шутки-прибаутки, изречения мудрые, сдобренные матерком. Всё тут было: смешное и трагическое, забавное и похабное, дурацкое и горькое. Целая жизнь народная, народом же и запечатлённая. Кое за что сказанное-спетое и посадить могли на серьёзный срок, да и сажали. “Ой, Семёновна, баба хитрая, // любила Сталина, а потом Гитлера...” Или озорные, с перцем: “Мою милку ранили // посреди Германии, // вместо пули... задули, // в лазарет отправили”. А вот начало долгого рассказа про загубленную жизнь: “Хоть я слепой, но вас я вижу, у вас копейчку прошу...”

Поездив потом по России, взрослым уже человеком, увидел, что весь этот фольклор полуподпольный, в самых разных, далёких друг от друга местах,

был примерно одинаковым, доходившим до самой глуши, вроде моего родного Тима. Как получилось это великое его шествие по громадной стране? В тетрадках-бумажках, из уст в уста? Разумеется, но как-то этого маловато кажется для мощного такого размаха-охвата. Нечто чудесное начинает представляться тут, и пословица подходящая приходит на ум: “Слухом земля полнится”. Может, и полнилась, особенно тогда, помогала народу выразить плач свой, и смех свой, и душу свою...

* * *

Экстрим теперь в моде, и мне это вполне понятно: прыгал в студенчестве на лыжах с трамплина. После первых прыжков ждал очередной тренировки, как свидания любовного ждут. Причина тут в кайфе, который эндорфины, внутренние наркотики, дают, их выброс в кровь в экстремальной ситуации. Вот и “подсаживаются” на это люди, как наркоманы на иглу. Много, предельного физического и эмоционального напряжения требующее, этот эффект кайфа даёт. Даже в деле литературном нечто похожее есть. Написал быстро и азартно хороший вроде бы кусок текста и словно грамм сто водки натошак выпил — весел и дурашлив становишься.

Зачем же устроено так Богом или природой? А для поощрения поступков смелых и трудных. Сделал — и награду тут же получил. Да и оргазм любовный тут тоже рядом стоит. Акт продолжения рода совершаешь, в нём уже и награда за это тебе в конце припасена...

Есть тут что-то печальное, оскорбительное даже для человека, словно все мы на крючке удовольствия поощрительного висим-болтаемся. А без него если? А без него в иную, высшую, духовную сферу надо подниматься-уходить, из рабства “химии” освобождаться. В молитву, в созерцание природы чистое и безмятежное.

* * *

Бунин писал Телешову, что он “стар, сух, сед, но ещё ядовит”. Прочитав, подумал, что “ядовитость” относится к его характеру, восхитился даже откровенностью такой. Но, конечно, нет! К способности сохранившейся писать, творить это относится. Говорят же о человеке, с иссякшим талантом, что он теперь, как змея, пережившая свой яд. А Бунин, стало быть, свой “яд” ещё не пережил, о чём и сообщил старому приятелю. Не без гордости, пожалуй. И ясно так представляется, насколько же он потери “яда” этого боялся! Как смерти почти. Да так оно и быть должно для каждого истинного художника.

* * *

Три маленьких чуда детства.

Божья коровка с их милой кротостью, овальностью аккуратной тельца, спинками красными или жёлтыми в крапинку. Вот ползает она, коровка, по ладони, чуть ощутимо щекоча кожу лапками, вот по пальцу вверх-вверх поползла, на самом его кончике оказалась. Замерла, и вдруг спинка её выпуклая треснула вдоль, и появилось нечто тончайшее, серенькое, развернулось в крылышки. На них-то она и улетела, исчезнув мгновенно. Куда? А на небо, куда ж ещё... Мы ведь ей так говорили перед полётом: “Божья коровка, улети на небо, там твои детки кушают котлетки. Им по ложке и себе немножко”. Вот это “и себе немножко” нечто совершенно удивительное, ангельское прямо-таки. Мы словно догадывались смутно, что такое милейшее существо себе может ничего и не взять...

Кузнечики серенькие, маленькие, а ещё и большие, зелёные — кобылки. В кобылках и впрямь было что-то лошадиное, в ногах задних мощных,

голенастых. Они упрыгивали, едва откроешь ладонь, и так далеко, что не уследить, не найти потом было. Придержав же кузнечика, приговаривали: “Кузнец, кузнец, дай дёгтя”. Иногда он и давал — коричневую такую капельку... Чуть разожмёшь пальцы, и кузнечик исчез, упрыгнул-улетел, но не на небо, конечно. Не было в них ничего “небесного”, в отличие от божьих коровок...

Стрекозы — серые, синие, розовые. В руки они редко попадали и как-то разочаровывали особенной хрупкостью крылышек, червеподобным тельцем... Зато смотреть на них в полёте можно было подолгу. То останавливались они, как вклеенные в воздух, то вдруг “стреляли” далеко в сторону, останавливались и там. Или просто летали, как придётся, завораживая силой своей, бирюзой, и трепетом крыльев. Некоторые парами даже летали подолгу, сцепившись каким-то не ведомым нам образом. А мы и не знали, что это у них любовь...

* * *

В начале 50-х годов прошлого века эротические сцены или не снимали в кино, или вырезали, если фильм был иностранным. Даже поцелуя толком увидеть было нельзя: он или в воду “опускался” с рябью на ней, или картинка менялась при сближении губ.

И вдруг польский фильм “Под фригийской звездой”. Герои на травку присели, а потом и прилегли, не касаясь друг друга. Перебивка — и тут же женская кисть на траве крупным планом. Шарит, ищет что-то, потом пучки травы жадно захватывает, напрягается медленно, потом ещё, ещё сильнее — и выдёргивает траву из земли. И расслабляется, распускается блаженно ладонью вверх... И всё.

Запомнилось так подробно и едко, потому что впервые в жизни я не просто нечто откровенно эротическое, а именно акт плотской любви словно бы увидел и пережил глубже, может быть, чем если бы его целиком показали. Какая же сила в таком вот штрихе, намёке! Что-то даже вообще для искусства принципиально важное тут есть.

Потом пришлось повидать много уж такого откровенного, но кисть женская, белая на зелёной траве так и осталась по воздействию едва ли не сильней всего.

Или о том же, но из поэзии, из Тютчева: “...и меж опущенных ресниц — угрюмый, тусклый огонь желанья”. Какая точность, какая правда! И как действует тонко и глубоко!

* * *

“Что войны, что чума — конец им виден скорый, им приговор уже произнесён, но как нам быть с тем ужасом, который был “бегом времени” когда-то наречён”? Анны Ахматовой прекрасные стихи, только вот с приговором войнам она сильно, к сожалению, промахнулась. Какой уж там приговор! Новый виток их идёт, набирая силу. И как бы страшнее предыдущего, не дай Бог, не оказался, в конце концов.

* * *

Многих поразила небывалый, рекордный по посещаемости успех выставки картин Валентина Серова в Третьяковке. Обсуждали его, причины искали, а главная, конечно, в том, что люди устали от выдумок натужных, от уродства и юродства, от наглости безразмерной и прочих прелестей так называемого “современного искусства”, изобразительного в том числе. Вот и рванулись прямо-таки, как к глотку свежего воздуха, к живописи, показывающей счастье жить в мире, каким он нам Богом дан. К “Девочке с персиками”

рванулись. К собственной, в сущности, жизни, прекрасно изображённой в лучшие её минуты...

* * *

День сегодня такой красоты, такой гармонии и совершенства, что это смутное чувство неловкости вызывает и даже вины по разнице резкой с собственным телесным и душевным состоянием. Не по чину честь! А если представить себе, что мы творим с природой, то впору и сквозь землю провалиться...

Недавно авиакатастрофа произошла с гибелью всех летевших, и в исследовании её причин одной из главных предположили сильнейший порыв ветра. Судно самолёт с неба, попросту говоря, и есть в этом что-то символическое...

* * *

Стоит у меня перед письменным столом, на подоконнике маленькая статуэтка Будды. Руки вскинута вверх, на лице — радостная, от уха до уха, улыбка. Возможно, скульптор изобразил его в тот именно момент, когда самая суть его учения, уход в nirvanu, открылась вдруг ему. Тогда он, по преданию, и воскликнул: “Радуйтесь, освобождение от смерти найдено!” Тут нельзя не подумать, что nirvana-то как раз очень смерти близка, до слияния почти. Смущает и то, что Бога у буддистов нет, а какая же религия без Бога? Главный вопрос человеческий — кто создал мир и в чьей воле он находится? — тогда неизбежно остаётся без ответа.

И всё-таки есть в буддизме нечто очень привлекательное. Может, предпочтению явное созерцания перед действием? Созерцать-то куда как приятнее и легче, чем действовать.

Удивительно влияние буддизма на народы, его исповедующие, — они радостны и очень бедны. Бедность-то понятна, созерцая мир, не разбогатеешь, а вот радость откуда берётся? От той же созерцательности, возможно, которая резко уменьшает заботу и ответственность — главное бремя человеческое. Кстати, мудрость одна наша народная весьма буддизму близка: “Аки наг, аки благ”.

* * *

“Пока живу, надеюсь”. Вот и Чехов с Булгаковым, врачи, понимавшие, конечно, неизбежность своей скорой смерти, всё-таки надеялись на чудо вопреки рассудку. Умиравший Чехов хотел переехать из Германии на юг, где жарче, очень надеясь на перемену климата, и даже белый костюм для этого себе заказал, а Булгаков, отказавшись от общепринятой медицины, стал лечиться у гомеопатов, ожидая от этого решительного улучшения. Вот и у них, врачей и людей очень трезво всё видящих, сердце, вечно глупое сердце человеческое, в смерть не верило, веря только в жизнь...

* * *

Видел по ТВ совокупление самых больших и тяжёлых (до 300 кг) черепах. Жуткое дело! Кажется, даже невозможное, но ведь делается, в конце концов, как-то... Да только ли черепахи в таком положении? А слоны, бегемоты, киты... Долго перечислять можно. И это при том, какое внимание огромное уделяет природа делам добычи и защиты у всех живых существ. Чудеса прямо-таки настоящие творит! А тут, в самом важном для продолжения рода деле, совокуплении, словно махнула рукой небрежно — да обходитесь, как хотите... Влечение к этому в вас вложено сильнейшее, а значит, как-нибудь да разберётся. И ведь разбираются!

* * *

Поразительной душевной силой обладал Василий Васильевич Розанов. Незадолго до смерти, лежа в параличе, диктовал дочери продолжение “Апокалипсиса нашего времени”, приговаривая при этом: “Ну, ещё на рубль напишем, ну, ещё!” А лет примерно в 50, когда тяжело заболела жена, которую он нежно любил всю их долгую жизнь, записал: “О, как не хочется теперь ничего. О, как не хочется!” Поразительно — сделать такую запись с такой энергией! Умирая же, весь в холодном поту, сказал, как истинный художник: “Это воды Стикса, я узнаю их...”

* * *

Редкое по мощи в этом году цветение садов. Смотришь на яблони, и кажется — улететь в небо могут вот-вот, как воздушные шары.

У нас на Куршине говорят по такому поводу: как бы не к войне. Вот уж вьелась она, война, в душу народную, если даже до такой красоты небесной добралась...

* * *

“Я хочу жить, как бедный, но иметь деньги”. Пикассо. Как просто и как мудро! Да он так и прожил, пожалуй, всю свою долгую жизнь. Работал, не покладая рук, до самого конца. Вот и Гейте, американский миллиардер, компьютерщик, заработавший свои миллиарды, думал похоже: “Если бы я разорился, то жил бы так же, как и живу”. И детям решил оставить всего 5 процентов капитала, а остальное отдать на благотворительность. Оно и понятно — детей пожалел...

* * *

Хорошо помню, как под вечер, в день тридцатисемилетия вышел во двор покурить. Небо серенькое, но высокое, и журавли в нём летят-улетают. И подумалось почему-то, что возраст у меня теперь вот как раз пушкинский. С тех пор и стал иногда отмечать — на десять лет мне больше, на двадцать... А теперь вот на сорок почти. А что, если б Пушкину кто-нибудь, сказал (гадалка, положим), что он проживёт столько? Обрадовало бы его такое? И ведь не скажешь с уверенностью: конечно! Скорей всего, отмахнулся бы, как от чего-то невозможного, да и ненужного. Куда мне берем такое, сказал бы. Что делать буду? Рука отсохнет бумагу марать. А долгов сколько накоплю, детей, внуков? Деваться будет некуда! И расхохотался бы тут...

* * *

В старости чувство самости, своего “я” постепенно ослабляется, теряя чёткие границы. Смотришь вокруг и ощущаешь невольно, что ты и вон та бабочка порхающая, и кошка пробежавшая, и молоденькая березка под ветром. И даже вон то, дальнее, белое облачко круглое... Чувство приятное, но чуть и тревожное. Куда ж это я, такой для себя важный, уходить словно бы начинаю? А туда, в природу, пока не сольёшься с ней вполне. Что-то буддистское в этом есть, но ведь и христианское: тело — в землю, а душа — к Богу...

* * *

“Я думаю о вечности и о том, чтобы починить крышу”. Слова настоятеля буддистского монастыря. Как хорошо! Такое и для православного монаха

годится. Да и для любого человека вообще, даже и для атеиста. Глядишь, путь к Богу с этого и начнёт...

* * *

Пятьдесят пять лет полёту Гагарина. Хорошо помню этот прекрасный, солнечный апрельский день. Вышел из института, иду неспешно, по сторонам глазею, и вдруг крик сзади: “Человек в космосе!” Вернулся, а перед институтом уже толпа небольшая, кричат, руками машут, лица у всех с безуминкой восторженной...

Когда же о гибели Гагарина узнал, то первая мысль была: “Да не может быть!” Многие, наверное, так же подумали. И ещё говорили одинаково: “Надо же, не уберегли!”

А сейчас думаю, да и тогда мелькнуло: какая смерть хорошая, мгновенная, солдатская, как в бою... И всю его жизнь она правильно как-то зациклила, героически вполне. Не годится, конечно, так думать, кощунственно даже, а всё равно думается. Был он, Юрий Алексеевич, явлен нам как чудо-человек, да и взят потом. “Пути Мои выше путей ваших и мысли Мои выше мыслей ваших”.

* * *

“Иметь слабость” к кому-то, “питать слабость”. Странноватые выражения, а ведь это о любви, в сущности, говорится. Но почему же “слабость?” А потому что слаб человек перед тем, кого любит, открыт, незащищен. И возможно использовать это в целях вполне эгоистических. Не заметит человек по “слабости”, а если заметит, то простит. Кто-то и пользуется такой “слабостью”, конечно, и как же это нехорошо, низменно, подлово...

* * *

Сомнение в истинности своей веры в Бога беспокоит многих, если не большинство. Тут мысль Толстого может несколько успокоить и утешить: “Искать Бога — значит уже иметь его”. И Чехов, подобные сомнения знавший, ему вторит: “Надо верить в Бога, а если веры нет, то надо её искать, искать и искать, одиноко, один на один со своей совестью”. Из письма к Мирлобову, но это и ко всем-всем можно обратиться... Вера не отметка в биографии — вот теперь верю! — а усилие бесконечное. И опять Чехов помогает: “Между верой и неверием лежит громадное поле, которое всю жизнь проходит истинный мудрец”. Вот только бы не ослабеть, не упасть на этом пути...

* * *

В первые послевоенные годы, помню, была процедура, ритуал важный: “заклочаться на сорок”. Двое цеплялись мизинцами, а кто-нибудь третий разбивал сценку и что-то вроде подписания договора получалось.

Вариантов было два: на “сорок семь” и на “сорок восемь”. С такой расшифровкой: “сорок семь — дели всем”, и “сорок восемь — половину просим”.

Вот и выходил кто-нибудь из дома к компании со съестным в руках, ему и кричали то “сорок семь”, то “сорок восемь”. И надо было съестное это (чаще всего кусок хлеба, посыпанный солью или сахаром) делить соответственно договору.

Вот вспоминаю до мелких подробностей, и что-то такое милое, наивное, братское во всём этом есть, умилиться впору. А чуть поглубже взять, такое горькое и тяжкое...

* * *

Во многих истинно талантливых стихах можно ощутить нечто Боговдохновенное, Божественное, потому и чтение их, хоть вслух, хоть про себя, близко стоит к молитве. Душа по молитвенному настраивается. Вот и хорошо, вот и надо в подходящую минуту вспоминать, читать их и так словно бы молиться. Косвенно, чуть-чуть...

* * *

Поколение моё уходит всё очевиднее. Поколение людей, которые основную, самую деятельную часть жизни прожили в Союзе, при власти советской. А к иной, новой жизни многие так и не приспособились, не привыкли по-настоящему. Вот и живут, словно десант, из тех времён в теперешние заброшенный.

Есть у нас в городе несколько кафе и пивных, которые содержатся на прежний, такой давний уже, советский лад. Всё там явно похуже, чем в обычных теперешних заведениях, но зато как-то родней. Посидел на днях в таком, чувствуя себя помолодевшим лет на тридцать. Даже obsлуга выглядела и вела себя по-старинному, как “тогда”. Возможно, что всё это делается и подбирается специально, для привлечения именно “десантников” советских.

Но одна уступка новым временам в пивной всё-таки была — туалет работал. Раньше такое довольно редко бывало, попил пивка влaсть, а отливaть иди за угол...

Много было плохого и просто ужасного при советской власти, но много и хорошего, и очень хорошего даже. Для меня самым лучшим было ощущение семьи. Страна — семья, народ — семья. Есть в этом и теневые, тёмные стороны, но света всё-таки больше.

Вернуть всё? Да я бы первый не согласился. И всё-таки так жаль великой, небывалой той страны, подобной которой никогда и нигде больше не будет.

* * *

Первые фиалки у нас в овраге появляются из года в год в одних и тех же местах. В том, как они видятся на крутом склоне среди серой, прошлогодней травы есть что-то таинственное, сумеречное, предвечернее даже в полдень. И что-то женственное, мысль о свидании вызывающее. Ты уже пришёл, и она должна прийти вот-вот...

Не раз приходилось читать о “фиалковых” глазах, а в жизни я такие видел только у Ивана Трифоновича Твардовского, брата поэта. И пора была самая фиалковая, конец апреля, и место удивительное — родной его хутор Загорье, который он возрождал на месте сожжённого в войну. Такие были у него глаза, что не верилось, — не может таких быть... Но как-то и к месту и ситуации они оказывались, напоминая о фиалках на старом, давно заброшенном пепелище...

Мы (небольшая писательская компания-делегация) застали Ивана Трифоновича в столярке за сколачиванием ящиков под помидорную рассаду. И внучка лет пяти была с ним, светлоглазая и не отходившая от него ни на шаг.

В углу на фанере виднелась аккуратная и довольно большая горка земли, и Иван Трифонович пояснил, что живёт здесь первую весну, хорошей земли для рассады под рукой нет, а у соседей просить неловко, едва тут появившись. Вот и набрал земли из-под ёлок в лесу — как раз то, что нужно.

И в столярке, и за осмотром возрождаемого по его рисункам-чертежам хутора, и за обедом потом он поражал особенным каким-то благородством облика, повадки, сдержанностью и краткой точностью речи.

О младшем брате Александре говорил с бережной грустью, с паузами, глядя куда-то мимо нас фиалковыми своими глазами. Рассказал, в частности,

что брат как-то признался ему, что порой жалеет, что стал поэтом, а, к примеру, не столяром, как он.

По одному этому можно было понять, как же ему бывало трудно и жить, и писать. Но ведь и судьбе брата-столяра трудно было позавидовать: раскулачивание, высылка на Север, война, плен, лагерь...

Несколько лет спустя я прочитал воспоминания Ивана Трифоновича о жизни своей и о знаменитом брате своём — прекрасная, талантливая проза. И вспомнился он живо, такой особенный и значительный. Особенно глаза...

* * *

Моменты счастья. Какие разные они! Вот один, который вспоминается почему-то всю жизнь: завод, ночная смена, вышел из цеха отлить на волю. Запах железа на лёгком морозце, влажные звёзды, апрельская чудная ночь, скоро домой поеду, Ирину (жену теперешнюю свою) увижу. Вот что тут сошлось? А ночь, погода, предвкушение встречи, предвкушение всей жизни впереди...

И ещё из той же поры: засыпаю, как всегда ночью, зверски голодным и вдруг, словно дуновение счастья: скоро, вот-вот, будет утро, заводская столовая, и я возьму винегрет, два вторых и два стакана алого киселя...

Из самого простого делается лучшее счастье чаще всего. А если из чего-то “повыше”, то в нём уже некая зыбкая ненадёжность сквозит...

* * *

Как много в дневниках позднего Толстого записей, в которых он обличает свою греховность. И в выражениях по этому поводу совершенно не стесняется. “Ну, и гадина ты, Лев Николаевич”, — например. Такое и записывать неловко... То ли дело герой его великого рассказа “Хозяин и работник” Никита. Тот, замерзая и готовясь умереть, подумал: “Известно, грехи. Да что же, разве я сам их на себя напустил? Таким, видно, меня Бог сделал”. Неплохо бы и Толстому от такого отношения к грехам взять хоть немного, полегче бы ему стало. Только вот грех-то у его Никиты был, по-настоящему, всего один — запои редкие. А в остальном — святой жизни человек, чего про Толстого не скажешь...

* * *

Совершенно поразителен взгляд правнучки Анюты, младенца грудного. Смотришь ей в глаза и оторваться не можешь. Не говорит ещё, ничего почти о мире не знает, но кажется, знает и понимает всё. И думается, что во взгляде её именно тот “свет разума” есть. Именно в нём очевиднее всего выражена Божественная природа человека. С возрастом этот свет Божественный тускнеет постепенно, у всех по-разному, житейским и бытовым налётом покрываясь, но совсем не исчезает никогда. А у некоторых, очень редких людей держится в полной почти силе до конца...

Вспоминается возрастное изменение взгляда у внуков. Замена знания “всего” на знания частные, конкретные. Необходимая для жизни замена, но ведь и какая грустная. Словно ангел постепенно исчезает из дома, и хочется его как-нибудь придержать...

* * *

Впервые побывал с женой внука Соней и правнучкой Анютой на воскресной службе в нашей ближней, недавно построенной, церкви Вознесения

Господня. Очень она подходит Калуге с её репутацией космической и стоит на хорошем месте.

Церковь была полна, но без тесноты. Молодёжи, неожиданно для меня, оказалось едва ли не большинство. И очень много детей. Радует это задумчивой, глубинной какой-то радостью, как признак благополучия в городе, народе, стране. А ещё и стены, и купол церкви изнутри безупречной, снежной белизны, и хор звучит сверху, с неба как будто...

И постоял я с Анной на руках, запах её младенческий, запах жизни самой, чувствовал, личико её видел почти на расстоянии ресниц, хор сверху слышал, и всё это было, как чудесный сон.

Есть поверье, что хорошо на большой православный праздник умереть — на Пасху, на Рождество... Ну, а если в церкви, во время службы — ведь случается и такое... Тоже, пожалуй, не худо, только вот службе помеха, и людям окружающим хлопоты...

* * *

Фильм по ТВ: волчье логово, волчица, истощённая крайне, волчата, чуть живые от голода, а потом погоня волчицы за таким же истощённым песцом. Север, льдины у берега, по которым они и бегут, обрываясь временами в воду. Схватка за жизнь смертельная...

Показывают подобное нередко, и всегда сочувствуешь тому, кто пытается спастись, а тут какая-то сшибка получилась: болееешь за обоих одинаково. Типичная, до предела обнаженная, трагедия бытия. И у людей так — компромиссного выхода нет, и кто-то должен погибнуть. Кто? А тут уже не сами люди решают, а рок, судьба, Бог...

* * *

Несколько раз сообщалось в СМИ, что в недалеком будущем появится лекарство от старения. Будем жить и умирать в расцвете сил, молодыми: от болезней, от случаев несчастных, по воле собственной... Есть и животные не стареющие, киты, например, так что дело это вполне реальное. Казалось бы, ничего лучшего и не придумать, а мне вдруг, и совершенно неожиданно, стало грустно. Старость нелегка, слов нет, но ведь есть в ней нечто и хорошее, необходимое даже. Облегчение от выплаченных долгов перед близкими, родными людьми и обществом в целом, покой (относительный, конечно), свобода располагать собой, как хочется, да и просто возможность беззаботно погулять и на лавке посидеть где-нибудь в сквере или в саду собственном. Каждому, пожалуй, в житейской, рабочей запарке и такого, и иного ещё хотелось, и вот теперь все это может ускользнуть, исчезнуть. Будешь молодым и в 80, и в 90 лет, и дольше. А, значит, дела, заботы, желания, влечения, страсти плотские и душевные будут тебя по-молодому всю жизнь сопровождать. И терзать, конечно. Вот это-то и худо, потому, как нужна перед смертью некая переходная, буферная полоса. Дух перевести надо, оглядеться, прожитое вспомнить неторопливо, оценить его по возможности. Да и мало ли что ещё... И этого всего лишиться? Конечно, грустно и жаль. Но ведь можно и не употреблять волшебное лекарство или бросить его, когда быть молодым невмоготу станет. Уверен, что такие люди найдутся, и немало...

* * *

Чего только не придумано людьми в области удовольствий, наслаждений любовных! Если собрать описания их и изображения, целая библиотека получится. И все они, по-моему, перекрываются строчками Фета: “В моей руке — какое чудо! — твоя рука...”

* * *

“Россия, нищая Россия, мне избы серые твои, твои мне песни ветровые, как слёзы первые любви”. Чудесные стихи! И как свободно сказано про “слёзы первые любви”, словно это было в те, блоковские, времена совершенно понятным, едва ли не обыденным делом. А теперь? Бывают ли теперь такие слёзы? Посомневался, а потом вспомнил, что количество надписей “Маша, я тебя люблю” на стенах, заборах, асфальте за полстолетия наблюдений не уменьшается, и решил, что бывает. Должны быть, иначе дела наши плохи...

* * *

Томимся мы на свете, всем такое знакомо. Сказано об этом и в литературе не раз, и в Библии, Экклезиастом: “Всё суета сует и томление духа”. И чисто материально, физиологически мы тоже “томимся”, то есть очень медленно горим без огня, превращая пищу в энергию жизни.

Но ведь и вспыхивает в нас огонь временами и горит-горит: в любви и в творчестве. Вот тут-то томление наше, наконец, прекращается, но лишь на время. Тогда и думается — не лучше бы сгореть...

* * *

В который уже раз перечитываю “Анну Каренину” и, похоже, в последний. Впервые ясно представилось, что некоторые так называемые “проходные” места романа мог бы не хуже написать и другой талантливый писатель, но есть места, сильные лишь Толстому, да и то с Божьей помощью. Сцена примирения Каренина и Вронского у постели умирающей Анны, например. Боговдохновенный текст, да и суть его глубоко христианская. Недаром Достоевский восхищался этой сценой и считал её истинным концом романа. Ну, а Толстой поступил по-толстовски и ещё почти столько же написал. И любимую свою Анну не пожалел, послал, в конце концов, под колёса... Сцена эта тоже Боговдохновенная, но с каким отблеском мрачным, красным и страшным, как пожар в ночи...

* * *

Таинственная буддистская нирвана... Ближе всего к пониманию сути её подошёл Толстой в гениальном по глубине описании смерти князя Андрея, сделанном так, словно тот не умер, а именно в нирвану ушёл. И ещё Лермонтов с его: “Я б хотел забыться и уснуть! Но не тем холодным сном могилы...” Дальше описание не жизни и не смерти, а некоего промежуточного, третьего состояния, сна волшебного, в котором и “сладкий голос”, поющий о любви, и шум дуба под ветром... Может, она, нирвана, такая и есть?

* * *

Окраина наша активно застраивается в последние годы, и среди строителей много мигрантов из Средней Азии, таджиков и узбеков. Всегда смотрю на них с особенным интересом — совсем иной, далёкий, в общем-то, народ. И вот за всё долгое время наблюдений ничего плохого с их стороны не замечал. Всегда трезвы (один только раз хмельного видел), вежливы, постоянно играют на нашем стадионе в футбол, крича при этом почти непрерывно, как грачи весной. Даже мило. Редко-редко наши, русые или белокурые

головы среди их чёрных мелькают, что отмечаешь с некой даже тревогой, болью почти...

Некоторые из них убирают магазины, дворы, улицы и делают это прекрасно. Даже стык между бордюром и асфальтом дороги бывает аккуратно прочищен, чего не видывал до них никогда.

Пришлось наблюдать и кое-что необычное и даже трогательное. В одном бойком, людном месте узбеки, молодая пара супружеская, похоже, устроили лоток для торговли фруктами, а рядом с двух сторон дерева, довольно уже рослые, посадили для красоты и уюта. Учитывая грунт и толчею людскую, шансов на выживание у саженцев не было никаких, что и подтвердилось вскоре. Но ведь посадили! Меня даже действие это их наивное согрело как-то.

Сын, поездивший по Узбекистану, впечатления о людях тамошних, местных, привёз самые лучшие, а видел он много и очень разное. Пожилые узбеки часто спрашивали, не возродится ли Союз? Тоже наивность милая, напоминающая посадку деревьев. А может, мудрость народа древнейшего?

* * *

Молитва Оптинских старцев не только глубока, мудра, внушительна в религиозном смысле, но и в смысле медицинском, психотерапевтическом тоже. При разнообразных невротических состояниях должна хорошо помогать, в чём я, психиатр и психотерапевт с большим стажем работы, совершенно уверен. Да и являет она собой психотерапевтический шедевр, и автор её неизвестный должен был огромным даром врачевания словом обладать. Скорей всего, он был один, а назвали молитву общей по близкому, общему духу Оптинских старцев. Да просто и не могли они сложить её сообща, сменяя друг друга в течение многих лет. В сущности, всё это и неважно, был бы текст молитвы Боговдохновенным, а это как раз и есть...

* * *

“Посмотрите на птиц небесных: они не сеют, не жнут... и Отец ваш Небесный питает их”. Вспомнилась евангельская эта фраза, когда за большим чёрным дятлом сегодня понаблюдали. Без малой даже заминки, отдыха бьёт и бьёт клювом, кору с засохшей берёзы сбивая. Так и летит она в стороны и вниз ключьями. Замах и удар головой такой, что впору не птице, а молотобойцу. Да он и чудиться начинает, если долго и неотрывно на дятла смотреть. Другие птицы, помельче, синицы и воробьи в основном, корм чаще всего разыскивают, перелетая, рыская по округе, семена выклёвывают, ягоды клюют. Тоже работа не из лёгких и непрерывная почти, особенно зимой. Да, не сеют они, не жнут, но пропитание добывают всё равно в больших трудах, как и мы, грешные...

* * *

Всегда при случае смотрю и слушаю по ТВ митрополита Иллариона. Удивительный человек! Ещё молод, для своего сана особенно, красив, умён редкостно и всегда просветлённо спокоен. Да ещё и композитор какой талантливый!

Недавно на вопрос, был ли Бунин истинно верующим человеком, ответил утвердительно и в подтверждение прочитал наизусть, с чувством бунинское стихотворение: “И цветы, и шмели, и трава, и колосья...” Несомненно, любит он его, что меня приятно поразило, — и моё оно из самых любимых. Даже в душе потеплело от такого совпадения...

В оценке литературного текста для меня всегда было и есть первое и оно же главное — живой он или мёртвый. И определяется это довольно быстро с десятка страниц. Бывает, правда, что мёртвый текст вдруг оживать начинает, но очень редко.

Удивительно, что и с оценкой людей нечто похожее — живой перед тобой человек или тянет от него какой-то мертвечины. И чувствуешь это тоже довольно скоро, словно по запаху какому-то. У первого он всегда индивидуальный и бодрящий, а у второго — угнетающий, застоявшийся, от которого и сам вскоре начинаешь впадать в уныние и тоску.

Люди и тянутся ко всему живому, хоть литературный текст это, хоть человек.

У актёра Виктора Сухорукова, например, жизни столько, что в нос и в голову бьёт, как хорошее шампанское...

А со стихами иное. В настоящих стихах некая тайна есть в самой их сокровенной глубине. Душа невольно напрягается в попытке разгадать её и никогда до конца не разгадывает. Как и тайну жизни самой.

Анна Ахматова в воспоминаниях о ней, не помню чьих, сказала, что Твардовский очень хороший поэт, но без тайны. Нет и нет! Он предельно конкретен, въедливо точен до самых-самых мелочей, и вот за этим-то как раз и чудится та самая тайна. Вот, к примеру, начало поэмы “Страна Муравия”:

*— С утра на полдень едет он.
Дорога далека.
Свет белый с четырёх сторон.
И сверху — облака.
Тоскуя о родном тепле,
Цепочкою вдали
Летят, — а что тут, на земле,
Не знают журавли...*

Разве нет тайны в двух последних строчках, от которых даже сердце щемит? Написано: “не знают журавли ...” И ведь мерещится: да и хотят ли знать? А вдруг знают, только мы об их знании не знаем... Если же не знают и не узнают никогда, то почему от этого так грустно-грустно...?

Ну, это случайно, вдруг, вспомнилось и подумалось, а ведь подобных мест у Твардовского не счесть...

Есть и у людей нечто похожее на тайну стихов. Достоевский ещё сказал: “Человек есть тайна”. И отношения между людьми тайна не меньшая. Любовь с первого взгляда, к примеру. Как, почему, откуда? Тайна и тайна! Для самих, так полюбивших, прежде всего...

Ничто, наверное, не меняет так резко окружающее, как первый, ночной, обильный снегопад. Отдёрнешь штору, а за окном вместо пестроты с большим уклоном в серость всё безупречно белое — земля, деревья, кусты, провода... Чудо, конечно! Ежегодное, знакомое, уже почти и привычное, но всё-таки чудо. Обновление, чистая жизни страница, творения первый день...

Правнучка Анюта, которой на днях исполнился год, увидев всё это, замерла, поражённая. И все мы, и взрослые, и старые, вот так же когда-то в первый раз замирали, точно так.

А впереди у Анюты целая большая зима, которую она впервые как следует почувствует-рассмотрит. По снегу походит и попадает в него, в руки возьмёт, снежок крошечный слепит, на вкус попробует. Как все мы когда-то, все, все...

* * *

В который уже раз присуждение Нобелевской премии по литературе поражает своей, мягко говоря, странностью. Вот теперь её Бобу Дилану, рок-музыканту и вроде бы поэту присудили. И какой он молодец! Уже месяц Нобелевский комитет не может с ним связаться и о своём великом решении сообщить. Какую оплеуху комитет этот получил и, думаю, заслуженную.

Да что там премия, с литературой дела плохи, вот беда. Читают повсюду всё меньше, а качество книг становится всё хуже. Новое, вторичное уже какое-то, одичание наступает понемногу, так, что ли?

Россия же после ухода из жизни Валентина Распутина впервые за многие-многие годы без великого писателя живёт. И без поэта. Тоже беда из того же ряда, и не меньшая...

* * *

От многих религиозно-философских книг, прочитанных в последнее тридцатилетие, остаётся в душе и живёт в ней постоянно совсем мало. Щепотка и даже меньше, две фразы всего. Бог есть. Бог есть любовь. Необходимо и достаточно.

* * *

Идёт по ТВ цикл передач “Уроки русского. Чтения”. Подольше бы он продлился...

Смотрю на днях — о Твардовском передача, и на экране — глазам не поверил! — Юрий Норштейн. Режиссёр-мультипликатор, автор “Сказки сказок”, “Ёжика в тумане”, обладатель крупнейших мировых наград в этом киножанре.

Прочитал он главу “Гармонь” из “Василия Тёркина” и несколько стихотворений (как на подбор, из моих самых любимых). Прочитал так, что лучше и нельзя. И порассуждал о поэзии Твардовского вообще. И тоже — лучше не скажешь. Сказал, что Твардовский великий поэт, которого в последние десятилетия отодвинули как-то в сторону, в тень, и что это не просто потеря, а почти культурная катастрофа — так он важен теперь для России. И ещё сказал, что Бродский и Кушнер не считали его большим поэтом, что слишком он “частушечный”...

Тут и подумаешь — какие они всё-таки разные бывают, евреи! А русские — тем более...

* * *

Марков Дмитрий Дмитриевич, Дим Димыч, “адмирал”. Адмирал из-за внешности благородно-внушительной и службы в морской авиации когда-то давно.

Знаю я Дим Димыча лет тридцать и не устаю восхищаться его натурой — неизменно, несокрушимо доброй, свежлой и тёплой. Это притягивает к нему людей, как магнит. Кажется, что побудь с ним рядом просто-напросто и легче тебе станет, если было тяжело. Ангельского чина человек, так я его для себя определяю.

Встречаемся мы не так и часто, но регулярно, и даже внуки к столу непременно приходят — с Дим Димычем побывать.

“Сел” он когда-то на 3 года за распространение антисоветской литературы, повести “Собачьё сердце” Булгакова, в частности. Освободился в 1986 году и уже через пять лет был полностью реабилитирован. Некоторые люди, кстати, всё ещё отбывали срок за “Собачьё сердце”, когда повесть была уже опубликована.

Антисоветчиком он никогда не был, просто обладал редкой тягой к знаниям и читал, что поинтереснее и поважнее. Пострадал, что называется, безвинно-напрасно.

Когда же вышел на свободу, никакой озлобленности на власть в нём не замечалось. Было и было, и прошло. Хотя было-то очень тяжко, после трёхмесячной “пересылки” в лагерь из СИЗО 40 кг весил...

Недавно вышла его книга “Нет, весь я не умру” — о роде Марковых в 15-ти поколениях (!) и о его собственной жизни. Прекрасная книга, а по качеству автобиографического текста проза настоящая. И вторая книга вышла одновременно — “Размышлизмы”. А правильное сказать, размышления серьёзные и глубокие о жизни и смерти, о Творце миров и человеков, о справедливости, о евреях, о музыке... Особенно о музыке хорошо получилось, предпочитаешь иной абзац и задумаешься надолго...

Читал я книги Дим Димыча, его живо представляя при этом, и вспомнил вдруг аж Исаака Ньютона, который написал, что всегда чувствовал себя ребёнком, играющим в камешки на берегу океана. Вот и Дмитрий Дмитриевич Марков, мог бы, по-моему, о себе то же самое сказать...

Да, родился он на берегах Лены, детство и юность там провёл. И золотишко мыл, и мытарства там претерпел многие и трудные. Заядлый “крымчак”, нашедший в Крыму, по его словам, “вторую Родину”. Знает Восточный Крым так, как не знает, пожалуй, окрестности Калуги, живя в ней много лет. Ездит в Крым лет уже сорок, иногда два раза в год. Даже дача у него крымского какого-то оттенка. Любит виноделие (виноград зимостойкий выращивает) и особенно винопитие. Вино у него фирменное, “Барон де Марко”, чудесное...

Что ещё? Архивист, закончивший Московский историко-архивный институт. Азартен, крепок и вынослив в походах и вообще в физической работе. И сын Андрей (мой сын) с ним не раз по Крыму ходил, и даже внуки.

А закончу я этот портретный набросок старого друга последними строчками его книги: “Старость подкралась к 87-ми годам как-то неожиданно. Старость как упадок энергии и физической силы... И от такой старости спасает только смерть. Но прав и Оскар Уальд: “Страшно не то, что мы стареем, страшно то, что мы остаёмся молодыми...”

* * *

“Живи да радуйся” — устойчивое народное выражение, пословица, в сущности. И какая глубокая! Самый центр, смысл жизни в ней обозначен, вполне доступный, пожалуй, лишь верующему человеку. Радуйся, что Бог, Отец и Творец, мир создал и тебя в нём — для любви. А вот тому, что мир и ты существуют просто так, ни для чего, не очень-то порадуешься...

* * *

Услышал на днях, как молодой лось к стоящей на дороге машине подошёл и стал “выхлоп” из выхлопной трубы нюхать. Так и нюхал, пока машина не уехала.

Вот и мы в детстве примерно так же делали. Когда, редко-редко, появлялась на поселковой нашей улице машина, то бежали ей вслед, запахом выхлопных газов наслаждаясь. Да и вообще техника тогда была у нас в большой чести и славе, особенно военная, в кино увиденная: танки, пулемёты, “катюши”...

Помню, пошёл по посёлку слух: “Игрушки в магазин привезли”. Первые после войны такое случилось. Ну, и побежали все их покупать, и матушка тоже. Кушила лучшее, что я только представить мог, — пушку, пушечку. Зелёную такую, тяжёленькую, настоящую, железную... В первую ночь я и заснуть долго не мог — всё щупал её под подушкой...

А природы прекрасной вокруг мы как-то и не замечали почти, потому что частью её себя чувствовали...

* * *

Наконец-то открыли музей усадьбу Фета в Воробьёвке, на родной моей Курцине. Очень редкий, уникальный даже он был человек среди больших поэтов по сочетанию тончайшей, нежнейшей лиричности стихов с могучей деловой, хозяйственной хваткой. Да и в армии дослужился до высокого офицерского чина, это тоже надо было суметь. Вот тебе и “Шёпот, робкое дыханье, трели соловья...”

Толстой, долго находившийся с ним в оживлённой дружеской переписке, однажды получил от Фета стихотворение, написанное на обороте хозяйственного, бухгалтерского счёта, и был этим восхищён. Счёл такое одним из признаков истинного поэтического таланта...

Будучи ярым поклонником Шопенгауэра, Фет много лет его переводил. И вот читаю я как-то этого философа, тоже из любимых, и чувствую, что качество текста вдруг меняется, художественней становясь. Оказалось, что Фет это место перевёл. Также сочетание со стихотворством редчайшее.

* * *

Приходилось когда-то рецензировать рукописи — сложное это дело, ответственное, требующее некоей особенной честности и перед автором, и перед самим собой. Тут соврать, как перед Духом Святым соврать, грех большой...

Теперь, и очень давно уже, не рукописи оцениваю, а вещи опубликованные, и только для самого себя. И чувствую, что к прежней оценке главной — талантливо или бездарно — присоединилась ещё одна, не менее важная: полезно для души или вредно? Потому что лавина прямо-таки вредного на нас рушится многие уже годы, погребая души человеческие под собой. А вот душеполезное, светлое, доброе мелькает лишь изредка...

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...*

Именно это Пушкин в “Памятнике” на первое место поставил, а уж он-то знал, что почём...

* * *

Жил я давно в Москве, в Институте повышения квалификации врачей на курсах долгих учился. И как раз книга моя в издательстве “Молодая гвардия” вышла. Купил я её в магазине на Калининском проспекте, натолкал в сумку, сколько влезло. Вышел, закурил в сторонке от людей, на солнышке — хорошая была минута! И книга хорошая — тяжёленькая, толстененькая, в прекрасном переплёте. А тираж такой, какого теперь и во сне не увидишь, — сто тысяч.

Что делать дальше, не медицине же учиться ехать? И поехал я в подмосковную Черноголовку к троюродному брату в гости. Родство далёкое, но по жизни мы были довольно близки, со школы ещё.

Поехал на такси, как богатый. День мартовский, солнечный, шофёр приёмник включил, и песня “Русское поле” по кабине тихонько разлилась. Совсем чудесно!

И вдруг, в состоянии таком размякшем, про брата подумал. Он-то тоже пишет упорно рассказы с юности, а напечатал всего один в коллективном сборнике. Хороший рассказ, по-настоящему хороший... Вот каково ему будет

книгу мою такую увидеть? И стало мне так, что хоть назад поворачивай. И жалко его, и даже стыдно, словно перед ним в чём-то виноватый...

В конце концов, подумал, что работает брат в Институте физики твёрдого тела Академии наук, работа, по его словам, творческая, и завидовать ему, по большому счёту, некому и нечему. А если и позавидует, и это не беда. По мысли Пушкина: “Зависть сестра соревнования и, значит, хорошего роду”.

А та “минута” у магазина очень, конечно, была хороша! Только редки эти минуты и не много в нашей душевной жизни определяют. Другое определяет, простое, повседневное: работа, природа-погода, люди вокруг, такие разные, сочувствие или даже любовь, дрогнувшая вдруг в тебе по вполне незначительному, казалось бы, поводу...

* * *

Был у нас в ракетном полку начальник штаба майор Сергеев, очень мне приятный — за юмор, за редкую в армейской среде естественность и свободу поведения. Служебные обязанности я выполнял нормально, а в остальном вёл себя довольно разгильдяйски, за что и получал от майора очередной “разнос”.

Открычался он на этот раз, помолчал, а потом сказал вдруг задумчиво: “Не пойму, кто у нас тут служит — лейтенант Убогий или убогий лейтенант”. Я засмеялся невольно, услышав такое, и он усмехнулся тоже. Тёплая такая случилась вдруг минута...

И ещё чем-то отдалённо похожее. Стою по вызову перед командиром дивизии, генералом Вишенковым. Тут же и командир полка, и начштаба. Принимаю, что обо мне был у них разговор.

— Почему двух пуговиц на кителе нет? — спрашивает генерал, морщась.

Не нахожу, что ответить, плечами пожимаю.

— А если я на брюках ваших пуговицы прикажу срезать, как военнопленному?

— Я не военнопленный, товарищ генерал!

Мы встречаемся взглядами, и в глазах генерала такая усталость, такая брезгливость и презрение, что меня просто обжигает стыдом.

— Идите, даю вам последний звонок...

Следующего за последним звонком — увольнения из армии, — в которую я попал “добровольно—принудительно”, мне как раз и надо было, но разгильдяйство своё я всё-таки прекратил. Взгляд генерала подействовал. Нельзя допускать, чтобы на тебя так смотрели...

* * *

Очень морозно и ветрено (редкое сочетание на Среднем Урале), иду под лунной вдоль состава с не зачехлёнными танками на платформах. Запах металла от танков, такой явственный на морозе, и так от него тревожно и напряжённо. И Твардовский вспоминается:

*Как прохватывает ветер, как луна теплом бедна,
И как трудно всё на свете: служба, жизнь, зима, война...*

Войны, к счастью, нет, а всё остальное, как у меня в эту минуту...

* * *

Из армии я всё-таки уволился. Очень уж несовместимой с моими литературными делами она оказалась. Видел потом приятелей по общему “призыву” на институтских встречах — подполковников и даже полковников. Все были довольны — служба ясная и простая, впереди — хороший пенсион и не

старые ещё годы. Что ж, кто любит арбуз, а кто арбузные корки, есть такая поговорка. Писательство для меня ближе к “коркам” стоит: дело тёмное, зыбкое, одинокое, душу изматывающее. Но любимое...

* * *

Не по мне пришлась армейская служба, а вот психиатрическая больница, работа в ней многолетняя психиатром и психотерапевтом вполне оказалась впору.

И слышал, и читал, что некоторые, редкие, конечно, люди, впервые попав в монастырь, очень быстро понимают, чувствуют, что хотели бы здесь и остаться, и жить-быть. И монахи таких выделяют своим наметанным глазом. Рассказывала одна знакомая, что ей в монастыре так было и сказано: “Ты наша”. Она согласилась искренне, но в монастырь всё-таки не ушла...

Вот и я, студентом ещё впервые попав в психиатрическую больницу, почувствовал, что именно здесь и хотел бы работать. Душу больным лечить, а не тело.

Современных эффективных лекарств тогда не было, и больные выглядели весьма живописно и вели себя весьма вольно. Мягко говоря.

Помню больного в мании, который, увидев нас, студентов, встал на кровати и начал, как на митинге, нечто вроде лозунгов выкрикивать. Кое-что запомнилось дословно: “У свободы крылья велики, но не сладят с ними дураки... На станцию Воронеж-второй пришёл эшелон лаптей! “Дар напрасный, дар случайный” — всё равно их носить не будут!”

“Больной-то больной, а говорит как остроумно”, — так подумал я...

Никогда потом не жалел, что стал психиатром и психотерапевтом. Да и писательству это чем-то помогало, пожалуй, тайно, глубинно и косвенно...

Вообще говоря, психиатрия интереснейшая и удивительнейшая область медицины, давшая миру не только великих врачей, но и врачей-философов, таких, как Фрейд, Юнг, Адлер. Да и писатели ею нередко весьма интересовались — Толстой, Достоевский, Чехов...

* * *

Первая редакция, в которую я вошёл, уволившись из армии, была редакция журнала “Новый мир”. Волновался, конечно, самого Твардовского можно было встретить и ещё многих, многих...

Уютно мне там показалось: деревянная лестница на второй этаж, старушка на диване, спросившая, кого мне надо, редактор Инна Борисова, сидевшая у настольной лампы с серым вязаным платком на плечах... В приоткрытую в соседнюю комнату дверь был виден такой же полумрак и человек, склонившийся над столом у настольной лампы. По стенам — шкафы с толстенными папками, такие же папки на столе, на стуле в углу. И совершенно тихо, только страницы перелистываемой редактором рукописи шуршат.

Вот тогда я, второй раз в жизни, после посещения психиатрической больницы, почувствовал, что это всё — мой мир тоже. Здесь я хотел бы уж если не быть, то хотя бы бывать...

Редактор прочитала мой рассказ прямо при мне и оставила “для дальнейшего рассмотрения”, пообещав сообщить о его судьбе. А судьбу его я сам узнал месяца через два, на лыжной прогулке в лесу от соседа — поздравил с рассказом в газете “Труд” и с премией за него. Мне это в первый момент показалось бредом, но всё совпадало: имя, фамилия и заголовок рассказа. А через час примерно я уже и газету в руках держал (предновогодний номер!), и рассказ свой читал — первую публикацию в жизни...

Спасибо Инне Борисовой, огромный какой она мне сделала подарок, да ещё к Новому году! Оказалось, что в газету, на конкурсе рассказов, она рассказ мой передала...

А потом жил я целых 15 лет в двух моих “параллельных” мирах — психиатрическом и литературном, с “женой” и “любовницей”, по-чеховски если сказать...

Понятие же “мой мир”, “мой человек”, “мой поэт”, “мой город” так и осталось для меня на всю жизнь важнейшим. И нет больше, тяжелей и опасней ошибки, чем принять чужое за своё...

* * *

Посмотрел дом внука, почти уже готовый для жизни в нём. Близкий пригород, прекрасная природа, и дом прекрасный, просторный, с “запасом” на рост семейства сделанный. Чудо чудное хоть снаружи, хоть внутри.

К концу осмотра, повосхищавшись искренне и вслух, и молча, вдруг спросил себя: хотел бы я жить в таком вот доме? И вынужден был ответить: нет. Самому странно, диковато даже это показалось, но потом понемногу и понимание пришло. Не по Сеньке шапка, если кратко это понимание выразить. Не привыкли мы, наше поколение, к таким домам, а привыкли к домишкам, “углам”, комнаткам, вмещавшим две кровати и тумбочку между ними. Родной мой дом-домишко, например, состоял из комнаты, кухни и коридора. А жили в нём то вдвоём с матушкой, то вчетвером, а одну зиму даже и вшестером. И никаких неприятных воспоминаний во мне эта теснота не оставила, даже ссор не припоминается. Наоборот, было что-то приятное в этой тесноте, душу греющее. И в общежитиях потом, в больших комнатах, буквально кроватями набитых, я совершенно от этого не страдал, воспринимая многолюдье как некий театр интереснейший. И сколько о людях узнал очень важного из-за этой тесноты!

Любопытно, что, начав получать в 70-е годы квартиры при массовой хрущёвской застройке или собственные, основательные уже строя дома, люди часто не могли “освоить” всю их жилплощадь, оставляя комнату — “залу” — в парадно-нежиллом виде. Вроде музейчика такого, напоказ, для гостей. Много раз такое видел. А ещё видел фотографию землянки семьи Гагариных в деревне под Гжатском. Всё там было сделано из брёвнышек и жердей довольно умело. И на Курщине моей после войны землянки не были редкостью. Принимала к себе, грела людей земля-матушка. И Юрий Гагарин сначала в домишко из землянки перебрался, а потом уж в космос залетел...

* * *

Снежное поле искрится под солнцем, в воздухе колкая смесь морозца и тепла, небесная синева такой силы и плотности, что её хочется потрогать. Впереди припорошённый снегом высокий и длинный стог, и я иду к нему на лыжах — постоять рядом, привалившись, отдохнуть.

Когда же подъехал, место затишное, солнечное выбрал. Прислонился плечом, спиной к нему, глубоко вдохнул, как в хату нашу курскую вошёл, в запах её соломенно-хлебный. Теперь расслабиться нужно так, словно ты не в поле, а в доме родном. Добрался наконец...

Дремать можно и с закрытыми глазами, в красноватой под веками теплоте, но и с открытыми тоже. Белое, искристое поле, неба синева, соснячок зелёный напротив неподалёку, солнце, греющее бережно и мягко, не мешают дремоте, а даже помогают ей. Раскрываешься как-то навстречу всему этому и в него понемногу уходишь, становишься им... В конце концов, не только задремал, но, кажется, и заснул с открытыми глазами, ушёл-улетел куда-то далеко-далеко, со всем родным вокруг перемешался...

Очнулся от того, что падать стал, еле ногу успел в сторону падения выставить. Осмотрелся очумело и какое-то мгновение не мог понять, что со мной и где я только что был? В краю каком-то райском?..

* * *

Четверть, примерно, калорий, которые мы вводим в себя с пищей, расходуется мозгом. Как возможно такое, если он, мозг наш, лежит спокойно в черепной коробке, работает сам в себе, никакими внешними, заметными действиями эту работу не проявляя. Да ещё и забирает на эту работу столько энергии — четверть от этого вот куска хлеба, этого вот куска мяса... Забирает и преобразует её, энергию, в нечто умственное, душевное, духовное: в формулу, в стихотворение, в музыку, в молитву. В чувство любви, наконец, к Богу и человеку...

Наука, наверное, даёт какие-то ответы на этот вопрос, но мне не очень хочется их и узнавать. Пусть это останется тайной и чудом. Чудом единства глубинного материи и духа...

* * *

На днях собралась вся наша большая семья за новогодним столом. Именно вся-вся, что редко бывает. Вот и хочется написать про всех, хотя бы кратко.

А началось 62 года назад с нашей с Ириной, для обоих первой, любви. Я даже повесть написал об этом, опубликованную, кстати, в “Нашем современнике”: “Ангелы на велосипедах”. Ангелы — это мы как раз и есть, только ангельского в нас ничего уже, пожалуй, и не осталось, обросли грехами за такой-то срок. А любовь, как ни странно, цела, только изменилась сильно в лучшую, по-моему, сторону. Любовного эгоизма в ней теперь нет.

Главная черта характера Ирины — помощь и служение ближним, — как была в ней с самого начала, так и осталась, разве что возросла. Пятьдесят почти лет служила она семье и пациентам как врач, а теперь только семье служит, если не считать случайных консультаций. Внешне за время нашей общей жизни изменилась мало, постарела разве что...

Сын наш Андрей — хирург и писатель. Или писатель и хирург, можно и так сказать. Как он находит время и силы для совмещения двух таких тяжёлых и серьёзных дел, для меня тайна. Да и для него самого, может быть...

Коллеги мы с ним и по делу врачебному, и по писательскому, а ещё и старые, близкие друзья. Хорошо, слов нет, но и трудновато — зона близости очень уж велика. Что ж, за всё приходится платить, даже и за это...

Самое лучшее для меня — посмотреть на сына, человека в годах, и вспомнить вдруг головастого, серьёзного мальчика лет девяти: то “дядю Баха”, лежа рядом на диване, слушаем, то суслика из трёхлитровой банки на волно на тимской нашей горе выпускаем...

Было время, когда Андрей писал ранними утрами в соседней комнате. Проснусь, увижу полоску света под дверью, и так мне делается спокойно и надёжно: “Солдат спит, а служба идёт”. Да и засну опять...

Внук Дмитрий. Мужчина во цвете лет, если сказать по-старинному. Учился на хирурга, учитывая интернатуру и ординатуру, девять лет. С учёбой работу массажистом много лет совмещал, последнее место такой работы — московский фитнес-клуб “Марк Аврелий”. Интересно, многие ли члены клуба знали, что это за “Марк” такой?

Есть у нас птица деревянная, под потолком на нитке висящая. Маленький Дмитрий любил, сидя у меня на руках, “гонять” её, как мы с ним говорили. Он дул изо всех сил, а она при этом качалась и кружилась, к нашему общему удовольствию. Как-то сидим с ним недавно, я птицу эту взглядом зацепил и подумал, что теперь впору ему меня поднять, да к птице и поднести. Я бы и подул с удовольствием...

Как-то жена Дмитрия Соня сказала мне, что он по натуре трудоголик. Тревожно так сказала. Я согласился с этим и утешил её, как мог. Да, весь он во врачебной своей работе по уши, и это хороший способ жизнь прожить. И людям нужный, и Богу угодный...

Внучка Дарья вслед за братцем по жизни идёт, на вторую половину учёбы в Смоленской медицинской Академии перевалила недавно. И тоже массажистом попутно стала, только работает медсестрой, дежурит по ночам в больнице. Учится так усердно и успешно, что я даже придерживать её в этом пытаюсь, хотя в душе доволен. За что же ещё и держаться в жизни, как не за работу, которая и интересна, и нужна.

Славная она девица, видная собой, как говорится. Настоящая русская краса! А ведь не так давно и в садик, и в школу мы с ней вдвоём ходили, и птицу нашу “гоняли” с азартом...

Невестка Елена, жена сына, из классической рабочей семьи, о чём догадаться трудно, потому что и выглядит, и держится, и говорит она так, словно в пансионе для благородных девиц обучалась. Педагог, мастерица на все руки. В прошлом мастер спорта по акробатике, “верховая”, что особенно опасно. Холодновата по натуре, но меняется неузнаваемо, “тает” прямо-таки, когда внучку Анюту на руки берёт...

Соня, внука жена, эколог и великая любительница лошадей, как, кстати, и Дарья. Даже на ипподроме бывает, где за чистку лошади (это тоже удовольствие) на ней же и поездить разрешают.

В Соне столько света и тепла, что на всех нас хватает и даже остаётся. Первое для неё дело — человека обнять. Кажется, дай ей волю, она бы и на улице всех подряд обнимала...

Анюта, дочь, в этом чем-то её напоминает: наберёт игрушек полные руки, а потом бродит по квартире и всем их раздаёт...

С правнучкой Анютой мы встречаемся каждую неделю, и меня неизменно удивляет перемена, “прибавка”, которая возникает в ней за такой короткий срок. И вдруг думаю: а у меня “убавка”, может быть, такая же? Что ж, хорошо, если так, для общего равновесия и гармонии жизни...

На этот Новый год подарили мне фотографию, Дмитрием сделанную, одну из самых главных теперь для меня вообще. Сидим мы в обнимку с Анютой, и такое блаженство на лицах обоих, райское прямо-таки!

* * *

Отстоял с сыном и внучкой пасхальную службу долгую. Оно и трудно-вато, оно и хорошо этим как раз. Не только помолиться, но и потрудиться надо для Господа. Молитвенный труд, так именно.

Были моменты удивительные, когда чувствовал себя не снаружи, а внутри службы, словно на корабль некий всходил и плыл на нём вместе со всеми в какую-то влекущую, нужную, душу оживляющую, сторону. Туда, где Благо Божье, плыл — так казалось. Потом такое вдруг обрывалось почему-то, и надо было усилием души вновь на этот невидимый корабль попадать и плыть на нём как можно дольше...

* * *

Тоска... То тоска быта, то тоска Бытия. Нет числа видам её и оттенкам, но есть всегда и общее — нехватка чего-то неопределимого, но важнейшего.

А ещё есть иногда в ней, тоске, сильнейший посыл к работе. Вогнать её в усилие рабочее надо и тем хотя бы на время приглушить. Пусть она мотором или, точнее, горючим для мотора рабочего послужит. Много хорошего с её посылки и на её энергии было создано людьми. Даже и творческого в том числе...

Владимир Набоков так о тоске написал: “На самом глубоком и мучительном уровне — это чувство сильнейшего душевного страдания, часто не имеющее объективной причины”. А причина-то есть всегда, только прикрыта морокой повседневной бывает. Богооставленность это. Тоска богооставленности, так скажем. То ли человек от Бога отвернулся, то ли Бог от человека — и вот она, тоска! Высший смысл всего сущего теряется, связи между

предметами и явлениями рвутся, и всё заваливается в кучу ничтожного и случайного мусора. И вокруг человека, и в душе его. Вот это и есть главная причина и “портрет” тоски. Средство же против неё, кроме работы, и самое главное — молитва, связь человека с Богом восстанавливающая.

* * *

Много земли пришлось на долгом уже веку перекопать — и садово-огородной, и строительной, и иной. Люблю это занятие смиренное, а началась любовь с длиннейшей канавы, которую я в 15 лет на нашем поселковом кирпичном заводе выкопал. Очень уж хотелось часы “Победа” купить, вот и подрядился. Оплаты как раз на покупку и хватало, а представление о том, как придут осенью в школу “при часах”, весьма к этому делу подталкивало.

Канаве моей предполагалось быть в сторонке от завода, и это меня обрадовало, потому что сам завод показался настоящим маленьким адом, только в печи сажали не грешников, а кирпич-сырец, который раскалялся там до красноты почти прозрачной. Работали у печей одни женщины, и это совсем уж поразило — и дома они при них, и здесь, значит, тоже...

Копать огород было делом привычным, и на что-то похожее я рассчитывал и тут, но сильно промахнулся: после тонкого слоя чернозёма и песка пошла матёрая глина такой твёрдости, что лопата её почти не брала — только жалобно дребезжала, отколупывая маленькие кусочки глины. Посидел я, подумал, да и пошёл на завод лом добывать.

Лом мне дали, а добавок ещё и рукавицы брезентовые. Спасибо тому мужичку щупленькому, который молча мне их сунул! Вот вспомнил это сейчас и такую живейшую благодарность к нему вдруг почувствовал! Как-то он жизнь прожил, такой догадливый и добрый, и где лежит теперь, в какой земле-глине? Да в той же самой, которую я копал, скорей всего — кладбище наше поселковое неподалёку от завода было...

Канаву я копал почти месяц, да так и не докопал — школа начиналась. А денег, странно, получил даже больше, чем рассчитывал. Часы “Победа” купил и пощеголял ими властью, пока на стадионе из кармана сброшенных перед бегом штанов их не вытащили... Ну, это уже другая история, а вот про канаву мне главное хочется сказать: полюбил я её к середине работы. Проснулся как-то утром и чувствую — радостно на душе, невесть почему. И понял вдруг причину с изумлением — сейчас позавтракаю и канаву свою копать пойду! Я как-то себе даже и не поверил, но подобное повторилось опять и опять. Полюбил, хоть никому об этом не рассказывал — засмеют...

А ведь работа весьма тяжёлая для подростка. Особенно с ломом, с глиной: нарубишь с натугой кучку её, отдохнёшь немного и за лопату — нарубленное выбрасывать, да подальше, чтоб назад не осыпалось. И снова всё повторяется, и опять. А солнце палит вовсю, а ладони саднят распухшие, хоть и в рукавицах. Если же отдых подольше, с лежанием в тенёчке, то еле-еле встаёшь потом: такая в теле слабость и ломота... И всё это вместе было так трудно, и так странно хорошо!

С годами, копая землю снова и снова, я догадался-таки о главной причине своей так внезапно возникшей любви. Она проста и состоит из сочетания физического усилия, всегда почти мне приятного, с пустотой в голове. То есть не полной пустотой, а возможностью свободно думать о чём только хочешь. Хочешь — об однокласснице какой-нибудь думай, хочешь — прекрасное будущее себе сочинишь или даже стихи. И работа простая с землёй здесь не только не помеха, а помощь, мысли и картинки воображения растормаживает и подгоняет.

Вот и мог бы я, в конце концов, стать землекопом, грабарём по-старинному. Может, оно б и неплохо было, только вот вымерла эта профессия почти. Лишь бригады землекопов из Средней Азии появляются у нас порой, и канавы под фундаменты получают у них, как нарисованные — глаз не оторвать. Посмотришь, да и вспомнишь ту, мою любимую, послевоенную, похожую на солдатский окоп...

А ещё с детства полюбил бег, воспринимая его таким же простым, естественным, почти незаметным делом, как и ходьба. Если надо было приятеля навестить, в магазин за хлебом заглянуть, до пруда добраться, то я, не задумываясь, туда и бежал. Рождён, похоже, был для бега, как рождаются для него борзые собаки или лошади.

Потом был долгий период спорта, и тут я тоже, конечно, бегал и даже некоторых успехов достиг. Думаю, если б всерьёз этим занялся, мог бы, пожалуй, и чемпионом каким-нибудь стать.

Когда же спорт кончился, продолжал регулярно бегать “для себя”, что называется. Больше пятидесяти лет бегал, и это была одна из важных радостей и опор в жизни. А если с сыном Андреем бежать приходилось (жаль, не часто), то и совсем уж был полный восторг.

Вот, к примеру, одна такая пробежка летом, в нашем родном Тиму, перед обедом. Погода самая любимая — зной с сильным ветром.

Тим высоко стоит, даже с крепостью Измаил в песне про него, про Тим, сравнивается. Большая заваруха тут в войну была...

Бежим понизу: с одной стороны — гора, с другой — речка Тим. А в промежутке — длиннейшая, прихотливо изогнутая сельская улица. Всё тут на виду: и домишки, и дворы, и сады-огороды, и живность всякая-разная. То кур, купающихся в дорожной пыли, потревожим, то гусей, недовольно шипящих, оттесним в сторону. То мужичка встречного заинтересуем, и он крикнет вслед: “Динаму к ногам привязывать надо!” Догадываюсь, что это он из Райкина, из передачи недавней телевизионной нам выдал...

Андрей уже студент, да ещё и бегун-средневик хороший, и мне трудно-вато вровень с ним бежать. А не так и давно, когда мы только начинали совместные наши пробежки, всё наоборот было...

Дважды останавливаемся на минутку ополоснуться и глоток ледяной, чуть сладковатой воды сделать. Сначала у колодца с низким, над самой землёй, срубом. От него не то что уйти, взгляд оторвать трудно — так прекрасен он с его бревнами во мху изумрудном, с дном песчаным и шевелящимся, живым словно бы, от множества фонтанчиков-родничков. Потом у водокачки задержимся, давно заброшенной, с мыльным плёсиком водозабора. Он мелок, с прозрачной до невидимости почти водой и весь пестрит, сверкает россыпью разноцветных мелких камешков на дне...

Дорога знакома до мелочей и воспоминаний вызывает так много, что даже бегу мешаает, притормаживает. А то вдруг и мысль по поводу оставленной на столе работы мелькнёт дельная, хоть записывай. Одно время я даже хотел блокнотик и карандаш с собой брать, но так и не собрался — лишнее что-то в этом было и даже неприятное. Да и сам бег это испортило бы, самостоятельность и целомудренность его нарушив...

Деревня кончилась и впереди — высоченный, лобастый холм-курган оказался, цель нашей пробежки всей. Взбежали на него с трудом, с натугой и ложимся-падаем на вершине. Земли здесь никогда не пахали, и растёт на ней почти один польнок низенький, серебристый и ершистый. Запах от него, особенно на горячем ветру, лучший, пожалуй, в мире — горечи и сладости смесь. Запах жизни самой. А земля не тронута вековечно и так тверда, что, если сильно ударить по ней молотом, то зазудит, как колокол, весь курган. Так чудится...

Потом прочитаю, что как раз по этому месту, по-над речкой нашей, которая внизу просвечивает сквозь приречную урёму, проходил когда-то Муравский шлях, путь татар и ногайцев на Москву. А не так и далеко отсюда, у села Красная Поляна, где я родился, битва с татарами и ногайцами была ожесточённая и кровавая в 1709 году. Краснополянская битва, которую местные краеведы с Полтавской сравнивают. Преувеличение, скорей всего, но всё равно приятно сознавать, что вокруг не только Родина, но и история её давняя и не очень, потому что кусочки мельчайшие Курской битвы в Великую нашу войну я помню до сих пор...

Домой возвращаешься медленно, неся в себе ощущение, что мы не просто пробежались по родной земле, но и обнялись с ней...

* * *

“Бог есть любовь” — центр и основа христианства. Если так, то смысла жизни и искать нечего — он именно и состоит в увеличении любви и приближении этим к Богу. Сколько в тебе любви, настолько ты к нему и близок...

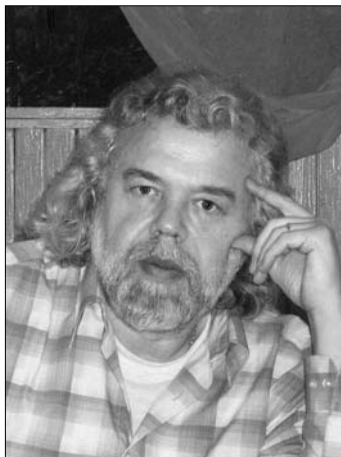
* * *

Иногда засмотришься на что-нибудь: облако, дерево, цветок одинокий и словно бы уходишь не только в это конкретное, но и в мир вообще. И не думаешь в таком состоянии ни о чём, и думаешь как-то обо всём сразу. И хорошо тебе, легко, самозабвенно, ни времени нет, ни пространства, выпал из этого во что-то блаженное, настоящее только лишь... А выходишь из него то ли усилием собственным, то ли через толчок внешний. И укол сожаления, потери всегда при этом — ведь почти в раю побывал, не шутка...

* * *

Сидел как-то на лавке в сквере и вижу: девочка лет десяти, вся в белом, на роликовых коньках катит. Чудесная такая девочка, стройная, легкая и катит чудесно. Мелькнула мимо, как ангел, и скрылась за поворотом аллеи. Сижу, жду со странным интересом и даже нетерпением, когда, сделав круг, она вновь появится. А она — и вот она, со всем её ангельским видом... Мелькнула, а вслед, почудилось, пацан мелькнул из времён давних-давних. В сером ватнике, в валенках с привязанными коньками, в чёрной ушанке, уши которой смешно болтаются на бегу. Мелькнул и исчез, а белая девочка всё ехала и ехала до своего правого поворота. Вот скрылась за ним, и я с лавки встал, пожелав ей во всём удачи...

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

КАК ПРИНЯТО — ЖИВЁМ, НЕ ТУЖИМ

* * *

Едем Тавридой, устал экипаж,
Крепость мелькнула... и вскоре...
Вот перешеек! Слева — Сиваш,
Справа — Азовское море.

Если до боли зажмурить глаза,
Увидишь в тени генуэзцев:
Красноармейцу — по горло вода,
Белогвардейцу — по сердце.

Бьются товарищи и господа,
Не на кого положиться...
Ржавый колчан разъедает вода,
Тихо стрела шевелится.

Выпили водки, нажали на газ,
Тени остались в дозоре...
Справа, как раненый, стонет Сиваш,
Слева — Азовское море.

ТЮЛЕНЕВ Игорь Николаевич родился в 1953 году в посёлке Ново-Ильинский Пермской области. В 1991 году с отличием закончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. Автор многих поэтических книг. Член Союза писателей России. Постоянно печатается в нашем журнале. Живёт в Перми.

— В России стих непобедим! —
Так я сказал жене.
— Смотри, к нам наш вернулся Крым,
Как воин на коне.

“Когда мы возвратимся в Крым”, —
Я кровью написал.
Глагол не превратился в дым,
Вернулся Крым — я знал!

Но как мой стих бесил врагов!
Гундосил либерал,
Как чёрт, хотя и без рогов —
Давно рога сломал...

А Крыму что? Он снова наш,
И наш в Крыму народ!
Вновь аки посуху Сиваш
Русь переходит вброд.

РОДНОЙ ПОСЁЛОК

В родной посёлок уезжаю,
Друзей забросив и трактиры.
Вот классиков я уважаю,
Что застолбили полквартиры.

Бровь опалю огнём из печки,
Печь неумело разжигая.
Ведь человек Христа овечка,
А не волчара никакая...

Куда б, когда б ты ни уехал,
Всегда обратно мысли рвутся.
Расстаться можно с человеком,
А с Родиной не расстаются.

Под осень всюду позолота!
Весной в округе цвет и зелень!
А в небе — белый след пилота,
Покуда нами не потерян...

У ЛАРЬКА

На корточках сидит алкаш.
Он по обличью местный, наш.
Он нужен для стихов и прозы,
Словно шипы нужны для розы.

То наша общая беда —
Разверзлась бездна, душ полна!
Заблудших душ, сгоревших в стопке...
Сердца горят уже без водки.

* * *

Весна прошла. Минуло лето?
Нет, ещё август на дворе.
И изумрудная планета
Шумит, как брага в бунтаре.

Нам горевать с тобою рано.
Ещё не вырублен наш сад.
Пегас мой не порвал аркана
И служит мне, как Росинант.

Как при царе, мы безземельны,
Хоть нет тех мельниц ветряных...
Живём буржуям параллельно,
Как люди русские в пивных.

Как принято — живём, не тужим
Полвека на Святой Руси,
Садясь с молитвою за ужин.
Скворчат в сметане караси.

В буфете есть коньяк и водка.
Для женщин — лёгкое вино.
Есть в сундуке косоворотка —
Не надевал её давно...

Как на полотнах Васнецова,
В окне — родимая земля.
А за дверьми — шинель отцова,
Словно кольчуга, тяжела.

АНДРЕЙ АНТИПИН

КАПЛИ МАРТА

ПОВЕСТЬ

I

Мама легла в больницу в начале марта, и бабушка забрала мальчика в деревню. Иногда мама звонила. Голос её прилетал издалека, словно с конца длинной-предлинной трубы. Бабушка первое время, пока не разругались в пух и в прах, отвечала сама:

— Кто он хоть, доча? Вахтовый? Адрес? Опеть?! Ты же обязана была проверить его документы, когда он поступил к вам в отде... Ну и вертолобая ты! — и, пихнув трубку в руку мальчика, скорей к жёлтому шифоньеру за капельками в бутылёчке из тёмного стекла.

И всегда мамины звонки заканчивались одним. Мальчик звал её приехать и, конечно, пускал слезу. На том конце тоже хлопало, а потом сыпались короткие гудки: курлы! курлы! Как песня осенних журавлей. Их было так много, что если бы все собрать в стаю и заставить разом заплакать, то мама с бабушкой ужаснулись бы: сколько мальчик перенёс из-за них горя! Но, кроме него, никто этих брошенных мамой гудочков не слышал, и поэтому ни одна душа не ведала о приключившейся с ним беде. И мальчик, брякнув трубкой о телефон, выворачивал красный мокрый рот:

— К маме хочу-у-у! Пусть меня забере-о-от!

Набрав из пузырьёчка в рот, бабушка обыкновенно сидела в прихожей. За окошком ронялись с крыши первые сосульки и, звенькнув о бельевую

АНТИПИН Андрей Александрович родился в 1984 году в селе Подымахино Усть-Кутского района Иркутской области. Заочно окончил факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Публикуется в журналах "Наш современник", "Москва", "Юность", "Сибирь", лауреат журнала "Наш современник" (2010). Живет в Иркутской области.

проволоку, разбивались о тротуар. Старуха смуро смотрела на белый свет, как будто и видеть не хотела, и только капельки, собранные под губой, не давали ей выпустить гнев.

— К маме хочешь своей?! С баушкой тебе плохо, которая исть-пить да-ёт?! А-а, шуруй на все четыре стороны! — сглотнув капельки, жалила Клавдия Еремеевна.

Но и она была не из жести:

— Приедет твоя мамка, привезёт тебе о-от такого коняку! Тогда и скачите с ней на пару, моэть, головёнку свернёте...

Не найдя мамы, мальчик забирался к старухе на колени. И Клавдия Еремеевна замолкала, сцепив потрескавшиеся грубые руки у мальчика на животе. На голову мальчику то и дело падали капельки, которые катились по старухиным щекам и свисали с дрожащего подбородка. Но если мальчик заливался во всё горло, то бабушкина печаль была неслышна. Губами, будто жующими зёрна, тоненьким шипящим свистом изо рта да вот этими капельками иссыкала бабушка...

Накануне мама позвонила рано-рано, ещё дремали на печке бабушкины чепарухи. Соскочив с кровати, мальчик попробовал отвоевать телефонную трубку и даже лягул старуху, но Клавдия Еремеевна быстро укротила подзатыльником. Добавила бы ещё, если бы мальчик не зауросил и не убежал в кухню, чтобы пялиться в окно и ковырять ногтем утреннюю сизую скорлупу, обметавшую стёкла.

Как уж он учуял, но только в шкафу обнаружили скрытые от него яблоки — три штуки в газетном кульке! Вот тогда-то и сгрыз одно, а семечки посадил в цветочном горшке, чтобы разрослись и задавили бабкину херань. К осени у него будут свои яблоки, из которых он, так и быть, вернёт этой жадной старухе одно. А может, и два! Только он вытер испачканные руки о бабушкин передник, висевший на гвоздке, как приковьяляла, заваливаясь на бок, больше не любимая им старуха. На удивление, после разговора с мамой бабушка была радостная и просветлённая, точно умытая снегом, с ещё не просохшим лицом. Она не дала ему взбучку за съеденное яблоко, о пропаже которого догадалась по обвёртке у печки.

— Слупил уже?! Хоть куды прячь! Ну да ничё-ё, ешь на здоровье! Скоро и хлебной корочки не увидишь... — Она даже погладила мальчика, шумным носом понюхала его волосы. И он снова полюбил бабушку.

— А почему, баба, я даже корочки не увижу? — когда бабушкины руки отдохновенно легли у него на голове, спросил мальчик. Но бабушка промолчала.

Оставшийся день Клавдия Еремеевна напевала старинное и тягучее. Там был и “красный сарафан”, не шить который умоляла распоясавшаяся старуха свою матушку, и “камаринский мужик”, что напился, наверное, с подымахинскими мужиками на угоре, и “берёзка во поле”, где столовались деревенские трактористы, и “сени мои, сени”...

(О сениях-то чего петь! Вон они — толкни дверь плечом — сумрачные, в белых куржаках* по углам, несмотря на весну... Вмиг окочуришься!)

А потом пошло-поехало — как на майские праздники лёд в Лене — совсем печальное. Не только у бабушки, но и у мальчика, крутившегося под ногами, глаза были на мокром месте. А когда они в последний раз там были без хорошей-то выволочки?! Такая песня велась тяжело, словно несла её бабушка на закорках, с расстановкой — когда “в горку”, а “под горку” — с широким вольным заламыванием руки, которую Клавдия Еремеевна откидывала на сторону, точно занесённое для гребка весло, а потом росчерком ласточкиного крыла стремительно возносила над головой:

*И никто-о-о-о не узна-а-а-ет,
Где моги-и-и-и-и-лка-а мо-о-я-я-я-я-я-я...*

* Куржак — крупный рыхлый иней, образующийся в месте столкновения положительных и отрицательных температур, например, над дверью в сениях (прим. автора).

Хорошие были песни! Только грустные. Ну, да за бабушкой повелось, как умер дедушка: радуется — прикладывает к глазам платок, плачет — рот в песнях дерёт...

За песнями да вздохами бабушка почти не отпускала подзатыльников, хотя мальчик вёл себя куда как самонадеянно и даже втихаря посолил картошку в кастрюльке, выставленной Клавдией Еремеевной на горячую печь.

Назавтра она разбудила его чуть свет, одела — только гляделки видать — и, полусонного, повела за ворота, покатила на трясучем автобусе с фанеркой вместо бокового стекла. Потом они скреблись по обледенелой лестнице в гору, мимо серебряных от изморози сосен. Было холодно, у них в деревне теплее, потому что там все топили печки и обогревали улицы. А в городе кирпич да бетон, дым только из высоченной трубы кочегарки, да и тот чёрный, вонючий, как если сунуть в топку дырявый резиновый сапог. Пока-а доскребёшься доверху, до самых облачков над крышами красных трёхэтажек... Вот и взялся инеем шарф на лице! Из рта бабушки, порыбы хватавшего воздух, тоже не бог весть что, то хрип, то кашель, а то и вовсе плевок. Запахнутая в сто одежек, похожая на шерстяной колобок, старуха едва семенила, на последнем издыхании ища нужный больничный корпус среди тех нескольких, что встали в лесу на горе. Но мальчик, выпившись в её руку, всё равно не поспевал, шаркал валками валенками.

В свободной от мальчика руке бабушка несла сумку. Уж чего только они не покладили в неё! И толстые пузатые картошки в лопнутых мундирах, и пупырчатые солёные огурцы, и отваренное в луковой шелухе мягкое, как пластилин, сало, и даже два румяных с мороза яблока! Несла, конечно, одна бабушка. Но и от мальчика помощь: если бы не он, старуха и не заикнулась бы об этих яблоках! Ведь это он добрался до них в шкафу и съел одно — красное, с хрустящей корочкой! — а бабушке только и оставалось, что раскошелиться. Это он, а не кто-нибудь, пожалел для себя другие — уж какие сладкие, слаще съеденного! — и отложил самые-самые... для мамы.

В больнице было чисто и светло-зелёно. Пахло овсяной кашей, рыбными котлетами и компотом. Там оказалось много комнат, больше, чем у них в садике, а ещё больше — детского крика. Ну как в этих закоулках не заплутать? Как среди похожих, словно капли воды, каморок найти одну, где мама? Как во множестве голосов услышать её?! И зачем бабушка посадила его у двери на кожаный диван с пуговицами и приказала не уходить, а сама убрела по коридору — и как в подполье шандарахнулась... Допустим, ещё дома она выделила ему шоколадную конфету из того запаса, что скурковала* и затарила в старом лопнувшем запарнике. Так мальчик не клянул её! Он бы лучше сам пошагал искать маму. А конфету бабушка всё равно скормила бы ему, потому что у неё “деабед” и она может “уйти вперёд ногами”, если слотнёт лишнюю ложку сахара.

На крашеных стенах висели фотокартинки с бледными тётками и ихними кривоногими детками. Однако, задирая на лоб спадавшую ушанку, мальчик ни грамма не заинтересовался чужими мамами, поскольку своей он давно не видел, а от вида других ему хотелось чертить гвоздём по стеклу. Он бы, пожалуй, не отказался теперь от манной каши и компота (только, чур, косточки он разбивает дедушкиным молоточком сам!). Тем более конфета нагрелась в кармане, и он слизал с шуршащего фантика влажный шоколад, а бумажку случайно уронил на пол.

Тут к нему подвалил человек со скользкими руками и в смешном чепчике на голове. Спросил строго:

— Что ты здесь делаешь?

— Я? Я ничего не делаю! — ответил мальчик. И не соврал. Ведь, не дождавшись каши и компота, он только потрогал стоявший в углу, в деревянной тумбе, огромный, выше него, кактус, а ни одной тычки, сколько ни колот пальцем, не отломил, чтобы подложить на бабушкину табуретку, когда они уедут в деревню и мама снова позвонит...

* Скурковать (от “куркуль”) — припастить, припрятать, хранить потаённо, не транжиря или транжиря по великой нужде.

— А это кто бросил?! — Чепчик кивнул на фантик под ногой. — Ты что, не знаешь, как себя нужно вести?

— Знаю. Нужно опустить бумажку в ведро.

— Правильно! А ты почему так не сделал, ведь есть же урна?

— Я хотел, но у вас ведро полное, и мой фантик вывалился обратно, — это была самая чистая правда. Он хотел отнести бумажку в урну...

Чепчик неожиданно засмеялся, сдирая с рук резиновые перчатки. И руки сразу стали большими и волосатыми, как у дяди Фёдора, который к ним с мамой иногда приходил.

— Это здоровая критика! — согласился Чепчик.

Едва он ушёл, как его требовательный голос загремел за стеной. Из коридора прищуршали рассерженные Веник и на длинной палке жестяная Коробочка с откидной крышкой. Крышка откинулась рядом с мальчиком, точно готовясь его сглотнуть, веник метнул. И бумажка от бабушкиной конфеты исчезла в Коробочке, которая напоследок клацнула крышкой:

— Воспитанные дети не будут бросать мусор где попало, даже если нет мусорной корзины! А этот расселся!.. Из-за тебя, обмылок сопливый, наш Главный испортил мне настроение перед Восьмым мартом!

А-а! Так этот Чепчик, оказывается, самый главный у них. То-то он разорялся, то-то много брал на себя!

— А разве март бывает восьмым? — осторожно спросил мальчик, следя, как бы крышечка снова не откинулась, а Веник не смахнул бы его в Коробочку. — Он, по-моему, один на свете...

— Чего?! — у Коробочки крышка поползла вниз, должно быть, от изумления, а мальчик быстро сел на диван и поджал ноги. Но Коробочка не успела его съесть: на выручку ему подоспела бабушка, уже без сумки.

— Чё он тут опять натворил?! — Клавдия Еремеевна, как на вражину, прищурилась на Коробочку, потом — на мальчика. — На минуту остаить нельзя!

Вид у бабушки был решительный. И Веник с Коробочкой, под которой обнаружили Коричневые Тапочки, убрались столоваться у переполненной корзины. Они с бабушкой разделись, в окошечке у Бабы С Чёрной Родинкой На Щеке обменяли свои вещи на медные жетончики (о, неравный обмен, у него только в левом кармане полшубка — четыре скелетона!) и отправились по коридору, откуда бабушка так вовремя явилась и спасла его от участи конфетных фантиков и мандариновых шкурочек.

— Баба, а ты нашла маму? Нашла или нет?! — заныл мальчик. Бабушка, потыкавшись в одну, в другую дверь, в досаде застыла посреди коридора.

Так было однажды, когда мама с дядей Фёдором повели мальчика в “Мир игрушек”. Там он впервые зараз увидел на витрине и оранжевого льва из поролона, и “БелАЗ” на моторчике, и ружьё с резиновой пробкой, и много чего. Дядя Фёдор не успел всего этого купить, потому что мама, цыкнув, поманила дядю Фёдора из магазина, а мальчик не уходил...

— Чего ты не говоришь со мной, баба?! Нашла маму или нет?..

Да, бабушка была сдержаннее. Она не подавала вида, что они заблудились, а когда мальчик потянул её за рукав, не упала на пол и не заколотилась в истерику.

— Тут она где-то. Мне просто одной женщине... тоже из нашей деревни... передать кое-что нужно...

— Какой женщине?

— Какой-какой! — рассердилась бабушка, отворяя очередную дверь. — Надо какой! Пристал, как сера липучая, и ничем от тебя... Здрасьте вам, дехчонки! Я сюды давеча не заглядывала? Нет? А куды я заглядывала? А-а!

Клавдия Еремеевна, насильно улыбаясь, искала мальчика глазами.

— Пошли. Эта толстомясая велела к сестре обратиться...

И Сестры, как назло, нигде не было, потому что пришёл Восьмой Март и увёл всех женщин в парикмахерские, где их “начешут-начепурят, чтоб вашего брата дурить” (бабушка хмыкнула). Бродили по опустевшей больнице, вертели головой. Глядь: возле пустой корзины, насытившись, отдыхают Веник с Коробочкой. Как раз бабушка где-то снова запропала, и мальчику

сделалось скучно жить. Он брякнул крышкой Коробочки, а из неё кубарем — разный мусор. Тут как тут Коричневые Тапочки.

— Ах, вот оно что! — обрадовались Тапочки. Теперь они не были закрыты Коробочкой, и мальчик разглядел, что Коричневые Тапочки — это маленькая круглая Тётка с обиженным лицом, жгучими глазами и надкушенной сосиской в руке. От Тётки пахло вином и винегретом. — Мало того, что этот обмылок капает на меня Главному в Международный Женский день, дак он ещё мусор разбрасывает! А ну-ка, пойдём!

Тётка, схватив мальчика за шиворот, поволокла его по коридору, куда давеча ушёл Чепчик, хоть мальчик и упирался валенком в пол.

— Я на вас не капал, мне нечем на вас покапать! — От потуги осадить Тётку одежонка завернулась у него на спине, обнажив узкие позвонки.

— Капал, капал! — мстительно приговаривала Тётка. — Ты ещё сам не понял, как ты мерзко на меня накапал! Ну ничего-о, ни-че-го-о! Щас я тоже на тебя покапаю, если этот долговязый хрен не убежал к своей дистрофине!

Тащить мальчика вредной Тётке было несподручно, так как он цеплялся за что ни попадя и “работал на публику”, как выразилась Тётка, а затем и вовсе изнорвился, пнул обидчицу в зад, чуть валенок не застрял. Тётка ойкнула и расцепила клешню. Мальчик драпанул по коридору, громко зояя:

— Бабушка-а! А Тётка хочет на меня пока-апать!

Благо, бабушка оказалась рядом. Вспокоенной курицей на крик цыплёнка выскочила из-за двери — глаза горят, посошок в руке, только что пол не скребёт...

“Сейчас насует Тётке в душу и в дышло”.

— Здесь я, Тёмка! — горласто, будто в поле, рявкнула Клавдия Еремеевна. — Ты куда подевался-то, я весь атаж оббегала?!

И, так и не нанеся Тётке урона, снова скрылась за дверью. Оттуда запричитала:

— Потерял баушку! Бежит щас, плачет: “Куда ты, говорит, баушка, подевалась от меня, я весь атаж оббегал, а тебя нигде нету...” Чё ж, как мать родная ему, ничё никогда не жалела, не обижала, не бросала ни на кого... Вот он и не отстаёт ни на шаг, так и хватается за подол, если иду из избы... Ну, где ты там? Лом попереёк сглотнул, чё ли, пройти не можешь?!

...Если бы кто-нибудь объяснил, что мама может быть такой — с живото́м провалившимся, стыдливо прикрытым руками, с глазами усталыми, тоже как будто провалившимися, но и — сияющими, глубокими, со счастьем на дне, какое не спрятать, только если зарыться лицом в подушку... Если бы хоть через стекло бабушкиной избы, да высмотрел прежде тряпичный кулёк, этакий стрекозиный кокон в маминых руках, а в нём этого маленького, розового, вцепившегося в намятый губёнками оттопыренный сосок... Да и сам влажный, потянутый, с молочной пенкой вокруг, выглянувший из кофточ-ки, как земляничка из травы, — о, если бы видел, пусть даже на картинке... И когда бы старуха не шпыняла, не висела, как туча, готовая поразить молнией за малейшую оплошность, — то мальчик не сплеховал бы, не захлопал бы глазами и, конечно, легко узнал маму!

Но он не видел, не ведал, а потому не знал, что так бывает, тем более с его личной мамой.

И он не сразу вошёл в просторную комнату, где на окнах по-домашнему цвели занавески, а в склянке с водой у одной из кроватей пахли всамделишные цветы, подвязанные золотистой кудрявой ленточкой. Там, за порогом оставленного мира, куда ушёл Чепчик и где в поисках мальчика рыскала злая Тётка, он, наверное, повёл бы себя иначе. А здесь мальчик чего-то сдрейфил и не разведаль маму ни в одной из женщин, улыбнувшихся ему. Он уже хотел заплакать, как вдруг та, что держала Розового, назвала мальчика по имени, словно катая во рту нежный хрустальный шарик:

— Тё-ёмка-а! Тё-ё-ёмочка-а! Ты меня забыл? Ну иди, поцелуемся!

Конечно, он тут же вспомнил и этот голос, и этот шарик! Но бабушкина ладонь нащупала его зад ещё раньше.

— Это он — с холода, — отрапортовала Клавдия Еремеевна, а сама утрецилась на стул и, погладив платок вдоль плеч, вынула из волос красный

пластмассовый гребешок и стала разгребать — свалившиеся, седые, сухие, как сено, которое электризовалось и тянулось за гребёнкой. — Вот и не может признать, кто тут настоящий, а кто — на синтепоне...

— Ну, Тёмка, чего ты?! — снова заговорила мама, зажимая пальцами мокрые ноздри. — Обними, сколько не виделась-то!

— Поручайся с братиком, ты его ишо не знаешь, — подбадривала и бабушка. — Вишь, какой фанфарон! Будешь на Новый год апельсинки шелушить: себе — корки, ему — самый цимус!

— Ма-ам! Чего ты так?!

— А чё?

— Говоришь-то... Как будто я нищая, не смогу детям апельсинов купить! Изначально вносишь в их отношения дисбаланс.

— Чё-ё?! — бабушка тоже хлопнула носом, но, как ни пыжилась, из глаз не выцедилось ни граммульки. — Ничего я не вношу! Просто говрю, мол, иди поздоровайся...

— Нет, вносишь! Извини меня, мама, но это так.

— А-а, тебе хоть ничё не говори!

Бабушка сцепила губы и замолкла, уставясь в стену мимо всех.

— Чё ж, так и будешь стоять, как чурка с глазами?! Вишь, я вношу... Дак ты-то хоть подойди, она тебя щас обсопливит всего! — процедила она сквозь зубы.

— Тё-ёмка, помнишь: “Ехали-ехали в лес за орехами, на кочку попали...”

— Башку сломали...

— “...на гудок нажали!” — не слушая старухи, продолжала мама. — Ну, подойди же! Смотри, какого тебе братишку дядя Доктор принёс...

Кроме его, мальчика, мамы в комнате находились ещё четыре чужих. У трёх под грудью — по такому же розовому. И только одна, Китиха, на скрипучей койке у окна лежала ни с чем, подобрав руками одеяло на огромном животе. Эти три румяные, как яблоки, мамы сразу понравились ему. Да и он им, видно, тоже. И лишь лохматая Китиха, как та коридорная Тётка, была недовольна уже тем, что мальчик есть на свете:

— Пришли, разорались... И в праздник нет покоя!

А тут ещё розовый завозкался в своём коконе, выплонул сморщенный поблекший сосок и захныкал, как собачоныйш, у которого отобрали вкусный мякиш. Мама заулюлюкала, зацокала языком, кривляясь, как дурочка с коулочка:

— Ай-лю-лю! Ай-лю-лю!

Забыв обиду, бабушка на плач Розового тоже заворковала, но на свой манер:

— Гляди: разошёлся, как политикан по телевизеру! Так и чешет, так и кладёт на все лопатки! Слушай-ка лучше — баушка споёт.

И Клавдия Еремеевна, откашлянув посуху, быстрым дроботом — слово картошку из мешка — высыпала свою весёлую песенку (а когда-то, да и сейчас иногда, пела её для мальчика!):

*Как у нашего царя —
Топай! Топай!*

Смеясь, мама держала Розового за локотки, а бабушка поочерёдно “топала” его кривыми ножонками, взяв их руками.

*Родила богатыря
Кверху жо... Тьфу! — попой!*

— Вот дак учудила! — закончила бабушка, и все засмеялись.

Кроме мальчика. Он отвернулся к окну, за которым в голубом небе распурилась жёлтая долька, а загадочный Восьмой Март позолотил снег на берёзах... Всё равно мама больше не обращала на мальчика внимания и даже не взглянула на яблоки, которые бабушка со стуком выложила на тумбочку, подоткнув скомканной газетой, чтоб не раскатились. Да и бабушка стала

чужой — болтливой и льстивой, как лиса. И все кругом веселились! Даже Китиха, которая и смеяться-то не могла — глыбой вздулся её живот, — а всё равно колыхалась, как шаткий студень...

И когда бабушка с улыбающимся человечком подошла к мальчику, шёпотом предупредила: “Смотри не урони!” — он чесанул из комнаты, видя перед собой лишь свои сырые от слёз ресницы, словно лес после дождя. Кто-то уже на улице цапнул его за руку...

А потом присеменила бабушка с раскисшими красными глазами. Они сдали жетончики в окошко Бабе С Чёрной Родинкой На Щеке, грустной без цветов Восьмого Марта, и уехали обратно в деревню.

II

Вечером, усталого после дороги, Клавдия Еремеевна не стала наказывать его за побег, а наутро завела в угол — носом в стену. Сама засобиралась на почту: “Выбивать из его, паразита, алименты!” Кто этот паразит и что такое “алименты”, мальчик не знал, хотя имел шесть годков от роду. Это был солидный возраст, когда кругом всё сам: носки надеть — сам, борщ хлебать — сам, валенок швырнуть через переборку, где спит старуха, — и то сам! И всё ж таки он хныкнул для порядка, однако бабушка давно изучила каждый его выверт. Она стояла у раздевалки (самодельной деревянной вешалки с гвоздями вместо крючков) и, прислонясь к дверной колоде, обувала валенки, втыкая одну, потом вторую ногу.

— Чего ты там?!

— Ничего-о!

— Слышу, чего-о! Распустил губернии: пожалейте его, бедного!

Уже одетая, бабушка заглянула в зал, отдернув дверную занавеску.

— Стоишь? — полнобопытствовала вполне миролюбиво. — Охота, наверное, на ухах походить?

— И ничего мне не охота!

— Врёшь! — Подумала. — Сказал бы, что охота, — я, моэть, и отпустила бы тебя во двор... Охота?

— Не-ет!

— Ну и стой тогда, не выламывайся! — и прошагала к чёрно-белому телевизору, постучала ногтем в выпуклый экран. — Не вздумай включа-ать!

— Нужен мне твой старый ящик! У нас ваще телевизор баще твоёго в сто раз. И с пультом!

— Старый я-ящик! Ты заведи для начала такой “ящик”, а потом обзывайся...

— А ты меня, бабка, к маме отправь, а то я сам сбегу!

— Чё ж ты вчера не шёл к своей маме?! Да и сдался ты ей сто лет. У ней теперь другая забота...

Клавдия Еремеевна осеклась, зачастила веками, будто смаргивая посёкшуюся ресницу.

— Ты давай-ка, товарищ, обдумай своё положение! — отворив дверь и вынеся ногу за порог, старуха ещё ожидала, что он запросит прощения. — А то посмотрите: ка-ко-ой! Соскочил и форкнул в дверь, только его и видали! А что у баушки сердце большое?! Что в етим городе скаженный на скаженном, так и лётают на машинёшках?! На это ему наплева-а-ать!

Ушла, хлыбстнув дверью. Нарочно прокандыбала мимо окон, заглянула в одно: строго, нет ли соблюдают её приказ?

Но мальчик тоже был не дурак, тоже постиг все старухины приёмы и стоял смиренно. Он даже скуксился и безутешно подрождал плечами, чтобы бабушка подумала, будто он на правильном пути. Наверное, она так и решила, удовлетворённо кивнула и убрела переулком. Что чёрт её унёс не по угору, мальчик узнал из кухонного окна. К нему он прибежал всякий раз, когда требовалось определить удалённость старухи от избы и вероятность её скорого прихода, а отсюда возможность совершения какой-нибудь проказы. Но нынче никакая проказа, даже самая маленькая, не могла набрести на его ум, большой не по годам.

Он пошёл слоняться по избе (выйти за дверь мешала плашка, накинутая на проушину с уличной стороны). От скуки выкопал из горшка яблочное семечки: много ли подросли за день его отсутствия? Полистал книжку со слипшимися страницами, которую бабушка использовала вместо подставки для сковороды, а то и как разделочную доску. Притомясь от трудов, съел из кастрюли тёплую сваренную картошку, обсыпав солью. Зажевал мякишем, бросив к печке жжёную корку. И запил прямо из бочки, чего бабушка под страхом смерти не позволяла, говоря, что “город проклятой, чтоб ему отрыгнулось на том свете, засял всю нашу матушку Лену!”

Стрелка в настенных часах полезла в самую гору. А во дворе, задумом снегом, всё заволновалось, словно весь этот белый мир был отлит из олова, но вот его нагрели, поднеся на спичке яркий огонь, и олово задрожало, оплывая, смещая углы, контуры, меняя очертания. И когда мальчик придвинул табуретку к окну, от железной печной трубы просочилась по крыше бесцветная капля. Долго, переливаясь, висела на выступе, как бы размышляя, упасть ли ей теперь или лучше дожидаться примороза, застыть, а то, полнясь другими каплями, вылезет в длинную ребристую сосулку и обломится от попадания снежка, запузыренного смеющимся мальчишкой.

Вот, точно всю свою силу собрав на собственном конце, капля перевесила сама себя, перетёкши из точки опоры в точку движения, и быстро, как выплеск иглы в бабушкиной швейной машинке, промелькнула в пространстве между крышей и сугробом...

Ка-ап!

Ничто не изменилось в природе, да и никто, кроме мальчика, не подглядел, как неприметно завершилась судьба мартовской капли. Вслед за первой навернулись другие; заокали в пустой цинковой ванне, подставленной бабушкой под жёлоб...

Изда, не прикрытая ни одной тучкой, смотрела стеклянными глазами за реку, на дику заречную тайгу, сошедшую с хребтов к мёрзлым берегам. Шифоньер вдруг засверкал, как вода в проруби в ясный январский день, и мальчик зажмурился, а затем пристроил руку козырьком ко лбу и стал смотреть. Это солнце нашло незанавешенное окно, юркнуло в него, но тут же и назад, умноженное в зеркале шифоньера! Однако убежать не смогло, растеклось по встречной стене и всё-всё, предназначенное небом гореть во всю ивановскую, прожигать снега и гнать ручейки, осталось в малюсенькой горнице.

За окном потемнело, капельки остекленели на кончиках сосуллек. Легла тень на тайгу и стала дышать, как живая. Воробьи, чистившие клювы на куче парного навоза, набросанного на задах соседнего двора, снялись и полетели под крышу...

Мальчику стало жаль пропавшее солнце. Он зашторил окно, в которое солнышко протекло в избу, а на других, наоборот, развёл занавески. И солнце, благодарно вспыхнув, выпорхнуло сквозь стекло. Снова праздник пришёл на улицу. Забрызгали капельки, отряхнула снег тайга, а воробьи загоношились, теребя травинки из навоза.

...Давно солнце ушуровало на другой конец деревни, расшиперилось над низовскими избами — веселить тамошнюю ребятню. Без него на сердце посерело, а без бабушки сделалось скучно, потому что с кем же препираться? А зеркало, вправленное в шифоньер, и вправду — большое! В таком не только солнце, но и мальчик угнездится с ног до головы, если, скажем, отойти к окну.

Ну, разве что босоножек не будет видно!

Он так и сделал — отошёл и принялся рассматривать себя, точно мальчишку с соседней улицы, с которой ни при какой погоде не может быть замирения. Нет, что и говорить, — он не красавец! В самом деле, разве это красиво — птичий рост, худые плечики, большая косматая голова и эта косо остриженная русая чёлка, притемнившая и без того невесёлые глаза? А обломанные ногти, под которыми свинья ночевала? А рёбрышки наперецёт? А грязные уши?!..

Впрочем, уши-то ещё в субботу бабушка надраила в бане вехоткой — аж заалелись. Ну, да и с чистыми ушами — разве он красавец?! Мама потому и завела себе Розового, что мальчик — эдакое чучело... Тьфу!

О, если бы в кармане у него оказался болт, он обязательно пульнул бы им в зеркало — и бабушка ему не начальница! Подумаешь — бабушка! Пусть она проваливает к этому Розовому, строит ему смешные рожицы, а мальчику на это наплевать! Если на то пошло, он даже может послушаться старуху и выйдет на двор, вот только ножиком скovyрнёт заложку... Не надо было запирать, как преступника!

На этот раз бабушка оказалась хитрее: мало того, что накинула плашку на петлю, так ещё и застопорила щепкой. Ну, да и это не проблема! Надо приотворить дверь (благо, щеколда позволяет), а в щель просунуть лезвие ножа и поддеть плашку, одновременно стукнув по двери, — щепка и вывалится. Раз... и всё!

А во дворе хорошо! Скрипят — как из пенопласта — снежки; пахнет тёплым деревом и проталиной; влажны прутья берёзовой метлы, уткнутой черенком в сугроб у крыльца! С крыши сорятся серебряные семечки, тюкают клювиками рыхлый снег у завалинки, где глубокие норки, будто неизвестные птицы искали чего-то себе на поживу. От тротуара, от поленицы, от избы отслаивается сизый воздух. Поля за огородом, сосняк за деревней, крыша свинарника — в прозрачном газе; смазываются, словно картинки в калейдоскопе. Далеко в поле, меж бурых ковылей и репейников, спешит на свою мышиную охоту лиса, а снег за её хвостом-помелом искрится огненной пылью. Да что лиса! Весна бежит по дворам, по деревенским улицам, машет голубым хвостом, и всё вокруг мерцает кусочками разбитого зеркала...

Что же, всё время торчать на крыльце?

Можно и пройтись по двору. Это не по городу. Тут греха нет, и бабушка, вернувшись с почты, простит ему самовольный уход. Значит, не стоит мандражиться и драпать со всех ног от кашля за воротами. К тому же Лётчик гопил во дворе, скакал на забор, и мальчик вышел посмотреть, не воры ли залезли в амбар, чтобы спереть дедовскую бензопилку. А так-то мальчик, конечно, никогда бы не послушался!

“Лётчик, полай! Не будешь лаять? А почему? Когда я не дал тебе косточку?! Ах, та-ак! Тогда я возьму вот эту палку и кэ-эк тресну тебя по башке!

Ага, сразу забрежал, пустолайка, только я взял палку! Будешь знать, как не ла... Чего? Чего ты вцепился в мои штаны?! Пусти, ты порвёшь, а бабушка скажет, что это я... Ну вот, не пустил! Теперь бабушка даст тебе взбучки и поставит в угол. А мне как гулять с порванными штанами?! Ворота всё равно ничем не откроешь, не сиганёшь через забор и не убежишь к маме!..” Встать, разве, под крышу и попить капелек, а потом умереть, чтобы бабушка не ругала? Всё равно мама завела себе Розового, и ей не будет печально, если мальчик больше никогда к ней не придёт. А у бабушки есть капельки в аптечном пузырьке, она наберёт их в рот и переживёт его отсутствие...

Отбросив палку в снег, мальчик на всякий случай ещё раз примерился к забору. Он был серый от старости, но не хотел расти вниз, как бабушка, и хотя давно накренился, но по-прежнему оставался высоким — даже тайгу за ним не видно, облака лежат сверху белым снегом... Ни за что не преодолеть, разве только на ходулях! А раз так, что тут думать? Штаны-то в любом случае не зашьёшь...

И он всгал под крышу, под синие, как глаза весны, окна зала, потому что с этой стороны струилось звонче и чаще, как будто в каждый из желобков шифера положили по пузырьчку, капроновой пробкой, проткнутой гвоздём, вниз.

Лётчик, беспутный глуховатый кобель, только жрать да спать гораздый, вынул нос из будки, зевнул и стал ждать, когда мальчик напьётся капель марта и умрёт. И мальчик, видя такое радение о своей жизни, задрал головёнку к небу, раззявил рот пошире. Кап! Кап! Кап! — студёные. Кап! Кап! Кап! — жгучие. Кап! Кап! Кап! — прямо на язык... Он не слгатывал их сразу, а накапливал за нижней губой и медленно посасывал, как делала бабушка.

Из сосулек мигали маленькие солнца, слепили глаза. Мальчик закрыл влажные веки, на которые плакало с крыши, и весь превратился в ожидание, когда же капли переселят его и свалят в снег. Но капли всё не переселивали. Только было щекотно во рту, а зубам — стыло, как будто прикусил лезвие ножа. Вот сейчас! Ещё пять! шесть! семь капелек! — и он будет полон, упадёт сосулькой, а пока мама хватится и приедет, он уже растает и утечёт в землю, прорастёт зелёной травкой. И ни одна живая душа не найдёт его. Бабка обтопчет галошами или сечёт тяжкой и швырнёт курам на потеху. Признает его только Лётчик. Но и он, отогнув лапу, окропит жёлтым дождичком, и только за то, что мальчик однажды пожалел ему косточку...

Но что это прошуршало и шлёпнулось в снег?

А-а, это капли одолели сосульку, и она вонзилась в снег. Тяжёлая, глабоко вошла... Ну да, легко гурьбой столкнуть несчастную сосульку! Пусть они его попробуют забороть!

Вон, однако, ещё одна упала, и ещё... Последняя срикошетила от бельевой проволоки и раскололась о тротуар, а её ледяные осколки вдарили по будке, в которой дремал Лётчик. Ха-ха! Так ему и надо, не будет капать на мальчика, как говорила та вредная Тётка в больнице...

...Солнце покренилось к лесу, но уже с этой стороны Лены. Задрожал желястная винт фанерного самолётника, на длинной спице взмывшего над крышей. Это ветерок подул, навёл облаков. И сразу стало сумеречно, особенно за избой. Кто-то прошагал за забором, высекая острым посохом скрипучие ямки, тут же наполняющиеся тёмной водой. Так и бабка скоро вернётся, даром что опять, поди, наведала по пути и Настасью Филипповну, и сестриц Сентабрину с Октябриной, и бабушку Степаниду с дедушкой Анантием, которому сто лет в обед и белая борода вросла в рот, в нос, в фиолетовые уши...

Идти, что ли, домой? Не то и убить может сосулькой, как одну городскую старуху прошлой весной.

III

К вечеру обдало жаром, как из печки.

— Берёсту поднести — вспыхнет! — только и сказала бабушка, потрогав его лоб. — Ну-ка, брысь в постель, чтоб носу не видно!

Она укутала его дедушкиной душистой шубой, ради такого случая принесённой из амбара. Четырёхногий каракатицей сползала в подпол за редькой, разрешила на половинки. В одной выковыряла ямку, капнула в неё ложку мёда и, надвинув вторую половинку, посадила на блюде в протопленную русскую печь.

— Завтре даст сок, будешь пить по три раза в день — вся хворь из тебя вон! — суетилась подле, подносила в стеклянном стакане ярко-красный брусничный морс да подтыкала шубу. — И в какую пору успеет остыть? Я, главное дело, уходила, дак ничем ничего, а пришла — ка-хы! ка-хы! Как старичонка курящий! То и Катеринку, внучку Настасьи Филипповны, прохватило, Цырлы на таких вот кублочках оденет, одежку какую-нито набросит — и ну-у прыгат, ну-у скочет по снегу, как сохатый! Ты-то ладно, от горшка два вершка. Но та-то — ббольшенькая уже, школу нынче кончает, должна понимать! Да хотя чё с них взять? Мать твою привести в пример...

Он слушал да мотал на ус, но ни одному слову не чинил нынче запрета, даже если бабушка костерила маму. И не то чтобы боялся схлопотать за капли марта, день напролёт дробившиеся с крыши. Как было объяснить, что забор слишком велик и мальчик, чтобы прийти к маме синим небом, встал под капельницу и попил?! Ведь он всего лишь хотел помочь, если маме дороже розовый человечек, а мальчик ей теперь — как собаке пятая нога (так в запале обронила бабушка, а мальчик подобрал). К тому же горло у него разгорелось и зудит, как будто продрали колючим ёршиком, каким бабушка скребёт сковородки. Теперь не то что говорить, а тем более спорить со старухой, — сплунуть лишний раз, и то больно...

— И штаны, почти что новые, два раза стиранные, разорвал — как по шиповник сходил! — разорялась на другой день Клавдия Еремеевна,

на широкой доске, обшитой простынёй, утюжка бельё. — Всё-то он может: и баушке прекословить, и простуды цопать, и штаны рвать! Праильно старики говрели: в поле ветер, в заднем месте — дым...

Одним хорошим боком неожиданно повернулась болезнь: бабушка сделалась уступчивей на его просьбы, как молодая, летала с котомкой в магазин, всяко пичкала и баловала. Не успевала она вонзить мальчику под мышку холодный, словно рыбка, градусник, как уже прытью в кухню — то пошурудить в печи, то сдёрнуть с огня плюющуюся салом сковородку с жареными картохами, а то отчерпнуть заварки в запарник, ворчливо стукающий крышкой. Да ещё умудрялась вступить с запарником в перепалку: “Ну, понёс свою политику! Одного его слышно: квух-квух своей крышкой! Только я полешко подкинула, а он уж закашлял-заплевал, как Мотыка чахоточный...”

Вымыв и построив в шкафу вечернюю посуду — от мала до велика, от блюда до суповой тарелки, Клавдия Еремеевна сидела, сдвинув опрокинутые вёдра, на углу лавки в одну доску. В долгожданном покое пила синичьими глотками последнюю в этот день кружку горячего чая. Порожнюю ополаскивала над тазиком и тоже подбирала ей место в ряду. Озиралась: всё ли ладно? Нет, не всё! Обвязывала тряпочкой крышку электрического самовара. “Чтобы тараканы не залезли по дырочкам”, — догадывался мальчик, который не спал и всё-всё видел.

Наконец, расправившись с хозяйством, она подсаживалась к нему. И тогда начиналось! Тут тебе и про бабуку Домну, “кругом себя вертавшуюся, в телка, в собаку ли превращавшуюся”; и про возвращавшегося с царской службы солдата, что летал за ведмой в печную трубу; и про “баушку Петровну”, которая иссушила Лену-магушку — “одне брустьвера, как кости баушки Петровны, лежат”; а то про чёрта, виденного “дехчонкой” на речке Королихе — “сам волосатый весь, как дяшка Андриян, а в зубах — цигарка...”

— А Маруська — где? — на шорох подсевшей бабушки, на скрип панцирной сетки откликнулся мальчик, не поворачивая головы.

...Клавдия Еремеевна молчит, смотрит на месяц за окном. Но у неё своя тяжесть на сердце: “Месяц сентябрь, по всему, сырым будет. Надо картошку пораньше выкопать, а то потом колупаться в грязе, сушить под перебаркой...” Эти неотступные от всего бабушкиного существования думы не мешают ей заботливо паковать мальчика, подбивая со всех сторон одеяло.

— Маруська-то? А в подполе, воюет с мышами да крысами.

— И с крысами — тоже? — дивится мальчик.

— Но-о!

— Дак они её поборят...

— Это Маруську-то?! Ну, парень, сказал, как в лужу бízнул! Насмешил баушку — и только... — И старуха притворно смеётся, обнажая под бледными синеватыми губами жёлтые, как застывшая смолка, но ещё крепкие зубы. — Да она сама накрутит имя хвоста! Сграбастат одную за шкварник да ка-а-ак шваркнет о сусеки — все другие-то и разбегутся, кто куды...

Мальчик тоже смеётся: рад, что Маруська верховодит.

— А Лёччика сильнее?

— Ну, сильнее не сильнее, но спуску не даст. А случись заварушка покрупнее — скажем, полезет Лёччик к Маруськиным котяткам, — дак, пожалуй, ишо наведёт ему причесона.

— А ворона? Что ей Маруська сделает?!

Тут Клавдия Еремеевна задумывается, горкой сложив руки на коленях.

— С той, пожалуй, не сладит. Злющая птица — кто с ней свяжется? Ведьма в перьях. Мы дехчонками шарахались от них, как от оглашенных. Орут-то! Как на похоронах. От неё и Лёччик, поди, спрячется от греха...

— Ворону я не боюсь! — воинственно сжав кулачки, говорит мальчик. — Если она меня клонет, я возьму дедушкин посошок и ка-а-ак трахну её по башке!

— А она ещё раньше каркнет на тебя — ты и стрелишь в штаны, как с горохового супу! — подзуживает бабушка, и от глаз ветвятся морщинки, как лучики от закатного солнышка.

Ну, зачем бабушка насмешничает над ним? Для чего роняет горькие, как польнь за огородом, слова?

— Не-ка, не стрело! — возмущается мальчик, и у него даже спирает дух от обиды. — Я тот раз дрался с ними! Они прилетели клювать свиные хвосты на заборе, а я их прогнал... Ты, бабка, не видала, а трёкаешь своим поганым языком!

— Дак я чем знала, парень?! Я бы знала, дак не говрела, а ты же молчишь — и я ничем ничего...

На ночь Клавдия Еремеевна напихивала прожорливую буржуйку трескучими сырыми поленьями, аж адел разрезанной свёклой железный бочок. В животе мальчика, как в печи, было сытно и тепло — тарелку драников со сметаной умял за ужином! И было темным-темно. Лишь в кухне горела жёлтая луковка, освещающая мальчику путь до ночного ведра...

И в этом-то луковом свегу, под разговор поленьев в печи и бабушкино посапывание, к мальчику стала приходиться мама. Она становилась посреди комнаты, там, где отпечаталась на половице зелёная звезда, — простоволодая и босая, с охапкой огненно-красных цветов, опоясанных золотистой ленточкой, — и в её небесно-голубом платье серебрились, словно волшебные, большие и малые булавки. И он, как на свет, тянулся к маме, не боясь обжечься о цветы, вздымался на постели, а ожившая дедушкина шуба хохотала и душила его в объятьях пустых рукавов. “Мама, приди!” — просил и плакал, и задыхался, и пинался, отгоняя от себя смерть. Но мама, чей тонкий лик пламенел в цветах, стояла не шелохнувшись, как травинка в тихую летнюю ночь.

— Спи, Тёмка, спи! Спи, голубь... — ворожила над ним бабушка, сев рядышком и приняв к себе на колени его растрепавшуюся головку; прикладывала целлофановый кулёк со снегом...

На четвёртый день болезнь пошла на излёт, выморенная редькой и малиной, а вместе с ней исчезло и видение. В носу обсохло, всякую гадость из горла вымел отвар чистотела. Только пятки “ради профилактики” жёг горчиный порошок, насыпанный в шерстяные носки, которые бабушка на ночь смачивала в тёплой воде, а мальчик сдирал под одеялом и блаженно шевелил пальцами, чесавшимися из-за налишшей шерсти. Не видя мамы, он теперь всё чаще думал об отце. О нём помнилось: чёрные задиристые усы, аккуратно сведённые в округлую скобку на подбородке, фанерные петухи, которых вырезал лобзиком, обтачивал шкуркой и красил, да любимая песенка: “Уеду в деревню, заведу непременно корову...” Он и уехал, но не в деревню, а к себе на Украину, где в одиночестве несобранных вишен доживала своё горькое житьё старушка-мать.

...Как слюдяные, однажды заблестели глаза. Мальчик тайком от бабушки отвернул шубу и поднялся напиться. Глотал отмякшим горлом живые комки. “Ну и пусть уехал, скатертью дорога!” — кап-кап с ковшика на жестяную крышку бочки. А вот сухой выстрел — в печке лопнул еловый сучок.

Сидя под лампочкой в прихожей, бабушка с очками на носу читала какие-то бумажки и что-то помечала карандашом. “Надо завтра тащиться на почту, уплатить за анергию. И откуда столь киловатт набежало?!” — вела сама с собой беседу.

— Баб, а почему папка от нас ушёл? — голос у мальчика окреп, и он сам испугался этой доселе неизвестной ему крепости.

Раньше он думал: на его вопросы не отвечают, потому что он ещё мал. Но вот недавно померился — на два пальца подрос, судя по прошлогоднему отчерку на дверном косяке! А бабушка супит брови, сцарапывает зубами наветренные шкурки на губах.

— Чё молчишь-то?!

— А я почём знаю, чё ему, долговязому, надо было! — буркнула, аккуратно складывая бумажки в специальную папочку. — Галя в собесе работала, на шее не сидела, не лаялась хуже собаки... Кто его, Тёмка, знает, по чё твой папка укатил в город этот... Как он называется? Не наш-то теперь?

— Дне-про-пе-тровск! — подсказал по складам, хотя раньше думал, что нипочём не выговорит. Но, видно, горе было настолько велико, что сдалось страшное слово, за которым, точно за забором, он прятался, едва спрашивали об отце.

— Вот он самый и есть. Должно, спутался с какой-нить... прости, Господи! — и укатился — только шубёнка заворачивалась.

Вешая ковш, мальчик не сразу нащупал гвоздок на стене. И снова — кап-кап на крышку! И не поймёшь — откуда...

— А мать... Она не виноватая. Ты вот тот раз убежал из родилки — мать все глаза проплакала. А разве ей можно, в её-то положении?

— А чё она смеётся, как дура?

— Это о матери-то?! — старуха даже подпрыгнула, как будто подвели ток. Нависла, замахнулась, чтобы клонуть. — Ка-а-ак шалбану!

— Я же сказал — “как”, я же не сказал — “дура”! — вовремя сообразив, что отступать — себе дороже, из-под руки закричал и мальчик, давая поправку бабушкиным словам.

— Ты бы ишо! — властно, но уже примирительно хмыкнула Клавдия Еремеевна и вся сдулась, опала, как проткнутое тесто. — Ты должен сочувствие иметь. Она тебя породила, исть-пить даёт, книжки покупает. А откуда у ней в кошельке лишняя копейчонка?

Конечно, бабушка права. Мама лезет из кожи вон, горбатится на него, а он... только кровь пить!

— Ладно, баба, — и вот тут-то голос дрогнул и сломался, а трещинка наполнилась слезой. — Я... не буду обзываться!

— Вот и ладно! Вот и добро!

IV

Весна показала норов: в середине марта припекло, будто из сотен банных совков высыпали жаркие угли. Задымились поленицы и тротуары, а в ограду юркнули от дороги первые ручейки. Сговорившись у ворот, окружили домик Лётчика и, сколько мальчик ни сверлил палкой под заплотом, не утекали из вольготной низины в соседний двор. Лётчик забрался на будку и, засыпая на солнце, лениво поглядывал за тем, как его фатеру обстучает вода, а в ней отражаются звенья до блеска нашлифованной цепи.

Солнце, казалось, не сходило с вышки. На что мальчик просыпался наперёд света, даже раньше бабушкиных чепарушек, а всё равно солнце было уже во-он где, над крышей дальнего сеновала. А укладывался спать — оно только-только покидало свой пост, передавая его недолгой луне, чтобы рано утром снова заступить на службу. Случалось, они встречались в небе, прочерченном зыбями облаков, — исчезающая бледная луна на западе и заревое солнце над заречной тайгой, — будто две собаки на пограничье улиц. Шмыгнув из кровати к окну и прошкрывав ногтем налечь на стекле, мальчик гадал: если солнце, нагуляв жиру, забьёт слабенькую луну, — станет ли оно вместо неё светить по ночам?

Он даже спросил об этом у бабушки, спозаранку ворочавшей кочергой в печи. Но Клавдия Еремеевна, как теперь часто за ней велось, уже с утра была не в духе.

— Выдумал тоже! Вот печь прогорела — это да, уголёк не могу найти, чтоб распалил берёсту... Наверное, то и в мире будет, если луна затухнет. Кто же будет по ночам держать в небе жар?! Солнце большое, дак оно одно в запасе. Пыхнет и сгорит, как спичка. Или, вон, как лампочка — заколебалась покупать!..

Но, слушая просьбы мальчика, солнце не забарывало луну. Каждый в срок вершил свою работу: луна по ночам держала в небе жар, а солнце утром воспалилось от уголька. Снег при согласной работе двух светил чавкал под сапогами, разбрасывался грязными комочками под колёсами автомобилей, выкипал вязкой кашей, которую мальчик, балуясь, хлебал совковой лопатой и даже наполнил ею бабушкины галоши, с осени забытые под сараем. Кое-где высунулась старая снулая трава. Воробы и синицы, сидя в траве, чистили перья и клювы да мудрёно переговаривались, налаживая боевую связь. Контролировали, не крадётся ли из-за угла этот худущий городской мальчишка, не подцепляет ли, бандюган, на своей страшной орудье резину, которая уже не стынет и, сглотнув кожаным зобком дорожный камешек,

аж за избу старухи Аксёнихи тянется, суля всему сущему погибель и урон...

Дни держались тихие, безветренные. Редко за огородом прошелестит включенной верхушкой серый стог, дымясь на солнце сенной лысиной, потной от стаявшего снега, который сошёл не весь и ещё висит по бокам. Но ветки берёзы под окном качались день-деньской и роняли серёжки не от ветра, а от того, что капли бойко пуляли в них с крыши, одевая на ночь в серебряные, до ошкуренной земли, рукава. Крыша почти очистилась, только над кухней, с необветренной стороны, остались надутые за долгую зиму, хмуру сведённые у трубы снежные извивы.

Капать начинало часам к десяти, а замолкало в сумерках. В особенно погожие дни, когда тепла к вечеру накапливалось с гаком и долго ещё в солнце не гасла красная пружинка, проблескивало и ближе к полночи. И мальчик считал дни от капельки до капельки, от первого до последнего выплеска иглы. Ох и много бы этих капелек набралось, если бы под каждую — пузырёк! Но тара была только рядом с крыльцом, под обомшелым жёлобом из осинової колоды. К обеду из него шумело и кипело, как из раскупоренной бутылки шампанского. От быстрой капли в жёлобе надувались пузыри и с клёкотом, как в воробьиной драке, катились к обрыву, каждый стараясь наперёд других поспеть в бочку, наполненную с лихвой. Прозрачной ледяной водой заняли с бабушкой все тары в бане, а чтобы посудины не раздавило, если ночью вдарит мороз, окунули в воду поленья и сверху прижали подручным грузом.

С пробуждением берёз и тополей, с перезвонами весёлых капель и журчанием ручейков заурчало, оживлённо застучало и за забором, в переулке. Это небритые хмурые мужики пилили и кололи дрова, и когда пилили — пахло бензином, а взялись колоть — раскрытым деревом. По временам они глушили обшарпанные тархтелки, зацепив зубастые стартеры резиновыми ручками за бензобаки. Садились на поставленные чурки, подложив под себя верхонки. Закуривали, передавая по кругу полыхавшую спичку, и если та гасла на полпути, то новую не расходовали, а, склонясь головами и часто причмокивая, подкуривались от единственной зажжённой папиросы. Кашляли из больших корявых ртов белыми душистыми облаками.

Иногда мальчик залезал на забор и, по бабушкиному наущению, следил за тем, чтобы мужики “не жучили водяру”. Они со смехом предлагали ему то пилу, то колун, то — тройной одеколон. Но пилу мальчик не мог завести, не умея повернуть стартер, а тяжёлый, сваренный из двух топоров колун не вознёс бы над головой, имея он хоть ещё одну пару рук. И мужики огорчались: “А мы-то с тобой — как с ровней!” Его работа начиналась, когда мужики, чинно разделав хлысты и расколов чурки, возводили длинные двурядные поленницы вдоль забора, от угла до угла. Они делались вдруг неторопливыми, отряхивались у крыльца и, струдив стезгонки, шапки и валенки у порога, в одних носках шли в избу “покалякать со старухой об одном деле”. Вот тут-то и годился мальчик! Он брал метлу и с удовольствием мёл, набирал в лопату корины, щепки и жёлтые опилки и засыпал ямки на дороге, пробурованные весной.

Навоевавшись за день, к вечеру едва волочил ноги, вяло жевал за столом, а сев на разобранную бабушкой кровать, засыпал с чулком в руке, сдёрганым с одной ноги. Сны ему никакие не показывали; крепким и сладким был его трудовой сон, так что маму он видел только днём, в своём воображении. Подумать только: уже вечность прошла с той поры, как они с бабушкой навестили маму в больнице! Теперь он даже не знал, как там розовый человечек, подрос ли он и сучит ли ножонками, думая куда-то удрать. А мама — любит ли она мальчика, как прежде, или даже не думает о нём, потратив свою нежность и карамельки на того, другого?..

Но и мама не знала, что он из-за неё напился едких капель и бабушка, хватаясь за сердце, лазила в подпол за спасительной редькой, вызволяя его чуть не с того света. А Лётчик, варначина, порвал на мальчье штаны. И что вообще весна у них в деревне и скоро, если будет по-прежнему ясно и солнечно, синим пузырьём вздуется Лена, лопнет и хлынет на луга, в поля и огороды, зальёт старухин подвал и бывшую силосную яму возле

электроподстанции, и мальчик будет плавать на плотках с местными ребятами, — конечно, если прежде бабушка за какой-нибудь грех не спустит с него шкуру или Лётчик совсем не загрызёт! Так что коли мама столь сильно, что спасу нет, хочет приехать и привезти ему земляничного мороженого в вафельных стаканчиках, какого не найти в здешних магазинах, ей стоит поторопиться. Не то половодье захлестнёт мост через Казариху, не то мальчик оборвётся со склизкого плота в яму, не то много чего ещё может стрястись без неё...

Особенно ярко вырисовывалась мама в его памяти, если бабушка куда-нибудь отлучалась — спускалась ли она с фонариком в тёмный подвал проверять соления, ковыляла ли к соседке по молоку или ковыряла в огороде чёрную землю под рассаду. И на час-другой, но мальчик оставался один — в избе, в осиротевшей ограде, в пустынном и безжалостном к нему огромном мире. Бывало, что и плакал, а зеркало однообразно отражало его подрагивающие плечи, спинку стула, окно и настенные часы, отмерявшие дни его невесёлой жизни. От их тиканья было ещё горше, ведь рождались и умирали минута за минутой, а мамы всё не было. Она жила где-то там — за горой, за рекой. Да не ему навстречу раскрывались её руки, не над его нечёсаной маковкой тихим месяцем склонялись её губы.

Работы на подворье прибавлялось. Клавдия Еремеевна с ног сбилась, со смертью бабушки тянула и мужицкую ляжку, где вжикая ножовкой, где тюкая топором, а где подпирая колом. В её отсутствие мальчик выучился разговаривать с книжкой, с часами, с кастрюлями, с горшком на окне... Однажды он невзначай выдумал, что и мама — с ним, с утра до ночи, с ночи до утра следит за своим брошенным сынишкой. Уж эта-то мама жила-была только для него, и украсть её не могла ни одна душа, живая или мёртвая, даже бабушка, на ночь затворявшая ставни посохом! Выглянет ли мальчик спросонья в окно — мама лучится в щёлку рассветным солнышком. Выбежит ли на двор — мама в палисаднике белой берёзой, машет серебряным рукавом. Засмотрится ли, ложась спать, в вечернее небо — мама мигает звездой, которая больше и ярче других, ближе к земле, к их с бабушкой избе, к окну, из которого днём ли, вечером ли, гремела ли старуха кастрюлями в кухне или уже спала в спальне, явственно слышалось: “Горюшко ты моё луковое! Чего выдумал, будто я поменяю тебя на кого-то другого! Да за сто тысяч лучших не отдам!”

V

Но пролетали дни, набухало весенней акварелью небо и пахли бензином масляные подтёки на дороге, где мужики дёргали свои бензопилы. Шумно хлопали ручейки, а сумрачные старики в облезлых шапках и валенках с галошами грузили в жестяные корыта и вывозили из дворов снег, мягкий, как сливочное масло. На середине реки пролизалась и стремительно ширилась изумрудная полоса, а под ней ворочалась яркая тёмная вода. Улицы залились велосипедным перезвоном, и на зальной тумбочке всё чаще дребезжала трубка телефона. Это звонила мама, уже из дома. Бабушка беседовала с ней чинно-мирно и почти не обзывалась, однако мальчику не было до этого дела. Неохотно рассказав о своём житье-бытье и до зевоты насытившись бормотанием розового человечка, которого мама нарочно тормошила и щекотала на том конце провода, он скорее прощался и первым нажимал сброс.

— Чё ж ты, парень, с матерью ладом не поговрел? — гадая, как ей так подступиться к нему, чтоб и на путь наставить, и душу не замкнуть, осторожно подкрадывалась бабушка. — Поди, вся в слезах...

Сдружившись с деревенскими ребятами, мальчик вскоре славно освоился и без мамы. Он лепил снеговиков, через час-другой ронявших оранжевые морковины носов, разжигал на проталинах костры, трескуче рвавшие летошнюю траву, плавил в консервных банках свинец, мастерил деревянные кораблики и жевал чёрный вар... К вечеру не то что писк-визг в трубке — самого себя забывал, так что иной раз и бабушке было не докричатся. В сумерках, замотавшись шерстяными платками — один на голове, другой

на поясице, — она объявлялась на улице с неизменным посошком в руке. Нашарив мальчика глазами, выудив его за руку из прочего разного народа, драпавшего от старухиной палки кто куда горазд, влекла за собой, как на буксире.

— Ну ба-а-ба! — канючил мальчик, плетясь за Клавдией Еремеевной — усталый, голодный, с шапкой на затылке, с вымазанным сажей лицом.

Старуха, сухо покашливая, вилля в смертельную дугу согнутым телом, была непреклонна:

— Никаких “нубабов!” не будет больше! Завёл манеру: встал, поел, ноги в руки — и бежать! Вертись баушка, как на угольях, с больным-то сердцем. Переживай: жив он или, моэть, под лёд ушёл...

И мальчик снова сидел взаперти, под надзором старухи, не спускавшей с него глаз, а если бабушка засыпала, за ним следили её раскрытые очки, положенные на тумбочку: дужками — к стене, стёклышками — к двери.

Впрочем, таких заточений, как три недели назад, когда он чесанул из родилки, не было. Иногда ему разрешалось погулять не только по дому, но и по ограде. Правда, за ворота не сунься, а не то агромадные собаки измячат, и Лётчик не сорвётся с цепи, не придёт на выручку, хотя мальчик и подкармливал его корочками и косточками. Но в то же время и забор стал как будто ниже — или это мальчик подрос ещё на палец? — а Клавдия Еремеевна частенько чаевала у Зинаиды Петровны, к которой уходила то наскрести извести на побелку, то — отлить мурашиного спирта на какие-то свои процедуры. И не было ничего плохого в том, что мальчик приставлял к воротам доску, взлезал и, разоружив с помощью проволочного крючка хитроумную задвижку, конечно же, не к ребятам на угор, а к старухе на выручку мчал, дабы оградить от собак, и если всё-таки оказывался на угоре, то чисто случайно.

Не скоро прощала Клавдия Еремеевна, не одно “бабуля”, “любимая” и “хорошая моя” надо было истранижить на впечатлительную старуху. А за воротами жизнь кипела куда бойчее, чем день назад, и уже карусели лебедями парили над угором, увлекая воображение чёрт-те куда, а душу — в пятки! За этими событиями, пронёсся ли он на карусели или пробовал обуздать егозливый велосипедишко, приезд мамы, сама мама, их прошлая совместная жизнь в городе и дядя Фёдор с коробкой конфет — всё понемногу откатывалось за высоченную гору, так что не сегодня-завтра могло и вовсе пропасть из виду. Между ними, вчерашними, между ним самим, который был когда-то, и им теперешним пролегла незримая канавка, как та трещина во льду, отделив одну жизнь от другой. Вскоре даже мечтать о маме, о будущем свидании с ней, о хорошей жизни втроём (раз уж дядя Фёдор исчез, а розовый человечек появился) стало невыносимо.

И лишь иногда он вспоминал себя в вихре буден и ребяческих забот. И тогда печаль от разлуки с мамой нападала с новой силой, и мальчик всерьёз — насколько это было возможно в его возрасте — задумывался: “Всё-таки он забавный, этот Розовый! Ножонками кривыми шевелит... Бежать ему, видишь, надо... Нет, если мама хочет, тогда, пожалуй...”

Но думы эти были редкими и всё равно что чужими, как будто мальчик думал их не своей, а посторонней головой. И это изжилося — с помощью бабушки. Её исправные добрые слова, словно капли с крыши, проели, наконец, и его заглубевшее, обросшее коркой сердце, и в нём задышала проталинка.

— Бабушка, а мама сюда его привезёт? — как-то за ужином, без всякого зачина к этому разговору огорошил он старуху.

Клавдия Еремеевна, отложив ложку, боялась поверить. На всякий случай уточнила:

— Ты про кого?

— Да про этого... В родилке-то.

— Фонбарона? На лето, моэть, и сюды... А почему спрашиваешь?

— Та-ак...

— Это, Тёмка, братик твой. Ты теперь за старшего будешь. Так уж ты приветь, не вороти морду...

Да что же это?! Старуха, наверное, издевается над ним! Ведь не он, мальчик, а этот “братик” пришёл в его жизнь и всё-всё у него отнял! Отныне розовый человечек всегда впереди: в получении апельсिनков и мороженого, в поедании бабушкиных шанег и — можно не сомневаться! — в клянчение маминого внимания и любви... Как же “не вороти морду”?!

...В один из дней бабушка с утра наострилась в магазин — кончилось банное мыло. Большой прорухи в жизни Клавдии Еремеевны и быть не могло. Чего-чего, а порошки стиральные в картонных коробках и тяжёлые бруски серого проштампованного мыла не выводились в амбаре.

— Это потому, что на тебе ни одне штаны в чистоте не держатся! То смолу с чурки соберёт, то сажей вымажется, а то в мазуте извозёкается! А баушка, мало что только отстиралась, опять грей воду, готовь шайки! Вот он и вышел — расход, — рассудила Клавдия Еремеевна, совсем запамятовав: амбарное, “сэсээровское” мыло — ещё из дедушкиного запаса, и ничего не было удивительного в том, что он иссяк. — Поешь, чай попьёшь и можешь погулять по ограде. За ворота не ходи — снова лешак потащит на лёд. Ручьи Сергей Фёдырычу в ограду не пускай, я уж осипла с его бабчей ругаться. С дверьми аккуратно, не зажми средних конечностей, а то снова твоя мама проведёт мне головомойку...

— А мама должна приехать?

— Прива-а-алит, не беспокойся! Сра-азу забудешь баушку, всю её ласку-заботу. Форкнешь в город — только твой хвост и видать!

— У меня нет хвоста! — засмеялся мальчик, недоумевающая, почему бабушка разговаривает с ним, как с маленьким.

Бабушка даже бровью не повела. Наоборот, внезапно омрачилась, погружённая в какую-то неизвестную мальчику тревогу.

— Да, гвоздей в розетку не суй, мало тебя тогда шандарахнуло — полноты облетел, пока стенку не встретил... Всё, я исчезла.

Только бабушка отчалила, а мальчик, слушив яичницу с салом, горбушкой подскрёб донце сковородки и стал думать, смыться ли на карусели или, например, залезть на избу и закрыть трубу фанерой, — как у ворот побибикала машина с жёлтой коробочкой на крыше. Во дворе дёрнулся Лётчик — и забрехал, понёс свою политику, но почти сразу угомонился и приветливо заскулил. Наверное, бабушка забыла деньги и вернулась на попутке...

Но под окошками, набросив кашошон, быстро прошла с тряпичным свёртком под грудью небольшого росточка женщина в пуховой куртке цвета молочной пенки. Над свёртком, который несла бережно, как воду в ведре, поднимался лёгкий парок — всё-таки было хоть и весеннее, но сибирское утро. Следом, стараясь поспеть наперёд и открыть дверь в сенцы, чкиляла бабушка с болтавшейся у ноги пустой сумкой.

О, и без этого чуткого дыхания над свёртком, без пушистой варежки у бабушкиных заблестевших глаз обо всё догадался мальчик! Лязгнув кулачком в стекло, уже не томимый никакими печалаями, отнявшими у него столько счастливых дней его детства, он скакнул с придвинутой к окну табуретки и побежал, не помня потом, как миновал прихожку и сенцы, бабочкой воспарив над избяным, над санным порогами, радостно распахнув двери и руки...

Через день они уезжали. Бабушка прислонилась к окну и тихо плакала, и слёзы вперемешку с капельками из пузырька текли в её дряблый посеченный рот.

Шли по солнечной улице, навстречу такси, хлопая раскисшим снегом и слушая птичью трескотню. И деревенские друзья мальчика ехали следом на велосипедах, прощаясь с ним звонками, чинно обруливая лужи, и форсировали своим умением перед его мамой, которая запрокинула кашошон и была красивой, внешней и ещё совсем молодой. Маленький Серёжка, начмокивая соску, спал на бабушкиных руках, как на двух перевёрнутых радугах, и ничего не видел и не слышал. И со всех стоявших в тени сараев, навесов, дровяников, куда только-только пришёл праздник, со всех крыш всё сорились, всё бежали, подпрыгивая на шляпках гвоздей, всё торопились прожечь снег целебные капли марта — последние у ранней весны, самые светлые, проморгавшиеся для счастья и любви в природе. Их теперь не замалчивали ни радость, ни горе, ни день, ни ночь.

АЛЕКСАНДР ШУРАЛЁВ

НА МЕСТЕ ПОКОСА ВЗРАСТАЕТ ОТАВА...

МАМИНА СТИРКА

Всё чаще вспоминается теперь
со жгучей болью то, что раньше было:
как свежестыранную постель
заботливо для сына мать стелила
и говорила, вмиг перелистнув
все прожитые праздники и будни:
“Сынок, запомни эту белизну
и вспоминай, когда меня не будет...”
Блаженство детства поросло быльём.
Живу и хлеб жую, кручусь, потею,
но, как бы ни стирал своё бельё,
той белизны достигнуть не умею —
белее соли, сахара, снегов
и сказок с лебедиными крылами,
молочных рек, кувшинок, облаков, —
творимой материнскими руками.
Той белизны, которая звала
быть чище, милосерднее, мудрее.

ШУРАЛЁВ Александр Михайлович родился в 1958 году в селе Кушнареново в Башкирии, прошёл трудовой путь от сельского учителя до профессора кафедры русской литературы БГПУ им. М. Акмуллы в Уфе, доктор педагогических наук, член Союза писателей России, автор книг и многочисленных статей по литературоведению, поэтических сборников “Свистулька из стручка акации”, “Дар отавы”... Лауреат ряда международных литературных конкурсов.

Её для сына мама берегла,
ни сил своих, ни жизни не жалея.
Стелю постель, а боль не улеглась.
Короче — дни, а ночи — всё длиннее.
И там, где упадёт слеза на бязь,
мне кажется — бельё ещё чернее...
Мелькнуло что-то светлое вдали,
над горизонтом безвозвратно тая.
За матерями нашими с земли
уходит в белых ризах Русь святая.

КЛЮЧ

Машинка “Зингер”, как штурвал линкора,
в коробочке — конструктор “Сделай сам”,
манящих книг нечитанные горы...
(Я в каждом сне бываю снова там.)
Там первый задушевный звук баяна
и “Эврика!” — победный детский крик,
и, словно бы в глубинах океана,
медузой в трёхлитровке — чайный гриб.
Там всё волшебство: фильмоскопа лучик,
калейдоскоп из стёклышек цветных...
(Они смартфонов нынешних покруче,
и интернетом не заменишь их.)
Там цел и сладок леденец надежды,
и все невзгоды где-то далеко.
Там папа с мамой живы, как и прежде,
а с ними — так надёжно и легко.
Из ночи в ночь тропой воспоминаний
туда меня ведёт привычно сон...
Так безотчётно носят ключ в кармане
от дома, что бульдозером снесён.

ПАТЕФОН

Собравшись ехать в новый дом,
на пыльном чердаке
нашёл я старый патефон,
как архаизм в строке.

Застёжку крышки отомкнул,
в коробке выдвижной
чуть было палец не проткнул
малюсенькой иглой.

Взгляд зацепился за пакет
с узорами тенёт,
а в нём — пластинки давних лет
молчат который год.

Пластинку вынув наобум
и ручку покрутив,
стал различать сквозь треск и шум
продравшийся мотив.

Вот так когда-то первый раз —
тогда ещё пацан —

отец услышал сердцем вальс
и в руки взял баян.

Я ручку бережно крутил,
на круг пластинки клал,
и старый дом про всё, чем жил,
тихонько подпевал.

Мне открывался каждый звук,
как чудо из чудес,
как будто бы воскресли вдруг
кто жил когда-то здесь...

Шофёр, пугая всех окрест,
ругался, жал клаксон,
а я, забыв про переезд,
всё слушал патефон.

ЖЕМЧУГ

Как мыльный пузырь, колыхается радужность снов
над смятой телами усопших постелью земной,
а где-то по-прежнему терпит лишения Иов,
и чинит ковчег для грядущих потоков Ной,
и мытарь Матфей в пыль дороги бросает мошну,
и жгучей проснувшейся совестью петел поёт,
и плачет отрёкшийся Пётр, сознавая вину,
и казни Спасителя жаждет спасённый народ;
как камни за пазуху прячутся тридцать монет,
и Сын исполняет великую волю Отца,
и гвозди пронзают ладони, несущие Свет,
и вечная жизнь открывается через Христа...
Внутри раковины проникая в морской глубине,
песчинка вонзается в плоть и терзает её,
и, мучаясь, мечется жизнь между створок на дне,
в жемчужину преобразуя страданье своё.
Так реки кровавые и пепелищ чёрный дым,
и слёзы сирот, и стенания горькие вдов
вобрал в своё сердце, пройдя по просторам родным,
и осветлил Троицы вечным сиянием Рублёв.
Так каждой былинкою мир расцветает весной,
и так по крупиночке кристаллизуется соль,
и Жемчуг растёт между створками тверди земной,
которым в день Судный искупится страждущих боль.

ДМИТРИЙ ДАРИН

ТРАКТОРИСТ СЕРЁГА

РАССКАЗ

Трактористов на Руси много. Писателей тоже много, даже больше, чем трактористов, хотя для Руси лучше было бы наоборот. Эти два типа людей редко дружат друг с другом, но один раз такое случилось. Хотя и ненадолго. И произошло это в небольшом сельце, в районе городка Сольцы Новгородской области, на одном литературном фестивале.

Писатель приехал туда из Москвы на своём внедорожнике, преодолев более полутыщи километров сносной дороги и полсотни метров разбомбленной. Даже его мощный “Крузер”, или, по-народному, “Кукурузник”, был вынужден опасно накреняться, выползая из страшных выбоин, напоминавших воронки от авиабомб. С собой он вёз белокурую барышню, лет на двадцать моложе себя, которую предусмотрительно называл “музой”. И действительно, среди всевозможных женских статусов — знакомая, спутница, любовница, подруга, пассия, будущая жена, то есть невеста, просто жена, и, наконец, бывшая жена — статус “муза” обладает неуязвимыми преимуществами. Во-первых, любой женщине это лестно и не вызывает немедленного желания перепрыгнуть на следующую ступень. А если повезёт, то и через одну. Во-вторых, это подчёркивает творческий характер профессии её мужчины, что лестно обоим. И, в-третьих, невозможно определить степень близости. Петрарка никогда не прикасался к Лауре, тоже белокурой, кстати, а Александр Сергеевич хвастался своей интимной близостью

ДАРИН Дмитрий Александрович родился в 1964 году в Ленинграде. В 1986 году окончил МГИМО. Проходил службу в войсках специального назначения в Группе советских войск в Германии. Доктор экономических наук. Автор нескольких поэтических сборников и книг прозы. Лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина “О Русь, взмахни крылами...” Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

к Анне Керн в письме другу детства Соболевскому. Так что обычных в окололитературной среде расспросов не было. “Музу” звали Аня. Как Керн, но писателя звали не Пушкин и даже не Александр, но по теме близко — Евгений и тоже Сергеевич.

Поселили Евгения с Анной в отдельной избе, потому что места в общем доме за рекой Шелонь кончились. Гостиный дом и даже баня в огороде на том берегу были переполнены бардами, спящими вповалку со своими верными гитарами и женщинами всевозможных статусов. Это было к лучшему: парк, где проходил фестиваль, находился буквально через дорогу. Изба эта принадлежала сестре начальницы культурного отдела местного района, а муж культначальницы помогал с обустройством гостей.

— Сергей. — Мужчина протянул худую жилистую кисть с синими наколками на каждом пальце.

“Бывалый”, — подумал профессионально наблюдательный писатель, вкладывая в рукопожатие чуть больше силы, чем обычно. На всякий случай.

— Евгений. — “Музу” писатель представлять пока не стал.

— Ну, так чо? Удобства вот в коридоре. Колонка во дворе. По факту.

— Ну, и отлично! — Писатель по России ездил помногу, но ночевать в избах не приходилось давно. — Сергей, как насчёт отметить?

— Фестиваль?

— И фестиваль тоже. А пока — знакомство. Тут как, сельпо далеко?

Сергей улыбнулся всеми морщинами, обвивавшими лицо, будто канаты. В этот момент он помолодел лет на десять...

— Тут всё недалеко. По факту.

— Ну, и отлично! — повторился Евгений. — Как с дороги шкалик-другой не выпить. Дорогу покажешь?

Сельпо располагалось через дорогу, только наискосок. Писатель собрался было идти, но Сергей упредин:

— Я сейчас принесу. Чо? Водки?

Евгений сделал довольное лицо, дескать, народ понимает писателей, как никто, и зашёл в избу.

Муза придирчиво осмотрела “апартаменты” и сморщила курносый носик.

— Мы же ненадолго здесь, Жень?

Евгений отвернулся к окну. Если бы женщин отделить от женских капризов, жить стало бы легче, жить стало бы веселей. Но это труднее, чем отделить море от соли.

— Ты пока располагайся. И радуйся, что отдельный дом, а то спала бы валетом... с каким-нибудь поэтом.

Аня снова сморщила носик, но перечить не стала — Евгений Сергеевич был мужчина вспылчивый.

Писатель вышел во двор. Воздух сразу заполнил лёгкие — вот где дышать можно. Жить нельзя, а дышать можно. “Хорошая фраза, надо записать”, — усмехнулся Евгений Сергеевич, скинул футболку и подошёл к колонке.

Серёга появился, когда он закончил обливаться студёной водой, фыркая, похлопывая себя по бокам.

— “Русскую” взял. Наша, новгородская. Ну, и огурчиков. По факту.

Тут только писатель вспомнил, что денег он Сергею не давал, — тот купил всё за свой счёт.

— Спасибо огромное. — Евгений приложил руку к мокрой груди. — Сколько с меня будет?

— Обижаете. Это с приездом. По факту, — уверенно ответил Сергей.

— Ещё раз спасибо. Но спросить я был должен, верно? — улыбнулся Евгений Сергеевич. Душевный приём снимал усталость лучше любой воды. — Тогда зайдём в дом, вместе угостимся?

Сергей отчётливо помотал головой.

— Не. Я не пью принципиально. По факту. Но спасибо. Заходите через час вон, — Сергей махнул рукой на двухэтажное строение с жестяными башенками, наверное, бывшие палаты какого-нибудь купца второй гильдии, — в администрацию. Там спросите Елену Николаевну, она расскажет, что и где. Программу, по факту.

Евгений не помнил, есть ли в избе холодильник, — водка была тёплой, в магазине, знать, холодильника не было. Он оглянулся, нашёл какое-то ведро, наполнил холодной водой и положил туда бутылку. Не сразу, но охладится.

Муза успела разобрать сумку — разноцветные платя висели на вбитых в стену крючочках и придавали избе окончательно жилой вид. Оказалось, холодильник присутствовал — он стоял дальше, в комнате, поэтому сразу в глаза не бросался. Евгений включил шнур в розетку, холодильник заурчал и принял бутылку водки и банку огурцов в свою белую утробу.

— Вот, ополоснись с дороги — вода свежачок.

Муза залезла в ведро пальчиком.

— Она же холодная!

— И мокрая к тому же. Облейся, взбодрись, а то последние сто километров только носом и клевала.

— Я лучше посплю. Ведь прямо сейчас идти никуда не нужно?

Евгений подумал, что и сам бы прилёт, всё-таки десять часов в дороге. Но засыпать на час — только себя мучить, лучше перетерпеть и уже завалиться вечером до самого утра. А пока он проветрится, погуляет и осмотрится.

— Не нужно. Отдыхай. Я схожу в администрацию. Познакомлюсь, куплю что-нибудь на ужин. И вообще, подышу.

Деревня была самой обычной, один перекрёсток и широкие прямые улицы в четыре конца. Евгений пошёл в направлении от администрации. Пока водочка примет употребительное состояние, он как раз осмотрит один конец. На обратном пути освежит горло и уже явится к культурным властям в полном равновесии. Какая-то собака деревенской породы с умными коричневыми глазами увязалась за ним, осторожно виляя хвостом.

— Эх, собака ты, собака... Проводишь меня на речку, пёсик? — завязал разговор Евгений.

Пёсик махнул хвостом, что, несомненно, означало согласие. Они пошли неторопливо вдоль разномастных заборов. Из-за одних выглядели вишни и яблони, из-за других — зловредный борщевик. Люди везде живут по-разному, но на селе это как-то наглядней. Справившись у одного мужика, хлопотавшего под капотом “копейки”, как выйти на Шелонь, писатель с собакой спрямили путь через лесок. Заросли крапивы и борщевика, как пробор кабацкого полового, разделяла тонкая тропинка. Через пару минут что-то блеснуло через листья, и вот она — Шелонь.

Река была красивой, как почти все русские реки. Заросшая по обе стороны ивняком, она открывалась сразу, внезапно и поэтому удваивала красоту. Так бриллиантовое ожерелье радует глаз из вдруг открытого зелёного замшевого футляра. Течение было изрядным, но в силу не самой большой ширины русла препятствий переплыть бы не составило. Евгений был отличным пловцом и перемахнул бы Шелонь в несколько десятков гребков любым стилем. Собака бы тоже справилась.

Так они постояли несколько минут. Преодолев искушение искупаться, — обратно идти пришлось бы мокрым, — писатель вобрал глазами простор, вдохнул речной воздух и потрепал своего хвостатого знакомого.

— Ну что, пора обратно. Дорогу я запомнил. А если что — ты мне подскажешь. Пошли, что ли?

На удивление Евгения, собака не тронулась с места. Повиляла хвостом, облизнулась, но осталась на берегу. Ну, у собак свои резоны, а писателю пора было на встречу. Да и бутылочка, верно, приняла положенную температуру, при условии, конечно, что холодильник холодил, а не просто жужжал для вида.

Елена Николаевна оказалось типичной представительницей районного культначальства. Вся культура народа держится на таких — изнервленных от вечной нехватки бюджета, капризов артистов, интриг коллег, идиотских законов, делающих их подвижническую работу за рамками инструкций практически полулегальной, но расцветающих на полную русскую красоту, когда мероприятие позади и всё, кажется, обошлось.

Вот и сейчас было заметно, что весь сельский культотдел мало спал последнюю ночь, с утра распечатанная программа вся уже была испещрена поправками, распоряжения причастным отдавались нервно и громко. Заглянувшему в дверь Сергею Елена Николаевна велела проверить экологическую тропу.

— Проверил. Подправил кой-чо ещё вчера. По факту, — ответил было Сергей, но был кратко послан пере проверить.

В принципе, в программе не было ничего такого, что стоило бы запоминать, кроме времени начала мероприятия — 10 утра. Евгений Александрович был членом жюри, а значит, на месте укажут, где сидеть, кого “жюрировать” и жаловать. А вот главный вопрос — что делать до этих завтрашних 10 утра — решать приходилось самостоятельно. Конечно, можно было бы отправиться на ту сторону Шелони к бардам и посидеть с ними у гитарного костра. Но почти все они завтра будут петь то же самое со сцены, а бард, повторенный дважды, уже не тот. Да и возвращаться ночью пришлось бы скорее всего вплавь. А с Аней это напряжно, если только это не Анка-пулеметчица.

Евгений встал, попрощался до завтра, и пошёл к выходу. Водка, которую он так ещё и не отхлебнул, поскольку прошёл на культсовет по прямой, уже заждалась, но пить почему-то расхотелось. Усталость тоже как-то рассосалась, и писатель решил взглянуть на ту самую тропу, что звалась тут экологической.

Парк был разбит со знанием дела. Крутлое озерцо у самого входа напомнило такой же водяной колодец в Чичен-Ице. Но, в отличие от мексиканского, местное озеро не использовалось для жертвоприношений.

— Хотя хорошая мысль — топить здесь бездарных поэтов, — подумал Евгений. — Лучшим — грамоты, худших — в озеро. Как у майя. Чтобы не лезли в стихотворцы кто попало и без всякого риска. А так, глядишь, и призадумаются, может, и займется чем по реальным способностям.

Евгений ещё подумал. Кажется, у майя было принято наоборот: приносить в жертву лучших, но это были уже детали. На жаре напрягать память не хотелось.

Через минуту Евгений вышел на фестивальную поляну. По её краям были установлены симпатичные шашлычные столы со скамьями, вырезанными из цельных бревен, а не дощатые, как обычно. За небольшой сценой с десятком обычных скамеек начиналась та самая тропа — об этом возвещала надпись на деревянном щите. Евгений пошёл по указателю и почти сразу вышел на мостик с верёвочными перилами. Мостик был накинута над оврагом с живописным ручьём, журчавшим меж большими валунами. Ручей приятно освежал. Евгений постоял над водой, послушал усыпляющее журчание и, тряхнув головой, пошёл дальше. Но дальше не было ничего примечательного. Правда, поодаль, в лесу, на небольшой полянке виднелась сказочная избушка из светлого оцилиндрованного бревна — прибежище для небольшой Бабы-Яги, разве что не на куриных ножках, а на валунах, взятых, видимо, из того самого ручья. Рядом стоял Сергей, держа в одной руке сигарету, в другой — топор. Евгений подошёл ближе.

— Не пойму — ровно стоит или не ровно? — спросил Сергей, не поворачивая головы от избушки.

Евгений пригляделся.

— Ровно. А если ей куриные ноги приделать? Чтоб стояла, как хотела?

— Чтоб стояло, как хотела, — самая большая бабская мечта! — тонко ответил Сергей и, зайдя с задней стороны, что-то подтесал топором. — Теперь ровно. По факту.

— Ровно, — подтвердил Евгений, — ладно, пойду отдыхать.

— До завтраго тогда, — прощально махнул топором Сергей, — не просите!

— Постараюсь, — не оборачиваясь, себе под нос произнёс Евгений.

Действительно, по местным тропам он ещё нагуляется за два фестивальных дня. А сейчас пора и Анютку в постельке подвинуть. “Как хотела”, — усмехнулся Евгений, проходя по мостику в обратном направлении.

Проспать удалось, выспаться — нет. То ли от свежего воздуха, то ли от холодной водочки с такой простой и вкусной закуской, то ли от беззаботного ближайшего будущего Евгений любил свою музу весь оставшийся вечер, а потом, проснувшись среди ночи, — почти до рассвета. Муза мурлыкала и кокетливо просила её больше “не терзать”. Евгений, понимая противоречивость женских просьб, действовал от обратного... В результате они оба появились с довольным, но помятым видом на фестивальной поляне через полчаса после начала конкурса. Муза пошла за водой и шашлыком — они не успели позавтракать, — а писатель под неодобрительные взгляды коллег сел в шатре за стол жюри. Коллеги были такие же помятые, но коллективная дисциплина в России всегда надёжней индивидуальной. Евгений пожал плечами и спросил, есть ли у кого пиво. Его немедленно простили, и какой-то заслуженный бард протянул полуотпитую бутылку “Жигулёвского”.

Фестиваль проходил, как все бесчисленные областные литературно-музыкальные фестивали в России. Поэты, декламирующие по бумажке и наизусть, чередовались с поэтами, поющими своё под гитару. Евгений заседал во многих жюри и ездил по многим подобным фестивалям, он давно заметил общее сходство. На десять-пятнадцать людей, рифмовавших свои невнятные переживания, находился один, у которого нет-нет, да и блеснёт неожиданная строчка со свежей рифмой и оригинальным образом. Такому Евгений ставил по десятибалльной системе восьмерку или девятку, остальным общепримирующую пятёрку. Десяток у него не получал никто, но не из-за особой строгости, а из-за надежды, что следующий превзойдёт предыдущего “девятчоника”. Надежда, однако, почти никогда не сбывалась — народная поэзия в основном была крупного помола. Не сбывалась и сегодня, хотя восьмёрка через четыре непрерывных часа набралось тоже четыре.

Несмотря на жару, можно даже сказать, зной, люди редко уходили со зрительских скамеек — публика хотела получить всё, за чем приехала, сполна. Авторы старались на славу, но вряд ли ради славы — здесь её было не получить. Но можно было получить удовольствие от возможности высказаться. Разве можно кому-то отказать в таком человеческом желании? Но вот то, что удовольствие получает зритель, — это почти всегда авторская иллюзия. Впрочем, хлопали всем. Кому — за старание, кому — за смелость, чаще — из жалости. Но были и, как говорится, бурные аплодисменты, когда нравилось само выступление. Это и были восьмёрочники — мнение народа с писательским совпало на все сто.

Евгений оглянулся — хотелось ещё пива, а муза куда-то запропастилась. Можно было и потерпеть, выступления подходили к концу, но что-то припёрло. Евгений извинился перед коллегами и вышел из судейского шатра. На краю поляны стояли мангалы, ларёчки и пластмассовые столики. Он как-то и забыл, что шашлык ему Аня так и не принесла. Музы нигде не было, и Евгений разжился бутылочкой воделенного напитка. Пить пришлось на месте — не идти же судить с тарой — незаметно, как у соседа по жюри, не получилось бы. А получилось бы нетактично по отношению ко всем, прежде всего, к выступающим.

— Она в доме. Голову напекло. Просила передать, по факту. — Сергей появился незаметно, со стороны солнца, как челябинский метеорит.

“Хромает дисциплина в войсках, — подумал про себя Евгений и протянул Сергею бутылку, как давеча протянули ему, — было бы что напекать”.

— Понятно, спасибо.

— Не, я не пью, — отказался Сергей.

Евгений вспомнил, что Сергей уже отказывался.

— Принципиально?

— Ну. По факту, — подтвердил Сергей. — Мы вас с женой ждём в гости опосля. Через час где-то. И банька топится уже...

Ничто так не помогает от всего, как русская баня!

В бане у Сергея все было просто и сердито. Евгений, слышавший знатоком исконной русской бани и имевший свою, сделанную хорошей плотницкой бригадой и по всей науке, был весьма удивлён. Уж где-где, а в толще русского народа должны бы уметь париться. Однако полёк был поставлен край-

не неудачно — близко к печке, которая топилась тут же, изнутри. Поворачиваясь, чтобы добавить дров, можно было запросто обжечь зад о печь. На каменке лежали телеграфные изоляторы, никаких травяных пучков или запарок не предусматривалось, для пара лили простую воду. Веники были хорошие, берёзовые, видимо, собирали в самый сок — на Троицу. Но вениками других типов, хотя бы дубовыми, не запаслись. Вообще баня была больше похожа на мыльню с печкой — на полу стояло несколько шаяк с мочалками.

Но всё равно было хорошо. Пар снял маету. Жара, мучившая целый день, поглотилась влажным паром и вышла с потом. Хлестали друг друга по очереди — Евгений вызвался первым. Парил он искусно, ибо собирал разные стили и “почерки” по всем местам России, где довелось бывать. А бывать доводилось много где — оттуда и наука. Всё хорошее от мастеров идёт, которыми богата Россия. А почему? Потому что мастер, он и хранитель тоже. Основу в деле хранит, своё добавляет. Сергей парил проще — хлопал с двух рук по всему телу, без отяжки, без придавливания, не начёсом, в общем — без тонкостей. Но и так было душевно, с учётом вчерашней дороги и сегодняшней литературы — вдвойне. Наконец, отпарившись, Евгений вышел через низенькую дверь на белый свет. Кадки какой или обливочного ведра у Сергея не было — для омовения служил обычный резиновый шланг, перекинутый через турник. Под напором шланг извивался и лил воду во все стороны, кроме нужной — на парильщика. Евгений схватил резиновую змею и облил себя от макушки до пят холодной водой. Конечно, идеально было бы сейчас прыгнуть в Шелонь, но, как говорил старик Эпикур, — не стоит портить то, что есть, желанием того, чего нет. Струя смывала с тела пот и берёзовые листочки, затекала подмышки и остужала распаренные ступни. Подступала благодать.

В саду у дома жена и начальница Сергея, Елена Николаевна, ставила салаты и посуду на светлую скатерть с цветочками. В накрывании стола принимала участие хозяйская дочка и писательская муза — обе примерно одного возраста. Ничто не сближает женщин так, как совместные застольные хлопоты. Происходит процесс взаимного изучения, отмечания достоинств и, главное, недостатков. Найдя хоть какие-нибудь в другой, женщина мгновенно успокаивается и начинает приглядываться к достоинствам. Это было к месту — меньше напряжённости и неловкостей за трапезой. Сергей, отпарившись чуть раньше, махнул рукой, мол, пора к столу. Евгений махнул в ответ, мол, не задержусь и пошёл в предбанник одеваться.

— Как говорят в народе, после бани последние порты продай, но выпей! — К удивлению Евгения, Сергей разлил всем, включая себя. Увидев вопрос в писательских глазах, добавил: — Я только одну, послебанную. По любому другому поводу — в завязке. По факту.

— С лёгким паром! — понятиливо сказал писатель.

— Ага!

С первой рюмашкой Евгений ощутил себя в состоянии равновесия бытия. Каждый человек испытывал такое чувство, только точка равновесия у каждого разная. У кого в канаве, у кого — выше крыши, а у кого — в горней высоте. Евгений ощущал себя у подножия Монблана. Закатные лучи уже не жгли, а мягко ласкали кожу, словно просили извинения за мучительный зной днём. Очнулись разнообразные пахи и, невидимые глазу, стали проводить вечернюю садовую перекличку. Стали доступны тонкие травяные ароматы, неслышимые в дневную жару. В траве пиликали кузнечики, им внимали застывшие в воздухе перламутровые стрекозы. Земля отдыхала.

Сергей чиркнул спичкой и поднёс огонёк к папиросе. Курил он жёсткий советский “Беломор”.

— За что “ходил”-то? — Как бы невзначай спросил Евгений, показывая глазами на наколотые перстни на пальцах.

— А, — лениво отмахнулся Сергей, туша спичку. — Один раз за драку по пьянке, в молодости ещё, второй — соседа поучил малость. Он мою любимую собаку отравил. Конечно, никто его за руку не схватил, э... не ловил, но я-то знаю, не раз грозился. По факту.

— И за что?

— Так я тракторист. Вона — видишь, стоят мои железяки. — Сергей показал на два трактора, стоящих в дальнем углу сада, у небольшого забора, за которым до пойменных лугов расстилалась пашня. — Я не только себе пашу — соседям, всему селу. Второй трактор специально сам собрал — поменьше, для маленьких огородов. А этот... он тоже тракторист. Но я-то беру недорого, своё заработаю, какой бабке-пенсионерке и бесплатно вспахаю. Ну, стал быть, ему хлеб отбиваю, как он считает. За то и месть. Через собаку. Я ему забор и разворотил железякой. Убил бы — так надолго посадут, не впервой ведь. А жена и дочка как без меня? И так годами дожидались. Я и пить бросил, чтобы по пьяни лишнего не накуролесить. По факту.

Евгений покачал головой.

— Вот представляете, — вступила в разговор Елена Николаевна. — Серёжа весь парк обустроил, обделал все скамейки (писателя чуть дёрнуло на “обделал”, но это осталось незамеченным), столы, сцену сработал. Избушку сказочную в прошлом году построил. И каждый год молодёжь ломает половину. Уж ежели не половину, так треть. Как будто сами детьми не были... — сетовала Елена Николаевна Анне.

Сергей слушал жену с прищуром и ухмылялся в сизый дым.

“Синие руки, а золотые”, — подумал Евгений. Ему захотелось выпить за этого человека — мастера по механике, могущего собрать трактор или обустроить целый парк и неумелого по бане, не знающего, как сделать облив. Доброго для бабки с огородом и злого, способного поуродовать соседа за собаку. Рецидивиста и заботливого отца и мужа. Чисто русский талант! Чисто русская душа! Теперь стало понятно, почему он не взял деньги с гостя за водку. Евгений встал.

— Мне и Ане очень приятно быть в вашем доме, замечательный стол и замечательная хозяйка. Но сейчас что хочу сказать. Этот мир несут на плечах мастера! Предлагаю за хозяина этого дома и мастера — золотые руки. За Серёгу!

Сергей улыбнулся и чокнулся остатками водки — свою единственную дозволенную рюмку он растягивал на несколько раз.

Мужчины всех возрастов, профессий, сословий и взглядов сходятся на двух темах — спорт и женщины. Есть, конечно, ещё политика, но это носит транзитный характер, всерьёз останавливаться на том, что меняется даже в прошлом, мало смысла. И если в спорте есть варианты — футбол, бокс, хоккей или шахматы для гурманов, — то женщин обсуждают только с точки зрения степени наносимого ими зла. Правда, до крайней злобы в этой теме доходят редко, ограничиваются ворчанием по поводу своих женщин и восторгами по поводу чужих. И в этом нет парадокса, потому что каждая чужая — кому-то своя, и её есть кому ругать и... всё остальное.

Но сейчас писатель с трактористом кляли российский футбол. По естественной географической привязке Сергей болел за “Зенит”. Писатель вообще футбол не любил именно по той причине, что любил мастеров. Фраза насчёт того, что мир несут на своих плечах мастера, была авторская и принадлежала ему. Но не поддерживать футбольный разговор в мужском обществе неприлично. Поэтому он ругал всех, даже “Зенит”. Пользуясь этим, женщины кудахтали о своём. Краем глаза Евгений наблюдал, что Аня вела себя естественно, не по-московски. Столичные ужимки куда-то делись, взгляд посвежел, смех позвончел, потерял натянutosть. Она даже помолодела, хотя куда уж было моложе. Она вполне могла бы сойти за одноклассницу хозяйской дочки, только в этом году закончившей школу.

“Словно прожила всю жизнь в этой же деревне, — удивился про себя Евгений, — или это любовь на деревенском воздухе так действует?” Аня действительно понравилась хозяйке и дочке-ровеснице. Это переливало гостеприимное отношение и на него. А это значило, что на следующий раз его будут ждать не только официально, а с душой. А что может быть лучше, когда тебя где-то душевно ждут?

— А ты прикинь, как Аршавин на Европе голландцев затерзал?

— А как Кержаков с трёх метров по воротам мажет? Я за половину его гонорара могу промахиваться ближе!

— Тогда мяч с ноги свалился. Бывает. Даже у Месси. Так вот!

— Месси — гений футбола. Это Леонардо да Винчи футбола! Только не такой везучий, как Марадона. Но Марадона признал его своим наследником. А Зырянов чей наследник? Вот скажи мне, чей?

Серёга задумался.

— Вот поэтому они так играют, что ни от Стрельцова, ни от Нетто, и уж точно ни от Яшина ничего не унаследовали, — закрутил тему Евгений на манер хозяина. — По факту! Потому что демократия — это по количеству, а не по достоинству. Кроме денег, играть не за что. Ни за страну, ни за людей, ни за уважение. За бабло. Вот и нет наследников.

— Да в задницу эту дерьмократию! — подхватил Серёга. — Все воруют, везде беспредел. Хорошо, что моя баба при должности, её в районе уважают. А так — бабли у всех в голове, ты прав. На людей всё меньше похожи, всё не по-человечьи договориться норовят, а купить. А как красоту такую купить?

Сергей замолчал, они не сговариваясь посмотрели за тын, в нераспаханные дуга. Где-то невидимая за холмом текла Шелонь, казалось, обгоревшее за день солнце хотело ополоснуть в ней покрасневшее лицо. Красивая у нас сторона, вот только живут не всегда красиво, подумалось. А вот отказался тракторист Серёга от водки и стал красиво жить, сам красоту мастерит, бесплатно вспахать кому-то незазорно, радость, значит, может подарить. А какая красота без радости?

— Жень, ты того... приедешь на следующий год или как? На подольше? — отвлёк Серёга, затыгиваясь жгучим "Беломором". Курил он часто. — А то на охоту ходим, ружьишко второе найдётся. По факту.

Евгений сепаратно налил себе маленькую и утвердительно выпил.

— Хорошо тут у вас. Как не приехать! Жаль, правда, жаль уезжать, но завтра с утра в седло. Ничего не попишешь.

Прощались недолго — Серёга проводил пару до гостевой избы и, взяв честное писательское слово, что увидятся на следующий год и Аню привезут по факту, пожал перстневыми пальцами руку, повернулся и пошёл домой.

Ночь пошла страстно и быстро. Если бы не потребность поспать перед дорогой, Евгений не отпустил бы вдохновляющую музу из объятий до третьих петухов. Собирались тоже быстро, перекусили, и в десять утра Евгений уже грел машину. Аня заботливо запаслась в дорогу бутербродами, но за водой пришлось идти в сельпо. Выйдя с двумя минералками, Евгений ускорил шаг — у машины стоял какой-то детина в растерзанной красной рубахе с косой в руках.

— Ты Петьку видал? — обернулся детина на шаги. Он спросил весело, но с чертовщинкой.

Евгений почувствовал, что мужик ищет повода пустить косу в ход — не догулял, наверное.

— Сегодня не видал. — Главное в таком контакте — отвечать уверенно. Евгений спокойно подходил ближе, лишая детину пространства для замаха.

— Он мне должен, — уже угрюмой заявил мужик.

Евгений сделал ещё пару шагов и улыбнулся для маскировки. Из окна "Кукурузника" испуганно смотрела Аня.

— Должен, значит, отдаст.

Мужик призадумался.

— Точно?

Евгений подошёл почти вплотную — удара косы уже можно было не бояться. Он успел бы перехватить косовище.

— Наверняка.

Мужик поскрёб свободной рукой распахнутую грудину.

— Ну, ладно тады. А то я и резануть могу. Вона — колёса, к примеру. Евгений понял, что подоспел вовремя.

— Так то — мои колёса. А долг евойный. Разница есть?

Мужик снова поскрёбся.

— Есть. Но увидишь этого Петрилу, скажи, чтобы долг отдал. А не то...
— Первым делом, — заверил Евгений, снова улыбаясь, теперь прощально.
— По факту!

Краснорубашечное лихо шатнулось и пошло в сторону по дороге — в сторону Серёгина дома. Евгений выдохнул, залез в машину и с удовольствием нажал на газ.

Писательский год прошёл быстро, в работе и хлопотах. Богемного образа жизни Евгений сторонился, а диван считал мёртвой зоной эволюции. Всё собирался написать рассказ про свою дружбу с трактористом Серёгой, но что-то мешало: то срочно новую повесть нужно было сдавать, то старый роман править для издательства, то что-то ещё — мелкое, но обязательно срочное.

С Аней, как и со многими предыдущими музами, пришлось расстаться, видимо, пришёл черёд новой. Но черёд чуть не дошёл, и на очередной фестивалёк в Сольцы Евгений отправился один. С того года прежней осталась машина и ухабины на подъезде. Они узнали друг друга, и “фронттовую” полосу удалось преодолеть быстрее и безопасней. Но что-то уже было не так. Старый друг Серёга встретил его у здания администрации нетрезвой улыбкой с бутылкой пива в синих пальцах.

— Женья, друган, я тебя ждал целый год! Молоток, что приехал. По факту! — Серёга протянул руку с бутылкой — вместо рукопожатия получилось “пивожатие”.

“Развязался, не иначе”, — присмотрелся Евгений, но вслух сказал другое. — Привет, Серёг! Как же я мог не приехать, если ты меня ждал!

Они обнялись, от Серёги отчётливо тянуло сивухой.

— А где твоя девушка? Аня? Один приехал? По факту?

Евгений махнул рукой, неважно, мол, потом.

— Ты завтра после программы заходи к нам. Парку́ примем, все дела...

Евгений улыбнулся.

— Конечно, до сих пор помню те посиделки. Хлебно вышло... Завтра и нагряну. А сейчас уж извини, с дороги отдохну малость.

Поселили его в той же избе, с пузатым холодильником в комнате. Евгений уже не пошёл ни за какой бутылкой, просто разделся, выключил свет, чтобы не налетело комарё, лёг на кровать и заснул сразу, как закрыл глаза. Наутро сон слетел рано, только-только наливалась розовым соком зорька. Пропустить такое было нельзя, и Евгений знакомой дорогой быстрым шагом дошёл до Шелони. По-над речкой ещё оставались хлопья тумана, придававшего этой красоте ещё какую-то дополнительную загадку. Ну, а вода на заре — парное молоко, лучше не скажешь. Евгений вернулся отдохнувший, помолодевший и одухотворённый. Как раз для фестиваля.

Сам конкурс прошёл, как и в прошлый раз и, наверное, как во все прошлые разы: участники были довольны, лауреаты — счастливы, члены жюри — пьяны. Но Евгений отказался от финальной выпивки — впереди была Серёгина банька и стол в саду. Мельчить не стоило.

Евгений подошёл к дому тракториста. “Как вчера, словно года не прошло”, — легко удивился быстротечности жизни Евгений и толкнул калитку. Но год всё-таки прошёл — изменения были налицо. На столе вместо скатерти с тарелками были рассыпаны шестерёнки, пружины и прочие механизмы, — очевидно, от хозяйского трактора. Сам Сергей сидел за столом и что-то собирал из частей.

— Здорово, Серёга, — крикнул Евгений почти от калитки.

Но вчерашней радости в хозяине дома он не заметил. Сергей обернулся и вяло махнул рукой.

— Если париться хошь — проходи, знаешь, где. Тока веники береги, мало осталось. По факту.

— А как... после баньки что, не выпьем? — спросил Евгений, показывая на покрытый запчастями стол.

— Отчего же, можно. Только ты за бутылкой сходи, а то у меня закончилось. Пива осталось на кружку, и всё. — Сергей отвернулся и снова занялся шестерёнками. Руки у него заметно дрожали.

Евгений помолчал. Какое-то странное гостеприимство, разительно отличавшееся от прошлогоднего. Так в гости не зовут, уж он бы точно так не стал приглашать. Тем более человека, которого называешь другом. Тем более, которого ты так радушно принимал прошлый раз. Евгений подошёл к столу. От тракториста явно пахло водкой, люди, не выдержавшие зарока, развязавшие, потом из состояния опьянения практически не выходят. Скорее всего, сейчас он находился между запоями.

— Знаешь, Серёг, я, наверное, к бардам пойду. На тот берег. Там и банька, и водка. Звали настойчиво. Так что... бывай.

— Бывай. — Серёга даже не обернулся.

Евгений перестал улыбаться и пошёл прочь от дома. В спину услышал: “Думает, он из Москвы, так ему тут всё подавать должны...” Евгений останавливаться не стал. Что-то объяснить не было смысла. Пьянство делает худшие качества человека главными. Так и демократия. По факту.

ОЛЕГ ЧУХНО

Я ЖИВ СОЗНАНИЕМ СВОИМ...

РИСУНОК

Дождь со щебнем играет в классы.
Воробьи воруют макуху.
Я черчу отчаянно красным
43-го чёрный угол.

Я рисую красные танки.
Перед ними — красные взрывы,
Убегают фашисты в панике
Червяками чёрными криво.

А за окнами тлеют развалины.
Мама кашляет на кровати.
Истекает, тоскою ранена,
Самодельная плошка на вате.

Накрест — рамы. И накрест — раны.
Как победа — любовь и смерть.
Я рисую зло и упрямо
Угол дома, которого нет.

КАТАСТРОФА

Был голос ночи вдавлен в снег.
Был паровоз, как конь, неловок,
Запутался тяжёлый бег
В железе скомканных постромок.

И, вывихнуты наугад,
Вагоны лезли друг на друга...
И медленно пронзала гарь
Судьбы — конвульсии подпруга.

И плач прорезал тишину.
И кровью чистой и душевной
Огонь под небо саданул.
В нём бледные теснились души.

Старик себя не узнавал,
Мать целовала головешку,
И мальчик полз в пустой провал,
Все повторяя: “Ты не мешкай...”

...То, что осталось от людей,
Брело на мёртвый полустанок,
И засыпала мир метель
И лица чёрные крестьянок.

1 января 1967
Воронеж

РУССКАЯ ДОРОГА

Русская дорога. Белая дорога.
Точно отраженье снега, бега, Бога...

Человекокони. Гей, кентавр лохматый!
Закружились спицы — серые солдаты...

Вороная удаль. Исступленье риска.
Вёрсты — мера чуда. Далёкое — близко.

Близкое — далёко. Фокус перспективы.
Развевайте, кони, огненные гривы!..

Над равниной сонной свет звезды неверный.
Радостные звоны лошадиной скверны...

Русская дорога — чёрная дорога
В человекокуче снега, бега, Бога...

1980

* * *

Вот и белый, и синий, и красный!
Ночь играет со мной в светляки...
И полёт их, тревожный и страстный,
Полон чар и невольной тоски.

Отлетают, как тени, заботы,
Сердце ждёт откровенья стихий!
И всё глубже вдвигает природа
Лики скал в острый трепет реки...

И смущает мне душу свеченье
Этих тихих и вещей огнят!..
Что за символы? В чём их значенье —
Фантастических духов огня?!

В душном мраке, где бродят светила,
Где летят привиденья вослед,
Где мнутся и шепчут могилы,
Загорается сказочный свет.

Сны плывут над могучей Россией.
Спят герои, богатыри...
А над ними тревожно и сильно
Разноцветье бессмертьем горит!

Ночь державным торопится шагом —
Белый, синий и красный взвит стяг!
Под глубокое пенье “Варяга”
И “Олега” на вечных устах...

* * *

Между голых ветвей загорелась звезда.
Под ногами — замёрзшие травы.
Сук качнётся, таинственный голос издав,
И кустов коченеют оравы.

В эту ясную ночь при звенящей луне
Тайным мыслям легко предаваться
И с надеждой шутить, и в нестройном огне
Горьких дум тишиной забываться.

А любовь разрывает угрюмую грудь,
А её сторожит неизвестность.
И тоска и страданье мешают вздохнуть.
Грозной бездной зияет окрестность.

Гольй лес красотой дремучей зловещ.
И дорога чернеет простая.
И стоит человек и молчит, словно вещь.
И звезда роковая блистает.

* * *

Что за поле вдали? Что за поле?..
То подсолнухи без голов!
Поражает внезапною болью
Этот мир оборвавшихся снов...

Но упрямо закручены шеи
Прямо в солнце — и ходят за ним...
Это лучшее из отношений
Между небом и полем земным!

1990

БЕСКОРЫСТНАЯ ОРИГИНАЛЬНОСТЬ

Каким было то время – век XX, годы 60-е... Каким мы помним его?

Яркой вспышкой отдельных известных имён, что у всех на слуху? Или картина русской поэзии была намного сложнее, глубже и разнообразнее, потому что и неизвестные, пропущенные этим временем, не востребовавшие талантливые поэты внесли в него свою неповторимую краску?

И здесь мне хочется назвать Олега Чухно (1937–2009). В 60-е он был практически не известен читателю, его не печатали, хотя после приезда из Краснодара в Москву вслед за Юрием Кузнецовым (их творческие судьбы впоследствии резко разошлись) он написал в этот «московский период» жизни лучшие свои стихи, такие как «Тоска», «Катастрофа», «Любовь», «Мир по колено», «Мастер». Одно стихотворение об осени в «Юном натуралисте» (1966, №10) и небольшая подборка под псевдонимом Олег Ямов в «Литературной Армении» (1968, №5) – вот, собственно говоря, и всё, что удалось ему опубликовать в «оттепельные» 60-е, как, впрочем, и в «застойные» 70–80-е и в «перестроечные» 90-е.

Почему?

В автобиографии, написанной в 1996–1999 годы специально по моей просьбе в составленную мной единственную прижизненную книгу его стихов «Стволы и листья» (вышла в 2002 году в издательстве «Вече»), поэт из первых уст рассказал САМ (так она и названа!) о том, как это было: жёсткая цензура, непонимание со стороны редакторов, отторжение литературной среды – и что из этого получилось. И всё-таки эти, даже конкретные, факты не объясняют в полной мере метафизическую суть вопроса «почему?». Для истории отечественной поэзии середины XX века он остаётся едва ли не самым сложным явлением среди таких «не востребовавших» поэтов. Не маргинал, не диссидент, не «самиздатель». Слишком знакомая биография людей поколения 37-го года: раннее сиротство, суворовское училище, филфак, жизнь без прописки в столице, тяжёлая душевная болезнь.

Да, конечно, сегодня можно сказать: в этом случае во всём «виновата» его эстетика. Слишком сложный сплав художественного сознания поэта, вобравший в себя «краски и слова» (А. Блок), – уроки живописи (картины Ван Гога и Босха, чёрно-белая графика), уроки раннего Маяковского (не просто метафора, а метафорическое зрение в целом) и Пастернака (чувственно-трепетное переживание природы, «образ явленный»).

В истории литературы XX века есть справедливый и глубокий подход к подобному рода явлению, его нашёл Дмитрий Святополк-Мирский в оценке поэта графа Василия Комаровского (1881–1914), которому современники не простили его оригинальности: «... в творческом потоке развития он (Комаровский. – И. Р.) был странным завитком в сторону, никуда не ведущим. Но именно такая оригинальность, совершенно бескорыстная с эволюционной точки зрения, и есть утверждение абсолютной свободы, проявление какой-то божественной игры, избытка творческой эволюции...»

И разве блестящий и свободный «Мир по колено» Олега Чухно не укладывается целиком в эту оценку?

Да, признания не было со стороны официоза, власти и номенклатурных поэтов-функционеров, взывавших «другой», верноподданнической метафорой: «Как солнца яростное тело // в ночном окне, // явилась Ленинская тема // опять ко мне... // На трассах, в городах, селеньях, // на авеню // вы говорите сами: «Ленин!» – // сто раз на дню» (В. Костров).

«Всегда во мне» у Олега Чухно, как у подлинного поэта, был весь мир – живой, трагичный, непостижимый. Его сразу же принял Паруйр Севак: «Стихи Олега очень понравились мне. Передайте ему привет и поцелуйте...»

(в письме к автору этих строк от 10.04.1968), оценили их и Павел Антокольский, особо восхищавшийся строкой: “И Христос не взирает на Хама, // “Спаси, Господи!” – голос поёт...”), и Вадим Кожинов: “Чухно выше гораздо большинства современных поэтов” (запись А. Филимонова от 24.01.1992).

Я вспоминаю: в конце 60-х мы часто бывали у вдовы Андрея Платонова Марии Александровны, и во время одного из посещений она подарила ему книгу волшебных сказок писателя с примечательной надписью: “Одному из тех людей, которых любил Андрей Платонов”.

Андрей Платонов любил людей, что “не у всех на глазах”, а внутри себя, по “томящейся теплоте”.

Олег Чухно был именно таким человеком. Перефразируя конечные строки его автобиографии, можно сказать: “Здесь человек не исчез, несмотря на весь трагизм “вещества существования” (выражение А. Платонова). И это тоже, наверное, гекатомба, но уже не книжного, а иного, нравственного порядка.

За блестящим каскадом образов-символов, метафор бытия – зрячее сердце поэта, полное страдания и сострадания к живым мира, будь то Дерево, Муха или Подсолнух; даже яблоки-червивцы, что лежат на земле “тихо, как больные старухи, // не разжав почерневших измученных губ”, вызывают у него чувство жалости (“по-российски жалея пропащих ребят”).

Сам автор, как и созданные им образы, не менее был достоин глубокого сочувствия и понимания. И только на родной Кубани, природе которой он посвятил столько замечательных стихов, этого “драгоценного человеческого вещества” ему не достало.

Последние 20 лет жизни Олега Чухно прошли в Северском психоневрологическом интернате Краснодарского края. Единственным местным писателем, который принял участие в его судьбе, был Виктор Домбровский, бывший тогда секретарём отделения Союза российских писателей. Он принял поэта в Союз, выдал членский билет, который у него тут же украли собратья по несчастью, – им, видимо, тоже захотелось стать писателями; постоянно навещал его, со вниманием относясь ко всем просьбам. И не по служебной должности, а по должной человечности.

Олег Иванович Чухно умер 8 октября 2009 года при невыясненных обстоятельствах. Благодаря стараниям того же Домбровского он достойно похоронен в станице Азовской. На могильном надгробии высечены строки поэта: “Русская дорога. Белая дорога. // Точно отражение снега, бега, Бога”.

Этой русской дорогой – символом художественной Вселенной, созданной поэтом, – предлагается пройти читателю публикуемой здесь подборки.

Эта первая публикация Олега Чухно в журнале совпала с его юбилеем: 80-летием со дня рождения. Она, хочется верить, откроет начало пути поэта к читателю другого, XXI века.

И далее...

Публикация и послесловие Инны Ростовцевой

ИГОРЬ БЕЛКИН-ХАНАДЕЕВ

В ДВЕРЯХ

РАССКАЗ

Старенький утюг фыркает, плюётся паром и будто сердает на мятую пересушенную фланель отцовых рубахи. На чёрной рукояти зажглась оранжевая лампочка — видимо, нужно повернуть диск нагрева в другой режим, но я сразу не догадываюсь, добавляю ещё воды и в десятый раз прохожусь по непослушным манжетам. Пар рычит под уютным гнётом, обжигает мне руку, на ткани откуда-то появляется намертво заглаженная нелепая складка, и с этой складкой вообще ничего нельзя поделаться...

То, в чём отец ходил и на чём спал последнюю неделю, мы вместе с ним утром, в день отъезда в госпиталь, постирали в машинке и наспех, не расправив как следует, развесили на верёвках. И вот, позабытое, всё давно высохло в нашем длинном глухом коридоре, в конце которого на стене, под самым потолком, сколько себя помню, пылится распятие.

Я трогаю его вещи, которые при благоприятном исходе понадобятся ему месяца через полтора — не раньше, а может, через два или три, если что-то пойдёт не так. Надо всё выгладить, аккуратно сложить и убрать в шкаф, и в кои-то веки я глажу старенькое запятнанное подшитое бельё, и меня душат слёзы. Папу готовят к операции.

Мы живём вместе, и у нас странный, если не сказать — неправильный уклад, всё не как у людей: сейчас в привычном понимании слова работает только моя жена Оля — встаёт в шесть утра и, оставляя после себя на кухне ароматы кофе и духов, уезжает на весь день. Родители давно на пенсии,

БЕЛКИН Игорь Анатольевич родился в 1972 году в Москве. В девяностые годы после службы в армии работал грузчиком, охранником, продавцом книг, внештатным корреспондентом в газетах, менеджером в коммерческих структурах. Учился на факультете истории искусства РГГУ. Художник и литератор. Печатался в журналах "Пограничник", "Смена" и других. Живёт в Москве.

но всё силится тянуть наш воз, а я... А я на годы застрял в кашканы своей свободной профессии... Кто-то скажет — “художник”, кто-то — “бездельник”. Пускай. Это временно, когда-нибудь всё наладится, выправится, моя дочка немного подрастёт и перестанет часто болеть, пропуская садик, а я выйду, наконец, из роли няньки и домохозяина, развернусь и воспряну. Сниму мастерскую и найду заказчиков и, быть может, ценителей. А может, и нет. Меня удивляет, как быстро я отстаю от жизни, отвыкаю от людей, города, внешнего мира и красок, а возня с ребёнком, кастрюлями и пылесосом даже начинает мне нравиться. Отвести и забрать дочку, пройтись с утра по продуктовым магазинам — для меня это уже выход в свет. Для меня это уже труд.

До последнего времени весь быт держался на нас с отцом. Если не кривить душой — чаще на нём. Наши женщины не делают женскую работу. У мамы то давление, то депрессия, то бесплодные попытки перевести мои и её собственные творческие поиски в материальные победы. А жена не хлопочет по хозяйству, потому что очень устаёт, зарабатывая деньги на меня и на Свету, на отпуск и на тряпки.

Многое уже пошло не так. Мы все на нервах: то ругаемся, то просим друг у друга прощения за болезнь отца. Мы теперь всегда подавлены, мама плачет каждые полчаса — словно по расписанию, Оля не знает, как себя вести, и поэтому отстранённо отмалчивается, и только Светлашка, приходя из садика, звонко сообщает, что ей весело, потому что выздоровели две подружки, а ещё на полдник в группе давали любимую яблочную запеканку.

— А где дедушка? — опомнившись, завершив садовый рассказ, добавляет она, и мы тихо выдыхаем:

— В больнице...

— А кто варил борщ? Папа? А у дедушки вкуснее. А дедушке делают укол?

— Да...

— А я не боюсь уколов! — взрывается озорным весельем моя дочка и со всех ног несётся в комнату лечить куклу.

Мы ждём дня операции: отец — на больничной койке, с толстой книжкой кроссвордов, мы — дома. У нас обновился семейный лексикон, в квартире то и дело вполголоса звучит медицинская речь: говорим об УЗИ, томографии, диагностике и анестезии. Ещё — о новообразовании. Мы привыкаем к мысли, что это злокачественное новое образование — для всех нас. Со скрежещущим хрустом, как скальпель — большую плоть, кромсает напряжённую тишину нашей квартиры непонятное и злое слово “карцинома”. “...Ома, — концертным эхом отзываются расплывчатые строчки в медицинском справочнике, когда их пытается читать вслух мама, — липома, бластома, атерома...”

В её голосе слышны интонации поэтов-шестидесятников. Мама тоже когда-то читала стихи со сцены. У неё был талант декламатора, но, постоянно переезжая с места на место вслед за мужем, она впустую растратила свой дар на холодных гарнизонных подмостках.

Он впервые пожаловался на боль в боку совсем недавно. Сразу исхудал, помрачнел, и всё понял, тем не менее твердил, как спасительную мантру: “Это камни... Потерплю, скоро выйдут”.

“Карцинома”, — подглядел я в его медицинской карте, когда месяц назад он, с виду постаревший сразу лет на десять, вернулся из поликлиники. Тогда мы никому ничего не сказали — ни он, ни я. И теперь это слово режет на куски всю нашу жизнь, которая, как выяснилось, была, несмотря ни на что, счастливой.

Каждое обследование опарашивает нас новостями: ещё один очаг, ещё одна “ома”, ещё одна боль. По телефону из отца вытягиваем клещами правду — по узелочку, по ниточке, по метастазе...

— Ты когда приедешь, завтра? — серьёзно выспрашивает Светлашка, а из мобильного телефона слышен вымученно-весёлый голос:

— Нет, не завтра, но, наверно, скоро...

На экране светится улыбкой фотография отца. Светлашка какое-то время силится оживить дедушкин образ взглядом, но, в конце концов, теряет и к телефону, и к разговору всякий интерес.

— Через полтора месяца, — чинно, как взрослому человеку, сообщаю я ей правду, когда выключая связь. — Это не скоро.

— Это никогда? — почему-то задаёт она детский вопрос.

— Мне нужно на сигареты и электричку, — буднично заявляю Оле в день папиной госпитализации.

Такое ощущение, что я подросток и прошу деньги у матери. И чувствую себя виноватым в том, что не умею зарабатывать. Оля, выдав мне купюру, уходит. А мама спит — всю ночь не сомкнула глаз — бессонница, депрессия, переживания, кошмары. Опять сто семьдесят на сто тридцать. Мы, мужики, вешаем бельё и, наконец, сами собрав себя в дорогу, едем.

Нелепая старая сумка — не понять, пляжная или спортивная, весёлых радужных цветов, бывшая мамина — оттягивает отцу плечо, пока мы медленно идём с ним вдоль заснеженной платформы. Он ступает тяжело: видно, что нутряная боль не шуточна, и ему стоит больших усилий держаться, как раньше. Мы оба мёрзнем, и он закошелел явно сильнее, но не сознаётся. Свою ношу со спортивным костюмом, халатом, тапочками, старой кружкой и кроссовками он не отдаёт и даже со злостью вырывает из моих рук, когда я пытаюсь помочь. Сам. Всё всегда сам. Военный... Он унижен своей болезнью, пенсией, внезапно нагрянувшей старостью.

Госпиталь за городом. Пока мы сорок минут сидим в теплом вагоне, он вспоминает всю свою жизнь, словно ему необходимо выбрать из неё те фрагменты, которые он возьмёт с собой в операционную и будет бесконечно просматривать под наркозом. Я слушаю его и вдруг понимаю, что, случись подобное со мной, мне нечего было бы вспомнить из прожитого, потому что и сейчас, когда я сосредоточенно смотрю в окно, на самом деле ничего не вижу, не слышу и не чувствую.

— Береги маму, — напутствует он на прощание, когда я определяю его в приёмный покой.

Он недоволен сыном — я давал ему мало поводов мной гордиться. Но сейчас не это его тревожит.

— Спасибо тебе, что проводил, — тихо говорит мне, когда за ним приходят из отделения.

Он ковыляет за санитаром, опустив голову, роняет из рук куртку, которую скоро отдаст на хранение, и, мучаясь, силится наклониться за ней. Для него этот долгий, в светлом ракушечнике, коридор — самый трудный в жизни. Он очень боится. Его страшат наркоз, беспомощность, отводные трубки, которые будут торчать из тела, и наша нарочитая жалость — мы не имеем сил скрыть её и неумело прячем под масками: кто — депрессии, кто — чёрствости.

Пока шли обследования, мы с мамой были у него один раз: палата на троих, череда соседей. Кого-то привозят в бинтах на каталке, кто-то, поправившись, выходит через главный вход, ещё кого-то увозят навсегда через лабиринты цоколя.

Он быстро устаёт от нас и выпроваживает к кабинетам врачей.

Завотделением знакомит с хирургом, хирург — с анестезиологом, каждый из специалистов сначала отмахивается, но потом всё-таки берёт заготовленные нами из отцовской пенсии деньги, благодарит, обещает максимум внимания, подбадривает...

Час “икс”. Мы разъезжаемся по разным церквям молиться и ставить свечки. Читаю про себя “Отче наш”, но мысли мои не в храме, а где-то за городом, в сорока минутах езды на электричке, в длинном холле из ракушечника. Там, в самом конце коридора, не видно распятия под потолком, зато начинает литься мягкий белый свет, едва санитар приоткрывает створку широких дверей.

Отца, возможно, оперируют прямо сейчас. А он спит. Что ему грезится, снится? Я почему-то уверен, что под этим общим наркозом он по-прежнему чувствует и понимает гораздо больше, чем я, в трезвой памяти стоящий перед иконостасом.

Ни анестезиолог, ни хирург, ни заведующий не будут снимать трубку в течение всего дня. Вечером вернется с работы Оля. Её звонок в домофон вытащит нас с мамой из комнат. Мама испугается, что вдруг это уже приехал отец, что операцию отменили, прервали, потому что, мало ли, — уже поздно и опухоль неоперабельна. Вообразит, что она откроет сейчас дверь, а он, отказываясь проходить внутрь, останется стоять, подпирая плечом дверной косяк, и радужная пляжная сумка съедет с исхудавшего плеча на пол.

Она представит себе, — если это и впрямь окажется он, вернувшийся доживать опущенные недели, — как выбежит к нему Светлашка и как детский смех, обычно радующий душу, ляжет на сердце стальным хирургическим холодом:

— Дедушка вернулся! Дедушку вылечили! Ура-а!

Но, слава Богу, в дверях будет стоять Оля.

ВЛАДИМИР УРУСОВ

КОЛОДЕЦ

И Бог один, и Родина одна
проходит стороной, рассыпав слёзы
и снег, согревший наши имена
под голой берестой седой берёзы.

И сразу вспоминают фонари,
о чём молчат задумчивые ели
и рассудительные снегири,
согретые дыханием метели.

И тает между небом и землёй
на зеркалах колодезного сруба
живая ртуть под коркой ледяной
в колоннах Храма, фабрики и клуба.

Ведут ступени вверх, ведут ли вниз,
И, бесконечно судьбами играя,
шумит о том, куда мы собрались,
косых дождей солома золотая.

И по следам, по кругу от крыльца
блуждает тьма, наполненная смыслом,
соединяя свет в глазах отца
и тень любви под сердцем материнским.

КОЛЕСНИЦА

Вьюнами свитые из вьюги,
опять зияют в бездне лет
и блещут звёздами кольчуги,
полночный впитывая свет.

И сквозь туманы, тень за тенью,
на лоб надвинув кивера,
обходит тьма свои владенья,
четвёртый Рим, эт сетера...

И ветер гонит круг за кругом
иных времён небесный гром,
и солнце тает над Амуром,
а западает за Днепром.

И рассыпается, и длится
явь, обретённая в огне, —
снег, золотая колесница
и царь на бронзовом коне.

РЯБИНА

Растает Русь, как сон, в полях огромных,
соединяя запад и восток,
затмив в небесных молниях и громах
рябины красной тлеющий листок.

Ещё далёк холодный час рассвета
и весь в тумане соловьиный сад,
пока от волн Амура и до Бреста
в забвеньи бродит курский лейтенант.

И блещут солнцем рыцарские латы,
и танк отцовский в прашурной броне
идёт по следу вечного солдата
на северной и южной стороне.

И не тускнеет воин твой железный,
и не седеет бронзовая прядь —
у Бога отпечатана над бездной
магического ромба рукоять!

И снова осень сбрасывает листья
за тем холмом, которому молюсь —
прижав к груди рябиновые кисти,
как сон, в полях огромных тает Русь.

Москва

СЕРГЕЙ АГАЛЬЦОВ

* * *

Падают снежные хлопья
С пасмурных, серых небес.
Смотрит на них исподлобья
Древний нахмуренный лес.

Словно великую думу,
Сумрачный, думает он.
И на закате угрюмо
Весь он в неё погружён.

Сколько ни мучься, ни сетуй
И проживи хоть века,
Но не постичь тебе этой
Думы — она глубока.

* * *

Над речкой мостик ветхий,
Скосившийся настил.
Дремотной ивы ветки
Касаются перил.

Ступая осторожно,
В сад по нему пройду.
Как соловьи тревожно
Светло поют в саду.

И, пеньем их согрета,
Светла душа моя —
Как будто снова Фета
Стихи читаю я.

* * *

Елене Крастелевой

Чуть, слегка поморосило,
А немного погода
Всю округу огласила
Очистительная сила
Звонкоструйного дождя.

Чистым полем шёл он косо.
Что такого было в нём,
Чтоб светла, златоволоса,
Тихо стоя, ты с откоса
Любовалась тем дождём?!

Подмосковье

АНАТОЛИЙ ОБЪЕДКОВ

* * *

Валдай, Валдай — ямщицкая страна,
Где резвой тройкой веют времена.
Вечерний свет, озёрный блеск воды,
За церковкой — цветущие сады.
Ты — юная, сама как райский сад,
Но время я не поверну назад,
Чтоб снова здесь нам встретиться с тобой.
Ты — в памяти, за дымкой голубой.

* * *

Желтея, трепещут осины
Под ветром. И вянут цветы.
Раздумьем полны осенины,
Лазурью вся светишься ты.

Постой на великом просторе,
Покою земли насладись
И в даях, как в русском соборе,
За грешных всех нас помолись.

* * *

В рубище прячется странница,
Вечно живая душа,
Словно бы хочет направиться
К тёмной воде Иртыша.

Что-то в ней дикое, странное,
Словно от рек и болот
Боль завелась покаянная,
Лапой медвежьей скребёт.

Что там за звоны певучие
Катит таёжная ширь?
Слушают сосны могучие,
Как своенравна Сибирь.

Глубь рудников да колодины,
Комья земли на крови.
Что же хочу я от родины?..
Шепчет куст красной смородины:
“Господи, благослови...”

Великий Новгород

ВИКТОР ХОЛИН

РОССИЯ

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить...*
Ф. И. Тютчев

Умом не понятая в малом,
В великом жертвенно чиста,
Прошла свой путь под стягом алым,
Как будто спела жизнь с листа.

Незримой правдою богата,
Как тот, что крестный путь открыл,
Она для них — сама расплата
За то, что небом не за злато
Душе даётся радость крыл.

О БЛАГОСТИ И ЧЕСТИ

Когда вперёд нельзя, и некуда вернуться,
А боги, как всегда, глухи, немые, слепы,
Нет смысла рассуждать об истине на блюде
С каёмочкой любви расхристанной толпы.

Нет смысла вопрошать о родине и чести —
Печалься, Русь, ты вновь поставлена на кон.
Торг шулеры ведут на древнем лобном месте,
О, как им жжёт глаза твой праведный закон!

В продажной суете, спасёшься ли чудесно?
Всё скорбней по церквам иконных ликов грусть.
Но благостен твой путь — одна у птицы песня,
Одна у жизни боль, одна у мира Русь!

ЧТОБЫ СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Творит привычный крест рука,
Душа поёт и плачет.
Никто не выстрадал пока,
Как в мире жить иначе.

Вновь смоем прах святынь вода,
Начнётся путь сначала —
За все сомнения, когда
Твоя душа молчала.

А спор не стоит и гроша,
Ты сделал выбор, значит
Молись, пока поёт душа...
И кайся, если плачет.

г. Севск

БОРИС ГОЛОВИН

* * *

1

Прохудав, тканый в листья кафтан
ждёт на воздухе чистки и встряски,
и, как встарь, в сентябре Левитан
подновил ему краски.

Над крещёной горою — раскат
в пропасть неба: две птицы святы
третий век улететь не хотят
за моря золотые.

А над озером ближним, внизу,
гомон чаек, визгливые крики.
Вдруг замрёт, утирая слезу,
воздух чистый и дикий.

2

Был в гостях у Матвеича. Спят
восемь кошек, не спится котёнку.
Свет вечерний, пролившись сквозь сад,
озарил самогонку.

День пустынных причуд и тоски,
а Прокофьевна с клюквой сегодня.
Вас и осенью тут, старики,
греет лето Господне.

Вам одним тут, на мёрзлых дровах,
тешить вьюгу в любви с укоризной,
как Петру и Февронье в снегах,
позабытым отчизной.

3

Здесь давно уж не сеют, не жнут.
Славя пастыря, кроткое стадо
топчет брошенный в паданцы кнут
среди дырявого сада.

По колхозу прошла пастораль.
Пастуху над кустом свищет птица —
безмятежна в запое печаль.
А вот мне всё не спится.

Спутав сутки, надвинется ночь,
срезет свет, как печная заслонка,
утром видишь картину точь-в-точь
прорисованной тонко.

Новая Зеландия

ЭММА МЕНЬШИКОВА

БЕЛЫЕ НОЧИ

С Крещения — и дни светлее,
И ночи — белые почти:
Метель им снежные постели
Уже успела наместить!

Искрится небо серебристо,
Искрится снег, куда ни глянь.
О Русь, моя земная пристань,
Космическая глухомань.

Твоё сияние — от Бога,
И тишь твоя — как строгий пост,
Когда светло, и одиноко,
И путь земной куда как прост.

В окно глядишь — и видишь ясно
В снегах затерянную даль,
Куда спешить уже напрасно,
И не спешить как будто жаль...

* * *

Есть простые слова, но за ними
И судьба, и любовь, и земля.
Это хрусткие снежные зимы,
Это древние стены Кремля.

Сколько б времени дальше ни виться,
Будут вечно звучать и спасать
Красный угол, святая водица,
Пустынь Оптиная, Павлов Посад...

Есть слова как пароль, как примета
Уз надёжных и скреп вековых —
Это строки державных поэтов
И молитвы великих святых.

Это имя, которым крестили,
Это мамина тихая грусть...
И встаёт за словами простыми
Наша кровная родина Русь.

* * *

Дорога к дому моему бежит издалека —
Там дедов хутор и река — вода в ней глубока...
Там те же звёзды до сих пор мерцают в вышине,
А дома нет, и сада нет: они живут во мне.

Всё в памяти моей пока не тронута быльём,
Сидит отцовская родня на лавках за столом,
И пахнет в доме молоком, и печка льёт тепло,
И вдруг взовётся песня так, что задрожит стекло...

Всю жизнь трудились на разрыв — и пели, душу рвя,
А ныне там земля пуста да шелестит трава.
И песни эти не слышны, и судьбы как во тьме,
Но помню я — и все они живут, поют во мне...

г. Липецк

ЕЛЕНА ИВАНОВА

* * *

Душа продолжения ищет.
Неясной тревоги полна,
Как временным тесным жилищем
Порой тяготится она!

Бывают мгновенья свободы,
Пьянящие, словно вино,
Когда вдруг с живою природой
Сливается дух твой — в одно.

Как всё на земле мной любимо
Тогда! И какой-нибудь вид
С прудом и наседкою-ивой
Так много душе говорит,

Как будто пришла я — к началу,
В обители словно какой,
Где нет ни тревог, ни печали —
Один только светлый покой.

И стелется тут же под ноги
Дороги суровый рушник.
Задумчивость строгая в стоге,
Задумчив примолкший родник...

Калины зардевшийся кустик
Кивнёт тебе молча вослед...
И русской картины без грусти —
Вот этой —
Для русского нет.

СОН

Я сон пою, бесценный дар Морфея.
А. С. Пушкин

Звонких не трогая струн,
С шумом листвы в унисон,
Вкрадчивый дождик-шептун
Сладкий навеял мне сон.

Голос кукушки вдали
Словно из детства звучал,
И облака-корабли
Плыли к началу начал.

Там свой любимый левкой
Шла я с зарёй поливать...
Что за блаженный покой
В слове самом “почивать”!

Чудо как жизнь хороша,
Если ко сну отошёл,
Уговорившись с душой,
Чтоб не болела душа.

Дождик в листве шелестел,
Что-то нашептывал мне,
Словно утешить хотел...
Сладостно было во сне!

И у природы живой
Общая с нами черта:
Пруд, в сон уйдя с головой,
Слюнку пустил изо рта.

...Краток забвения миг,
Что к изголовью приник.
Дождик, ещё пошепчи,
Пташечка, пошебечи...

* * *

Какая тишь, какой покой вокруг!
Безбожник, ты поверишь в божью милость.
Как будто время мчавшееся
Вдруг
Как вкопанное здесь остановилось.

В самой природе — млеющая лень,
Миг равновесья сил её упорных,
Когда, мешаясь равно, свет и тень
Живут с согласием кратком миротворном.

Заметней проступает лиц загар,
А гуси у реки — белее снега.
И пузырьки над водами... и пар...
И клич далёкий:
— Тега-тега-тега!

А вот и стадо свой призыв трубит.
Пылит четвероногая пехота
И кажет победительный свой вид.
Эй, отворяй, хозяйюшка, ворота!

Боясь парной свой взятки расплескать,
Рыжуха катит важную каретой.
Остался на дороге оседать
Шлейф запахов натруженного лета.

Какая тишь, какой покой вокруг!
Внимай и зри, покуда не очнулся,
Покуда пробуждения испуг
Души летучей мышью не коснулся.

За этот миг — всё, кажется, отдашь!
И в простоте уверуешь сердечной,
Что кладбище — лишь призрачный пейзаж.
Мгновенье остановленное — вечно.

г. Ставрополь

ГЕННАДИЙ КАРПУНИН

* * *

На солнечном закате, на берегу реки,
Под тихую беседу курили старики.

Их разговор сермяжный сводился к одному:
Кто был в деревне первым, и умирать кому.

— Ты, Ваня, не посетуй, но это буду я;
Ведь ты всю жись был первым, шас очередь моя.

— Ну, вот ещё... придумал, — сказал ему Иван, —
А кто мою Глафиру тогда отвоевал?!

— Она меня любила, — ответил просто Пётр.
Ивану ж показалось, что Пётр как будто горд.

— Она тебя жалела, — Иван пустился в спор...
— Она тебя... — И долго б их длился разговор,

Когда бы за погостом, где полыхал закат,
Их не окликнул кто-то, как много лет назад.

И оба замолчали, курили вновь и вновь,
Что смерть не поделили, как первую любовь.

ЗВЕЗДОПАД

Вечер был угрюм и молчалив.
Ждали, как обычно, электричку.
Кто-то, сигарету закурив,
Просто так держал зажжённой спичку.

Кто-то к окнам кассовым приник,
Сквозь толпу проталкивался кто-то...
Словом, как положено, в час пик
Много было всякого народа.

Звёзды с неба, будто невпопад,
Сыпались, как спички, догорая.
И не знали люди, что стоят
У порога ада. Или рая.

* * *

В крепдешинном платье, в чёрном уборе,
С постаревшим лицом от невзгод и потерь,
Она тихо стояла в церковном притворе,
Не решаясь войти в приоткрытую дверь.

И казалось ей — вечностью дышит минута,
Что великая радость не знает границ,
И хотелось любви, как знамения, чуда,
Как прочитанного со священных страниц.

Она что-то шептала, молитвы не зная,
Подбирая простые, из сердца, слова,
И не старая, вроде, и не молодая,
И как будто давно — ни жена, ни вдова.

А когда вдруг ушла, кто-то вслед беспокойно
Произнёс, словно всё это было во сне.
“Посмотрите, как будто бы плачет икона...
Видно, к новым скорбям. А быть может, к войне?..”

г. Москва

НИКИТА САМОХИН

* * *

Дремлет ветер. Недвижна занавеска.
Дремлет степь в удушливом плену.
Только россыпь мертвенного блеска
Травит душу пыльному окну.

Расползлось по хутору томленье,
Смазав марью шлях и курени.
И луна, обласканная ленью,
Улеглась на хрусткие плетни.

Таёт ночка в куreve прозрачном.
Знать, к утру не сгинет пелена,
И зарю с безмолвьем буерачным
Мне встречать у пыльного окна.

* * *

Раскудрявился Дон своевольный,
Пляшет зыбь в ледяной черноте.
И срывается берег бездольный,
Растворяясь в голодной воде.

Так и мне доведётся однажды
Обрести неизбежный покой
И познать утоление жажды,
Став минувшим природы донской.

* * *

Распласталась степная ширь,
Безмятежность в душе стеля,
Облачившись в седой мундир
Из полыни и ковыля.

Полной грудью её вдохнуть,
Словно жизни другой глоток.
Здесь казак свой венчает путь,
Здесь его родовой исток.

Это вольный славянский мир,
Эти степи — моя земля,
Это мой родовой мундир
Из полыни и ковыля.

г. Волгоград

ЭЛЬВИРА КУКЛИНА

* * *

*И все женские мысли твои,
Словно ласточки, стелются низко.*
Юрий Кузнецов

Ты — скрывайся, молчи и таи —
Он — вещает, вводя тебя в трепет.

...А все женские мысли твои —
Словно ласточки — бережно лепят...

Опускает он розу в ай!
Над волнами распахнуто реет!

...Только женские мысли твои —
Беззащитное — греют и греют.

Он тебе позволяет — твори!
Он не против. Он — не возражает.
Но — всеженские — мысли твои —
Кормят. Нежат. В полёт провожают.

Лишь потом — в опустевшем гнезде —
В пухе быта и прахе оплота —
Ощутишь:
Не тогда
И не здесь
И не ты — рождена для полёта.

РОМАНС

Окно раскрыто. Майский холодок
Коснулся рук. Луна в тяжёлых шторах
Запуталась как рыбка. Каждый вздох
Разносится по саду, каждый шорох.

Пел соловей-растрава, но умолк.
Сказал что мог — и вывел многоточье.
Его неумолимый перещёлк
То обжигал, то нежил этой ночью.

Таинственно мерцают в темноте
Молочно-белым будущие вишни...
Слова приходят, но не те, не те —
Да, может, и совсем они излишни?

...И вот уже трепещут под рукой
Покорных клавиш лаковые спинки.
Романс — с его невянущей тоской —
Любовь и горечь сводит в поединке.

Никто не ждёт у вишни под окном...
Лишь отрыдал рояль — и вновь ни звука.
И зябко сердцу в сумраке ночном,
И ощутимей с юностью разлука.

НАПОСЛЕДОК

Мы просто были — в разных измерениях.
Ты — в дюймах, фунтах, унциях, каратах.
А у меня — в моих стихотворениях —
Знак вечности — ноль целых — чуть десятых.

Мы были параллельными вселенными.
(Вопрос пересечения — риторический.)
Мой снег — белел черёмухами пенными.
Твой — H₂O. Колючий. Кристаллический.

Мы просто были — слабо совместимые.
Фатально одинокие. Неравные.

...Мы — просто были.
Ты за всё прости меня.
Мы просто — будем.
И вот это — главное.

Нижний Новгород

ЮРИЙ МАНАКОВ

ЭХО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

На челябинской площади привокзальной — в углу,
Словно от нежелательных глаз в стороне хоронясь,
Постамент и вагоны на рельсах. И если ты глуп,
То тебя вразумит вот такая словесная вязь:

“Это памятник чехам — пленным, погибшим в боях...”,
То есть тем, кто безбожно кровавил Урал и Сибирь,
Кто с Антантой отъявленной на сугубых паях
Столько русских безвинных людей ни за что погубил!

Кто в гражданской сумятице поживился с лихвой.
Горько помнит Трансиб до сих пор их чумной перепляс.
Не в таких ли вагонах и запас золотой
Умыкнули тогда ж под шумок белочехи у нас?

То ли в бронзе покоятся, то ли отлиты в медь.
Где у подлости здешних безродных властей берега?
Сплюнул я себе под ноги: хватит на это смотреть!
...Знать, не зря губернатор челябинский нынче в бегах!

СОВЕТСКАЯ ЗЕМЛЯ

Самолёты разлетелись. Опустел аэродром.
Сяду в сквере на скамейку под сиреневым кустом.

Мне лететь ещё не скоро. Надо где-то ночевать,
Под кустом ли на скамейке, или что-то поискать?

День мой завтрашний неведом, прошлый — помнить не хочу.
Я опять куда-то еду, а бывает — и лечу.

Ах ты, жизнь моя, копейка! Дотянуть бы до рубля...
Но в моём распоряженьи вся Советская земля!

Я плоты вязал в Сибири на прозрачной Ангаре,
Сахалин мне тоже близок в окружении морей.

Знаю я не понаслышке уссурийскую тайгу,
Вологодские озёра в своём сердце берегу.

И уральские равнины, и алтайские белки,
Я надеюсь, не забыли мои чуткие шаги.

Ах, судьба моя, игрушка! Что с тобою делать мне?
Ведь пока я то на крыльях, то галопом на коне

Мчался вдаль, не разбирая ни преград и ни дорог,
Мир мой милый, строй Советский почему-то занемог.

Где ж теперь вы, самолёты? Где ж мои вы, корабли?
Там — в оболганной, Советской, неразгаданной дали!

Рудный Алтай

ВЛАДИМИР ГОФМАН

РЕКВИЕМ ПО ДЕРЕВНЕ

Так и жили мы, сами с усами,
Нынче озимь, а завтра — жнивье.
Заметало деревню большими снегами,
Поливало дождями её.

Полыхали над нею закаты,
Стороной обходила беда.
И горела над каждой избой небогатой
Золотая Христова звезда.

Срубы ставили. Травы косили.
В белом храме крестили детей.
Это было когда-то моею Россией,
Это было Отчиной моей.

На полях выростали деревья,
На дорогах — полынь-лебеда.
И в помине давно уже нет той деревни,
Как и не было никогда!

Я присяду у ивы плакучей,
У заросшего ряской пруда.
И покажется мне, будто прячется в тучах
Золотая Христова звезда.

ЦВЕТЁТ ЯБЛОНЯ

Май в окошко стучится яростно —
Красный гость у весны на пиру!..
Наша яблоня белым парусом
Бьётся трепетно на ветру.

Мама тихо пройдёт по горнице,
Где с иконами уголок.
Обо мне, неприкаянном, молится,
Чтобы Бог меня уберёг.

Бережёт Он меня, родимая,
По молитвам твоим святым...
Ночь закончилась соловьиная —
Утро, солнце, розовый дым!

Нижегородская обл.

САГИДАШ ЗУЛКАРНАЕВА

* * *

У бабы Мани всё, как встарь:
На кухне — книжкой календарь,
Портрет с прищуром Ильича
И борщ краснее кумача.
А во дворе кричит петух,
Слетает с неба белый пух.
Старушка хлеб в печи печёт,
И время мимо нас течёт...

* * *

Как в чёрной речке нету дна,
Так и в тебе мне нет опоры.
Ты от меня уедешь скоро,
И я останусь вновь одна.
Не оглянувшись, ты назад
Уйдёшь, а я поставлю точку.
И поцелую тихо дочку
В твои прекрасные глаза.

ТАТЬЯНА ЩЕРБИНИНА

ДЕРЕВЕНСКОМУ ДОМУ

Прошепчу тихонько “до свиданья!”
И бревно матёрое поглажу.
Старый дом, живущий ожиданьем,
Бесконечным, преданным, дворянским...
Ждёт-пождёт — в июле на мгновение —
Звякнет ключ, заохает крылечко,
Нежно половиц коснётся веник.
Добрый дух проснётся в русской печке.
Выпорхнут подушки стаяй пыльной,
На забор усядутся горбатый.
Заурчит довольный холодильник,
Допотопный дедушкин “Саратов”.
Разговор простой и душевный,
Сердцу жарко, весело и тесно.
Детский смех в умолкнувшей деревне
Засияет радугой небесной.
Всё вернётся! Нитки станут тканью.
А пока... влачит печальный век свой
Старый дом, живущий ожиданьем,
Бережно хранящий наше детство.

БЕРЕГ

...Смотрю на горячие травы, и глаз не могу отвести,
мой берег заброшенный, правый, высокий, до неба почти,
как песня старинная, длинный (Россия — судьба набекрень!),
лишь брёвна, да ржавая глина, да тени родных деревень.

От светлого хочется плакать, кого ж тут спасёт красота,
но красный ободранный бакен плывёт, не покинув поста.
Стою на последнем пароме, смотрю на далёкий угол,
где мамин зелёный домик, и ласточки режут простор.
Я знаю: мгновенье, и снова огромный потянет магнит,
песчаную низкой подковой обхватит, сожмёт, полонит —
тот, левый — большая дорога, зудящая масса людей,
там тоже живётся убого, но чуточку всё ж веселей.
На палубе ветер противный, коричнево волны кипят,
смотрю и смотрю неотрывно, пока ещё можно — назад.
Штыками оставшихся елей небес охраняя гранит,
мой правый, несдавшийся берег —
как Брестская крепость стоит.

г. Северодвинск

ВАЛЕНТИНА БЕЛЯЕВА

ГОЛОС ПРЕДКА

Ты впервые так бледен, мой отрок. И взгляд отрешён.
Ты уже ощутил, как непросто под небом живётся.
А недавно беспечно смеялся, играя с ножом,
И не знал, что в груди что-то есть и вот-вот встрепенётся.

Сердце предано будет тебе! А твой начатый путь
Преграждает окутанный подлым огнём перекрёсток.
И поверь мне, он ляжет безжалостной дланью на грудь
И облепит лицо твоё россыпью пляшущих блёсток.

Я не знаю, сумеешь ли ты мне когда-то простить
То, что волком взъярённым карабкался на баррикады.
Я столетье о них размышлял! Я страдал! Отпусти
Ты меня, молодой мой потомок, из этого ада!

В революции вся моя кровь! Пред тобою ж — вина,
Что средь горных вершин блещет влага живого истока,
Где лишь боги живут, где пируют твои времена.
И вослед тебе пляшут и, скалясь, хохочут жестоко...

* * *

Неуютно и зябко в сыром октябре.
За окном — проржавевший горох на рябине
Да узорчатый мох на вишнёвой коре.
Что-то вспомнишь об этой унылой поре,
Тупо глядя на пепел в застывшем камине.

Что-то вспомнишь... Возьмёшь невзначай кочергу.
Глубь времён зимней сказкой всплывёт изумлённо.
Ты увидишь себя на крутом берегу,
Как бежал, искупавшись в жемчужном снегу,
И кричал в белый свет: “Я с тобою, Алёна!!!”

Что-то вспомнишь... Резной деревянный буфет.
На диване — дыра от забытой сигарки.
Абажур из стекляшек, мерцающий свет.
День рожденья. Мешок шоколадных конфет!
Дед Мороз... Вальс “На сопках Маньчжурии” в парке...

Что-то вспомнишь ещё... А, как в прорубь скользнул.
Как, на лыжах летя с завихрившейся горки,
Незнакомую девочку палкой толкнул.
И округой звенел заразительный гул,
И, вихляя хвостом, лаял пёсик в восторге.

И невольно крадётся: но ты не один:
За окошком — оранжевый листик от клёна.
И опять задымится остывший камин.
И вернётся с чужих островов птичий клин...
И ты шепчешь всё тише и тише: Алёна...

г. Воронеж

АННА ТОКАРЕВА

ПАСТУШОК

Сивуха вчера получилась отменной на диво.
Не сытый, но пьяный, и нос, как всегда, в табаке,
Упал пастушок, одурев, в лопухи и крапиву
С гранёным стаканом в мозолистой, крепкой руке.

По-прежнему месяц сгибается жёлтой подковой,
По-прежнему солнце по небу бредёт вкругаля.
Очнись, пастушок, — разбрелись, одичали коровы,
Татарником злым зарастает родная земля.

Не пей, пастушок, это жуткое горькое пойло,
В траве отыщи запылённый забытый рожок.
Гони поскорее бурёнок в уютное стойло
И вновь на рассвете из стойла гони на лужок.

Труби, пастушок, на рожке иль играй на свирели,
Покуда ещё розовеют в лугах клевера,
Краснеют рябины, кидаются шишками ели,
И редкий петух кукарекает где-то с утра.

ПЕЧКА

Дрова, присыпанные снегом,
Стреляют в топке и шипят.
Какой восторг, какая нега —
Лежать и слушать снегопад!

Он рвётся в окна, топчет крышу,
А на лежанке — любота.
Шуршат внизу, под печкой, мыши,
Поправ мурчание кота.

В печурке сохнут рукавицы,
В опечье дремлет домовой.
И только мне совсем не спится
В моей избёнке лубяной.

В горшках томятся щи да каша,
Картошка млеет в чугуне.
Скрыт русский дух и сила наша
В живом, покладистом огне.

г. Егорьевск Московской обл.

АЛЕКСАНДР КУВАНОВ

* * *

Давно ль тут буянила вьюга
И властвовал ухарь-мороз?
Весна! Мы любили друг друга
С тобою у этих берёз.

И в душах ни капли испуга,
И только шумок в голове.
Мы просто любили друг друга
На нежно-зелёной траве.

Тайфун, ураган ли, цунами —
Не важно, Беда — не беда.
И майское небо над нами
Сияло так, как никогда.

Что кодексов умные строчки?
Нам чей-то указ — не указ.
Лишь клейкими были листочки,
Как клейки они и сейчас.

* * *

А как всё это начиналось?
Без пышных жестов, слов излишних.
Казалось бы, какая малость —
Простая ветвь цветущей вишни.
Ещё гроза в начале мая,
Ворота в парк, водовороты.
Что я, глупец! Я понимаю,
Но выйди из-за поворота —

Я с веткой вишни у ворот.
Не выйдешь — гром меня убьёт...

г. Иваново

ВЛАДИМИР КУЧЕРЬ

НА БЕРЕГУ РЕКИ

За тихую рекой развёрнутые дали
Раскачивают смесь рассветного тепла,
К полудню крутит зной воздушные спирали,
А на закате свет сгорает весь дотла.

Сворачивает ночь простор, как ветхий свиток,
Но слух всегда острее при полной темноте,
И проявленье звёзд — реальный фотоснимок
В недостижимой грозной высоте.

И шорохи в ночи... Крик одинокой птицы
Течёт по кривизне поверхности земной,
За мыслью мысль, как дым,
Что над костром клубится,
А в пламени костра жизнь, прожитая мной.

Мгновений колесо бежит своей дорогой,
Вздывает в воздух пыль и времени слои.
На берегу реки стою я у порога
Избы, где прожили свой век прапрадеды мои.

В НИКОЛЬСКОМ

Хотя и поменялись времена,
И всё ж не изменилось наше слово.
На родине Рубцова тишина,
Я пью до дна за родину Рубцова.

За разнотравье, за Звезду полей,
За речку Толшму с комариным раем,
За то, чтобы душе не постареть
И — если даже тело умирает...

А за рекой благословенный вид! —
Не потому, что вновь макушка лета.
Родной простор хранит тебя, хранит
Твой образ человека и поэта.

Тебя с покосом, сельский человек,
Несущий жизни и работы бремя...
Бежит река, ушёл двадцатый век,
А здесь почти остановилось время.

Легко перешагнув разбитый мост,
Тяжёлым, царским золотым червонцем,
Где вдалеке виднеется погост,
За горизонт едва заходит солнце.

Ночное стрекотанье до утра,
А то вдруг дождь к земле протянет руки,
И так природа здешняя светла,
Что омрачать не хочется разлуки.

Всплывёт заря в пурпуровом венце,
Земную ширь окинет добрым взглядом...
Россия, Русь в единственном лице —
И больше в жизни ничего не надо!

Москва

ЮРИЙ ЛОЩИЦ

* * *

*...все же веровавши бяху вкупе,
и имяху вся обща.
Деян. 2, 44*

Свобода и равенство с братством...
Безумный
святой нетерпёж!
Ну, как было не надорваться
французу?
И русскому тож?

Но я укоризны не брошу.
Отчаётся новый народ
и взвалит опять эту ношу.
И дольше,
чем мы,
пронесёт.

2017

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“ДНЕВНИК ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ”

* * *

Помню, как в один из послевоенных дней, когда мне исполнилось уже лет тринадцать-четырнадцать, я вдруг услышал впервые песню на слова Михаила Исаковского “Летят перелётные птицы”... Она поразила меня, я запомнил её сразу, уходя в школу, — а дорога тянулась чуть ли не через всю Калугу, — пел её про себя, повторял, бормотал. Отчётливо помню, как в один из осенних вечеров, глядя в холодное небо над Окой, в котором кружились перед отлётом на юг грачиные стаи, я вдруг выдохнул в осеннее пространство: “Желанья свои и надежды // Связал я навеки с тобой, // С твоею суровой и ясной, // С твоею завидной судьбой”. Да с таким чувством выдохнул, что горло перехватило и слёзы на глаза навернулись.

Наверное, моё неприятие “ихней” эмиграции по сравнению с бунинской заключалось в том, что ничего великого за душой у них не было: ни “Тёмных аллея”, ни “Деревни”, ни “Жизни Арсеньева”, а только шумные акции в защиту прав человека да забытые ныне романы-однодневки, выходившие из-под перьев гладилиных, аксёновых, синявских. И всё-таки я старался понять этих людей тоже, но всё закончилось стихотворением разрыва:

*И вас без нас и нас без вас убудет,
но, отвергая всех сомнений рать,
я так скажу: что быть должно — да будет.
Вам есть где жить,
а нам — где умирать.*

Как писала Ахматова в стихотворении “Родная земля”: “Но ложимся в неё и становимся ею, оттого и зовём так свободно — своею”.

* * *

В “застойные” времена я, в отличие от диссидентствующих шестидесятников, рвавшихся на Запад, частенько “иммигрировал” в свою страну, в СССР. Подружился с геологами и несколько сезонов прожил среди хребтов Тянь-Шаня и долин Гиссара, среди вечных льдов и альпийских лугов, среди громокипящих голубых рек, рычащих бурных селевых потоков, среди бедных, но полных достоинства и трогательных в своём гостеприимстве жителей высокогорных кишлаков, среди орущей, мускулистой, загорелой, ни жалеющей себя ни в работе, ни в гульбе геологической, студенческой, шофёрской вольницы...

А иногда я месяцами пропадал в эвенкийской тайге, добираясь до крайних северов на “аннушках”, на “вертушках”, разглядывая в иллюминаторы дикие просторы – сопки, усеянные редколесной тайгой, распадки, чёрные реки, медленными змеями впадающие в Угрюм-реку – Нижнюю Тунгуску, на берегу которой стояло зимовье рядом с двумя берёзами и овальным калтусом, затянутым в октябре сверкающим льдом.

Меня встречал дед – Роман Иванович Фарков, два кобеля – Рыжий и Музгар. Мы обнимались, от деда терпко пахло ондатровыми шкурами, рыбой, солью... Он тащил меня в зимовьюшку, где на столе уже дымилась уха, поблёскивали в миске мороженые сижки да хариусы. И начинались наши бесконечные разговоры о жизни, об охоте, о детях и внуках.

Каждый день с утра мы бороздили тайгу по аргишам и путикам, задыхаясь, мчались на лыжах к далёким лиственницам, куда наши кобели с лаем загоняли царственных соболей. А в иные дни красными, словно варёные раки, руками трясли на озёрах сетки, вытряхивали на лёд серебряных карасей и снова опускали снасти в лунки, заполненные тёмной, тяжёлой водой.

А вечерами – долгими зимними вечерами при патриархальном свете керосиновой лампы – в зимовье текли нескончаемые наши разговоры о крестьянской жизни в 20–30-е годы, о раскулачивании, о репрессиях, о войне, о плене, в котором побывал дед... Обо всей громадной нашей жизни мы толковали в стареньком зимовье с раскалённой печуркой, сваренной из железной бочки, под звонкие разрывы древесных стволов – от пятидесятиградусного мороза лопались на берегу калтуса берёзы.

...А в другие времена я уезжал на чёрную ледниковую реку Мегру, шумно впадающую в Белое море, подымался с местными ребятами на карбасе к её истокам, ловил сёмгу, жил в палатках либо под исполненными шатровыми, не промокающими во время дождей елями, слушал и запоминал бесконечные рассказы о том, как их предки добирались сюда по Мезени и Пинеге, как ставили в устьях рек поморские деревушки, рубили из листвяка церкви, как через их деревни бежали беглые мужики, которыми были тогда наводнены архангельские пристани, – их отправляли на Соловки. Но кто смел да удал – уходил из-под вохровских взглядов навстречь солнцу, на Восток, добрал до деревень Майда, Мегра, Ручьи, где поморы советовали скитальцам: идите по рекам на юг, в старушечьи скиты. Но и там их находили энкавэдешники, а скиты рушили огнём, как во времена Аввакума опричники Алексея Михайловича.

Сидим на берегу Мегры, толкуем... А гуси, прорезая полосу северного сияния, летят с Канина Носа. Их рыдающий крик стелется над болотами и озёрами. А самих птиц не видно в тёмном сентябрьском пространстве, пока извилистый клин не попадёт в струю дрожащего зеленовато-лилового сполоха... Чёрные трёхметровые обетные кресты, поставленные на краю обрыва, под которым шумит река, словно врезаны в тусклое северное небо...

* * *

В начале третьего тысячелетия я участвовал в избирательной кампании Сергея Глазьева. Борьба шла за должность губернатора Красноярского края. Приехали мы в штатный городок Лесосибирск. Выступили несколько раз, а вечером хозяева повезли нас поужинать в лучшую, как они сказали, закусочную города. Накормили по-русски – местной рыбой, борщом, пельменями. Но когда мы выходили из этой закусочной, я оглянулся, прочитал горящее неоновыми буквами её название: “Оклахома” – и обалдел. Вот тогда я понял, что Глазьев, который, выступая, часто говорил о современном геноциде русского народа, выборы не выиграет.

С той поры “Оклахома” стала для меня символом нашего самооплевания, нашего лакейства и холуйства. Приедешь в любой древний русский город – Калугу, Рязань, Воронеж, – идёшь по центральной улице, магазины, рестораны, фирмы и читаешь: “Клондайк”, “Эльдорадо”, “Аляска”, “Миссисипи”... Словом, сплошная Оклахома. И “Москва-Сити” – тоже Оклахома, и “кофе-хаус” вместо тёплого слова “кофейня” – тоже Оклахома... А недавно, проезжая Рязань, я увидел совершенно запредельную алую неоновую надпись: “Секс-хаус”. На фоне такой “оклахомы” точный перевод “секс-хауса” как “публичного дома” воспринимается даже как нечто своё, родное, отечественное.

В настоящее время практика писать диктанты у нас сохранилась. Правда, это один диктант на всю страну и называется он “тотальным”. Видимо, потому, что произведения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Бунина и других классиков “тотально” изгнаны из употребления.

В сентябре месяце 2016 года жители Ульяновска переизбрали на второй срок губернатора Морозова, того самого, который запретил 3 или 4 года тому назад в своей области использовать для диктанта текст из произведения русскоязычной писательницы Дины Рубиной, живущей в Израиле. Как возмутились тогда жюльнаристы из “Новой газеты”, из “Эха Москвы”: “Вы за это поплатитесь!” — взывал один из них (кажется, Ганапольский), обращаясь к Морозову.

А всё дело заключалось в том, что Дина Рубина в своих творениях часто балуется “матерком”; “Я отношусь к мату, как литератор”, — пишет она и подкрепляет свою мысль такими “детскими” стихами:

— *Здравствуй, дедушка Мороз,
борода из ваты.
Ты подарки нам принёс,
Пидорас проклятый?
— Я подарки не принёс,
денег не хватило.
Что же ты сюда приполз,
ватное мудило?*

Это самые “щадящие” наш слух примеры из “эпохального” романа Дины Рубиной “Вот идёт мессия!”

Рубина получила три премии “Большая книга”, во многих интервью признавала себя еврейским писателем, но зачем нам, обладателям прозы Распутина, Астафьева, Белова, Личутина, Лихоносова, выбирать тексты для тотального диктанта из романов вульгарной еврейской матершинницы?

Об убийце Пушкина Лермонтов писал: “Смеясь, он дерзко презирал // Земли чужой язык и нравы...”. “Нравы” — это обычаи, это вера, это традиции, это совесть. И всё это выражается в языке. Вот почему русский язык — одна из самых необходимых скреп русского мира.

Я помню наши диктанты и наши изложения (была такая форма учёбы — учитель читал текст, а ученики, каждый по-своему, излагали его на бумаге). Тексты диктантов и страницы изложений обязательно брались из нашей великой классики — из “Капитанской дочки”, из “Тараса Бульбы”, из “Записок охотника”, из “Обломова”. Это одновременно было изучением и русского языка, и русской литературы, и русской истории, и русского Православия, и вообще русской жизни.

Послевоенное радио добавляло к этим знаниям русские народные песни (“Степь да степь кругом”, “Раскинулось море широко”, “Коробейники”, “Есть на Волге утёс”), добавляло русскую музыкальную классику — арии из опер (“Князь Игорь”, “Евгений Онегин”, “Садко”). А сколько мировой классики вливалось в наши души из чёрных репродукторов! Верди, Бизе, Бетховен, Гунно, Штраус... Какой там “железный занавес”!

Всё великое, талантливое, доброе, человеческое входило в наш русский мир. Ворота были открыты. Неаполитанские песни, украинские песни, французские песни, южноамериканские песни — всё было нашим общим достоянием. Да, русская элита XIX века увлекалась французским языком, но Пушкин одновременно учился русскому языку у народа, у Арины Родионовны, у дворовых крестьян, иначе он не написал бы: “Что за прелесть наши песни и сказки!” Элита была, конечно, “офранцузена”. Пушкин это понимал, когда писал о своей любимой героине Татьяне: “Она по-русски плохо знала, // Журналов наших не читала, // И выражалась с трудом // На языке своём родном”.

Но! “Татьяна, русская душою, // Сама не зная, почему, // С её холодною красою // Любила русскую зиму”. Душа важнее языка. Татьяна, в сущности, родная сестра Наташи Ростовской, русскость которой Толстой гениально выразил в её пляске под дядюшкину гитару. Пушкин шутил, любя: “Как уст

румяных без улыбки, // Без грамматической ошибки // Я русской речи не люблю". Но это другое дело!

Литературный язык в пушкинское время ещё не устоялся. К тому же гениям позволено гораздо больше, нежели русскоязычным наглым ремесленникам: *"Не ругайтесь! Такое дело! Не торговец я на слова", "Словно кто-то к родине отвык"*. Так писал Есенин – хозяин русского языка. А кто такая Рубина? Мелкая полуграмотная пакостница...

* * *

Когда наши "витии" из "пятой колонны" негодуют, что советская власть во время войны отправила в ссылку множество народов – крымских татар, калмыков, чеченцев, ингушей, турок-месхетинцев, – я вспоминаю о том, что Борис Раушенбах, великий учёный в сфере космонавтики, вспомнил в одном из интервью, как американцы, на землю которых не ступила ни одна нога иноземного захватчика, устроили на своей территории концлагерь для искони живущих в Америке японцев; что Черчилль организовал лагерные поселения для евреев, сбежавших в Англию от Гитлера с европейского континента, не без оснований думая, что среди них могут быть лазутчики, работающие на фашистскую Германию; что американцы в 1938 году не разрешили немецким евреям, приплывшим в Америку на пароходе "Сент-Луис", сойти на берег США, и несчастным пришлось возвратиться в Европу, где их ждали Освенцим и Дахау. Когда же корреспондентка спросила Бориса Раушенбаха:

– *Меня всегда удивляло, что Вы были противником распада Советского Союза. Вы же так много претерпели от этой системы, провели много лет в лагерях. Но потом нашли силы в себе, чтобы простить,* – Раушенбах ответил:

– А чего прощать-то? Я никогда не чувствовал себя обиженным, считая, что посадили меня совершенно правильно. Это был всё-таки не 37-й год, причины которого совершенно иные. Шла война с Германией. Я был немцем. Потом в лагерях оказались крымские татары, чеченцы... Правда, те же татары во время оккупации Крыма всё-таки работали на фашистов. Это некрасиво. Среди же немцев если и были предатели, то полпроцента или даже меньше. Но попробуй их выявить в условиях войны, проще всех отправить в лагерь: колючая проволока, нас плохо кормили, люди умирали десятками в день... Тогда в Москве спохватились: дескать, если так дело пойдёт, то кто же будет строить дамбу? Стали кормить лучше. Что говорить, было очень плохо, но в условиях войны власть приняла совершенно правильное решение".

* * *

В декабрьском номере журнала "Знамя" №3 за 2010 год вышли "Записки из-под полы" бывшего министра культуры России Е. Сидорова (он же побывал и депутатом Госдумы, и послом России при ЮНЕСКО, и ректором Литинститута). Словом, матёрый бюрократ от культуры. О кровавом государственном перевороте 4 октября 1993 года он пишет, как о каком-то пустяке: *"Всё нормально, немного постреляли, немножко поубивали"*. О своей жене – дочери главного редактора газеты "Вечерняя Москва" Вере Индурской – пишет с восхищением: *"Моя жена рвалась на баррикады к Гайдари. Мы находились в пансионате под Майкопом. Стоял душный вечер 3 октября 1993 года. Долететь до Егора у Моссовета можно было только на крыльях..."*

"Я знал его отца, Тимура Аркадьевича", спецора "Правды" в Белграде, дух ревизионизма исподволь накапливался в этой семье".

Восхваляя демократов ельцинской эпохи – В. Шумейко, Е. Гайдара, В. Евтушенкова, Ю. Карякина, А. Битова и многих других персонажей "Великой криминальной революции" (по словам Говорухина), – Сидоров в качестве главного "контрреволюционера" выставляет меня, вспомнив о моём участии в дискуссии "Классика и мы" и письме в ЦК КПСС по поводу "Метрополя": *"Время как бы поворачивалось вспять, в эпоху борьбы с космополитизмом", "Я не верю в истовость Куняева; в его русофильские экстазы", "Я принадлежу к тихо любящим Россию", "Еврейский вопрос погубил русского поэта Станислава Куняева"* и т. д.

Придётся послать Евгению Сидорову мою книгу “Жрецы и жертвы Холокоста” которая за 5 лет выдержала уже 3 издания. Авось прочтает, разберётся в русско-еврейском вопросе и кое-что поймёт.

Я узнал о сидоровских “Записках из-под полы”, получив письмо от читателя Валерия Скрипко из далёкого Минусинска. Своё письмо, отправленное в “Наш современник”, Скрипко назвал “Синдром Фарисея”. Вот отрывок этого письма: “Автор “мемуаров” не так давно был министром культуры России, уж ему ли не знать, что сейчас времена гораздо хуже времён нашествия Мамаёя! Пугающее польской интервенции. Стоит только почитать обзоры “периодики” в журнале “Новый мир”, чтобы убедиться: авторы, близкие “мемуаристу” по своим взглядам, прямо говорят о кризисе в российском обществе. Вот отрывок из интервью с Павлом Крусановым: “Лев Гумилёв в восьмидесятые утешительно обещал России, исполнившей, по его представлению, провиденциальную задачу, двести лет Золотой осени. Однако реальность предлагает нам нечто куда менее поэтично – пепелище, гноище, деградацию притязаний во всех областях жизни, разобщение, апатию, девальвацию, простите за пафос, нравственных и культурных ценностей, торжество корысти и тугое, неодолимое неприятие идеи бескорыстного служения”.

Скажите, уважаемый бывший министр, как из всего этого выйти, если молчком носить “у сердца” любовь к России? Да ладно бы Вы ограничивались только тайной любовью. Так хуже другое: стоит кому-то взволнованно и открыто заявить о русской теме, как у “тихо любящих Россию” вдруг появляется и “истовость”, и “космополитический экстаз”. И у Вас, у Вас, по определению государственного человека, он проявился... тоже!”

Проявился этот “космополитический экстаз” и у Сергея Чупринина, в чьём журнале “Знамя” были опубликованы мемуары Е. Сидорова.

В июне 2011 года Чупринин приехал в город Пермь на книжную выставку. Читатели окружили его и стали расспрашивать про “Журнальный зал” – электронную версию русской журналистики.

Поэт Юрий Беликов спросил Чупринина, почему в “Журнальном зале” есть “Знамя”, “Новый мир”, “Октябрь” и нету “Нашего современника”.

– Мы могли бы принять в “Журнальный зал” “Наш современник”, если его главный редактор Станислав Куняев даст честное слово не употреблять на страницах своего издания слово “жид”.

После этого я был вынужден послать Сергею Чупринину (когда-то написавшему весьма вдохновенное предисловие к книге моих “Избранных стихотворений”) следующее послание:

Сергей Иванович!

Вы несправедливо обвинили меня в том, что я на страницах “НС” употребляю слово “жид”, о чём Вы сообщили пермской газете. На самом деле, если это слово и присутствует в публикациях журнала, то лишь в цитатах из Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Блока, Есенина и прочих великих людей мира сего. Я же, грешный, ни в коей мере не осмеливаюсь подражать им, о чём свидетельствует и моя новая книга, которую я Вам дарю с искренним простодушием и надеждой на понимание. Ваш Ст. Куняев.

1. 11. 2011

* * *

В молодые годы, когда я, словно очарованный странник, бродяжничал по необозримым просторам великой страны, меня занесло на несколько полевых сезонов в горы Тянь-Шаня в составе геологоразведочной партии, которой руководил мой друг Эрнст Портнягин. Мы уходили с ним в маршруты, иногда пешие, иногда на лошадях, пробирались по канатным тропам и прижимам вдоль извилистых, кипящих водопадами вспененных рек, выламывали геологическими молотками образцы нужной нам породы, а во время передышек кипятили в железных кружках крепкий чай. Жарили на ивовых ветках золотистых форелей, пойманных мною в голубых струях Варзоба или Кафирнигана, а к вечеру возвращались в палаточный лагерь, обременённые рюкзаками с горной породой, с её загадочной флорой и фауной.

Однажды после одного такого маршрута я при свете свечи в нашей тёмно-синей командирской палатке написал стихотворение, посвящённое Эрнсту, которое заканчивалось так:

*Послушай! В мире высоты
немного проку исподлобья
глядеть, как будто ищешь ты
хороший камень для надгробья.*

*Нам надо жить и понимать,
что в мир вступают наши дети,
и нищим надо подавать,
покамест есть они на свете.*

К сожалению, стихотворение действительно стало пророческим, потому что через два года после этого полевого сезона Эрнст трагически погиб во время одного из таких маршрутов. А меня в этот раз рядом с ним не было. Но стихотворение стало пророческим ещё и потому, что с той поры я не мог равнодушно проходить мимо нищих, просящих милостыню. Как бы я ни уверял себя, что в наше время нищие – это особая каста, что у них есть свои надсмотрщики и своя иерархия, что женщины, сидящие на тротуаре, могут держать на руках не своего, а чужого ребёнка, чтобы разжалобить прохожих, что безногие и безрукие инвалиды на досках с колёсиками работают не просто на себя, но обогащают “авторитетов” нищенской мафии... Ничего не помогало. Я вспоминал свою строчку, как некий религиозный обет, как некую клятву, данную мной покойному другу: “и нищим надо подавать”, – и моя рука невольно тянулась к карману в поисках подаяния.

А если мелочи не было под рукой, только бумажки – ну, не самые крупные, – я подавал их в ладонь просящего, опуская в кружку или в шапку, лежащую на асфальте, рядом с которой сидел безногий афганец.

Вот так... Не стихи служат нам, а мы служим стихам, и прав, конечно, мой покойный друг Николай Рубцов, написавший о сверхъестественной силе поэзии: “И не она от нас зависит, // А мы зависим от неё”. Да, “нищим надо подавать, // покамест есть они на свете”. А они на свете будут вечно... Слово не воробей, вылетит – не поймаешь... Написано пером – не вырубишь топором...

* * *

Есть у меня три заветные книги, которые я взял бы с собой хоть в полёт на Марс, хоть на необитаемый остров: “Капитанская дочка”, “Тарас Бульба” и “Записки охотника”. А в “Записках охотника” самый волнующий рассказ – “Певцы”. О том, как две русские музыкальные стихии: одна – лихая, плясовая, забубённая, а другая – печальная, горестная, трагическая – пытаются овладеть душами молодых, подпивших зелена вина крестьян. И совсем уже было праздновала победу плясовая, исполненная то ли коробейником, то ли рядчиком, но когда худой, болезненный, до сих пор молчавший его соперник вдруг выдохнул “Не одна во поле дороженька пролегла”, то защемили сердца у всех только что плясавших и аплодировавших, потупились взоры, навернулись слёзы на глаза, как будто вспомнили они самих себя и всю судьбу свою несуразную...

А вечером, когда Иван Тургенев уходил по траве-мураве из села, он услышал ребячий крик, долетевший с угора, где стояло село, до лесной болотистой низины: – Антропка! – а! – а! А снизу голос неведомого Антропки лениво ответил из тумана: – Чего надо!

– Иди домой! – радостно взметнулся голос с угора. – Зачем? – полетел к угору голос Антропки. И тут голос антропкиного собеседника зазвучал с особым торжеством:

– Тебя тятка высечь хочит!

Вот она, вся история человечества! Блудный сын Антропка, сбжавший от тяжёлой отцовской длани, и его брат, готовый помогать отцу в экзекуции над согрешившим сыном. Каин и Авель...

Словно два певца: один – ухарь-купец, другой – с надтреснутым глухим тенором. Один хочет воли, другой – справедливой отцовской выволочки над согрешившим братом...

* * *

31 марта 2014 года ведущая канала “Россия-24” Эвелина Закамская в беседе с Александром Прохановым обронила фразу, что Холокост приближали сами евреи. Журналистку с канала уволили, а злополучная цитата из эфира разошлась по всему интернету. Редакция “Россия-24” обратилась ко мне с вопросом, что же такое “религия Холокоста” и почему эта тема табуирована. Я так ответил на этот вопрос:

– Понятие “религия Холокоста” сложилось в середине 60-х. Израилю был нужен культ явления, которое было названо “Холокостом”. Континенты стали покрываться музеями Холокоста, на экраны вышли десятки кинокартин, посвящённых этой теме. Заработала громадная пропагандистская машина, смысл которой содержался в афоризме: “Увенчается ли наше стремление к новому миропорядку успехом, зависит от того, выучим ли мы уроки Холокоста”.

Возможность нового мирового порядка ставили в зависимость от того, будет ли воспринят культ Холокоста. И это произошло: в Америке нет ни одного штата, в котором не существовало бы музея Холокоста. Постепенно Холокост обрёл религиозные черты. Подкладкой стала идея, что христианство в кризисе, Голгофская жертва Христа бессмысленна. Её место в современном мире заняла шестимиллионная жертва еврейского народа. Поэтому музеи Холокоста – это храмы новой религии.

Для того чтобы создать государство Израиль, нужно было большое число иммигрантов, однако евреи-сефарды после Первой мировой войны не желали покидать насиженные места. Идея возврата на прародину терпела полный крах. И тогда будущий президент Израиля Бен-Гурион предложил создавать отряды, которые будут терроризировать евреев и вынуждать их ехать в Палестину, а один из деятелей сионизма Хаим Вейцман произнёс страшные слова: “Я задаю вопрос: “Способны ли вы переселить шесть миллионов евреев в Палестину?” Я отвечаю: “Нет”. Из трагической пропасти я хочу спасти два миллиона молодых... А старые должны исчезнуть... Они – пыль, экономическая и духовная пыль в жестоком мире... Лишь молодая ветвь будет жить”.

Старые – это ветви еврейского народа, которые недостойны жить в Израиле и не нужны Израилю, настолько они испорчены европейской жизнью. К тому времени Гитлер пришёл к власти, и взгляды сионистов обратились к нему. Сопратник Вейцмана Хаим Арлазоров подготовил договор с Гитлером, так называемое “Соглашение Хаавара”. Целью соглашения было оказание содействия в эмиграции евреев Германии в Палестину. Договор был подписан в августе 1933 года, но Арлазоров к тому времени уже убили, потому что его планы пришлись не по душе всем лидерам еврейства. Например, Владимир Жаботинский всячески клеймил такие планы о переселении на Восток. Однако памятники Арлазорову стоят чуть ли не на всех площадях крупных городов Израиля. В хааварском соглашении сплелись воедино замыслы нацистов, идеология Вейцмана и Бен-Гуриона. Потом выяснится, что полмиллиона венгерских евреев фактически при помощи своих вождей были отправлены в лагерь смерти, только “элитная” часть была спасена и отправлена в Швейцарию. Вот такой ценой целенаправленно создавалось государство Израиль. Об этом писали многие честные еврейские авторы: автор книги “Индустрия холокоста” Норман Финкельштейн; Ханна Арендт, заметившая, что все места, откуда отправлялись евреи на уничтожение, координировались представителями “еврейской улицы”.

Считается, что тема Холокоста сегодня неприкосновенна, как некая “священная корова”. Нельзя сомневаться в истории Холокоста о количестве жертв. Многие историки за это получали уголовные сроки, подвергались преследованию, изгонялись из профессиональной среды.

Нельзя не вспомнить Аллу Гербер, которая в конце перестройки раздувала слухи о том, что в СССР на евреев готовятся гонения. Говорят, потом она приехала в Израиль и заявила, что достойна самой высшей награды, так как

благодаря её деятельности на Ближний Восток переехало около одного миллиона евреев. В девяностые появилась масса статей, в которых, наоборот, писали, что нигде евреям не живётся так хорошо, как в России. Все слухи о погромах и гонениях утихли, как будто их никогда и не было.

* * *

Любопытно проанализировать, как в мировом сообществе изменяется отношение к неграм. Проблема “нетолерантная”, но не всегда она была такой.

Пушкин писал о своём происхождении: “потомок негров безобразный”.

В 90-е годы Маяковский увидел в неграх некий человеческий революционный потенциал:

*Да будь я негром преклонных годов,
и то б без унынья и лени
я русский бы выучил только за то,
что им разговаривал Ленин.*

Чуть позже на советский экран вышел кинофильм “Цирк”, где одну из главных идеологических ролей играл негритянский ребёнок, над судьбой которого рыдали сентиментальные советские кинозрители. В годы перестройки этот ребёнок, ставший довольно известным советским поэтом Джимом Патерсоном, вернулся на родину предков. А Маяковский после посещения США не унимался:

*Белый ест ананас спелый,
Чёрный — гнилью мочёный;
белую работу делает белый,
чёрную работу — чёрный...*

В 60-м году ку-клукс-клан переживал предсмертные конвульсии. На арену борьбы чёрных за “права человека” вышли Мартин Лютер Кинг, Анджела Девис, Поль Робсон. И наконец-то дело освобождения рабов завершилось восхождением в Капитолий Обамы. Но это было последним успехом чёрной массы. Обама разочаровал всех.

А на фоне этого разочарования темнокожие студенты в подземных переходах Москвы стали, подрабатывая, раздавать прохожим различные рекламки, и мой сталинградский студент Василий Струж написал стихи:

*Россия наша обмелела.
Нас негры переходят вброд...*

А в Иркутске негр поёт в ресторане свои блюзы. И ничего в том удивительного нет, коли Путин дал какому-то негритянскому боксёру российское гражданство.

И всё-таки не будем забывать, что Есенин, приехав в Нью-Йорк и обалдев от одиночества, нашёл на задворках своей гостиницы какого-то негритянского бомжа, привёл его в свой номер, и два одиноких человека, каждый из которых был по-своему гоним на родине, устроили в гостинице небывалую для американских нравов пьянку.

Но изменились нравы не только в России. Кто бы мог подумать, что во время “революции Трампа” статуи отцов-создателей Соединённых Штатов и рабовладельцев по совместительству будут снесены в американских городах, подобно тому, как у нас “демократическая чернь” в 90-х годах сносила статуи Сталина и Дзержинского.

* * *

Разгром церковной жизни в 20-е годы, осуществлённый Лениным и его сообщниками, был подготовлен интеллигенцией. Это и есть “русский бунт, бессмысленный и беспощадный”. Это тот же самый есенинский безумный

крик: “Тело, Христово тело // Выплёвываю изо рта”; – это и рёв Маяковского, обращённый ко Всевышнему: “Я Тебя, пропахшего ладаном, // раскрою отсюда до Аляски”; это сокровенное сатанинское ахматовское “*поэтам вообще не пристали грехи*”; это цветаевское проклятие душе: “христианская немочь бледная! // Пар! Припарками обложить! // Да её никогда и не было! // Было тело, хотело жить...” Но, отдав должное бунту, Цветаева склоняется не перед часовой, а перед символом “русскости” – рябиной:

“Мне всё – равно, мне всё – едино. // Но, если по дороге – куст // Встаёт – особенно рябина...” И в этих строках её покаяние перед “христианскою немощью бледною”.

Есенин тоже принёс покаяние за свой бунт: “Чтоб за все за грехи мои тяжкие, // За неверие в благодать // Положили меня в русской рубашке // Под иконами умирать”... Выдох жизни спасает веру. У Бродского подобных выдыхов нет. Рождественские стихи Бродского – это всего лишь навсего умелые, но декоративные картинки, обрамляющие его религиозный скепсис. Стихи о “кровопийце” и “ворюге” – это всего лишь навсего отрицание высокого стиля, “величия замысла”, потому что большинство великих людей истории были, по Бродскому, “кровопийцами”.

Да и сам он, в отличие от Мандельштама, не очень хотел быть русским. Не потому ли в Америке он даже пытался писать стихи на английском языке?

* * *

Сегодня в России есть “Столыпинское общество”, и памятник ему поставлен, есть культ Столыпина, есть историки, убеждённые в том, что если бы Столыпин не был убит еврейским киллером, то он завершил бы свои реформы и никаких революций в 1917 году не было бы... А у меня перед глазами картина художника дореволюционной эпохи – забытого передвижника Сергея Иванова: хмурое небо, степная дорога, на дороге стоит телега, возле неё на земле лежит умерший мужик, на его груди икона, а вокруг него безутешная жена и малые дети. Название картины – “Смерть переселенца”...

Крестьяне центральной России не хотели переселяться в Сибирь, куда Макар телят не гонял. Они чувствовали, что, приехав в Сибирь за даровой землёй, в одиночку, став хуторянином или фермером, в одиночестве, в бездорожье не выживешь. Им нужна была земля в центральной России, но без выкупа. Крестьяне моей родной Калужской губернии рассуждали так: “Спокон веков у нас заведён обычай, что на новое место идёт старший брат, а младший остаётся на корню. Так пускай в Сибирь или на Алтай поедут наши старшие братья, господа помещики, дворяне и богатейшие земледельцы, а мы, младшие, хотим остаться на корню, здесь, в России”.

Костромские крестьяне обращались к дворянам-землевладельцам с таким предложением: “Если вы очень уж хвалите Сибирь, то переселяйтесь туда сами. Вас меньше, а землю оставьте нам”.

Им вторили орловские мужики: “Переселяться на казённые свободные земли в среднеазиатские степи мы не желаем. Пусть переселяются туда помещики и заводят там образцовые хозяйства” (тексты писем взяты из книги А. Бушкова “Красный монарх”).

Но лучше и глубже всех об этом историческом споре писал митрополит Вениамин Федченков, во время гражданской войны – главный духовник армии Врангеля, сам происходивший из крестьянской семьи:

“Столыпину приписывалась будто бы гениальная спасительная идея так называемого хуторского хозяйства – это, по его мнению, должно было укрепить собственнические чувства у крестьян-хуторян и пресечь таким образом революционное брожение... Тогда я жил в селе и отчётливо видел, что народ против. Хутора в народе проваливались”.

В нашей округе едва нашлось три-четыре семьи, выселившиеся на хутора. Дело замерло, оно было искусственное и ненормальное”.

Вспомним о том, как крестьяне села Константиново летом 1917 года готовятся к разговору с помещицей Анной Снегиной:

*Эй, вы!
Тараканье отродье!*

*Все к Снегиной!..
Р-раз и квас!
Даёшь, мол, твои уголья
Без всякого выкупа с нас!*

А когда вожак константиновских мужиков Оглоблин Прон вместе с Есениным ворвались в снегинский дом, то:

*Дебелая грустная дама
Откинула добрый засов.
И Прон мой ей брякнул прямо
Про землю, без всяких слов.
“Отдай!.. —
Повторял он глухо. —
Не ноги ж тебе целовать!”*

Есенину, свидетелю революции, я верю больше, нежели функционерам из “Столыпинского общества”, недавно поставившим в Кремле памятник незадачливому автору крестьянской реформы.

* * *

Демагоги, радующиеся распаду Советского Союза, часто сравнивают этот распад с распадом Британской империи: вот она, мол, распалась, освободилась от заморских колоний и зажила на славу. Ну, во-первых, Англия распалась после того, как несколько веков вытягивала из этих колоний все соки. А во-вторых, это сравнение было бы убедительным, если бы не просто Британская империя распалась на Индию, Австралию, Новую Зеландию и множество азиатских и африканских государств, а именно Британские острова “развалились” на Уэльс, Ирландию, Шотландию и просто Англию. Вот тогда бы мы и посмотрели, как она, эта Англия, — зажила бы самостоятельной жизнью или постепенно превратилась бы в островную Швейцарию?

* * *

Поляки, проливая слёзы о Катыни, забывают о том, что многие советские красноармейцы, выжившие в польском плену после 1921 года (а выжило их только тысяч двадцать из восьмидесяти), стали кадровыми военнослужащими Красной армии и частей НКВД и узнали в 1939 году среди польских военнопленных офицеров и жандармов тех “осадников”, кто в 20-м году замучил и уморил в концлагерях несколько десятков тысяч их сотоварищей.

Не этого ли боялся великий польский поэт и лауреат Нобелевской премии Чеслав Милош, когда писал:

*Не трогайте катынские могилы,
а то зашевелится пепел Едвабне и Освенцима,
закачаются еврейские надгробья Парчева,
Люблина и Кельцев,
и под ветром разгорятся угли Варшавского гетто!*

Для незнающих читателей напомним, что в местечке Едвабне в июле 1941 года поляки, пользуясь тем, что советские войска оставили городок, загнали в громадный сарай около двух тысяч местных евреев и сожгли их заживо, а в городах Парчев, Люблин и Кельцы еврейские погромы произошли в Польше уже после войны — в 1946-1947 годах.

“Признание — царица доказательств”, — говорил генеральный прокурор СССР Вышинский во время политических процессов 30-х годов... В эпоху перестройки демократы не раз высмеивали эту фразу Вышинского. Но в то же время Яковлев, Горбачёв, Ельцин и Шеварднадзе без доказательств “признали”, что польских военных в 1940 году расстреляло советское НКВД, и даже

Путин, посещая Польшу, дважды извинился перед поляками. Нет бы сначала прочитать записи из дневника Йозефа Геббельса, занимавшегося весной 1943 года изготовлением чудовищной провокации мирового масштаба.

Из дневника Йозефа Геббельса:

“17 апреля 1943 года.

Драма в Катини приобретает размеры гигантского политического события. И мы его используем по всем правилам искусства. Во всяком случае, эти десять или двенадцать тысяч убитых поляков, может быть, и заслужили это, поскольку были подстрекателями войны, тем не менее, теперь следует использовать их, чтобы ознакомить европейские народы с тем, что представляет большевизм”.

“8 мая 1943 года. К сожалению, в делах Катини найдены немецкие боеприпасы. В любом случае, необходимо держать эту находку в строгом секрете; если она станет известна нашим врагам, то катынское дело будет провалено”.

“Наши люди должны быть в Катини раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста всё было подготовлено и чтобы при раскопках не натолкнулись бы на вещи, которые не соответствуют нашей линии”.

“29 сентября 1943 года. К сожалению, мы должны были оставить также и Катинь. Нельзя сомневаться, что большевики вскоре “откроют”, что это мы расстреляли двенадцать тысяч польских офицеров. Эта история, несомненно, позднее нам ещё доставит хлопот. Советы сделают так, чтобы раскопать определённое число могил и возложить впоследствии ответственность за это на нас”.

Об этих дневниках Геббельса польские историки молчат до сих пор и будут молчать вечно.

* * *

Эхо Москвы. Передача “Цена победы”. Размышляет шестидесятник, историк Андрей Зубов:

“Никакого единства партии и народа не было”. “Сталин отказался эвакуировать население Сталинграда”. <...> “При взятии Берлина можно было избежать 9/10 потерь. Советская власть лишила людей нормальной жизни и счастья”. “На вопрос, какой из двух тоталитаризмов хуже – ленинский или сталинский, – один ответ: оба хуже”.

Ну, каким орудием прихлопнуть эту научную моль – стихами Твардовского или Симонова? Нет, этих “государственников и сталинистов” существа из 5-й колонны не признают. Придётся обратиться к Высшему авторитету.

Вот как ответил бы “якобы историку” А. Зубову русский поэт и лауреат Нобелевской премии Борис Пастернак:

“Победил весь народ сверху донизу, от маршала Сталина до рядовых труженников и простых бойцов, победил весь народ всеми своими силами, и радостями, и горестями, и мечтами, и мыслями”.

* * *

Да, у Бродского имперское мировоззрение, у него, судя по стихам о Шевченко и Жукове, сильный саркастический ум, да, у него, говоря словами Мандельштама, тяга к “крупнозернистой жизни”, к “великим замыслам”. Он почти “государственник”, но это всё ещё не есть доказательства того, что он “русский национальный поэт”.

Да, он почти понял, что такое “русская жизнь”, когда попал в архангельскую ссылку, но Заболоцкий, или Павел Васильев, или Виктор Боков, или Твардовский знали, что такое “русская жизнь”, до всяких ссылок, потому что у них это знание было заложено в генах, а Бродскому для освоения подобного знания нужны были особенные, “искусственные” обстоятельства.

Бродскому, как и Мандельштаму, только в ссылке, только в неестественном и дополнительном общении с простонародьем удалось получить прививку русскости. Бродский в стихах о деревне лишь декларирует своё

понимание русскости, но при этом не живёт ею. Иначе он продолжал бы жить ею в Америке.

У Бродского имперская, но не русская душа, и с этим ничего невозможного сделать. Сравните его стихотворение “Пилигримы” и рубцовское “Старая дорога”, и всё станет ясно, как Божий день. Душа Агасфера у него обнаружилась не тогда, когда он уехал в Америку, а гораздо раньше, во время жизни в Питере в “полутора комнатах”. “На Васильевский остров // Я приду умирать...” Но Васильевский остров – это не Россия, это часть протестантского пространства.

В молодые годы (1960 или 1961) во время единственной встречи с Бродским я подарил поэту свою книжку “Метель заходит в город”, которая сейчас выставлена на стенде, посвящённом Бродскому, в питерском музее Анны Ахматовой, подарил с неслучайной, существенной надписью: “Иосифу Бродскому с нежностью и отчаянием. Книгу, совершенно чуждую ему”. Видимо, я тогда угадал, что “русскость” моей книги будет чужда ему. Странно, что за годы эмиграции и скитаний по белу свету он сохранил мою книжицу и она вернулась в Россию, не затерялась в мировом пространстве и ныне находится в музее Ахматовой на Фонтанке, где есть уголок, посвящённый, по словам Ахматовой, “Рыжему”. Ахматова знала цену своим словам, когда говорила, что всяческими судебными преследованиями власть делает Рыжему биографию. С тех пор прошло более полувека, но сегодня всё высветилось: биография “Рыжему” была сделана, но сделать его “национальным русским поэтом” ни за что бы не смогла никакая власть. Но “пятиколонники” не утихают.

На днях я прочитал в журнале “Сибирские огни” статью сибирского литератора Евгения Антипова “Дума о Бродском или “Письмо с фронта”. Цитирую: *“Всякий уважающий себя поэт испытал благотворное влияние (воздействие, яркое впечатление) от поэзии Бродского. Всё это испытал в своё время и я. Моё “своё время” было в начале 80-х, когда за одно только имя Бродского, нечаянно произнесённое вслух, можно было получить пулю в затылок и даже “без права переписки”. Тем не менее, ещё свеженький сборник “Часть речи”, как П. Корчагин, я носил под своим прекрасным сердцем, маскируя его, сборник, под материалы не то 17-го, не то 19-го исторического пленума партии. Благодаря далеко продвинутому другу держал я в руках и самиздатовский трёхтомник, из-за которого, между прочим, сотни тысяч были расстреляны, а миллионы заживо сожжены в лагерях. Одним пальцем, чтобы не оставлять лишних отпечатков, что-то и сам из Бродского перечитывал. Вот такие дела”* (“Сибирские огни, 2008 г. №5). Ложь, как говорил Геббельс, чтобы ей поверили, “должна быть чудовищной”.

Впрочем, зачем разбираться в этом, если никто в России не знает поэта Антипова?..

* * *

Русские былины VI–VIII веков замешаны на противоборстве двух сил – язычества и христианства.

Вспомним былинку об Илье Муромце, который, недовольный приёмом, устроенным ему князем Владимиром Красное Солнышко, в гневе покидает Киев и, обернувшись, сбивает калёными стрелами церковные маковки.

А былина о Ваське Буслаеве, который “не верил ни в сон, ни в чох, а только лишь в червлёный вяз”...

Да и гибель его – попытался прыгнуть через череп Адама, но поскользнулся и разбился насмерть – случилась от молодого кощунства.

Дерзость, молодость, бахвальство молодого русского этноса – чем восхищался Пушкин и о чём размышлял Чаадаев! Пушкинский Вещий Олег погибает той же смертью от избытка воли и своеволия, что и Васька Буслаев, только Васька наступил на череп Адама, а Вещий Олег – на “благородные кости” своего коня. И тот, и другой погибли согласно русской пословице, утверждающей, что “на миру и смерть красна”.

А смерть “сверхбогатыря” Святогора? Он в ощущении своего могущества и в припадке гордыни лёг в гроб и приказал Илье Муромцу закрыть его крышкой, которая тут же приросла к гробу. А когда Илья стал рубить крышку мечом, при каждом ударе домовина “опоясывалась стальной полосой”.

Так русский ещё языческий народ, ещё до принятия христианства понимал, что гордыня — это смертный грех и что Высшая воля сильнее любой человеческой силы.

* * *

Идеал и жизнь, как правило, не совпадают друг с другом. Иногда случается, что самый прекрасный идеал рядом с жизнью выглядит смешным, а то и просто враждебным ей. В книге одного критика мне запомнилось одно интересное размышление: *“В Цетинье сохранились и турецкие мечети, и православные церкви, и католические костёлы, и синагоги. Несмотря на кровавую борьбу с турками, черногорцы не мстительны, с пониманием и широтой относятся к иноверцам, к иностранцам вообще...”*

Вроде бы и похвалил черногорцев, но вот что вышло потом. Вскоре и я побывал в Черногории. Однажды на каком-то дружеском вечере черногорские поэты разоткровенничались и спросили меня:

— А ты читал “Югославский дневник” Владимира Огнева?

— Читал. Даже с собой в дорогу взял.

— Так передай, пожалуйста, автору, что мы, черногорцы, всю нашу историю — несколько столетий — воевали. Торговать нам было некогда. Поэтому еврейские купцы у нас не жили, а значит, ни одной синагоги в Цетинье нет. А какие мечети могли у нас построить турки, когда они ни одного дня не владели городом? Когда лишь турецкие головы, которые наши предки привозили с полей сражений и ставили на крепостные стены, могли в упор разглядывать нашу столицу? Так что в Цетинье стояли только православные церкви! Не надо приукрашивать нас. Пусть уж останемся, какие есть...

Вспомним стихотворение Пушкина о черногорцах, не сдающихся наполеоновским псам войны.

*Черногорцы? что такое? —
Бонапарте спросил. —
Правда ль: это племя злое
Не боится наших сил?*

Однако со временем даже самые сильные, самые гордые народы и племена слабеют, соблазняются “европейскими ценностями”, теряют настоящую волю к жизни. Вот так сербы после натовских бомбёжек 1999 года и обещаний взять балканских славян в европейскую семью сдали в Гаагский трибунал своих национальных героев генерала Радко Младича, последнего президента Югославии Слободана Милошевича, вождя краинских сербов Радована Караджича.

А черногорцы купились на посулы и соблазны европейской жизни, сначала выбрали своим президентом некоего функционера Джукановича, своеобразного черногорского Ельцина, а потом побежали, как овцы на бойню, в НАТО.

В финале документального фильма об этой балканской трагедии старик-черногорец стоит над могилой своего внука, убитого при натовской бомбёжке, и бормочет: “НАТО — убийцы”. А рядом с кладбищем — разбитые крестьянские дома и старухи, сидящие среди развалин.

И черногорцы, и сербы получили в результате ту историю, о которой Черчилль сказал применительно к британцам, сдавшим в 1938 году Чехословакию Гитлеру:

— Мы хотели, заключив позорный договор с Гитлером, избежать войны, а получили и позор, и войну одновременно.

* * *

Русские — молодой народ, у которого ещё остались патриархальные родственные связи, позволяющие обратиться к незнакомому человеку со словами “отец” или “мать”, если эти люди старше тебя, со словами “сын” и “дочка”, если они младше, со словами “брат”, “браток” — к ровесникам или “сестра”, “сестричка” — к ровеснице. Да и к незнакомой старенькой женщине обраще-

ние “бабуся” будет звучать у нас естественно, так же как слова “дед”, “де-док”... Правда, оттенки при такого рода обращениях могут быть разными:

– Да пошёл бы ты, отец (или “батя”), куда подальше!

Находясь в подобном настроении, я как-то написал, проходя осенней сырой ночью через всю мою Калугу:

*И довелось родиться мне
В такой стране великой...
Поляны пахли по весне
Смолой и земляникой.
Но эта ночь и этот дождь —
Не вскрикнешь, не ответишь,
Во тьме полгорода пройдёшь
И никого не встретишь.
А если кто и подошёл —
Ощупай трезвым взглядом:
Что хочет он — пырнуть ножом
Или назваться братом?..*

* * *

Наш калужский двор на стыке улиц Пушкинской и Циолковского состоял из двух домов. Один загибался буквой “Г” в обе улицы, а другой замыкал продолжение двора по улице Циолковского — нижний этаж у обоих домов был каменным, а верхний — деревянным. И в тот, и в другой дом на второй этаж вели внешние деревянные скрипучие лестницы. Ещё одной стороной двора был длинный общественный сарай, в котором жильцы держали дрова, каменный уголь и всяческую ненужную хурду-мурду, которую было жалко выкинуть на помойку.

Сарай был сколочен из тёмного горбыля, каждый его отсек закрывался тяжёлыми воротами с подтёками жёлтой смолы, а в углу двора стоял обширный деревянный сортир, куда бегали жильцы обоих домов.

На дворе стояли столбы, на которых были натянуты верёвки, а на верёвках всегда сушилось разноцветное бельё, придававшее нашему двору какой-то праздничный вид.

Несмотря на все сложности быта, двор не унывал и по вечерам оглашался песнями, вылетающими из открытых настежь окон и с первых, и со вторых этажей.

Из окон первого этажа, почти вросшего в землю, где жили два брата Женька и Володька, всегда несло что-то блатное: “Три гудочка прогудело, // все на работу бегут, // а легавые в то время // на облаву идут”. Или “Есть в саду рестораник приличный, // только Ляльке там скучно одной, // подошёл паренёк симпатичный — // кепка набок и зуб золотой”.

Из квартиры, где жила тётя Нюра с двумя детьми-подростками Авой и Толиком, доносились песни другого, НЭПовского репертуара — “Рио-Рита” или песня креолки (“А обманешь, так знай: у креолки // ногти острые, словно иголки, // и расправа моя будет краткой — // пусть креолку целует другой!”). Ну, конечно не обходилось и без Утёсова: “С тобою встретился на школьной вечеринке, // картину ставили тогда “Багдадский вор”, // глазёнки карие и жёлтые ботиночки // зажгли в душе моей пылающий костёр”... А в застольях пели и “Катюшу”, и “Синий платочек”, и “Тёмную ночь”...

За общественным сараем, который был одной из неприступных сторон нашего двора, простирался громадный общественный огород соток на 50, где на каждую семью отводились две-три грядки. В дальнем углу огорода был вырыт пруд, в котором скапливались вешние и летние дождевые воды, необходимые для полива грядок. В этом пруду мы пускали игрушечные кораблики с парусами, которые, подгоняемые ветром, пересекали пространство пруда. К огороду примыкала соседняя усадьба крепких хозяев Купчиковых, сбежавших в город после раскулачивания, — мать, два сына и дочь. В их саду росли сортовые яблони, на которые мы смотрели с вождением, но что делать, если их охраняли две лохматых громадных собаки! Да и Колька Купчиков зорко следил за своим садом, ночью в шалаше посреди яблонь.

Особое место в мире нашего двора занимала голубятня, возвышающаяся над сараем. Голубятней владела семья Жуковых — два брата и чахоточная их сестра Валентина. Третий брат — старший — был легендарным вором и сидел где-то в Сибири. О нём не принято было вспоминать. О нём лишь шептались. Да и песни, которые вылетали иногда из низеньких окон жуковской квартиры, были как бы о нём:

*Вот он идёт
В прохарях и в тельняшке морской,
В кепке набок и зуб золотой —
Всем известный Серёжа.*

Но жуковские голуби-сизари были украшением и гордостью нашей неприглядной жизни. Они, подчиняясь воле хозяина, открывавшего решётчатую дверь голубятни, вылетали в мир, в солнечную высь, кружились над нашим двором, соблазняли голубок из голубятен, находившихся в соседних кварталах, и в сопровождении этих добровольных пленниц возвращались к своей голубятне, в хозяйские руки братьев Жуковых.

* * *

Бабка пила чай с баранками, которые я привозил ей из Москвы, и с постным сахаром вприкуску только из самовара, для которого я собирал в бору сосновые шишки. Несмотря на свои 60 с лишним лет, она тащила на ремне через плечо к Оке корзину с бельём — полоскать. На колонках возиться с бельём было неудобно, да и не разрешалось. Ручей от воды, льющейся из колонки, сбегал по неглубоким канавам вниз к Оке, и зелёная полоска молодой травы показывала бег этого искусственного ручейка с самого начала улицы Циолковского до речного берега.

По этому склону, называемому Балашовкой, зимой мы со свистом скатывались кто на санках, кто на самокатах, сооружённых из досок с тремя коньками: два — сзади, крепко привинченных к доске, и один — впереди, прикреплённый к подвижному рулю. Склон дороги был всегда обледеневшим от воды, бегущей вниз из колонки. Я не был в оккупации, но когда в 1943 году мы вернулись из костромского села Пыщуг в Калугу, то ребята рассказывали мне, что зимой 1941 года, когда наши войска выбили немцев из города, мои 10-летние сверстники подтаскивали убитых немцев к колонке, обливали их водой на 40-градусном морозе и, когда трупы обледеневали, их связывали по двое или по трое и садили на них, кто как умел, разгоняли этот страшный кортеж, прыгали на него на ходу и со свистом мчались по крутой улице имени Циолковского чуть ли не до самой Оки. Впоследствии я написал об этом такие стихи:

*Немцы уходят из города,
Стынет декабрьское солнце,
И вот уже звонко от хохота
И под гору мы несёмся
На санках, на самокатах,
А тот, кто из самых смелых, —
На немецких солдатах,
Как древо, заледенелых.*

Я написал эти стихи в 1959 году, и так случилось, что пришёл в гости к Борису Слуцкому, когда у него был драматург Александр Володин. Слуцкий попросил меня прочитать несколько стихотворений, я прочитал, и среди них — стихотворение о том, как мои калужские друзья катались с горы на немецких трупях. Слуцкий был чрезвычайно доволен, ликовал, а Володину стало плохо.

Знаменитая колонка, откуда я таскал вёдра воды домой, стояла возле дома, где жили мои приятели Чахловы — Александр и Валентин, по-уличному — Валет. Это была крестьянская семья, после коллективизации сбегавшая в Калугу. Каким-то образом они срубили себе деревянную избу, к которой

примыкал довольно большой огород — соток 20. Отца у них мобилизовали в первые дни войны, осталось их четверо — два подростка, их мать тётя Варя и её сестра. Жили своим огородом да коровой, которую успели завести перед войной. А тётя Варя подрабатывала тем, что возила с хлебозавода в магазины хлеб в громадной корзине, прикрепленной к основе с двумя колёсами.

Когда она поздно вечером приезжала домой, мы сразу бросались к корзине, в которой всегда находили несколько корочек, отломившихся от горячих хлебных буханок.

За её сестрой Машей ухаживал демобилизованный по тяжёлому ранению молодой моряк с наколкой на груди:

*Любовь — это бурное море,
Любовь — это злой ураган,
Любовь — это вечное горе,
Любовь — это ложь и обман.*

Моряк иногда уводил тётю Машу на танцы в парк культуры или на танц-площадку Центрального кинотеатра, где танцевали и в кирзовых сапогах, и даже в валенках.

* * *

Утром в больничной столовой рядом со мной за обеденный пластмассовый столик сел крепко сбитый, почти квадратный человек, плечи и грудь которого были покрыты седой жёсткой, как будто бы кабаньей, шерстью. Схожесть с кабаном ему придавали маленькие глазки и могучие предплечья, на них были изображены искусным татуировщиком то ли букеты цветов, то ли заросли неведомых мне растений, из которых высовывались полуптичьи, полужверинные, получеловечьи морды существ, подобных химерам, украшающим Собор Парижской Богоматери. Короткая седая стрижка, чуть-чуть свалывшаяся на загривке, усугубляла родство этого человека со зверем.

Отстояв свою очередь к кухонному окну, мы взяли у поварихи Нины по тарелке овсяной каши, по кружке чая, по пластмассовой баночке йогурта и сели друг против друга за тесный столик. И тут с близкого расстояния я разглядел на его могучих бицепсах какие-то слова, которые от постоянного движения рук шевелились, что мешало мне быстро и незаметно прочитать их. А спрашивать у этого кентавра, что у него там выколото, было неудобно. Да и, честно говоря, я не особенно верил, что он ответит мне на человеческом языке. Хрюкнет что-нибудь — и все дела.

Однако, когда его кто-то из толпящихся в столовой бедолаг окликнул, и мой человекообразный сосед повернулся на окрик вполоборота, я успел схватить глазами три слова на его предплечье и с удивлением понял, что эти слова немецкие и к тому же известные всему цивилизованному миру — “Jedem das Seine”, — что означает в переводе на русский “Каждому своё”, и возникли они как заповедь для всех несчастных, попавших в годы Второй мировой войны в Дахау или Освенцим... Открыв от изумления рот, я попытался было спросить у вепря, знает ли он смысл этой надписи, но язык мой присох к нёбу. А мой Вепрь опрокинул за один раз кружку кефира в глотку, встал и коренастой раскачивающейся походкой на двух ногах пошёл к выходу. На нём были шорты, которые чуть было не лопались по швам от этой походки, а на мясистых икрах я вдруг увидел ещё какие-то слова, тоже изображённые чуть ли не готическими буквами. Я рванулся за ним и догнал его в коридоре:

— Скажите, пожалуйста, — заикаясь от волнения, произнёс я. — А что у Вас написано на ногах?

Он повернулся ко мне всем торсом, поскольку у него не было шеи, а голова сидела прямо на плечах, и бесстрастно по слогам произнёс:

— Арбайт демахтен фрахт!

— Работа освобождает! — образованно произнёс я.

— Вот именно! — холодно ответил он и ускорил шаг, явно показывая, что нам с ним больше говорить не о чем, и захлопнул дверь в свою палату прямо перед моим носом.

Больница. Толпы старух в разноцветных халатах, в пижамах и даже в ночных рубашках.

Старуха, похожая на старика, — курчавая шапка седых волос, круглое скуластое лицо, нос, словно неочищенная картофелина, короткие крепкие руки, хриплый голос, коренастая, как медведица, ставшая на задние лапы.

— Да зачем Вы врачам букеты цветов покупаете? Всё равно они их завтра на помойку выбросят. Я вот своей врачихе, если сама захочу, сниму с руки кольцо с бриллиантом и подарю. Ох, как моя родня, сын и дочь, раскритчатся, если увидят, что нет кольца! Они только и ждут, чтобы я померла и оставила им квартиру да эти кольца! Они завтра за мной приедут домой забирать, мне ведь 91 год! А я им говорю: “Не приезжайте, я сама выйду из больницы и на автобусе до дома доеду. С работы отпрашиваются, чтобы продемонстрировать, как они заботятся обо мне”.

Её тихая собеседница и соседка по палате увещевает лихую старуху:

— А ты думай о позитиве. Всё тогда будет хорошо. Аура должна быть положительной. — Но Медведица не унимается:

— Я зарядку сегодня ночью делала. Проснулась — спать не могу. Я мостик стала делать на кровати.

Но тихая собеседница гнёт своё:

— А ты думай о позитиве!

Однако девяностолетнюю бунтовщицу унять невозможно:

— Мне они хотели какой-то прибор поставить, чтобы со мной разговаривать из своей квартиры! А если я не хочу разговаривать, зачем они ко мне лезут?

— Да ты думай о позитиве! — на что следует неожиданный вопрос:

— А ты замужем была?

— Была.

— А муж у тебя был хороший?

Тихая собеседница молчит, улыбается.

— А у меня был избалованный ребёнок, а не муж!

— А ты думай о позитиве!

Слушаю и невольно вспоминаю стихотворение Бориса Слуцкого о харьковской коммунальной жизни в 30-е годы:

*Старух было много, стариков было мало:
то, что гнуло старух, стариков ломало.
Старики умирали, хватаясь за сердце,
а старухи, рванув гардеробные дверцы,
доставали костюм выходной, суконный,
покупали гроб дорогой, дубовый,
и глядели в последний, как лежит их законный,
прижимая лацкан рукой пудовой.*

Рядом с моей палатой была палата для женщин, у нас была одна прихожая и один туалет, куда мне нужно было заглянуть после обеда. Открыв дверь туалета, я увидел старушку, сидящую на унитазах. Она ничуть не смутилась, закрыла дверь и вскоре заглянула в мою палату со словами: “Ну, иди, дедушка”.

А моя 90-летняя с головой, на которой словно бы надета седая барашковая шапка мехом наружу, несёт из кухни на свой стол тарелку с кашей, пальцы толстые, бицепсы по-мужски крепкие, на плечах — ни одной морщинки, ни одной старушечьей складки... Смотрю на пальцы, крепко схватившие кружку с кефиром, и вижу, действительно, на пальцах несколько колец, а одно — с бриллиантом. Господь, видимо, лепил из этого куска глины мужчину, но в последнее мгновение отвлёкся. Идёт, переваливаясь, медвежьей походкой, без палочки, в мужских штанах и матроска полосатая на торсе. Словом, похожа на какого-нибудь каторжника Айртон из жюльверновского романа “Пятнадцатилетний капитан”.

Среди “божьих одуванчиков”,двигающихся, как толпа пингинов с кружками, тарелками, ложками, моя 90-летняя выделяется, словно крепкий белый гриб-боровик; кричит, командует, распоряжается:

— Девочки! В очередь! — и девочки, одни — как мешки с арбузами, другие — как полупрозрачные шуршащие целлофановые пакеты, послушно выстраиваются к кухонному окну. Большинство в застиранных ситцевых или фланелевых халатах, но есть и в шёлковых с поясами. А две старушонки вообще пришли в ночных рубашках, светящихся насквозь. Все выстраиваются в очередь с кружками, а мне всё кажется, что каждая из них держит драхму, чтобы передать Харону; многие — с наклеенными наискосок на один глаз белыми полосками марли, а кто-то и на инвалидных колясках, и все — с лицами, измождёнными страхом вечной слепоты.

Поглядишь на них и поймёшь, что в древнем мире таких убогих, особенно слепых, было гораздо больше. Христос не мог пройти мимо них, и большинство рассказов из Евангелия — это сцены, где он встречается с немощными, расслабленными (то есть с парализованными), бесноватыми, увечными и слепыми.

— Пралик тебя разбери! — кричала моя бабка Дарья Захарьевна, и с детских лет я знал, что “пралик” — это паралич. Бабка была глухой и запомнила слово “паралич” на слух, как “пралик”, отчего оно стало ещё более страшным, как будто “пралик” — это какое-нибудь существо из мира нечистой силы.

Христос знал, что именно здоровым людям надо понять, что больные и страждущие — тоже люди, и чудеса его по исцелению недужных он вершил, чтобы слух о такого рода чудесах расходился по земле, чтобы физически здоровые люди знали, что и они когда-нибудь впадут в немощь и будут мечтать о чудесах, совершённых Спасителем. Вспоминаю поразительный тургеневский рассказ “Живые мощи” — о бывшей красавице Лукерье, вставшей в немощь, или о старике из рассказа Льва Толстого, который ест дома из чашки, ест неопратно и раздражает этим своих родных. Вспоминаю властную старуху из пушкинской “Пиковой дамы”, говорящую: “Я сама!”

* * *

Прочитал в больнице роман Прилепина “Обитель” — о жизни его героев в Соловецком лагере, о скудных пайках, о ночных встречах близких по духу людей, собиравшихся потихоньку от надсмотрщиков и уголовников всласть закусить из посылки едой, полученной от родных.

Прочитал и обнаружил днём, что не доел больничную похлёбку, и понял, что это нехорошо. И как-то само собой получилось, что чуть ли не стал хлебной корочкой вылизывать остатки еды с тарелки. В Соловках недоедков в мисках не оставляли и дорожили каждым кусочком хлеба, и смаковали его, и делились им с близкими друзьями, как чем-то заветным.

Кроме того, я так вжился в главного героя Артёма, который каким-то врождённым инстинктом мог ладить с самыми разными людьми и понимать их: и чеченцев, и уголовников, и священников, и голь перекатную, и аристократов, — и к своему удивлению понял, что я веду себя точно так же и приспособливаюсь и к врачам совершенно разным, и к медсёстрам, и к санитаркам, и к уборщицам, и к сестре-хозяйке, которая до положенного срока меняет нам постельное бельё, и поварихе могу так улыбнуться, что кладёт мне лишние полповарёшки разваристой гречки.

Вот что значит прочитать повесть писателя, хорошо знающего жизнь.

* * *

Фёдор Михайлович Достоевский в романе “Подросток” вспоминал о “священных камнях Европы” и о “золотых потускневших” людях Запада. Это было в середине XIX века. Юрий Кузнецов в одном из своих хрестоматийных стихотворений до конца раскрутил мысль Достоевского о привязанности русской интеллигенции к Европе:

*Нам чужая душа — не потёмки
И не блеск Елисейских полей.
Нам едино, что скажут потомки
Золотых потускневших людей.*

*Только русская память легка мне
И полна, как водой решето.
Но чужие священные камни,
Кроме нас, не оплачет никто.*

Арнольд Шпенглер в начале XX века сочинил знаменитую книгу “Закат Европы”, в которой поставил западному миру роковой диагноз, что он при смерти.

Однако пассионарии Запада не согласились со Шпенглером и дважды встряхнули мировую историю, пытаясь восстановить своё средневековое величие: устроили Первую, а потом и Вторую мировую войну.

Но после этих двух преступлений мирового масштаба дети Европы выдохлись и, окунувшись в общество потребления, начали с наслаждением разлагаться и духовно, и телесно, дойдя до крайних степеней вырождения. 14 октября 2014 года центральное телевидение России сообщило о том, что министр сельского хозяйства Дании обратился в парламент с просьбой принять закон, запрещающий скотоложество, ибо у животного невозможно получить согласие на половой акт со стороны человека. В телеинформации было добавлено, что в Данию гурьбой едут туристы и туристки, соблазнённые сексуальной тягой к парно- и непарнокопытным. К XXI веку Европа перепробовала всё: и педерастию, и однополые браки, и педофилию, и кровосмешение, не хватало только блюд с коровами, козами, собаками и жеребцами. Такого даже в Содоме не было. Слава Богу, что Юрий Кузнецов не дожил до этих игрищ.

* * *

В 1984 году я опубликовал в “Нашем современнике” статью “Что тебе поют?”, где убедительно доказал, что фанатичные поклонники Высоцкого, устраивая сборища возле его могилы, затоптали находившуюся рядом могилу майора Петрова. У меня были фотографии затоптанной могилы и во время её существования, и фотография этого места после её исчезновения. Тем не менее, журнал “Юность” обвинил меня в клевете, в зависти к Высоцкому, и даже в том, что чуть ли не я сам устроил инсценировку с могилой майора Петрова. История эта имела весьма драматическое продолжение. Мой сокурник по филфаку и соперник по литературной жизни критик Станислав Рассадин глумливо повторил в той же “Юности”, что я выдумал могилу майора Петрова. Шёл 1992 год, когда мы, патриоты, уже были отрезаны от самых многотиражных газет, от телевидения, и надо было искать эффективные и необычные формы сопротивления. Я написал в газету “Московский литератор” письмо, в котором потребовал от Рассадина извинений, в противном случае пообещал смыть оскорбление пощёчиной. Он не извинился...

Через полгода я встретил клеветника у писательской поликлиники. Он шёл мне навстречу. С упавшим сердцем я понял, что нужно исполнять обещанное, что другого случая не представится, и, когда мы поравнялись, моя ладонь звучно легла на его ланиту. Он отпрыгнул, как толстый кот, заверещал, зашипел на всю улицу нечто нечленораздельное, но было уже поздно. Возмездие совершилось. Я, чтобы поделиться опытом, как надо наказывать клеветников (а в то время оскорбления сыпались на нас с разных сторон), опубликовал информацию о приговоре, приведённом в исполнение, в газете “День” и вскоре получил из Ясной Поляны от читателя Сергея Романова письмо: “Я не поклонник Вашего поэтического таланта, но я в восторге от Вашей гусарской пощёчины. Желаю Вам здоровья и мужества”. А ведь когда-то на филологическом факультете МГУ мы бегали со Станиславом Рассадиным в одной легкоатлетической эстафете четыре по сто метров.

Дабы русофобам было неповадно оскорблять русских поэтов где и когда попало, я опубликовал в прохановской газете “День” заметку о том, что приговор приведён в исполнение — пощёчина состоялась.

Александр Проханов, со свойственным ему остроумием придумал для моего материала заголовок: “Стас уполномочен заявить”.

Так я и назвал свою новую книгу, которая вышла в свет к моему 70-летию.

* * *

Чуть ли не сорок лет тому назад судьба свела меня с выпускником ВГИКа, ставшим послушником Псково-Печорского монастыря Георгием Шевкуновым – ныне архимандритом Сретенского монастыря отцом Тихоном и епископом Егорьевским.

Потом многие годы подряд мы встречались с ним в кругу наших близких единомышленников-художников Искры Бочковой и Алексея Артемьева, во время великого праздника – переноса мощей святого Серафима в Дивеево, а потом были встречи на единственной православной телестудии “Русский Дом” у Александра Крутова...

Он и крестил меня, и венчал с моей женой Галиной, надеюсь и верю, что и грехи мои отпустит мне, когда Господу это станет угодно... Отец Тихон открыл мне и многим русским людям тайны величия и падения Византии, после фильма о судьбе которой ненависть к нему, если судить по воплям либералов, выступающих на “Эхе Москвы”, стала беспредельной. Достигнув необходимой духовной зрелости, он написал изумительную книгу “Несвятые святые”, многие главы которой публиковались в журнале “Наш современник”.

Трудны и непостижимы пути Православия в России XX века! Но когда я читаю главы этой книги о Великом наместнике, об отце Гаврииле, об отце Иоанне и других столпах Печорского монастыря, душа замирает от постижения страданий и гонений, которые они пережили, и одновременно восхищается величием подвига многих подвижников Печорской обители.

* * *

Что такое объявленная властью “десталинизация” жизни? Это не просто лживый доклад Хрущёва на XX съезде, не просто вынос праха из мавзолея и переименования Сталинграда в Волгоград. Это разрушение, осмеяние, опозление всего, что было создано народом в сталинскую эпоху. Это развал государства, разорение сталинской индустрии, уничтожение сталинской коллективизации. Сорок процентов пахотных земель уничтожено, заросло кустарником и лесом. Это уничтожение лесозащитных полос – великого проекта конца 40-х годов прошлого века.

Это разрушение не просто ГУЛага, а почти всех основных отраслей жизни, в которую был вложен труд нескольких поколений, это ликвидация всех городских благ на селе – библиотек, больниц, детских садов, домов культуры и клубов, почтовых отделений, машинно-тракторных станций, сети торговых предприятий, закрытие многих школ и так далее.

... Это разрушение всего, что “нерентабельно”. Но ведь нерентабельна и жизнь человеческая, поскольку она кончается смертью. И потому “нерентабельны” судьбы Ельцина, Гайдара, Грачёва – временщиков истории.

Нынешние российские историки еврейского происхождения часто негодуют по поводу того, что во время войны советская пропаганда хранила молчание о еврейских потерях: *“Советские авторы постоянно скрывали, что евреев убивали только за то, что они евреи”* (энциклопедия “Холокост”, М., “Росспэн”. 2005. С. 450).

Но это негодование является циничной спекуляцией нового времени. Население Советского Союза во время войны состояло из более чем двадцати крупных этносов, не говоря уж о сотне малых народностей и племён. Дети всех этих национальных образований проливали кровь на полях сражений. И пока шла война, выделять чьи-либо жертвы как имеющие особую цену было самоубийственным делом. Единственно возможным залогом нашей победы было сплочение всех племён и народов в одно понятие “советский народ”. И это суровое условие не позволяло выделить жертвы и потери “избранного народа”.

Вспомним, что лишь после победы Иосиф Сталин смог позволить себе произнести тост “за здоровье русского народа”, внесшего наибольший вклад в нашу общую победу. Да и то вспоминается, как Александр Чаковский выговаривал мне, что вот, мол, Сталин поблагодарил “русского Ивана”, а “еврейскому Абраму” подобная благодарность не досталась. Однако Чаковский забыл, что через 3 года после знаменитого тоста за русский народ по воле

того же Сталина весь восточно-европейский советский блок проголосовал за создание государства Израиль. Это был поистине царский или даже императорский подарок “несчастному Абраму”: ему подарили не хвалебные слова, а государство, и по сравнению с этим подарком всемирно-исторического масштаба всяческие проходившие в ту же эпоху кампании против “космополитизма” или “дело врачей” были мелкими, ничтожными событиями внутриполитической жизни.

И недаром даже после этих “антисемитских кампаний” портреты “усатого тирана”, как главнейшего отца-основателя государства Израиль, многие десятилетия висели в израильских кибуцах...

Так что крики о необходимости полной десталинизации нашей жизни одновременно есть посягательство на легитимность Израила, созданного по воле Сталина.

* * *

В начале шестидесятых годов в московских либеральных кругах ходила по рукам и пользовалась большой популярностью рукописная книга историка Роя Медведева “К суду истории” – о Сталине и сталинизме. Она до сих пор стоит в моей библиотеке – толстый том с пожелтевшими машинописными страницами в кустарной дерматиновой обложке. Книга не выделялась ни глубиной анализа эпохи, ни объективностью, ни фактологическим материалом – она была обычным диссидентским антисталинским сочинением, весьма поверхностным, а порой и просто искажавшим историю. Подобных сочинений в те годы было написано немало, особенно людьми, которых так или иначе коснулись репрессии 30-х годов. Вспомним хотя бы книги Антонова-Евсеенко, Аксёнова, Икрамова, Юрия Трифонова... Жажда взять у тени великого вождя реванш, хотя бы задним числом, толкала “детей XX съезда” в объятия антисталинской хрущёвской пропаганды, к вольной или невольной подтасовке фактов, к опоре на слухи, мифы и всяческие недобросовестные источники. Большинство этих сочинений были столь же исторически некорректны и даже абсурдны, как и доклад Хрущёва на XX съезде КПСС. Но вот прошло с той поры более 40 лет, и братья Медведевы издали в 2001 году книгу “Неизвестный Сталин”...

Читаю ее – и глазам своим не верю... **“Действительно, глубокое понимание эпохи Сталина и его роли в мировой истории только начинается”.**

“Сталин был не только вождём, диктатором и тираном. За внешней оболочкой культа личности жестокого деспота существовал и обычный человек, думающий, размышлявший, имевший огромную волю, большое трудолюбие и немалый интеллект. Он был также несомненно патриотом исторической российской государственности”...

“Для таких людей, как Ленин и Сталин, невозможно определить, сыграли ли они в судьбе человечества отрицательную или положительную роль. Они сыграли историческую роль. Советский Союз не был аномалией исторического развития. Это был шаг вперёд из того тупика, в который завела мир Первая мировая война”.

Вот как, почти на 180 градусов изменились исторические оценки бывших крутых диссидентов, сыновей бригадного комиссара Медведева, погибшего в 1941 году на Колыме... Жизнь, как говорится, учит.

А сколько в книге “Неизвестный Сталин” частных выводов, противоречащих расхожим антисталинским байкам и анекдотам, которыми питались умы либералов-шестидесятников: **“Выступление Сталина по вопросам языкознания имело в целом положительное значение”, “Политическую недальновидность при разработке первой Конституции Союза проявил Ленин, а не Сталин”,** и даже: **“Следует признать, что как редактор Сталин не только улучшил доклад Лысенко, сделав его формулировки менее резкими и менее антизападными, но и устранил принципиально ошибочное деление наук на советские и буржуазные...”**

Вот какая эволюция в сторону здравого смысла произошла с тех пор с братьями Медведевыми. Как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Случай весьма поучительный, особенно на фоне сочинений о Сталине Волкогонова, Радзинского, Александра Яковлева и прочих якобы “историков”.

1951 год. Я поступил в Московский Авиационный институт на факультет приборостроения. Поступил лишь потому, что там учился мой двоюродный брат, лётчик, вернувшийся с фронта и не сразу нашедший себя в первые послевоенные годы. До поступления в МАИ он жил спортом – бегал длинные дистанции, ходил на лыжах, играл в волейбол. Так и прошла его послевоенная молодость. Но у него хватило ума воспользоваться льготами, которые были у участников войны. Он, учившийся на 4-м курсе, и уговорил меня: “МАИ! Лучший вуз страны!”

Но я всё это пишу для того, чтобы вспомнить, как зимой 1951 года я, студент МАИ, случайно попал в зал Чайковского на концерт уже широко известного в то время Александра Вертинского...

Зал был полон. Вертинский вышел из-за кулис, и зал встал. В основном в зале были женщины, молодость которых совпала со славой Вертинского, ставшего знаменитым в годы Серебряного века и Первой мировой войны.

Он вышел в чёрном костюме, высокий, статный, с большими залысинами, познакомил зрителей со своим аккомпаниатором:

– Брехес! – по слухам, Вертинский вывез его из Японии...

После первого же номера “Что за ветер в степи молдаванской” Вертинский полностью овладел залом.

А когда спел свой шедевр “Жёлтый ангел”, аплодисменты не стихали несколько минут.

В начале 60-х годов прошлого века были живы ещё многие фигуры из до-революционной эпохи, с которыми мне пришлось познакомиться и встречаться, и вести разговоры.

Из футуристов я знал Николая Асеева и Алексея Кручёных, из имажинистов встречался с Матвеем Ройзманом, даже с акмеистом Михаилом Зенкевичем жил в одном номере в Тбилиси во время какого-то писательского сборища.

Работал составителем альманаха “День поэзии”, приезжал на квартиры к Илье Эренбургу и Самуилу Маршаку, Виктору Шкловскому и Валентину Катаеву, в 1960–1963 годах ездил в Псков к Надежде Яковлевне Мандельштам, а однажды мне довелось встретиться и с главной героиней моих нынешних размышлений о Серебряном веке, мода на которую в годы “оттепели” стала хорошим тоном. Помню, как мне, работавшему тогда в журнале “Знамя”, было велено моим прямым начальником Борисом Леонтьевичем Сучковым взять у неё стихи для публикации в журнале, что я и сделал. Ахматова приехала в Москву и остановилась на Садово-Каретной в квартире у своей почитательницы Ники Глен, куда я должен был привезти вёрстку её стихов, чтобы она расписалась на ней. Для храбрости я взял с собой на эту встречу своего молодого красивого друга – поэта Анатолия Передреева.

... Мы вошли в коридор громадной московской коммунальной квартиры. На стенах коридора висели пожелтевшие оцинкованные ванны, под ними стояли какие-то старые сундуки, из общей кухни тянуло запахом жареной рыбы.

В комнате, заставленной тяжёлой мебелью, за столом у “неумытого окна” сидела грузная седоволосая женщина. Она пригласила нас присесть в кресла со стонущими пружинами и стала читать вёрстку с набором своих стихотворений – одно из них чрезвычайно нравилось мне:

*Ворон криком прославил
Этот призрачный мир,
И на розвальнях правил
Великан-кирасир!*

Ахматова медленно просмотрела набор, расписалась по моей просьбе под стихами и поглядела на нас, давая нам понять, что аудиенция закончена. Я напоследок задал ей два-три вопроса, что-то о Серебряном веке, на которые она ответила кратко, но убедительно. Впоследствии я узнал, что эти ответы у неё “отработаны”, и она каждый раз повторяет их дословно. Тогда не было слова “пиар”, но этим приёмом Ахматова владела в совершенстве и всегда производила нужное для себя впечатление.

Я уже приподнялся с кресла, застонавшего всеми своими пружинами, и хотел сказать “до свидания”, как мой молчаливый друг, по-моему, всё вре-

мя дремавший в углу, вдруг, к моему ужасу, произнёс с обезоруживающей непосредственностью:

— Анна Андреевна! Я ни разу не слышал, как вы стихи читаете... Прочитайте нам что-нибудь своё любимое...

Величественная старуха взметнула брови, словно бы вглядываясь в представителя “младого и незнакомого племени”, но вместо того чтобы указать нам на дверь, со странной улыбкой тяжело поднялась со стула, подошла к маленькому столику, стоявшему в углу, открыла крышку дешёвого проигрывателя, поставила на диск пластинку и нажала кнопку. Пластинка зашипела, и в комнате, загромождённой пыльной и облезлой мебелью, вдруг зазвучала медленная, торжественная речь:

*Мне голос был. Он звал утешно.
Он говорил: “Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда”.*

.....
*Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.*

Когда диск остановился, Ахматова сняла пластинку и снова с молчаливым вопросом поглядела на нас, но её молчаливое осуждение прошло мимо цели: Передреев безмятежно дремал в старом удобном кресле. Сгорая от стыда и ужаса, я разбудил его ударом локтя в бок.

Толкаясь и бормоча слова благодарности, мы вывалились в коридор, а потом по лестнице, пропахшей кошками, в шумную жизнь Садового кольца...

Я с негодованием набросился на друга:

— Ну что — получил? Послушал “что-нибудь любимое”? — Но ему всё было как с гуся вода:

— Зато смотри, как интересно получилось! Когда-нибудь вспомним!
Вот и вспомнилось...

* * *

22 августа 2012 года на радиостанции “Эхо Москвы” в рубрике “Особое мнение” выступал бывший председатель Союза журналистов Москвы некий Яковенко. Болтал он много чего пустякового и ничёмого, но вдруг словно с цепи сорвался: “Путину место рядом со Сталиным и Гитлером. Он, как и они, верит только в насилие”.

Не хочу и не буду спорить с этим больным провокатором, потому что меня занимает вопрос не менее важный: почему радиостанцию “Эхо Москвы”, открыто поддерживающую все разрушительные силы 5-й колонны, направленные на слом нынешнего государства, это же самое государство щедро финансирует из своего бюджета? Так же, впрочем, как и телеканал “Дождь” (30,6 млн рублей), так же, как и газету “Московский комсомолец” (17,9 млн рублей). “Эхо Москвы” тоже получает 15 млн бюджетных денег в год.

Я думаю, и при Гитлере, и при Сталине органы печати, порочащие их как руководителей своих государств, на другой день после подобных заявлений были бы закрыты. А такие авторы, как Яковенко, были бы превращены в лагерную пыль, что в наше время немислимо.

Так что не похож, слава Богу, Путин на Гитлера, и на Сталина, к сожалению, не похож. А ещё добавлю, что не верю, будто Алексей Венедиктов, историк по образованию и выходец из энкавэдэшной семьи по происхождению, не понимает, для чего “Эхо Москвы” вбрасывает в эфир столь грязную стряпню.

* * *

Борис Немцов, баллотировавшийся в Сочи на должность мэра, проиграл выборы и заявил, что это были “не выборы, а криминальная операция”. Как будто он не был замешан в криминальных выборах 1996 года, как будто

в 1993 году он не кричал с телеэкранов 3 октября: “Давить их надо, Борис Николаевич!”. Всё происходит по евангельским законам: какой мерой вы отмерите другим, такой и вам отмерится.

И Немцову за всех “раздавленных” 3-4 октября – “отмерилось” на Московском мосту.

* * *

Все наши златоустые либеральные витии постоянно твердят, что у преступников нет национальности. Но фамилии у них есть. И телевидение последних дней твердит с утра до вечера, что некий Борис Булочник, создатель финансовой системы “Мастер-банк”, обрушил её и сбежал с награбленными деньгами – а с ним вместе жена и сын – за границу.

Пока треплют фамилию *Булочника*, обнаруживается, что очередной мошенник по фамилии *Коган* обобрал провинциальных наивных женщин и каким-то образом утащил у многих из них положенные им государством материнские капиталы.

Потом некий *Владислав Баумгертнер* был задержан в Белоруссии за аферу с продажей калийной соли.

Ну, если нашим юристам хочется доказать, что преступник не имеет национальности, то лучше бы и фамилий не сообщали или придумали бы для всяческих Булочников и Баумгертнеров какие-нибудь ничего не говорящие о национальности псевдонимы.

* * *

Красная площадь, 24 мая 2010 года. Ливень, гроза, солнце – всё сразу, но сегодня День Кирилла и Мефодия, и народу полно. Молодёжь, дети. Заключительный номер программы – наши любимые песни.

Сначала солисты и хор исполняют “Я люблю тебя, жизнь”, “Подмосковные вечера”, а потом дирижёр взмахнул палочкой, и полилась из духовых инструментов мощная волна родных звуков: “Широка страна моя родная”... Под тенором, спасающим от дождя, сидит Патриарх Кирилл, вокруг него – епископы, среди них вижу отца Тихона – и понимаю, что все они не просто присутствуют, но с чувством подпевают:

*Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.*

Они, облачённые в церковные одежды, поют, в сущности, гимн сталинской эпохи, сочинённый Лебедевым-Кумачом и Дунаевским. И поют так вдохновенно, как будто на Красной площади не 2010 год, а какой-нибудь послевоенный 1946-й, и как будто мавзолей не закрыт полотнищем, а на нём стоит всё политбюро во главе с человеком, восстановившим патриаршество и освободившим многих священнослужителей из краёв, куда Макар телят не гоняет.

Вместе со всеми поёт и наш Патриарх, который совсем недавно жаловался на всяческие притеснения 30-х годов, которым подвергалась Церковь и его семья. А сейчас он раздурманился, глаза сверкают и молодым не по годам голосом он поёт вместе с хором, вместе с солистом, вместе со всем клиром:

*Этих лет величие и славу
Никакие годы не сотрут.
Человек у нас имеет право
На ученье, отдых и на труд.*

Чудны Твои дела, Господи! Стихийная сила хорового соборного пения сильнее личных обид и большой памяти...

*Наши нивы глазом не обшаришь,
Не упомянешь наших городов,
Наше слово гордое “товарищ”
Нам дороже всех красивых слов.*

А дальше — “Нет для нас ни чёрных, ни цветных”. Ну, конечно, это чуть-чуть перелицованная истина о том, что для Господа “нет ни эллина, ни иудея”.

А сколько ещё живёт в нашем языке истин, соединивших наш социализм с нашим Православием!

Советский лозунг “Кто не работает, тот не ест” повторяет евангельское “в поте лица своего будешь добывать хлеб свой”, или христианское “И последние станут первыми” лежит в основе советского: “Кто был ничем, тот станет всем”. Или слова из революционной песни “Подымется мститель суровый, // И будет он нас посильней” есть евангельская копия “но идущий за мною сильнее меня” — слова пророка Иоанна о пришествии Спасителя.

Сильнее всего связь советской истории с историей Православия возникла в годы Великой Отечественной войны — “Священная”, как она была названа с первого её дня, когда первым (раньше самого Сталина) выступил с ободряющим словом к народу патриарший местоблюститель Сергей Страгородский: 22 июня 1941 года глава Православной Церкви в России обратился к пастырям и верующим со своим посланием, разосланным в тот же день по всем приходам. В нём он благословил всех православных на защиту нашей Родины:

“Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своём долге пред родиной и верой и выходили победителями.

Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. <...> Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путём самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизни за свою родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны <...>. Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу”.

...Вся Красная площадь подпевала не столько солисту и хору, стоящим на помосте, сколько вдохновенному Патриарху с его епископатом и священниками: “Широка страна моя родная!”

Разве что не хватило духу спеть один из самых главных куплетов великого гимна:

*За столом у нас никто не лишней,
По заслугам каждый награждён,
Золотыми буквами мы пишем
Всенародный Сталинский закон.*

Но это было бы уже слишком... Меру надо знать, и так было видно, что День славянской письменности стал днём прославления нашей недавней советской истории. Да и в обществе нашем после Великой войны взгляды на “своё” и “чужое” резко изменились.

Михаил Светлов в знаменитой “Гренаде” писал в двадцатые годы:

*Я хату покинул,
Пошёл воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать...*

А Михаил Исаковский в годы Отечественной войны думал уже по-другому:

*Не нужен нам берег турецкий
И Африка нам не нужна.*

Весь XX век шла борьба сыновей России не только с прямыми завоевателями, но и с “гражданами мира”, и до сих пор она продолжается, и опять тот же Пушкин в этой борьбе помогает нам, когда говорит не о “правах человека”, а о его “самостоянье”:

*Два чувства равно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

*На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека —
Залог величия его.*

(Продолжение следует)

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ

академик РАН

АРГУМЕНТЫ ВКС: ПРЕДЕЛЫ ПРАГМАТИЗМА*

30 сентября 2015 года примерно в 13 часов по багдадскому времени – то есть в 14 часов по московскому – в посольстве США в Ираке появился генерал-лейтенант Сергей Кураленко, представитель Генштаба Вооружённых сил России. Он встретился с американским военным атташе по вопросам безопасности полковником Хади Петро и проинформировал его, что через час российская авиация начнёт наносить удары по позиции ИГИЛ в Сирии.

В этот момент российские бомбардировщики с полной боевой нагрузкой уже выруливали на взлётные полосы авиабазы Хмеймим в Сирии.

На следующий день, 1 октября 2015 года официальный представитель российского Министерства обороны сообщил, что Россия разместила свыше 50 летательных аппаратов, включая Су-34, в Сирии.

Такого поворота событий ни американское руководство, ни его союзники, ни западные и арабские СМИ не ждали. В первых комментариях сквозила, мягко говоря, растерянность. Как русские посмели? Как реагировать на этот шаг? Одобрить операции против общего врага и начать координацию действий? Но ведь уже шла “малая” холодная война, и все контакты с русскими были прерваны, стояла стратегическая задача “наказать” Россию за Украину и Крым и “изолировать её” за слишком большую самостоятельность. Осудить? Но удары наносились по тем самым террористам или их последователям, которые взорвали башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке.

Удары российских аэрокосмических сил продолжались более двух лет. Иногда интенсивность резко возрастала. Изредка были паузы по гуманитарным или политическим соображениям. Большая часть боевых вылетов происходила с авиабазы Хмеймим. По согласованию с правительством Ирана и Ирака использовались крылатые ракеты с кораблей Каспийской военной флотилии и стратегические бомбардировщики дальнего действия. Наносились ракетные удары с российских военных кораблей в Восточном Средиземноморье, в том числе с подлодки в погружённом состоянии. В октябре 2016 года из Североморска сюда был направлен авианосец “Адмирал Кузнецов” с группой сопровождения, и в операциях стала участвовать его палубная авиация. В августе 2016 года дальние бомбардировщики Ту-22М3 и Су-35 использовали иранскую авиабазу Хамадан. Иранское руководство согласилось на это лишь на краткий промежуток времени.

* Данный материал основан на книге автора “От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке”, который публикуется в издательстве “Центрполиграф”.

Впервые в постсоветской истории Россия развернула на удалённом театре военных действий межвидовую группировку, включающую смешанное авиационное соединение, подразделения сил специальных операций, морской пехоты, ВДВ. Автор не считает себя военным специалистом, но полагает, что одновременно происходила проверка боеготовности техники и личного состава в условиях боевых или близких к боевым, отрабатывались возможности новых видов оружия, выявлялись недостатки, пути совершенствования вооружённых сил.

Военное вмешательство России, безусловно, изменило и баланс сил, и всю военно-политическую обстановку в Сирии. Были укреплены позиции правительства, улучшено моральное состояние армии, ослабели позиции джихадистов и стала сужаться зона их контроля. Правительственные войска и их союзники наступали, джихадисты были ослаблены и отступали. Всё это не означало “победу” или “путь к победе” баасистского режима, но открывало возможности для конструктивных переговоров. Несколько раз добивались прекращения огня с силами “здоровой” оппозиции.

Какие цели ставила Россия, вмешиваясь в сирийские события? Главной была двуединая задача – ослабить экстремистские, террористические организации ИГИЛ, “Ан-Нусра” и их союзников и усилить, а фактически спасти законное сирийское правительство. Одновременно была поставлена цель опробовать и продемонстрировать, хотя и в ограниченных масштабах, возрождённую военную мощь страны. Третья задача, может быть, необъявленная, подразумевала в конкретных сирийских условиях “принудить” США и их союзников сотрудничать с Россией, для начала в военно-тактической области. Наконец, хотя открыто это никогда не высказывалось, найти точки более широкого сотрудничества с Западом и доказать, что оно необходимо всем не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Европе, и во всем мире.

Опасности для России, сопряжённые с её военным вмешательством, были очевидны. Одна из них – всё более глубокое втягивание в военные действия, что могло привести и привело к гибели российских граждан, пусть в ограниченном числе.

Следующая опасность – подъём антироссийского терроризма, начиная со взорванного пассажирского самолёта над Синаем и кончая попыткой организовать или осуществить террористические акты в самой России. Возможно, что этот аспект не был напрямую связан именно с действиями российских ВКС в Сирии; теракты происходили и продолжали бы происходить вне зависимости от прямого участия России в сирийских событиях. Не опубликованы официальные данные о размерах финансового и экономического бремени, которое Россия приняла на себя в связи с сирийской кампанией. Но было бы логичным предположить, что в условиях экономического кризиса и антироссийских санкций оно было тяжёлым.

Наконец, нелишне учитывать мощное влияние антироссийски настроенных западных СМИ, которые получили дополнительный повод создать альтернативную, виртуальную реальность, в которой России отводилась роль “деспота”, помогающего “кровавому режиму” “уничтожать” собственный народ. Россия была персонифицирована в образе её президента, что облегчало воздействие на массовую аудиторию. Впрочем, в информационной войне в киберпространстве Россия наносила и существенные контрудары.

В целом российская военная кампания в Сирии означала на конец 2017 года крупный военно-политический успех. Нельзя употреблять слово “победа”, потому что оно подразумевает набор других критериев: что считать “победой” или “поражением” в той зыбкой ситуации, которая сложилась в целом в мире и в особенности на Ближнем и Среднем Востоке? Силовые действия против экстремистских, террористических организаций и их разгром, промежуточные меры по деэскалации, одновременно запуск политического процесса между правительством и “здоровой” оппозицией, формирование переходного правительства, выработка конституции, выборы в стране – вот это и означало бы победу российской политики. Парадоксально, но это была бы и победа западной политики, если её понимать с точки зрения реалей, национальных интересов, а не задачи унизить, ошельмовать Россию и привести к власти кого угодно, только не друзей России, а дальше – хоть трава не расти.

“Россия выступает за политическое урегулирование ситуации в Сирийской Арабской Республике и определение будущего страны сирийским народом на основе положений Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г<ода>, заявлений Международной группы поддержки Сирии и соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН. Россия поддерживает единство, независимость и территориальную целостность Сирийской Арабской Республики как светского, демократического, плюралистического государства, представители всех этноконфессиональных групп которого будут жить в мире и безопасности и пользоваться равными правами и возможностями”, – говорится в Концепции внешней политики России 2016 года*. Можно задать риторический вопрос: что, какой нюанс в этом положении Концепции внешней политики России противоречит интересам США и Запада в целом? Но вряд ли этот вопрос услышат западные лидеры и западные СМИ, а если услышат – просто отмахнутся.

Стратегия выхода из ситуации остаётся сложной задачей. Россия смогла сыграть в Сирии, но только в Сирии, решающую роль. Если быть реалистами, стоит заранее признать, что в целом на Ближнем и Среднем Востоке она в силу, прежде всего, экономических обстоятельств не может играть первую скрипку, тем более быть дирижёром. У стран региона по-прежнему главные направления экономического сотрудничества направлены на США, Западную Европу, Китай и поднимающуюся Индию. Россия в экономической области останется в регионе на вторых-третьих ролях. Поэтому стремление к нахождению общих позиций с Западом остаётся существенным вектором её политики.

Действия ВКС в Сирии вызвали в целом положительную реакцию российского населения, униженного долгими годами небрежения со стороны Запада. Произшёл взлёт популярности президента В. В. Путина в годы, когда страна попала в полосу экономического кризиса, а уровень жизни большинства несколько упал. Конечно, главной причиной этого феномена была его твёрдая позиция по Крыму. Действия в Сирии – “мы своих друзей не бросаем!” – добавляли популярности президенту РФ. Это отвечало специфике внутренней ситуации. Но одновременно создавалась опасность, что кто-нибудь из политической элиты будет увлечён именно таким способом укрепления существующей структуры власти.

На политику по отношению к Сирии воздействовал и другой фактор, которого в Москве и не скрывали. Речь идёт о симпатиях части экстремистски настроенного мусульманского населения как в самой России, так и в бывших советских республиках, к ИГИЛу, “Ан-Нусре” (запрещённым в России) и другим террористическим организациям.

Когда начались действия воздушно-космических сил в Сирии, в рядах джихадистов численность выходцев из России и Средней Азии определялась в 2 тысячи человек. Через полтора года военных действий называлась уже цифра 7 тысяч человек*. Это означало, что, несмотря на определённые потери, какая-то часть обстрелянных и фанатизированных боевиков будет возвращаться в Россию и создавать или спящие, или действующие ячейки джихадистов, готовые к терактам. Задача внутренней безопасности, межконфессионального сотрудничества, укрепления традиционной российской толерантности по-прежнему стояла на повестке дня. Нужно было пройти по узкой тропинке применения силы в отношении джихадистов и соблюдения уважения к исламу и мусульманам.

Кто из региональных и внерегиональных акторов выиграл, и кто проиграл в Сирии? О США мы будем говорить особо.

Турция, заняв изначально позицию поддержки оппозиции, в том числе исламистской, неожиданно столкнулась с внутренней дестабилизацией по комплексным причинам. А появление на её границах ещё одного автономного курдского района (“Раджава”) создало дополнительную тыловую базу для боевых отрядов Курдской рабочей партии, которая ведёт вооружённую борьбу против Анкары. Временное обострение отношений с Россией стоило ей се-

* См. : Концепции внешней политики России (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 года.) http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

** Путин: “В ИГ воюют от 5 до 7 тысяч выходцев из СНГ” – http://www.bbc.com/russian/news/2015/10/151016_putin_cis_isis

рѣзных экономических потерь и ослабления геополитических позиций. В целом вмешательство в Сирию под флагом неоосманских иллюзий перечеркнуло надежды Турции на роль лидера Ближнего и Среднего Востока.

А что Иран? Видимо, он выиграл, оказав вместе с ливанской “Хезболлой” военную поддержку режиму Б. Асада. В Ираке он действовал вместе с США, поощряя иракских шиитов на войну с ИГИЛ. Пойдя на компромисс в своей ядерной программе, Иран добился отмены направленных против него санкций и развязал себе руки для активных действий в регионе. Но он стал участником нарастающего шиитско-суннитского противостояния. Для “арабской улицы” он из антизападной, а значит, популярной державы стал первым лицом в “шиитской оси”, якобы враждебной суннитскому мусульманскому большинству.

И Турция, и Иран увеличили свой геополитический вес, выступив вместе с Россией в Сирии в качестве коспонсоров прекращения огня и активизации политического процесса.

В числе проигравших был Катар, по престижу которого ударила неудачная ставка на исламистов в сирийской гражданской войне. Оказалось, что деньги играют важную, но отнюдь не решающую роль в серьёзной политике и в Сирии, и в целом в регионе.

Саудовская Аравия отказалась от роли закулисного игрока, которую она успешно освоила при короле Фейсале в 60 – 70-е годы прошлого столетия, и ввязалась в безвыигрышные войны. Она прямо участвует в йеменской войне и косвенно – в Сирии. И в том, и в другом случае это было проявление антииранской стратегии, которая изматывала страну экономически и не приносила политических дивидендов. Правда, в Египте Эр-Рияд сыграл успешную партию, сделав ставку на падение “братьев-мусульман”, но в Сирии антиасадовская риторика и антишиитский настрой мешали Саудовской Аравии присоединиться к России, Ирану и Турции, чтобы выступить в качестве одного из миротворцев. Неудачи в региональной политике накладывались на внутренние проблемы: дефицит бюджета в десятки миллиардов долларов из-за падения цен на нефть и военных расходов и разногласия в правящей семье Саудидов.

Для США неудача главной провозглашенной задачи – свалить баасистский режим и лично Б. Асада – была лишь очередным звеном в цепи ошибок и провалов на Ближнем и Среднем Востоке.

Четверть века назад казалось, будто неведомая сила вдруг выдернула из устоявшегося ближне- и средневосточного порядка одну из его составляющих – советскую политику. Советский Союз был одним из факторов ближне- и средневосточного баланса сил и в ряде случаев стабилизировал обстановку. Казалось, что было расчищено поле для безраздельного доминирования США.

Картина, на первый взгляд, изменилась до неузнаваемости, ибо не было уже ни “коммунистической угрозы”, ни советско-американской конфронтации, ни подхода к арабо-израильскому конфликту как производному от неё, ни идеологически близких “друзей” СССР. Мало того, некоторые прежние составные части СССР, его южные республики – ныне независимые государства – быстро становились участниками региональной драмы и в качестве объектов, и в качестве субъектов.

В новой ситуации в 90-е годы прошлого века и в первые десятилетия нашего в регионе изменился стратегический баланс сил. Если альянс США и Израиля оставался действенным, то соглашения о дружбе и сотрудничестве между рядом арабских стран и СССР, имевшие характер полусоюзнических связей, превратились в прах.

Возник колоссальный стратегический дисбаланс в пользу Израиля и США. Не имея сил и средств для его устранения, общество мусульманских стран отвечало на это унижение, разочарование и бессилие новым взрывом фундаментализма и мусульманского экстремизма. Гегемония США на Ближнем и Среднем Востоке казалась абсолютной. Но ей бросил вызов Иран, особые позиции были у Сирии и Ливии. Конечно, все три страны хотели бы установить отношения партнёрства с Соединёнными Штатами, но Вашингтон не был к этому готов.

Что же, ближневосточная политика Москвы канула в Лету как исторический казус? Но ситуация развивалась отнюдь не по линейной траектории.

В тот период, в 90-е годы XX века и нулевые XXI-го Россия не могла вмешиваться в действия Вашингтона, хотя достаточно тактично указывала на

ошибки его политики в регионе, не вступая в конфронтацию, а, наоборот, желая найти способы сотрудничества.

Самым ярким примером этого была помощь России действиям США и других стран НАТО в Афганистане: сам Кабул был взят войсками не США, а Северного альянса, вооружённого Россией и Ираном, впоследствии Соединённым Штатам была предоставлена логистика для переброски в Афганистан и из Афганистана персонала и грузов воздушным и наземным путём, происходило кое-какое сотрудничество спецслужб.

Россия пыталась доказать необходимость новой политики: враг моего врага совсем не обязательно мой друг, он может быть общим врагом, и победа над ним будет означать выигрыш для всех. Но именно эта позиция отвергалась Соединёнными Штатами, которые тогда были гегемоном в регионе.

У России после периода упадка и колебаний сложились как глобальные, так и региональные интересы. Благодаря своему потенциалу – ядерному, демографическому, территориальному, научному – она оставалась в верхнем эшелоне мирового сообщества. Именно с этим не хотели мириться страны Запада, что и вызывало сначала лёгкие моменты напряжённости, впоследствии превратившиеся в некую новую, пусть и ограниченную холодную войну.

Оценивать политику стран Запада и России в регионе в отрыве от Европы, мировой ситуации, от событий на Украине и в Крыму было бы контрпродуктивно. Когда холодная война завершилась поражением и распадом Советского Союза, краткое время в Москве господствовали надежды на новые, равные, взаимовыгодные отношения с Западом.

Но, как оказалось, его лидеры, упоённые результатом холодной войны, которую СССР проиграл в экономической, социальной, информационной областях, хотя и не в военной области, пошли на ряд действий, которые иначе как враждебными по отношению к России назвать нельзя. После соответствующей идеологической обработки бывшие страны Варшавского Договора и республики Прибалтики были втянуты в НАТО, что приблизило блок вплотную к России. Мало того, в восточноевропейских странах стали размещать системы противоракетной обороны в надежде уменьшить или ликвидировать потенциал ответного удара российских стратегических сил. С интересами России в области безопасности, с другими национальными интересами просто не считались. Надежда была на дальнейший развал самой России. Уже поговаривали о том, что Сибирь – это не российское, а “всемирное достояние”.

Москва на практике признала бывшие административные границы, существовавшие в Советском Союзе между входившими в него республиками. Автору этих строк известно из надёжных источников, что уже шли переговоры с Украиной, чтобы определить, кому в Керченском проливе принадлежат те или иные крошечные острова и отмели. Но при этом российская политика по отношению к Украине строилась на трёх принципах, которые в Москве считали самоочевидными,

Во-первых, Украина должна была остаться дружественным и “постоянно нейтральным государством, которое не будет принимать участия в военных блоках” (как провозглашала Декларация о государственном суверенитете Украины 1990 года*), с территории которого никакая угроза национальной безопасности России не могла исходить.

Во-вторых, российские военные базы в Крыму, обеспечивавшие безопасность страны на южном направлении, должны были остаться в руках России.

И в-третьих, русский язык, на котором как на родном говорила примерно половина населения Украины, должен был остаться или государственным, или языком межнационального общения.

И всё! Всё остальное могло решаться путём переговоров, пусть трудных и долгих, в интересах двух братских народов. Как говорил А. А. Громыко, “лучше десять лет переговоров, чем один день войны”.

Но на Украине всё больше тон задавали оголтелые националисты, объявившие своими героями тех, кто служил в рядах дивизии СС “Галичина” гитлеровской Германии. Русофобские настроения поддерживали многочисленные западные фонды. Вопреки прежним обещаниям, принимались меры, чтобы втянуть Украину в НАТО, по этому поводу руководство блока делало офици-

* Декларация о государственном суверенитете Украины (1990) – <https://ria.ru/spravka/20150716/1127839049.html>

альные заявления, а они воспринимались украинскими националистами как руководство к действию. Искусственно затруднялось нормальное функционирование российских баз в Крыму. Мало того, на полуострове стали проводить совместные учения сил НАТО и украинских вооружённых сил, несмотря на протесты местного населения.

Россия не могла на это не реагировать. Элементы холодной войны возродились ДО событий в Сирии, ДО украинского “майдана”, ДО референдума в Крыму, ДО кровопролития на Донбассе. Ущерб и для России, и для Украины очевиден.

Любые призывы России найти с Западом общие точки соприкосновения, общую сферу интересов, найти способы мирного решения конфликтов, в частности, на Ближнем и Среднем Востоке – все эти предложения искажались, заматывались, отвергались. Было ли разумным такое поведение и лидеров, и СМИ Запада? Отвечало ли оно их национальным интересам и даже эгоистическим интересам западных элит?

Оказалось, что Россия в лице Советского Союза была для них противником не только идеологическим, не только потому, что пыталась создать альтернативную социально-политическую систему, отрицающую западные ценности, основанные на частной собственности и индивидуализме. Просто Россия должна была подчиняться, “быть ведомой” по тому пути, который определял сам Запад. А если это не происходило, она становилась противником.

Однако в Москве задавали вопрос: насколько правильно вёл себя Запад в целом в мире и в регионе Ближнего и Среднего Востока, насколько эффективной была его политика и не приводила ли она к отрицательным результатам для всех? Разве не об этом говорили последствия военной интервенции в Ирак, а позднее – в Ливию? Мир реально становился более сложным и полицентричным, но это не укладывалось в мышление и стратегию Вашингтона.

Что нужно России в регионе? Стабильность и предсказуемость. Торгово-экономические, культурные, туристические связи, безопасность воздушных и морских коммуникаций. Это – декларированные задачи. Они общие для России, Запада, Китая, Индии. Правда, сейчас уже никто не может гарантировать стабильность и предсказуемость, даже в евроатлантической зоне, даже во взаимоотношениях между США и Китаем, не говоря уже о Ближнем и Среднем Востоке. В мире обостряются противоречия, связанные с неравномерностью развития, с соперничеством ценностных ориентиров, появляется угроза хаотизации всей мировой системы.

При этом Россия не может быть по основным экономическим показателям главным актором и полицентричного мира, и конкретно в этом регионе, какова бы ни была велика её роль в Сирии. Однако сотрудничество и с местными акторами, и с мировыми державами может охватывать широкий спектр: нераспространение ядерного и другого оружия массового уничтожения, предотвращение неконтролируемого трафика оружия, нелегальной миграции, торговли людьми, незаконного оборота наркотических и психотропных средств, борьба с преступностью в киберпространстве. Местные проблемы экономической безопасности, изменение климата, доступа к воде могут решаться только совместными усилиями.

На первом месте стоит терроризм, вернее, исламистский экстремизм. “Россия рассматривает борьбу с международным терроризмом в качестве важнейшей государственной задачи и ключевого приоритета в сфере международной безопасности”, – говорится в Концепции внешней политики Российской Федерации*.

Военный разгром ИГИЛа, “Ан-Нусры” возможен, как недавно произошёл военный разгром “талибов” и “Аль-Каиды”, как продемонстрировало падение оплотов ИГИЛа – Мосула в Ираке и Ракки в Сирии. Но эти экстремистские организации появляются в новом облики. Идеология экстремизма даёт простые ответы (точнее, псевдоответы) на сложные вопросы современности.

Полная “победа” над ними возможна лишь совместными усилиями при коренной замене социально-политических, экономических, психологических условий во всемирном масштабе, установлении отношений равенства и взаимоуважения. Проекты “Исламского государства”, всемирного или местного халифата, сами по себе средневековые, фактически обречены на провал.

* Концепции внешней политики России...

Но идеи могут возрождаться и привлекать к себе новых сторонников. Неравноправие большинства мусульманских стран по отношению к евроатлантическому региону порождает протесты, в том числе и в террористической форме. Терроризм был, есть и – увы! – будет. Вопрос масштаба.

Ближний и Средний Восток будут меняться, но куда и как? Исламская система шиитской “демократии” оказалась эффективной в Иране. Надолго ли? Использование рамок, похожих на западную демократию, оказалось эффективным для укрепления исламистских умеренных сил в Турции. Надолго ли? Как будет обеспечена трансформация автократического режима в Египте и монархий Аравийского полуострова? Вопросов больше, чем ответов.

Россия не вмешивается в эти процессы, не выступает в роли “учителя”, тем более ничего никому не навязывает. Она была нейтрально доброжелательной по отношению к “арабской весне” и “арабской зиме”. Выбор пути развития – за странами региона. Лишь позиции исламистского экстремизма и терроризма остаются абсолютно неприемлемыми.

У России остался капитал сотрудничества со своими непосредственными южными соседями, сложившийся за столетия, с арабским миром – за десятилетия. Россия, действительно, стала более прагматичной, её политика избавилась от приставки “про”, она стала не “проарабской” и не “произраильской” и, в принципе, пытается служить своим собственным интересам. После попыток отождествления своей политики на Ближнем и Среднем Востоке с курсом Вашингтона стало ясно, что интересы и США, и России в регионе, хотя и не конфронтационные, но разные, а принимать в общую игру Россию Запад как здесь, так и в Европе не собирается. Односторонние уступки России воспринимались как должное, и в виде “вознаграждения” в лучшем случае использовался какой-то декорум.

Отказ от великодержавности, от конфронтации и мессианских идей заставил Россию пересмотреть отношение к конфликтам в регионе. Если раньше главный вопрос заключался в том, чьи союзники (“друзья”), “клиенты” участвуют в конфликте, и “враг моего врага” становился “другом”, то в настоящее время превращение Ближнего и Среднего Востока в зону мира и стабильности соответствовало бы и краткосрочным, и долгосрочным интересам и России, и США, и Западу. Повторим: “враг моего врага” мог становиться общим врагом.

Россия сделала в политике упор на двусторонние отношения. Их экономический компонент стал главным и увеличился вместе с выходом страны из кризиса, с упором на расширение внешнеэкономических связей, хотя ещё далеко не совершенных. Строительство атомных электростанций и запуск спутников показывают, что Россия может быть партнёром и в области высоких технологий. Географическая близость и взаимодополняемость экономик на основе создания совместных предприятий и взаимного инвестирования капиталов может позволить России найти свои ниши в мировой экономике.

Значительный рост экономического обмена между Россией и странами Ближнего и Среднего Востока – дело будущего, пока же экспорт российского оружия остаётся важной частью её экономической экспансии. Россия участвует во всех мерах по устранению в регионе ядерного, биологического, химического оружия. Это зона потенциального взаимопонимания с Западом. Но законные оборонные интересы ряда стран встречаются в Москве положительный отклик. Расплата за оружие предпочтительна для России в ограниченные сроки. Старых военных долгов полностью никто не выплачивал. Никто не будет платить за уже сделанный выстрел, особенно за пулю или снаряд, выпущенные мимо цели.

Брожение в регионе с терактами, взрывами и даже войнами будет продолжаться на уровне или нынешнего, или более умеренного хаоса. Политические течения, выступающие за различные варианты развития, будут искать свои модели. Либерально-демократические, исламские, исламистские, какие-то свои собственные. Россия продемонстрировала, что она с одинаковым доброжелательством и нейтралитетом относится к любым социально-политическим экспериментам, которые здесь проходят, за исключением крайнего экстремизма и терроризма, ставшего уже всемирной угрозой.

Во внешней политике будет учитываться российское общественное мнение, симпатии или антипатии к тем или иным общественно-политическим или религиозным течениям и к тем или иным странам или режимам. Поэтому

и поведение Израиля, и судьба мусульманских и христианских святынь в Иерусалиме, и возможные конфликты между мусульманскими странами и Западом, и судьба христианского населения в регионе становятся в России вопросами как внешней, так и внутренней политики.

На сочетании общих интересов и стремлении сузить или игнорировать противоречия будут строиться отношения России с Турцией с учётом появления здесь и в Сирии негосударственных акторов, в частности, курдов. Не жертвуя принципами, Москва стремится сохранить нормальные отношения с правительствами тех стран, где они проживают. Но курдская проблема, которая затрагивает Ирак, Турцию, Иран и Сирию, – самый крепкий орешек. В курдском вопросе Россия по-прежнему “сидит на заборе”. Позиция некомфортная, но лучшей пока нет.

Россия проводит линию на всестороннее развитие сотрудничества с Исламской Республикой Иран, а также добивается последовательной реализации всеобъемлющей договорённости по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы на основе соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН, решений Совета управляющих МАГАТЭ и оказывает этому процессу всестороннее содействие.

С Египтом Россию связывают особые отношения. Казалось бы, обе страны бесконечно различны своей историей, культурой, религией, масштабом, менталитетом, образом жизни, географически довольно далеки друг от друга. Менялись режимы, идеология, политика. Но оказалось, что их высшие государственные интересы никогда не сталкивались, но дополняли друг друга. На этой основе будет строиться их общее будущее.

Превращение Ближнего и Среднего Востока в подлинную зону мира и стабильности, в том числе урегулирование “матери всех конфликтов” – арабо-израильского, – соответствовало бы и краткосрочным, и долгосрочным интересам России.

Москва продолжает приветствовать формулу ближневосточного урегулирования “мир в обмен на землю”. Но она вряд ли будет гарантом какого-либо соглашения, если не будут соблюдены определённые принципы. Даже официально декларированная советская политика в деле ближневосточного урегулирования выглядела железобетонной, застывшей, малоподвижной, потому что она была принципиальной. Она не менялась даже от смены режима к режиму, от советского к постсоветскому периоду. Урегулирование в рамках резолюций СБ ООН № 242 (1967) и № 338 (1973)* было и остаётся базой российской политики.

Объём суверенитета, границы будущего Палестинского государства, характер его руководства, особенности его нейтралитета, демилитаризации, его отношения с Иорданией и Израилем, самый сложный вопрос о статусе Иерусалима, о судьбе беженцев – всё это могло бы быть предметом переговоров и компромиссов.

Но признание других основ урегулирования по израильской схеме означало бы двойную потерю для России. Во-первых, отход от принципов решительно подорвал бы кредит доверия к Москве в арабском и мусульманском мире. Во-вторых, беспринципное “урегулирование” означало бы диктат более сильной стороны – Израиля и его “стратегического союзника” США – и бросило бы в землю семена более глубокого и более разрушительного конфликта в не столь отдалённом будущем.

Позиция автора по отношению к ближневосточному урегулированию сводится к следующему. Конфликт в нынешнем виде будет продолжаться достаточно долго. Израиль будет продолжать отхватывать кусочек за кусочком палестинской территории, строить новые поселения, хотя проблема увеличения численности еврейского населения в самом Израиле под вопросом. Здесь сейчас живёт более трети всех евреев мира. Новой волны иммиграции в данных условиях ждать не приходится, хотя резкое и непредсказуемое изменение ситуации в мире может привести к росту желающих уехать “на историческую родину”.

Если перейти с языка деклараций к альтернативам развития событий, можно предположить несколько вариантов.

* Резолюции Организации Объединённых Наций № 242 и 338 – jhistory.nfurman.com/teacher/06_166.htm

Первый — это тот, о котором только что шла речь.

Второй вариант — “решение” по принципу этнической чистки палестинцев, то есть изгнание максимального их числа за линии перемирия, которые контролирует Израиль. Это был бы шаг крайне правой части истеблишмента, бросающий вызов не только арабам и всем мусульманам, но и мировому сообществу. В каких-то чрезвычайных обстоятельствах, возможно, это сошло бы с рук. Этот вариант экстремистский, он труден, потому что мир охвачен информационными технологиями и просто делать что-то, чтобы поставить человечество перед свершившимся фактом, опасно. Мало того. В истории часто действовал принцип бумеранга: зло, причинённое другим, возвращалось к тем, кто его совершил.

Третий вариант — чисто теоретический, наивный, идеальный и вряд ли осуществимый. Он заключается в создании единого арабо-еврейского государства с подлинным равноправием его граждан. Подразумевается как участие арабов наравне с евреями в политической, военной, деловой, образовательной и другой деятельности, так и возможность приобрести землю и другую собственность. Такого рода государство, если бы оно было создано, стало бы экономическим, финансовым, инновационным, научно-техническим центром Ближнего Востока с положительным воздействием на ситуацию как в самом Израиле — Палестине, так и во всем регионе. Исчез бы прецедент антиизраильской риторики экстремистов. Открылись бы широчайшие возможности использования талантов и евреев, и палестинцев и процветания и тех, и других.

Можно предположить, что этот вариант отвергнет абсолютное большинство евреев и значительный процент арабов хотя бы потому, что взаимная ненависть и недоверие за годы, прошедшие после образования Израиля, и арабо-израильских войны — реальный фактор политики и психологии. Выросло поколение палестинцев, особенно молодёжи, которые ненавидят не только Израиль, но и любого еврея. Они готовы, если в их руки не попадет автомат, заточить пластмассовую школьную линейку, превратить её в примитивный нож, чтобы пырнуть любого еврея. А солдат-еврей считает себя вправе сначала стрелять в подозрительного араба, а потом думать.

Изменить эту психологию трудно. Как показала практика, так же трудно добиться территориального отделения этих стран друг от друга. Отказ от израильской оккупации сектора Газа привёл к созданию не процветающего Гонконга, а огромного вооружённого, озлобленного гетто, которое не собирается признавать необходимость сосуществования с Израилем, хотя фактически сосуществует с ним.

Разговоры о создании Палестинского государства останутся частью политического дискурса, в том числе российского, но не более. Ведь главный вопрос — что понимать под термином “государство”. Если “государство” значит знамя, гимн, “мерседесы” для высших чиновников, почётный караул и т. д., то в этом смысле Палестинское “государство” может появиться.

Но фактически оно, как сейчас Палестинская автономия, будет играть роль муниципалитета, заниматься водой, канализацией, школами, больницами и т. д. А как насчёт суверенитета и территории? Суверенитет под оккупацией невозможен, а населённые палестинцами территории представляют собой разрозненную сеть мини-бантустанов, которые в подлинное государство просто не могут превратиться без эвакуации значительной части еврейских поселений, что вообще не представляется реальным.

В этих условиях Россия будет поддерживать дружественные политические и торгово-экономические отношения с Израилем, изредка находить точки политического соприкосновения, делать совместные заявления по поводу борьбы с терроризмом и, может быть, даже обмениваться опытом в этой борьбе. Россия будет продолжать говорить о признании прав палестинцев, оказывать им кое-какую помощь, поддерживать связи с различными палестинскими фракциями. Что ещё? Конечно, будут развиваться культурные и семейные связи, российский туризм в Израиль. Но реальный стратегический партнёр, союзник и защитник Израиля — США, и ни на какую Россию этого друга Израиль не променяет. Да и России такой слишком близкий друг не нужен.

Пока что мало внимания уделяется фактору, который может оказаться решающим для определения политики России, США и других стран в регионе. Мировая экономика на ближайшие 20–30 лет по углеводородам может оказаться ресурсоизбыточной. Может ещё больше сократиться нефтяная и газовая

рента стран региона, богатых этими ресурсами, что будет влиять и на общую экономическую ситуацию.

Причина в “сланцевой революции”, которую переживают США. Толчок к ней дали сверхвысокие цены на нефть, когда многим казалось, что её запасы вот-вот истощатся, поэтому цены взлетели и будут расти. Но именно благодаря высоким ценам на нефть США начали энергично осваивать её добычу из горючих сланцев. И если 5–7 лет назад себестоимость барреля из горючих сланцев была около \$100, то сейчас в пределах \$20–50, хотя пока что ближе к 50. Быстрое и успешное развитие технологий добычи в сочетании с мерами по защите окружающей среды вызвало бум в производстве сланцевой нефти. Это означает, что рынок, в котором сейчас пока что господствуют цены в районе \$50 за баррель, может оказаться перенасыщенным, всё большую долю будет захватывать сланцевая нефть.

Конечно, по-прежнему себестоимость нефти в районе Персидского залива будет меньше \$10. Производители смогут сохранить за собой значительную долю рынка. Но катастрофическое падение доходов принципиально изменит общую финансовую, экономическую и социальную ситуацию в регионе, впрочем, как и в России.

Одновременно идёт быстрое увеличение производства энергии из нетрадиционных, возобновляемых источников, особенно за счёт Солнца и ветра. Всё это уменьшает значение ресурсов Ближнего и Среднего Востока для США и Европы, хотя и не для Китая, Индии, Японии.

В России данные по ценам на себестоимость добычи в высшей степени разбросанные: то утверждают, что средняя цена – \$2 за баррель, то приводятся таблицы, в которых на старых месторождениях средняя цена – \$6, на новых – \$20. В любом случае, добыча нефти в России будет двигаться в район Ледовитого океана и становиться всё дороже. Богатейшие месторождения горючих сланцев требуют новых технологий, которыми Россия пока не обладает. Трудное сотрудничество в энергетике со странами ОПЕК, в частности, со странами Ближнего и Среднего Востока, остаётся одним из приоритетов российской политики.

Геостратегическое положение России уникально. В глобальном плане она единственная страна Севера, граничащая на протяжении тысяч километров с новыми мусульманскими государствами или находящаяся от них сравнительно недалеко. Вопрос в том, будет ли эта пограничная полоса зоной нарастающих и разрушительных конфликтов или Россия и соседние страны сохранят и разовьют новые формы сожительства и сосуществования. Это одно из принципиальных и в значительной степени успешных направлений политики России в “ближнем зарубежье”.

При оценке любой внешней политики возникают традиционные, но сакральные вопросы о критериях её успеха или неудачи. Если говорить о месте внешней политики в отношениях между цивилизациями, то волей-неволей приходится мыслить не годами, не десятилетиями, а веками. И в их задымленной песчаной бурями дали вообще теряется понятие “успех” или “неудача”, “победа” или “поражение” того или иного актора исторической драмы. И российская, и американская, и европейская, и китайская политика на Ближнем и Среднем Востоке – лишь ограниченные по времени и пространству фрагменты отношений между миром ислама и мирами других цивилизаций, через боль и испытания, через пробы и ошибки ведущими к гармоничному сожительству друг с другом. Гармоничному? Да, потому что иного не дано, иное означает Апокалипсис.

Вызовы, с которыми человечество сталкивается в XXI веке, угрозы ядерной, химической и биологической войны, уже идущей кибервойны, неизвестные последствия распространения ИТ, экологической катастрофы, миграции миллионов, взрыв террористической организованной активности – все эти вызовы таковы, что с ними можно справиться, лишь объединив усилия всех.

Ещё вчера страны евроатлантической цивилизации, благодаря своему уровню технологий и производительности труда, интеллектуальной деятельности, общественным и политическим структурам и ценностям, развитию новых средств коммуникаций, лидерству в использовании интернета, считали свою модель мира самой совершенной. Сегодня прежние иллюзии умирают. Новая всемирная цивилизация должна быть основана на отношениях равных. И в этом новом мире равных каждая его составляющая будет вносить свой,

особый вклад во всемирную цивилизацию не только технологическим прогрессом, но и обогащением всех трансформированными достижениями своих собственных цивилизаций.

Опыт Японии, четырёх “маленьких драконов”, Малайзии, а затем и великого Китая показывает, что возможности для развития по своему пути с реальными достижениями есть и у мусульманских стран. Когда и как это произойдёт, сказать трудно.

Сама советская социально-политическая и экономическая модель была попыткой применить на практике крайние, радикальные общественные теории, родившиеся в буржуазном обществе Западной Европы в XIX веке. Человечество извлекло уроки из позитивного и из негативного опыта социалистических стран. Без этого опыта и Запад, и все человечество были бы другими. Правда, для русского народа плата за его вклад во всемирный опыт была чудовищно велика.

Нынешние стремления России повторить некоторые формы развития Запада очевидны. Но просто копирование невозможно и обречено на неудачу. Вся история гигантской России, её особой структуры, психологии русских и других населяющих её народов, система ценностей, которую они разделяют, говорит о том, что, заимствуя от Запада, приближаясь к Западу, она остаётся самой собой. Подъём Востока и желание оставлять не только окно, но и дверь открытой для сотрудничества со странами Востока позволяет России быть собой и одновременно впитывать достижения других народов.

В обновленной России могут выработаться элементы синтеза различных частей всемирной цивилизации. Россия нужна мусульманскому миру, как и мусульманский мир нужен России. России нужны и США, и Китай, и она нужна этим двум колоссам. Хотелось бы на ноте оптимизма завершить статью. Но — увы! — слишком много тревожных признаков того, что ни России, ни её соседям, ближним и дальним, ни её партнёрам, и более экономически развитым, чем она, и менее развитым, не избежать тяжких испытаний.

ЕЛЕНА ЛАРИНА, ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

ТЕХНОЛОГИИ ИГИЛ

От организационных решений до новых функций социальных медиа

Несмотря на то, что не только электронные СМИ, но и военные аналитики к началу 2017 года стали уверенно говорить о закате или даже конце ИГИЛ, считать проблему решённой ещё довольно рано.

ИГИЛ – это принципиально *новое квазигосударственное образование*. Соответственно победа над ним не может быть одержана за счёт захвата территории. Для того чтобы пояснить сделанный вывод, коротко расскажем о структуре ИГИЛ (запрещена в России).

Что же достоверно известно об ИГИЛ? Прежде всего, то, что ИГИЛ не является столь модной ныне сетевой структурой. Такой характер имеет скорее “Аль-Каида” и частично “Талибан” (запрещены в РФ). ИГИЛ – это иерархическая многофункциональная структура, созданная с учётом последних достижений организационной инженерии. В структуре ИГИЛ можно выделить несколько ярко выраженных иерархических слоёв.

Высший слой – это командование. Несмотря на то, что формально ИГИЛ имеет почти пятнадцатилетнюю историю, фактически новая структура появилась три-четыре года назад. С первых дней своего появления новый ИГИЛ не был чисто военной структурой. Соответственно, командование ИГИЛ – это не только и не столько военное командование, сколько ядро людей, руководящих самыми различными сторонами функционирования и экспансии этой структуры. Формально во главе ИГИЛ стоит богослов Абу Бакр аль-Багдади. По распространяемым ИГИЛ сведениям, он является прямым потомком пророка Мухаммеда. В этом смысле гораздо более авторитетен для мусульманской уммы, чем коммерсант Усама бен Ладен.

Значительную часть других руководителей ИГИЛ составляют бывшие офицеры армии Саддама Хусейна, занимающие основные военные должности, а также руководящие разведкой, логистикой, системой безопасности. Есть в руководстве организации и мусульмане неарабского происхождения. Нельзя не отметить, что в наиболее полном на сегодняшний день отчёте о руководстве ИГИЛ *Who's of the Islamic State Senior Leadership*, подготовленном ведущим исследователем института Брукинга Ч. Листером, более половины ключевых командиров, администраторов и чиновников ИГИЛ известны только по кличкам. Относительно них не имеется какой-либо биографической информации, отсутствуют даже их фотографии.

Продолжение. Начало в № 3, 4, 5, 10 за 2017 год.

Второй уровень ИГИЛ составляют высококвалифицированные профессионалы в самых различных сферах, прежде всего, в военном деле, в терроре, а также в тыловом обеспечении боевых операций, логистике и проч. Они составляют наиболее боеспособные формирования ИГИЛ, выступают командирами, инструкторами, выполняют административные и иные функции. Следует отметить, что, в отличие от других террористических организаций, ИГИЛ старается использовать в том числе лиц, не обязательно разделяющих идеологические устремления и религиозные воззрения лидеров ИГИЛ. Как это ни удивительно, по имеющейся информации, командование ИГИЛ в ряде областей, особенно там, где требуются глубокие технические и специальные знания, привлекает на работу спецов. Некоторые из них идут на службу в ИГИЛ из-за денег, другие – из-за страха за семьи, которые не смогли вовремя бежать с территорий, захваченных ИГИЛ. Кроме того, значительную часть спецов составляют выходцы из Европы и Америки, разделяющие ненависть к западному образу жизни и принявшие фундаменталистский ислам.

Наиболее массовый слой ИГИЛ – это боевики, фактически – “пушечное мясо”, самого различного происхождения. Здесь и фанатичные, необученные жители районов, в которых традиционно сильно влияние тех или иных родов, чьи представители вошли в руководство ИГИЛ, деклассированные, криминальные и просто люмпенизированные группы молодёжи со всего Ближнего и Среднего Востока, остатки вооружённых формирований менее удачливых групп и группировок, воевавших против правительств Сирии и Ирака, и т. п. Сюда же входят добровольцы из Европы, с постсоветского пространства, которые в своей основе не имеют военной подготовки и после ускоренного обучения отправляются на поле боя. “Пушечное мясо” для ИГИЛ крайне важно, поскольку, в отличие от традиционных террористических организаций, подразделения ИГИЛ осуществляют не только разовые, кинжальные рейды, но и ведут полноценные боевые действия, сопровождающиеся серьёзными потерями.

Наконец, и в Сирии, и в Ираке, государствах, где в настоящее время в основном действует ИГИЛ, в её структуру часто включают относительно независимые военные группировки, которые являются временными союзниками ИГИЛ и относятся, как правило, к родовым, племенным, территориальным и иным образованиям. Это достаточно большой резерв живой силы. По различным оценкам, он составляет от 20 до 40 тысяч человек, в то время как сама по себе ИГИЛ имеет 25–30 тысяч боевиков.

ИГИЛ отличается от иных террористических организаций тем, что после своей реструктуризации два-три года назад превратилась в своего рода теократическое квазигосударство. Собственно, это отражено и в названии организации – Исламское государство Ирака и Леванта. В последнее время название упростилось до Исламского государства.

Наряду с военными функциями ИГИЛ берёт на себя административное управление захваченными территориями, ведёт финансовую деятельность, устанавливает отношения с различного рода государственными и негосударственными структурами, активно присутствует в медийном пространстве. В ходе военных действий удалось захватить некоторые архивы территориальных подразделений ИГИЛ. Не так давно они были продемонстрированы американским и немецким журналистам. Они с удивлением обнаружили, что документы по форме практически не отличаются от аналогичных документов, используемых администрациями международно признанных государств.

На сегодняшний день ИГИЛ является самой богатой террористической организацией мира. И дело здесь не только в 426 млн долларов наличными, захваченных ИГИЛ при взятии иракского города Мосул. Дело в уникальной, построенной на беспрецедентной жестокости и насилии экономической системе ИГИЛ. Эта система позволяет говорить о том, что, по сути, ИГИЛ – это даже не столько квазигосударство, сколько своеобразная религиозная военно-финансовая корпорация. На конец 2016 года ИГИЛ контролировала несколько нефтеносных полей. В результате, по оценке руководителя финансовой разведки США Д. Коэна, ежедневные доходы ИГИЛ от продажи контрабандной нефти превышают 1 млн долларов в день. Британские аналитики увеличивают эту цифру до 2,5 млн.

Однако не нефтью единой жива ИГИЛ. В районах, контролируемых организацией, устанавливается налог в размере 10% от прибыли, который платят

практически все компании и лица, занятые хозяйственной деятельностью. Кроме того, с каждой покупки покупатель выплачивает 2% от её цены на так называемые благотворительные цели ИГИЛ. Плюс, если осуществляется приобретение какой-то крупной вещи, например, машины, оборудования, то в казну ИГИЛ поступает 10% от цены. Естественно, что точных расчётов никто не ведёт и суммы взимаются, что называется, “на глазок”.

Значительные поступления денежных средств ИГИЛ получает от людей, которые хотят покинуть территорию, захваченную ИГИЛ, вывезти оттуда своих родственников, родных и т. п. Размеры такого рода выкупа варьируются, и для состоятельных людей составляют десятки тысяч долларов. Кроме того, организация занимается работорговлей, контрабандной поставкой оружия, которым располагает в излишке, и другими видами незаконного бизнеса.

Особо хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Нельзя упрощать ситуацию и представлять дело так, что ИГИЛ занимается чистым грабежом захваченных территорий. Реальность оказывается гораздо более сложной. Применительно к суннитским районам Ирака приход подразделений ИГИЛ не означал увеличения налогового бремени на предпринимателей. Более того, кое-где оно даже несколько снизилось. В отношении суннитов ИГИЛ старается пока проводить политику стабилизации финансовых потоков. При этом организация максимально, можно даже сказать, беспредельно грабит различного рода религиозные меньшинства и реквизирует всю собственность шиитов на захваченных территориях.

По имеющимся оценкам, совокупный объём финансовых потоков ИГИЛ составляет в настоящее время около 1 млрд долларов в год и имеет тенденцию к нарастанию. Буквально в конце 2016 года появилась информация о том, что ИГИЛ начала не только идеологическую, но и финансовую экспансию в Европу, в стабильные страны Северной Африки, такие как Марокко и Алжир, на постсоветское пространство.

Экспансия строится следующим образом. Если то или иное сообщество или группа людей признаёт духовного лидера ИГИЛ за прямого потомка пророка Мухаммеда и полностью принимает нарочито размытые религиозные установки ИГИЛ, которые организация маскирует под правотверный ислам, им предоставляется возможность получить ту или иную сумму из казны ИГИЛ на развитие бизнеса. В результате, с одной стороны, они включаются в хозяйственный оборот ИГИЛ и обязуются выплачивать указанные выше 10% и другие чрезвычайные сборы, а с другой стороны, становятся потенциальными рекрутами для “пушечного мяса” либо тылом для проведения боевых террористических операций в странах проживания. По своему экономическому характеру этот подход характерен для преступных синдикатов Южной и Восточной Азии, а не для арабского мира. Однако уже существуют убедительные подтверждения, что он всюду начал применяться ИГИЛ.

Анализируя различного рода первичную фактографическую информацию по ИГИЛ, нельзя отделаться от ощущения, что эта квазигосударственная террористическая организация является, помимо прочего, своего рода экспериментальной площадкой по отработке принципиально новых организационных и иных решений создания глобального субъекта деструкции. Иными словами, ИГИЛ – это полигон. Причём данный вывод ни в коей мере не противоречит тому факту, что ИГИЛ имеет собственные, далеко идущие цели на Ближнем и Среднем Востоке. Однако, как известно, спецслужбы всегда использовали исполнителей “втемную”.

Чтобы понять ИГИЛ, важно прочитать несколько работ. В них, по сути, фрагментами представлены все основные практики, которые мы сегодня наблюдаем в деятельности ИГИЛ. К таким работам относятся многотомный доклад “Новый взгляд на контрповстанческую деятельность” Д. Маккинлея и Э. Аль-Баддевея, изданный корпорацией RAND; книга Д. Килколлена “Спускающаяся с гор: грядущая эпоха войны в городах”; работа М. Каstellса “Сети гнева и надежды: социальные движения в эпоху интернета”. Речь не идёт о том, что три указанных автора имеют какое-либо отношение к ИГИЛ.

Сравнение практики ИГИЛ и мыслей, содержащихся в этих книгах, наглядно показывает, к созданию ИГИЛ приложили руку высококвалифицированные аналитики и практики из спецслужб, своеобразные инженеры деструкции. Никакие баасистские офицеры, сколь бы хорошо их ни обучали и какой бы боевой опыт они ни имели, не смогли бы воплотить в деятельность

своей организации последние разработки и достижения мировой стратегической, организационной и технологической мысли. При этом, без сомнений, у этих инженеров хаоса были и есть мощнейшие союзники в арабском мире. Об этом говорит следование ИГИЛ установкам малоизвестной на Западе работы Абу Бакр Наджа “Управление жестокостью: самая критическая стадия создания халифата”, написанной в 2004 году.

Совсем коротко суть работы в следующем. Вторжение американцев в Ирак и Афганистан не просто неизбежно закончится поражением, но и породит дикость и хаос, с которыми они справиться не смогут. Далее, по мнению автора, оружие, дикость и беспорядки расползутся по всему Ближнему и Среднему Востоку и погрузят регион в войны, распри и бессмысленное насилие. Остановить бессмысленное насилие сможет осмысленное насилие в форме беспредельной жестокости, которую проявит сила, строящая всемирный халифат.

Таким образом, налицо *соединение маскирующейся под ислам некой новой религии насилия с последними инженерно-технологическими разработками спецслужб и кадровым потенциалом военных административных и разведывательных структур стран Ближнего и Среднего Востока, а также Центральной Азии.*

Нынешние успехи коалиций не являются неожиданностью для ИГИЛ. Ещё в начале 2015 года, когда халифат шёл от победы к победе, один из наиболее влиятельных теологов ИГИЛ, выходец из Бахрейна – Турки аль-Бинали – встретился в Дубае с известным специалистом по радикальному исламу Д. Кабулназиром. В вышедшей в 2017 году книге *Soldiers of Allah and global caliphate* Д. Кабулназир привёл слова Турки аль-Бинали: “Аллах всевидящ и всемогущ. Он одарил нас знанием, что крестоносцы придут на наши земли и разрушат первый халифат, созданный аль-Багдади. Это случится через два или три года после нашего разговора. Мы готовы к этому. Мы не боимся умереть и встретиться с Аллахом. За это время мы создадим по всему миру ячейки нашего халифата. Он станет глобальным. И когда крестоносцы возрадуются, что разрушили последнюю нашу мечеть, мы повсеместно нанесём удар, от которого они не оправятся”. Командующий вооружёнными силами ИГИЛ Гулмурод Халимов в аудиовыступлении в августе 2016 года сказал: “Воинский путь – это долгий путь. В этом пути многие правоверные погибнут. Будет казаться, что наше дело окажется на краю гибели. Победы и поражения будут чередоваться. Но в итоге во всём мире будет установлен всемирный халифат. Зелёное знамя поднимется не только над Меккой, Иерусалимом и Багдадом, но и над Лондоном, Москвой и Нью-Йорком. Сегодня мы уже готовы перенести битву в Европу, Америку и Россию”.

Приведённые фрагменты при всей напыщенности говоривших позволяют разглядеть готовность ИГИЛ к новому этапу террористических действий. С осени 2016 года руководящее ядро ИГИЛ начало рассредотачиваться непосредственно с территории, контролируемой ИГИЛ в Сирии и Ираке, по Среднему Востоку, включая Ливию, Йемен и районы афгано-пакистанской границы.

Есть все основания полагать, что в ближайшем будущем ИГИЛ постарается активизировать свои спящие ячейки в странах ЕС, Северной Америке и странах ЕАЭС. В этой связи большой интерес представляют материалы, подготовленные экспертами Европола относительно основных направлений трансформации ИГИЛ и других джихадистских организаций в странах ЕС.

Аналитики и практики правоохранительных и разведывательных органов, а также представители вооружённых сил рассматривают Исламское государство как исключительно террористическую структуру. Данный подход окончательно сформировался после первых крупных террористических актов ИГИЛ, совершённых в Бельгии в 2015 году и во Франции в 2016-м. Детально анализируя ход событий на Ближнем и Среднем Востоке, в Магрибе и на территории ЕС, подавляющая часть руководителей правоохранительных органов полагает, что в ближайшее время ИГИЛ сохранит волю, потенциал и способность нанести новые удары по целям за пределами Ближнего и Среднего Востока в ближайшем будущем.

Основной проблемой стран ЕС в области терроризма продолжает оставаться *активность джихадистских групп, ориентированных на ИГИЛ.* Отличительной чертой 2015–2016 годов стало усиление циркуляции между европейскими сторонниками джихадистов и террористами в районах Среднего

и Ближнего Востока. Как в рамках незаконных миграционных потоков, так и легального туризма, по данным Европола, в 2016 году из Европы выехало граждан государств ЕС для участия в боевых действиях на стороне ИГИЛ в количестве более 5 тысяч человек. Для сравнения, в 2015 году таковых было примерно 2 тысячи. В то же время в независимых журналистских расследованиях, проведённых немецким журналом «Фокус» и Би-Би-Си, эта численность оценивается примерно в 7–8 тысяч человек. По данным журналистских расследований, в Европу вернулось не менее 2,5 тысячи террористов и других джихадистов, прошедших боевую и террористическую подготовку, а также участвовавших в боевых действиях ИГИЛ против подразделений двух коалиций.

При этом, по данным разведывательных служб стран ЕС, на территории ЕС присутствуют не более 200 человек, прошедших специальную подготовку в ИГИЛ для проведения террористических актов в Европе. Не вдаваясь в оценку справедливости тех или иных цифр, авторы доклада считают необходимым чётко выразить собственное мнение: в прошлом значительные расхождения в оценках ресурсного обеспечения той или иной угрозы свидетельствовали, вне зависимости от её недооценки или переоценки, о низком уровне готовности к отражению и слабой координации силовых структур, противостоящих терроризму.

В течение 2016 года стратегия ИГИЛ постоянно модифицировалась. На первом этапе главной целью был захват территорий и местных ресурсов. В противовес бытующему в государствах ЕС и Северной Америке мнению, по данным Европола, главные доходы ИГИЛ получало отнюдь не от незаконной добычи и экспорта нефти и нефтепродуктов, а из других источников. Главными среди них являются три:

– *монополизация производства*, а главное, распределение и продажа продуктов питания на территории Ирака и северо-востока Сирии. ИГИЛ контролирует основные оазисы и места производства сельскохозяйственной продукции;

– *налоговые поступления*. На территории ИГИЛ, согласно данным правоохранителей, а также представителей средств массовой информации, которым удалось проникнуть в районы, захваченные джихадистами, уровень реальной экономической активности заметно выше, чем на территориях, контролируемых правительством Ирака и режимом Асада. 10% доходов все экономически активные субъекты в зонах, контролируемых террористами, перечисляют ИГИЛ. Кроме того, ИГИЛ время от времени обращается с требованием принять участие в кампаниях по мобилизации средств на те или иные конкретные цели. Не будет преувеличением сказать, что ИГИЛ – это наиболее экономически ориентированное и эффективно управляемое террористическое образование;

– *доходы ИГИЛ от аффилированной или подчинённой организованной преступности*. На сегодняшний день ИГИЛ в значительной степени прямо или косвенно получает не менее 1/3 доходов, связанных с незаконной миграцией в Европу по балканскому, ливийскому и турецкому маршрутам. По данным Европола, в 2016 году преступные доходы от незаконной миграции составили примерно 1,2–1,9 млрд евро.

На Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2017 года был распространён доклад лондонского института *King's College*, который считает, что доходы террористической организации «Исламское государство» (ИГ) в течение двух последних лет сократились более чем наполовину. Авторы исследования связывают это с тем, что регионы, которые контролирует ИГ в Сирии и Ираке, постоянно уменьшаются в размерах.

Кроме того, ИГИЛ не чурается участия в легальном бизнесе. В рамках совместной операции Европола и Интерпола в 2016 году удалось пресечь деятельность нескольких туристических агентств, которые обеспечивали не только транзит, но и документы для проживания состоятельных граждан со Среднего и Ближнего Востока во Франции, Великобритании, США и Австралии.

ИГИЛ постепенно начинает использовать информационное пространство не только как площадку для агитации, вербовки в ряды террористов, но и как коммерческую сферу. После гибели в августе в 2016 года в Алеппо одного из руководителей Аль-Каиды Абу Мухаммеда аль-Адани ИГИЛ впервые записало в высоком качестве и продало так же, как на Западе продаются видеофильмы, его проповедь от 22 сентября 2014 года. В ней аль-Адани сказал, что Господь сообщил ему весть о смерти в ближайшие три года. Поэтому последователи,

когда предреченное Аллахом свершится, должны отбросить страх и приступить к джихаду в тех странах, где они живут, от Новой Зеландии до Канады, от Южной Африки до Норвегии. Речь, ценой в 6 евро, была продана в количестве 3 млн копий.

В 2016 году, наряду с появлением значительного числа онлайн-курсов, формирующих навыки терроризма, ведения уличных боев, конспирации, агентурной работы и т. п., носящих бесплатный характер, ИГИЛ приступило к выпуску компьютерных игр. Сами по себе игры бесплатные. Но игроки имеют возможность докупать дополнительные опции и игровую атрибутику за деньги. При всём том, что данное направление в масштабе общего финансового оборота ИГИЛ статистически не значимо, важен сам факт, что ИГИЛ является первой террористической структурой, которая начинает оперировать в киберпространстве, в том числе в коммерческом его секторе.

Европейские страны не являются единственными целями ИГИЛ. 31 октября 2015 года, как теперь известно Европолу, одна из египетских ячеек ИГИЛ взорвала российский аэробус А-321. В результате погибло 224 пассажира и члены экипажа. В настоящее время, по данным Европола, вне государств ЕС зафиксировано не менее 100 террористических заговоров и попыток осуществления террористических акций, в основном, силами ИГИЛ. Тремя, помимо Европы, странами, которым в наибольшей степени угрожает ИГИЛ, являются Россия, Соединённые Штаты Америки и Австралия.

В настоящее время в рамках ИГИЛ сложилась чёткая иерархия врагов. Информация об этой иерархии малоизвестна в государствах ЕС и вообще за пределами Ближнего и Среднего Востока. Незнание иерархии врагов затрудняет адекватное понимание джихадистской картины мира, а соответственно, препятствует эффективному противодействию терроризма.

В этой связи авторы доклада сочли целесообразным привести ранжирование врагов ИГИЛ, использованное во внутренних документах организации. Главными врагами ИГИЛ являются шииты, алавиты и хазарийцы. Из других направлений ислама ИГИЛ неодобрительно относится к большинству тарикатов суфийских орденов, но допускают временные союзы с ними. По уровню враждебности с шиитами конкурируют только курды и езиды-огнепоклонники. Парадоксальным образом в перечне официальных врагов ИГИЛ редко упоминается иудаизм. При этом ИГИЛ, подобно многим другим джихадистским силам, отказывает Израилю в праве на существование.

Главный дальний враг ИГИЛ — это Запад. На Западе наиболее враждебны для ИГИЛ Соединённые Штаты Америки. После относительной нормализации отношений Ирана и Соединённых Штатов руководство ИГИЛ выпустило специальный документ, в котором истолковало данный союз как естественное единство дальних и ближних сатанистов.

Если абстрагироваться от пропагандистской машины ИГИЛ, то во внутренних документах организации прослеживается дифференцированный подход к различным государствам ЕС. В основе подхода лежит жёсткая прагматика: степень враждебности прямо связывается с участием подразделений страны в действиях коалиции, а также зависит от жёсткости антииммиграционного законодательства. В этом плане во внутренних документах, например, Франция и Нидерланды, несмотря на исторические связи с районами Ближнего и Среднего Востока, рассматриваются как враги более высокого ранга, чем Германия, не слишком активно участвующая в коалиции, а также принимающая большое число нелегальных мигрантов.

Несмотря на то, что в документах ИГИЛ можно встретить много упоминаний о России, в распоряжении Европола нет исчерпывающих документов, которые демонстрировали бы рассмотрение России как врага, равного Соединённым Штатам, Ирану или алавитам. В основном фетвы, направленные против России, имеют источником не структуры внутри ИГИЛ, а богословов-джихадистов, симпатизирующих ИГИЛ, в основном из Египта, из Саудовской Аравии и проживающих на территории Европы.

Прагматичность и пластичность списка главных врагов ИГИЛ демонстрирует уникальную черту организации. В отличие от Аль-Каиды, Аль-Нусры и других типовых организаций, ИГИЛ — это деструктивная структура, которая не только органически объединяет, но и эффективно разделяет джихадистскую идеологию и прагматичную внешнюю и внутреннюю политику. Это делает её ещё более опасной.

Касаясь географического расположения ячеек ИГИЛ – они действуют, помимо практически всех западноевропейских государств ЕС, а также Румынии и Польши, ещё в 18 странах, включая Алжир, Ливию, Йемен, Саудовскую Аравию, Афганистан, Пакистан, Бангладеш, Нигерию, Индонезию, Малайзию, Бруней, Северный Судан, Россию, Соединённые Штаты, Узбекистан, Таджикистан, Киргизию, Украину.

Удельный вес мусульманской общины в населении ЕС стремительно увеличивается. Если в 1990 году на мусульманское население приходилось 4%, в 2010 году – 7%, то к 2025 году доля мусульман превысит 10%. Наиболее крупные мусульманские общины в государствах ЕС находятся в Германии – 5,2 млн человек, или 6,1% населения, во Франции – 6,9 млн человек, или 7,5% населения, и в Бельгии – чуть более миллиона человек, или 12% населения. Особенно быстрыми темпами растёт мусульманская община в крупнейших городах государств ЕС и агломерациях. В настоящее время в Париже проживает 1,7 млн приверженцев ислама. Это самый крупный мусульманский город мира за пределами традиционных районов проживания мусульман. При этом по удельному весу мусульманской диаспоры Париж не является рекордсменом. Наиболее высок удельный вес общины в Амстердаме – 14%, Антверпене – 17%, Кёльне – 18%, Стокгольме – 20%, Брюсселе – до 25%, в Марселе – 27% и в Лионе – 34%.

Большую часть мусульманской общины Европы составляют коренные жители континента во втором и более ранних поколениях. В решающей степени это связано с тем, что при средней рождаемости белого коренного населения в странах ЕС – 1,38 ребёнка на семью, по мусульманским диаспорам показатель достигает 8,1 ребёнка на семью. Общая численность нелегальных мигрантов на территории ЕС оценивается пограничными службами государств ЕС и правоохранительными органами примерно в 2 млн человек, из которых не менее 1,1 млн человек прибыли в Европу из районов Ближнего и Среднего Востока в 2015–2016 годах.

В последние 3–5 лет в странах ЕС набирает силу новая тенденция, связанная с переходом в мусульманство представителей коренных народов Европы. С 2010 года, по данным соответствующих федеральных служб, в Германии приняло ислам полмиллиона этнических немцев, во Франции – более 700 тысяч коренных французов, 250 тысяч коренных бельгийцев, ранее записанных как католики, протестанты или атеисты, в 2015 году указали себя как мусульмане.

Дополнительным фактором, вызывающим озабоченность правоохранительных органов, является тот факт, что не менее 70% нелегальных мигрантов в Европу составили не старики, женщины и дети, а молодые люди в возрасте от 17 до 35 лет.

На территории ЕС наибольшие риски встретиться с террористической атакой в 2017 году имеет Франция. Это обусловлено рядом обстоятельств:

- именно Франция во второй половине XX века имела особое отношение с Сирией, Ливаном, а также после ухода в 50-е годы из Ирака Великобритании – и с этой страной. Именно во Франции самая крупная из всех европейских стран мусульманская диаспора неевропейского происхождения. В отличие от Германии, где мусульманскую диаспору сформировали выходцы из Турции, а затем с Балканского полуострова, французская диаспора образовалась за счёт выходцев из Ирака, Алжира, Ливии, Сирии и Марокко;

- в течение последних 25 лет Франция имела тесные политические, экономические и элитные взаимоотношения со многими странами Магриба и Ближнего Востока, прежде всего, Сирией, Ливаном, Алжиром, Тунисом, Марокко. Кроме того, следует помнить, что во Франции проживает значительная часть иракской интеллигенции, а также большая иранская община;

- при исторически тесных связях с Магрибом, Францией от многих других стран, прежде всего, Германии и Великобритании, имеет гораздо более сильную светскую традицию. Так, в 2004 году во Франции принят и продолжает действовать закон, запрещающий ношение паранджи в школах. В 2010 году принят закон, запрещающий ношение паранджи в любых государственных учреждениях, а также организациях, финансируемых за счёт государства. Во Франции действует запрет на выдачу телевизионных лицензий каналам любой религиозной направленности. Строго запрещено преподавание религиозных учений в рамках общеобразовательных школ и других учебных

заведений. Не будет преувеличением сказать, что именно во Франции, вместе с Испанией, Италией и другими католическими странами ЕС, существует наиболее жёсткое законодательство, препятствующее пропаганде джихадизма.

Также сохраняется высокий уровень террористической угрозы в Бельгии. Если во Франции высокий уровень террористической угрозы связан со всё обостряющимися противоречиями между набирающей мощь не только в демографическом, но и в коммерческом плане мусульманской общиной вообще, и джихадистами в особенности с французским социумом, то бельгийские риски связаны с иными причинами. В 2015–2016 годах Бельгия жила в условиях перманентного правительственного кризиса. Кризис привёл не только к ослаблению работы федеральных и региональных органов власти, но и в значительной степени ухудшил координацию деятельности правоохранительных служб между собой и соответствующих служб в масштабах ЕС. В результате, несмотря на небольшую численность населения Бельгии, наибольшее число идентифицированных джихадистов, сражающихся на стороне ИГИЛ, и в том числе вернувшихся в Европу, приходится именно на Бельгию. В 2016 году Европоллом идентифицировано более 700 джихадистов, из которых как минимум 500 сражаются на стороне ИГИЛ, 35 предположительно мертвы, а остальные вернулись и ушли из-под наблюдения в странах ЕС. В настоящее время в Бельгии существуют целые районы, например, броссельская община Моленбек-Сен-Жан, а также муниципалитет Вербье, которые, по сути, контролируются на уровне муниципальных органов власти радикальными исламистами, близкими к ИГИЛ.

Не характерная для других стран ЕС ситуация сложилась с джихадистами в Германии. Исторически германская мусульманская община формировалась за счёт этнических турок, а также жителей балканских стран, исповедующих ислам. Несмотря на высокий удельный вес германских граждан мусульманского вероисповедания, община не замыкалась на самой себе и в течение долгого периода успешно интегрировалась в многонациональное общество Германии. Ситуация изменилась буквально в последние два года.

Массовая нелегальная иммиграция оказалась направленной, прежде всего, не в страны с традиционно сильными мусульманскими диаспорами выходящие из районов Леванта и Магриба – Францию, Бельгию, Нидерланды, Великобританию, – а в основном в Германию, Австрию, Швецию и Данию. Новые мигранты практически не имеют связей в сформированной диаспоре и соответственно испытывают трудности в интеграции не только в немецкое общество вообще, но и в его мусульманский компонент, в частности.

В результате, в отличие от большинства других государств ЕС, вновь прибывшие, в том числе нелегальные мигранты, проживают не в местах расселения диаспор, а в обособленных зонах, лагерях временного пребывания, как правило, рядом с городами и другими населёнными пунктами, где до этого не существовало мусульманских общин. Соответственно, в отличие от Франции, Бельгии, некоторых других государств ЕС, немецкие правоохранительные органы ограничены в возможностях работать против ИГИЛ, салафистских агитаторов и т. п., поскольку не имеют укоренённых связей во вновь образованных лагерях и местах временного проживания нелегальных мигрантов.

Потенциально большие риски, связанные с активностью ИГИЛ на территории Германии, обусловлены растущим отчуждением вновь прибывших нелегальных мигрантов, как правило, суннитов, приверженцев крайних версий джихадистского ислама, с коренным немецким населением, не имевшим опыта взаимодействия с компактными группами представителей других конфессий. Массовые преступления, в том числе на бытовой и сексуальной почве, произошедшие в 2015–2016 годах в Германии, особенно в районах Гамбурга, Любека, Бремена, Кёльна и Лейпцига, свидетельствуют, что ИГИЛ делает ставку на радикализацию нелегальных мигрантских общин и формирование боевых ячеек из молодёжных преступных групп и группировок.

За пределами ЕС наибольшие сложности для правоохранительных органов создают приверженцы ИГИЛ из России и других государств постсоветского пространства. Если вплоть до 2015 года радикальные исламисты, участвующие в террористических актах и боевых действиях на стороне Аль-Каиды, Джабхад-ан-Нусры, ИГИЛ, стремились вернуться в южные районы России, прежде всего, на Северный Кавказ, а также создавали форпосты в Поволжье, то в течение 2015–2016 годов ситуация изменилась.

Правоохранительные органы ЕС отметили, что немалая часть россиянджихадистов, участвовавших в боевых действиях и террористических операциях ИГИЛ, возвращаются после пребывания на ближне- и средневосточном фронтах боевых действий не назад, в Россию или Узбекистан, Таджикистан, а отправляются либо на Украину, либо в Румынию и Польшу, а затем инфильтруются на территорию ЕС.

Деятельность ИГИЛ на территории ЕС, включая выбор целей для атак, становится всё более разнообразной. До последнего времени все террористические преступные действия джихадистов можно было разделить на два основных типа.

Первый – это *террористические атаки в местах массовых скоплений публики*. Наиболее яркими примерами подобных атак стали террористические акты в Париже и Брюсселе.

Вторым типом являются *одиночные атаки на символические цели*. В качестве цели обычно выбираются граждане, известные в основном не населению Европы, а в рамках мусульманских европейских диаспор либо среди сторонников джихадистского ислама. Также объектами атак второго типа являются сотрудники правоохранительных органов. Наглядным примером является убийство 20 декабря 2014 года трёх сотрудников полиции в полицейском участке Жуэ-ле-Тур, на которых жаловались жители близлежащих, населённых преимущественно мусульманами кварталов за чрезмерную строгость к молодёжи, нарушающей нормы правопорядка. Данная атака имела целью не только показать всеислие ИГИЛ, но и выставить ИГИЛ эффективным защитником мусульманской диаспоры, проживающей далеко от районов, где базируется организация. В 2016 году примерно с такой же мотивацией были проведены атаки на трёх полицейских в Мельбурне, а также на начальника одного из региональных подразделений полиции во Франции и его жену в июле 2016 года. В этом же году двум молодым женщинам-полицейским из мусульманской общины Бельгии удалось избежать ловушки джихадистов в Шарлеруа. ИГИЛ придавало большое значение успеху этой акции и даже накануне объявило, что в одной из стран Западной Европы будут убиты две многократно изменивших исламу женщины.

Во второй половине 2016 года правоохранительным органам стран ЕС удалось *обнаружить в теневоом интернете учебные курсы-программы по формированию автономных ячеек террористов*. Эти курсы включают не только учебники, инструкции, но и видеоматериалы по изготовлению самодельных взрывных устройств, приобретению на незаконных рынках оружия и т. п. Тщательный анализ материалов курсов позволяют сделать вывод, что в 2017 году ИГИЛ на территории ЕС собирается запустить третий тип террористических атак. Они представляют собой осуществляемые по призыву, но независимо от каких-либо командных или логистических цепочек, неизбирательные нападения на цели в крупных мегаполисах. Отличительными чертами таких насыщающих нападений, согласно анализу материалов, являются:

- использование в качестве террористов неподготовленных специально сторонников ИГИЛ. При этом имеется в виду, что подготовку они получают самостоятельно через онлайн-курсы, а по своему душевному состоянию готовы погибнуть в ходе нападения;

- ключевое значение имеет не объект атаки, а одновременность террористических актов в течение максимум дня в рамках одной локализации. Более того, в учебных материалах указывается, что не стоит сосредотачиваться на проведении актов в местах массовых зрелищ, крупных торговых центрах, в театрах и т. п., а также в иных помещениях и на территориях, оснащённых видеонаблюдением и предусматривающих контроль доступа. Приоритет отдаётся небольшим магазинам, кафе, улицам и т. п. Особое внимание уделено технике проведения террористических актов в школах и на детских площадках;

- каждая ячейка в рамках насыщающего нападения действует совершенно независимо от других, повинуюсь сигналам, полученным через открытые источники, прежде всего, интернет. Проанализировав материалы, можно высказать предположение, что среди сторонников джихадистского террористического ислама формируется своего рода сигнальный язык. Его важность связана с пропагандистским эффектом атак. Если насыщающее нападение достигнет своей цели, ИГИЛ, не отдавая прямых приказов, тем не менее,

сможет заявить о своей ответственности. При провале или срыве атак отсутствие прямых призывов не позволяет отнести неудачу к активу правоохранительных органов и развеять миф о неуязвимости ИГИЛ.

Складывается впечатление, что ИГИЛ целенаправленно хаотизирует и радикализирует политическую ситуацию в таких странах, как Франция, Германия, Бельгия, где в следующем году предстоят выборы.

Кроме того, есть основания полагать, что отработка неизбирательных насыщающих нападений является очередным этапом в складывании полномасштабного террористического арсенала ИГИЛ. Многие специалисты по терроризму и контртерроризму, особенно из Великобритании и Австралии, полагают, что неизбирательные нападения, дезорганизуя силы безопасности и правопорядка, являются лучшим прикрытием для этапного нападения на электросети, ядерные установки и другие объекты критической инфраструктуры.

В общих чертах джихадисты-сторонники ИГИЛ могут быть описаны как особая группа молодых мужчин, имеющих, в основном, криминальное прошлое, подвергавшихся дискриминации, унижению и маргинализации в обществе. Они являются носителями специфических мировоззрений и верований. Среди теологов и специалистов по изучению конфессий продолжаются ожесточённые дискуссии, является ли джихадизм в различных вариациях религиозным учением, верованием или вероподобным мировоззрением. Значительная часть мусульманских теологов отказывают джихадистам в праве являться правоверными сторонниками Книги Пророка.

С точки зрения практической работы, джихадисты, несомненно, являются участниками и, более того, зачастую активными членами мусульманской уммы и имеют влияние далеко за пределами наиболее воинственных течений джихада.

Ещё одной отличительной чертой джихадистов, которую удалось выявить правоохранительным органам ряда стран, прежде всего, Германии, Франции и Австрии, является более высокий уровень различного рода психофизиологических патологий и проблем с психическим здоровьем по сравнению с контрольными группами лиц, с примерно идентичными половозрастными и этноконфессиональными характеристиками.

Свойственный акцентуированным личностям и истероидным группам повышенный уровень внушаемости делает такого рода молодых мужчин желанной и лёгкой добычей вербовщиков, а также побуждает их порывать привычные социальные и семейные связи, посвящать себя джихаду вплоть до смертничества.

Отличительной особенностью джихадистских групп, постепенно, во все возрастающих масштабах, переходящих из-под эгиды Аль-Каиды в Европе под полное влияние ИГИЛ, является закрытость в сочетании с внутренним тотальным контролем. В этой связи крайне затруднено агентурное внедрение и работа под прикрытием сотрудников правоохранительных органов. В последнее время, стараясь избежать плотного наблюдения со стороны правоохранительных органов, джихадисты Европы, следуя фетвам богословов, связанных с ИГИЛ, получили разрешение не проводить обязательных молитв в течение дня и даже не становиться постоянными посетителями мечетей. Им разрешается молиться дома не только в групповом порядке, но и поодиночке.

Данное обстоятельство показывает, что ИГИЛ так же, как и во многих других сферах, является прагматичной и рациональной организацией, когда речь заходит о достижении конкретных целей. Кроме того, значительная часть джихадистов, как это ни парадоксально, плохо знает Коран, никогда не читала книг видных богословов и воспринимает ислам, скорее, не как глубокое нравственное основание и свод жизненных правил, а как некий фактор, позволяющий идентифицировать себя с группой и противостоять окружающему миру. В противовес бытующему мнению, джихадисты – это не глубокие знатоки и последователи ислама, а, скорее, люди, воспринимающие ислам поверхностно, не как веру, а как своего рода внешнюю программу, которая позволяет по команде совершать те или иные коллективные действия. При этом ИГИЛ не старается заниматься богословским просвещением своих адептов и всё шире практикует упрощённые формы приобщения неопитов к джихадистскому исламу.

В целом, типичный европейский джихадист как из числа нелегальных мигрантов, так и представителей мусульманских диаспор, а также этнических

большинств стран ЕС, – это молодые, плохо образованные, имеющие зачастую поведенческие и психические отклонения люди с повышенным уровнем внушаемости и агрессивности, а также пониженным уровнем социальной адаптации и способности к регулярному, в том числе дисциплинированному, труду. Эти люди являются не только идеальными объектами для радикализации и вербовки, но и позволяют наиболее эффективно использовать бесструктурное или информационное управление, когда группы экстремистов реагируют не на приказы, а резонируют с определёнными мировыми событиями или проповедями, а отчасти и слухами.

Безусловно, для Европола настало время, когда анализ и прогнозирование действий джихадистов-сторонников ИГИЛ должен осуществляться не только в рамках традиционного контртеррористического анализа или криминальных расследований, но и базироваться на широком использовании поведенческих и иных гуманитарных наук, включая науки о стрессе и клинической психологии.

ИГИЛ является нетипичной террористической организацией в том смысле, что, в отличие от Аль-Каиды, Аль-Нусры, Талибана, старается разорвать все связи неопита не только с привычным семейным или дружеским кругом, но даже с членами территориальных религиозных общин, включая мулл. По сути, *ИГИЛ впервые воспроизводит в исламской среде практику тоталитарных культов и сект с превращением сознания новых адептов и боевиков ИГИЛ в своего рода чистую доску*. Традиционные джихадистские террористические организации старались максимально использовать устойчивые единоверческие связи, в значительной степени работали именно через них. В то же время анализ правоохранительных органов стран ЕС, Великобритании, Соединённых Штатов Америки показывает, что одним из ключевых принципов проведения террористических актов ИГИЛ является арабский термин “чуждость”. Практически все террористические акты проводятся людьми, которые изначально либо не жили в районе проведения террористического акта, либо не поддерживали каких-либо связей с мусульманскими диаспорами в этих регионах. Единственным исключением являются некоторые районы Бельгии. Однако в рамках ЕС это совершенно особые районы, которые уже сегодня получили название “малый бельгийский халифат”.

В последние годы Европол, наряду с привычными методами криминологических расследований и правоохранительных операций, широко использует количественные методы исследований, базирующиеся на использовании анализа больших данных для выявления особенностей и характерных черт действий преступников и террористов. В ходе совместной франко-нидерландско-германской работы был проведён количественный анализ взаимодействия лиц и групп, идентифицированных как потенциальные приверженцы террористических организаций, с национальными и транснациональными организованными преступными группировками на территории государств ЕС.

Группы и персоны, так или иначе идентифицируемые с ИГИЛ, поддерживают на порядки более количественно интенсивные взаимодействия с организованными преступными группами, особенно на локальном уровне. В то же время ИГИЛ старается дистанцироваться от контактов с национальными и тем более транснациональными ОПГ.

В качестве гипотезы можно высказать предположение, что проектировщики ИГИЛ полагают, что наиболее крупные транснациональные ОПГ на территории ЕС, особенно определённой этнической направленности, включая албанские, турецкие, российские и т. п., находятся под пристальным вниманием правоохранительных органов и инфильтрированы их агентами под прикрытием. Вторая гипотеза заключается в том, что ИГИЛ вполне может рассматривать низкоуровневую организованную преступность как резервуар боевиков, особенно для неструктурированных и неорганизованных нападений. ИГИЛ в данном случае выступает не партнёром преступных групп, а, скорее, претендует на их использование в качестве инструмента.

Во второй половине 2016 года в общественном мнении и среди политиков государств ЕС всё большее распространение получает потенциально опасная тенденция. В 2016 году территория, контролируемая в Сирии и Ираке ИГИЛ, впервые с начала 2012 года начала уменьшаться. Коалиции под руководством Соединённых Штатов удалось отвоевать ряд важных районов в дельте Тигра и Евфрата и вплотную подойти к окраинам Мосула. Коалиции, в которую входят

Россия, Иран, Хезболла, а также силы, поддерживающие Б. Асада, удалось очистить от джихадистов район Пальмиры и продвинуться по дороге на Ракку. Курдской пешмерге (ополчению) удалось отвоевать у ИГИЛ ряд районов на границе Сирии, Ирака и Турции. Данные успехи, а также некоторое уменьшение потока нелегальных мигрантов после достижения соглашений между правительством Турции и ЕС, создали впечатление об уменьшении потенциала ИГИЛ и снижении опасности для Европы от этой террористической организации. По мнению авторов доклада, в силу крайней неоднородности структур коалиций, действующих против ИГИЛ, множественности интересов различных внешних акторов на Ближнем и Среднем Востоке, а также благодаря продолжающейся деструкции региона в целом, не только в ближней, но и в средней перспективе угроза радикального джихадизма, прежде всего, в версии ИГИЛ, для государств ЕС будет только нарастать. Более того, есть основания полагать, что уже перейден порог хаотизации региона, и война с джихадом неизбежно превращается в конфликт типа палестино-израильского, длящегося десятилетиями.

При этом ИГИЛ, в отличие от ранее известных террористических организаций, является рационально устроенной, эффективной структурой, использующей арсенал современных методов во всех сферах. Впервые в рамках ислама действует политико-террористическая организация, принципиально не ограниченная географической локацией, способная функционировать как в разрушенных войной регионах, так и в высоко урбанизированных пространствах.

Для Европола и правоохранительных органов стран ЕС ИГИЛ – это не уходящая, а набирающая силу угроза. Соответственно любая самоуспокоенность перед лицом террористической опасности лишь снижает волю народов к сопротивлению, заставляет органы власти экономить средства и, в конечном счёте, облегчает ИГИЛ достижение её целей.

Несмотря на усилия пограничных служб и правоохранительных органов, в государства ЕС продолжают попадать значительные партии не только охотничьих ружей и пистолетов, но и автоматические винтовки, взрывчатые вещества и даже самодельные мины.

Если вплоть до 2013 года джихадисты, включая сторонников ИГИЛ, приобретали огневые средства поражения в основном на европейском “чёрном рынке” оружия, ориентированном, прежде всего, на уголовный криминал, то, согласно данным национальных правоохранительных органов, в 2014–2016 годах ситуация начала меняться. В основном, джихадистские ячейки свёртывают связи с криминальным рынком оружия в государствах ЕС и переключаются на внешние поставки. Преимущественно оружие террористам стало поступать по балканскому миграционному потоку, пролегающему от Греции через Балканы на Венгрию, Австрию и вплоть до Германии, а также по украинскому транзиту из зоны военных действий через Закарпатье в восточноевропейские страны ЕС.

По прогнозам Европола, с 2017 года, при условии соблюдения соглашений между ЕС и Турцией по пресечению потоков нелегальной миграции уже на территории Турции, основным транзитным потоком вооружений для джихадистов станет украинско-закарпатский маршрут.

В отличие от огневых средств поражения, взрывчатые вещества, использовавшиеся в нападениях в Париже и Брюсселе, были произведены непосредственно на территории стран ЕС подпольными мастерскими и лабораториями, находящимися под контролем джихадистов. Отличительной особенностью данных мин является соединение самодельной взрывчатки с заводскими, приобретёнными на “чёрном рынке” стран Восточной Европы, входящих в ЕС, взрывателями, таймерами и т. п. С 2016 года ИГИЛ в сети Tor и других одно-ранговых сетях размещает учебные электронные журналы, например, *INSPIRE* и *DABIQ*. В этих журналах подробно объясняется, как произвести взрывчатые вещества, самодельные мины-ловушки, а также как можно усовершенствовать и повысить мощь и точность охотничьих и травматических вооружений, сделать их пригодными для террористических нападений.

В 2016 году в Германии и Австрии правоохранительным органам впервые удалось обнаружить на “чёрном рынке” мины промышленного производства предприятий украинского ВПК. В ходе расследования выяснилось, что они поступили в страны ЕС из районов ведения боевых действий в Донбассе через порт Одессы.

Наличие военных и ремонтных заводов по производству огнестрельного оружия военного класса в Болгарии, Румынии, Сербии, Боснии и Герцеговине также является дополнительным фактором снабжения джихадистов. В 2015–2016 годах в рамках совместных операций Интерпола, австрийских и германских правоохранительных органов удалось изъять на маршруте незаконной миграции ручные заводские гранаты, гранатомёты и снайперские винтовки, изготовленные на болгарском военном заводе “Арсенал”, а также детонаторы, произведённые в республике Косово.

К немногим положительным моментам следует отнести отсутствие поставок вооружений заводского изготовления в страны ЕС из районов боевых действий с ИГИЛ в Сирии и Ираке. Однако это не означает, что в будущем джихадистские группы не постараются наладить транзит технических устройств, особенно мин-ловушек, мин, замаскированных под бытовые предметы и детские игрушки, из районов Ближнего Востока, куда они поступают из Пакистана.

Также нельзя исключить, что **ИГИЛ может рассмотреть вопрос об использовании химического или бактериологического оружия в ЕС**. Согласно разведывательным данным государств ЕС, в 2015–2016 годах химические и иные неконвенциональные вооружения в Сирии использовал не только режим Б. Асада, но и все основные террористические движения, включая Аль-Каиду, Аль-Нусру и ИГИЛ. Кроме того, известно, что в 2016 году ИГИЛ, по крайней мере, в течение двух месяцев имело доступ к ливийским хранилищам химического оружия, расположенным в племенной зоне каддафа.

Кроме того, есть признаки, что ИГИЛ уже экспериментирует с биологическим оружием. 18 февраля 2016 года марокканским властям удалось в районе паромной переправы между Марокко и Испанией захватить и обезвредить группу в составе 10 человек, которая перевозила колонию клеток, заражённых смертельно опасными вирусами. В ходе операции было арестовано 10 человек и конфискован груз. По предварительным данным, биологическое оружие было произведено в лабораториях города Бенгази (Ливия). Уже не в первый раз итальянским погранслужбам удаётся перехватывать в море суда, гружённые сельскохозяйственными удобрениями с аномально высоким содержанием серы. Подобные удобрения являются идеальным сырьём для производства химико-токсических вооружений.

В 2016 году марокканское МВД сообщило Европолу о более чем 10 случаях пресечения попыток контрабандного завоза через марокканские порты в Европу веществ, классифицируемых международными организациями как наносящие вред здоровью, и трёх веществ, подпадающих под категорию биологического оружия.

ИГИЛ с каждым месяцем всё шире использует интернет, включая Tor и социальные медиа, не только для распространения пропагандистских материалов, но и для рекрутинга боевиков и джихадистов и сбора средств. По данным разведывательных органов стран ЕС, за пропагандистскую работу и интернет в руководящих органах ИГИЛ отвечают не мусульманские богословы, как это было на ранних этапах существования организации, а выходцы из медийных и правоохранительных структур центральноазиатских республик, прежде всего, Таджикистана и Киргизии, а также противники правящих домов Катара и Саудовской Аравии, получившие опыт работы в системе Аль-Джазира.

Пропагандистскую работу ИГИЛ от деятельности других террористических организаций отличает несколько принципиальных черт:

- высокая технологичность контента. Если на первом этапе существования ИГИЛ для пропаганды использовались аудио- и видеокассеты с проповедями, то в настоящее время даже обычные проповеди джихадистов-богословов оформляются музыкальным и цветовым рядом. ИГИЛ является первой террористической организацией, издающей несколько специализированных электронных журналов и открывшей как минимум четыре регулярных онлайн-учебных центра;
- отказ от концепции единого вещания и производство контента, ориентированного на различные региональные и социальные категории;
- глобальный подход к вещанию. ИГИЛ является первой исламской террористической организацией, которая ведёт вещание в интернете и выпускает журналы не только на арабском, но и на коренных европейских язы-

ках, включая немецкий, английский, французский, голландский, датский и шведский;

– широкое использование компьютерных игр как многофункциональных пропагандистских продуктов. Посредством электронных игр ИГИЛ ведёт не только пропаганду джихадизма, но и реализует учебные цели, и даже осуществляет финансирование своей деятельности.

ИГИЛ на территории ЕС практически превратилось в монополичный рупор джихадизма. Ни Аль-Каида, ни Аль-Нусра не располагают возможностями ведения целенаправленных кампаний в информационном пространстве ЕС. Гегемония ИГИЛ среди радикальных сторонников воинственного ислама позволяет организации вербовать всё новых и новых сторонников, реализуя на практике концепцию точечного халифата в ЕС.

В опубликованных в 2015–2016 годах докладах о незаконной миграции в ЕС Европол и Интерпол оценили криминальные доходы организованной преступности и террористических сетей от этого процесса в сумме примерно в 1,2 млрд евро. Также в докладах содержалась оценка, что не менее трети этой суммы прямо или косвенно пополнили казну ИГИЛ.

Авторы настоящего доклада, базируясь на исследованиях Европола и первичных данных национальных правоохранительных органов, полагают, что джихадистские организации и, прежде всего, ИГИЛ гораздо более глубоко интегрированы в легальную и криминальную экономику государств ЕС, чем это принято оценивать экспертами и различными комитетами и комиссиями ЕС.

Приходится констатировать, что до настоящего времени не подготовлено в рамках программ ЕС ни одного исследовательского доклада, который бы позволял в континентальном и страновом разрезе объективно оценить масштабы экономики, контролируемой мусульманской диаспорой в странах ЕС, а также степени вовлечённости диаспоры, включая её террористическо-радикальное крыло, в экономику ЕС.

В этой связи авторы настоящей книги способны привести лишь отдельные соображения, а также высказать принципиальные гипотезы. При принятии соответствующих решений, а также поддержке специализированных подразделений и комиссий ЕС такая работа Европолом может быть проделана.

Для оценки экономики мусульманской диаспоры и степени проникновения в неё ИГИЛ и других джихадистских организаций, принципиальное значение имеет изменение политического и социально-экономического курса крупнейших стран расселения мусульманской диаспоры, прежде всего, Бельгии, Франции, Германии и Дании.

В конце 90-х–начале нулевых годов ранее принятый в ЕС курс Трёх А – Адаптации, Ассимиляции и Абсорбции – был сменён на мультикультурализм. Краеугольной основой европейской правоприменительной и политико-экономической практики мультикультурализма является признание права за любой этноконфессиональной общиной на территории ЕС на сохранение собственного традиционного уклада жизни.

По данным комиссий ЕС, в результате мультикультурализма наиболее сильно пострадали интеграционистские социальные связи в Бельгии, Дании и Германии. Политика мультикультурализма в соседних странах привела к усилению напряжённости во Франции. Де-факто не поддерживая мультикультурализм, на практике французские власти вынуждены всё чаще действовать не в рамках политики Трёх А, а в рамках мультикультурализма.

В настоящее время на территории Франции находится более 720 замкнутых мусульманских общин, в Германии – более 640, более 160 – в Бельгии, и почти 90 – в Дании. Подобные общины трудно проницаемы для правоохранительных органов и, по сути, ведут отдельное от стран размещения существование. Если ещё в 90-е годы вновь прибывающие преимущественно из районов Магриба и Ближнего Востока мигранты-гастарбайтеры в течение первых трёх лет в доле не менее 60% осваивали немецкий язык, то в настоящее время каждый второй вновь прибывающий в Германию в течение трёх лет не общается с немцами вообще, а более 2/3 не предпринимают попыток к изучению немецкого языка. Это приводит к замыканию мусульманских общин.

Современная экономика мусульманских общин в Европе включает в себя два основных компонента. Первый – это легальная экономика. Согласно дан-

ным правоохранительных, статистических, а также финансовых органов государств ЕС, наиболее широко представлены члены мусульманских общин как собственники в таких секторах легальной экономики, как общественное питание, торговля, в первую очередь, на розничных городских рынках, в уличной торговле за наличные, а также в сфере погрузочно-разгрузочных работ. Например, в Генте (Бельгия) мусульманская община контролирует более 30% предприятий общественного питания.

Помимо занятости на предприятиях, владельцами которых являются мусульмане, члены исламских коммун и замкнутых поселений работают на низкоквалифицированных и малооплачиваемых работах практически во всех городах Западной Европы с численностью от 100 тысяч человек в таких отраслях, как клининговые услуги, вывоз и переработка мусора и отходов, погрузочно-разгрузочные работы, а также малооплачиваемые работы в системе городского коммунального хозяйства, включая городскую канализацию, водопровод и т. п.

Эксперты Европола неоднократно обращали внимание, что структура занятости членов мусульманских общин, подверженных влиянию исламистов и, прежде всего, ИГИЛ, потенциально является наиболее рискованным фактором с точки зрения обеспечения безопасности и общественного порядка в мегаполисах и крупных городах ЕС.

Особо тревожная тенденция проявляется в последние два года. В условиях жёстких бюджетных ограничений, а также уменьшения доходной части бюджетов многих городов, муниципалитеты и мэрии всё чаще закрывают глаза на отсутствие у мигрантов соответствующих документов, удостоверяющих права на проживание в государстве ЕС и работу. Пользуясь определёнными полномочиями, связанными с регулированием рынка труда и условиями проживания, местные органы власти негласно вступают в связи с лидерами исламских коммун и принимают на работу без должного оформления не только легальных, но и нелегальных мигрантов. Европейские города и их население всё более становятся заложниками того, что гастарбайтеры, по сути, становятся не только привычными на улицах крупных городов, но и обеспечивают их коммунальное и инфраструктурное существование. В 2016 году Европолу удалось перехватить в сети Тог два послания, написанных в виде воображаемого дневника. Суть их сводилась к тому, что беспорядочные мелкие террористические акты в европейских городах будут сопровождаться невыходом на работу находящихся под влиянием ИГИЛ радикальных исламистов, занятых в жизненно важных для городского хозяйства сферах. Всё это породит хаос в Европе.

Вторым направлением мобилизации средств на террористическую деятельность является использование возможностей, открываемых социальной политикой в ЕС. Наряду с доходами от незаконной миграции, а также участия в легальной экономике ЕС, джихадисты и, в первую очередь, ИГИЛ извлекают прибыль из социальных выплат представителям мусульманских общин, легально проживающих на территории ЕС. В 2015–2016 годах было установлено более 30 случаев, в основном в Бельгии и Германии, когда легальные мигранты, а также мигранты, находящиеся в лагерях временного содержания, выплачивали лицам, связанным с ИГИЛ, ежемесячные суммы, составлявшие до 1/3 получаемых ими от государства пособий.

Особенность социального законодательства большинства западноевропейских стран ЕС такова, что значительная часть социальных выплат приходится не на здравоохранение и образование, а на пособия на детей, а также компенсации различного рода лишений, начиная с безработицы, вплоть до адаптации. Например, в Бельгии при общей численности мусульманского населения 12%, оно получает 31% социальных пособий, выплачиваемых в стране. Для Германии соответствующие цифры составляют 7% и 13%. Наибольший перекокс наблюдается в Дании, где 3% мусульманского населения страны получает 17% пособий.

На 1 июля 2016 года в странах ЕС было зарегистрировано 816 человек, привлечённых за совершение преступлений, связанных с терроризмом. 67% из них также проходили по делам, связанным с участием в серьёзной и/или организованной преступности. Средний возраст преступников составляет 33 года. 90% — это лица мужского пола. Большинство подозреваемых сообщило, что являются в настоящее время гражданами ЕС. Чуть более 70% родились

за пределами ЕС и получили гражданство впоследствии. 90% подозреваемых являются гражданами Бельгии, Нидерландов, Соединённого Королевства, Франции и Германии. Более 40% подозреваемых побывали в Сирии или Ираке и более 25% участвовали в боевых действиях в этих странах. Более половины подозреваемых ещё до ареста проходили по базам правоохранительных органов как участники серьёзных или коллективных организованных преступлений.

В настоящее время преждевременно говорить, сохранится ли такая тенденция в будущем. Как было указано ранее, данные, полученные в 2016 году, показывают, что джихадисты, по крайней мере, ИГИЛ, отходят от политики координации или даже сращивания с организованной преступностью в государствах ЕС и осуществляют практические действия по установлению контроля над уличной и локальной организованной преступностью. Лишь после анализа данных двух-трёхлетнего периода можно будет делать обоснованные выводы о направлении взаимодействия ИГИЛ с организованной преступностью.

Первичные данные показывают, что, против ожидания экспертов и в противовес с освещением темы в СМИ, джихадисты, ориентированные на ЕС, стараются совмещать террористическую деятельность именно с корыстной организованной преступностью. Более 70% подозреваемых в терроризме ранее участвовало в преступлениях против собственности, а также иных преступлений корыстного характера.

Принимая во внимание, что некоторые из лиц, связанные с террористическими преступлениями, социализированы в криминальной среде, есть основания полагать, что ИГИЛ переходит к политике максимального замыкания стихийных ячеек внутри себя с выдвиганием специальных лиц для контактов с преступным миром, своего рода послов ИГИЛ в европейской преступности.

В 2016 году, анализируя тенденции и тренды активности джихадистов в Европе, исследовательские группы Европола сделали следующие выводы.

В настоящее время в странах ЕС наблюдается тенденция к росту масштабов, частоты и последствий террористических актов. Растёт разнообразие мишеней, способов осуществления атак и акторов террористических действий.

Отличительной особенностью ИГИЛ является сочетание опоры на стихийную, спонтанную активность индоктринированных джихадистов с проведением спланированных на уровне войсковых операций целенаправленных нападений.

Прослеживается тенденция вовлечения в арсенал ИГИЛ не только заводских и самодельных орудий огнестрельного и взрывного поражения, но и неконвенциональных видов вооружений, включая биологическое и химическое.

В течение 2013–2016 годов ИГИЛ удалось создать на территории ЕС разветвлённую, по большей части, спящую сеть автономных ячеек, опирающихся не на внешние, а на внутренние ресурсы и способных к независимым, в том числе, спонтанным действиям.

В целом на горизонте 3–5 лет для европейского террористического джихадизма будут характерны следующие основные черты:

во-первых, уже в настоящее время, а тем более в будущем на территории государств ЕС реально происходит объединение структур террористических организаций, транснациональной и региональной организованной преступности, а также деструктивных формирований, действующих в интересах акторов, лежащих за пределами ЕС, включая не только государственных субъектов, но и различного рода теневые финансовые, конфессиональные и иные образования. Сложившееся в течение XX века жёсткое разделение сфер деятельности полиции, разведки и вооружённых сил уже не соответствует реальной обстановке. Враг действует против Европы, объединяя все деструктивные возможности и ресурсы. При этом вооружённые силы, разведывательные органы и полицейские структуры в государствах ЕС продолжают работать сами по себе. Против исламистского “кулака” действуют “растопыренные пальцы”;

во-вторых, война с деструктивным врагом принципиально отличается от антитеррористических, а тем более от военных кампаний XX–начала XXI веков. Информация Европола за 2015–2016 годы убедительно свидетельствует, что успехи коалиций в борьбе с ИГИЛ на территории Ирака и Сирии не ослабляют угрозу Европе, а, наоборот, увеличивают её. Деструктивные силы и их террористическое ядро научились на порядки более эффективно, чем государственные силы коалиций, действовать в хаотической среде. Она для них

является естественной, привычной, и террористы используют это преимущество для переброски массового потока нелегальных мигрантов в Европу. Кроме того, сами по себе *террористические организации обладают высочайшей мобильностью и имеют модульный характер*. Соответственно, даже при поражении на поле боя и потере территорий часть сетей перебазируется в другие регионы.

В статье Антона Трояновски и Маркуса Уолкера “Террористические атаки в Париже изменили направление дискуссии о миграционном кризисе в Европе” в *The Wall Street Journal* подняты вопросы о связи между *проблемой с мигрантами и беженцами и террористической деятельностью*. До террористических атак в Париже в ноябре 2015 года представители органов безопасности практически не упоминали о каком-либо взаимодействии или связи между волной беженцев и терроризмом. Тот факт, что двое из преступников были зарегистрированы в Греции и других европейских странах до прибытия в Париж для выполнения своей миссии, продемонстрировал возможность использования потоков беженцев Аль-Каидой, ИГИЛ и другими подобными группировками для проникновения в пределы ЕС и проведения атак. В то же время пропагандистские кампании террористических группировок, наряду с прямыми угрозами против европейских стран, направляемыми джихадистами через интернет, вызывают озабоченность состоянием дел в сфере обеспечения безопасности и наполняют наши сообщества страхом.

Упомянутая ранее дискуссия среди стран ЕС ставит под вопрос шенгенскую политику открытых границ и уже привела к принятию европейскими государствами более жёсткой политики на национальном или региональном уровне. После терактов в Париже лидеры нескольких стран отказались от обязательств по приёму беженцев из Греции и Италии в рамках программы переселения, после того как их правительства уступили давлению со стороны популистских и крайне правых партий, требующих проведения политики по закрытию границ. Вполне понятно, что такое положение дел вызывает озабоченность не только из-за проблем безопасности, но и в связи с социальными последствиями. С другой стороны, следует также признать, что вероятность того, что террористы будут выдавать себя за беженцев, вероятно, несколько преувеличена. Принимая во внимание то, что лишь горстка людей из почти 1 млн беженцев и мигрантов, прибывших в ЕС в прошлом году, были связаны с террористическими атаками, процентное отношение находится на грани статистической погрешности. В отчёте Европола за январь 2016 года “Изменения в способе действий Исламского государства при проведении террористических атак” говорится: “Конкретных данных о систематическом использовании террористами потока беженцев для скрытного проникновения в Европу нет”. Напротив, Европол и эксперты в области безопасности из стран ЕС фокусируют своё внимание на возвращении из-за границы боевиков, – в основном религиозно мотивированных граждан, которые покинули свои страны в ЕС, чтобы пройти подготовку или сражаться в зоне боевых действий. Эти люди, большинству из которых никто не платит, по возвращении представляют потенциальную угрозу для стран Запада, так как у них более высокая подготовка и мотивация. Возвратившись домой, они могут выступать в роли вербовщиков исламских экстремистов, выбрав своей целью сирийских беженцев, прибывающих в Европу.

Нельзя не согласиться с мнением проф. А. В. Манойло: “Сейчас власти Европы имеют дело не с толпами напуганных мигрантов, а с *хорошо организованной социально-политической единицей*, сообществом со своей внутренней иерархией, своими лидерами и системой подчинения. Этот момент власти Европы проморгали.

Мигранты видят пассивность властей, видят, что политическая элита той же Германии боится активных действий по защите собственных граждан. И это определённый сигнал: беженцы усиливают натиск. Во главе их *на низшем уровне стоят стихийно выдвинувшиеся лидеры, а на верхнем – этнические преступные сообщества и эмиссары террористических организаций, таких как ИГИЛ*.

Потому сейчас мигранты просто выполняют отведённую им роль, разрастаясь и объедняясь по всему континенту: это ресурс давления на власть, дестабилизации политической ситуации. Для Аль-Каиды или того же ИГИЛ европейских границ вообще не существует.

Мигранты поддерживают между собой связь. Их выступления в разных частях Европы носят явно скоординированный характер. А европейские страны не выступают единым фронтом, действуя каждая по себе, на свой страх и риск. Они до сих пор не объединились перед лицом этой угрозы. Что из этого следует? Есть вероятность, что новая сила по очереди передавит власти европейских государств”.

Прав А. В. Манойло, когда говорит о том, что “следующим этапом будет организованный бунт, поводом для которого станет любой инцидент, связанный с избиением или убийством одного из мигрантов. Такое запросто может быть, если, например, полицейский будет защищать какую-то немку от банды насильников. И это может дать эффект, который был в США.

Хорошо организованные сообщества мигрантов выйдут на улицы, в руках у них будет не только арматура, но еще и оружие – раздобыть его даже в Германии несложно, ведь с мигрантами переселилось и сообщество, которое на родине контролировало преступный бизнес. Полиция Германии отмечает, что под тем же Кёльном и Гамбургом действуют преступные группировки типа Касабланки.

Европа может погрузиться в хаос. Однако для мигрантов это будет вполне привычной средой: какой бы хаос в Европе в результате этого ни происходил, он будет порядком по сравнению с тем, что творится сейчас у них в родных странах. Понятие хаоса и порядка у них совершенно иное, чем у европейцев”.

В 2016 году, по данным Европола, происходило плановое перемещение не только части руководящих структур, но и материально-финансовой инфраструктуры ИГИЛ из районов Ирака и северо-восточной Сирии в Ливию и Йемен. Особую озабоченность вызывает то, что существует много документальных подтверждений развёртывания инфраструктурных сетей ИГИЛ на Балканах, прежде всего, в районах компактного проживания мусульман в Боснии и Косово. На территории Западной Европы материально-технические и финансовые подразделения ИГИЛ постепенно формируются в плотную сеть во фландрских районах Бельгии, на севере и на самом юге Франции.

В отличие от традиционных организационных структур террористических сетей и организаций, ИГИЛ является принципиально новым образованием. Традиционные террористические организации в значительной степени обеспечивали единство и организованность за счёт концентрации на высшем уровне финансовых и боевых ресурсов, а также использовали жёстко иерархическую систему принятия решений. Анализ деятельности ИГИЛ в течение 2013–2016 годов показывает, что чем дальше, тем больше организация переходит от сетевой к ячейковой модели. Каждая ячейка самостоятельно обеспечивает финансовую, кадровую и огневую базу террористической деятельности. Координация между ячейками осуществляется импульсно, от случая к случаю, в рамках проведения определённых операций. Непосредственные связи пролегают не через финансовые транзакции либо незаконные поставки оружия и т. п., а через информационное пространство. Роль центрального командования ИГИЛ непосредственно за рамками театра регулярных действий состоит не в координации финансово-материальных потоков, а в отдаче приказов фанатикам-верующим к осуществлению акций и кампаний, включая кровавые террористические акты.

В известной степени справедливо говорить, что в рамках ИГИЛ формируется эффективная система бесструктурного управления. Это создаёт серьёзные сложности в работе правоохранительных органов, пограничных служб и вооружённых сил государств ЕС. Все они нацелены на прерывание финансовых, логистических и иных цепочек, являющихся материализацией структурного управления. Любой европейский правоохранитель с первых дней службы руководствуется принципом: хочешь найти преступника, иди по следам денег. В новой реальности надо идти по следам проповедей, фетв и сообщений в социальных сетях.

Что касается возможностей осуществления террористических актов и создания сети спящих и действующих ячеек ИГИЛ на территории России, интересно мнение экспертов Интерпола и Европола, отражённое в докладах, посвящённых ИГИЛ, опубликованных в 2016 году. По мнению действующих и отставных сотрудников разведок стран ЕС, высокопоставленных представителей правоохранительных органов и аналитиков, российская антитеррористическая система на сегодняшний день является наряду с израильской

наиболее мощной и эффективной в мире. По этой причине они полагают маловероятным целенаправленный перенос активности ИГИЛ на территорию России. Гораздо более уязвимыми являются страны Центральной Азии, в первую очередь, Таджикистан и Ферганская долина, занимающая территорию Узбекистана и частично Казахстана. Одна из самых высоких, наряду с Бангладеш, плотность населения в мире, крайняя бедность и даже нищета десятков миллионов человек, и практически 100% уровень религиозности населения делают этот регион вместе с Ливией наиболее перспективным для переноса деятельности ИГИЛ из районов Сирии и Ирака. Тем более, руководители ИГИЛ имеют обширные связи в правоохранительных, административных и разведывательных структурах Таджикистана, Узбекистана и Киргизии.

В заключение можно сделать несколько выводов. Вывод первый. ИГИЛ представляет собой религиозно-террористическую организацию принципиально нового типа, в которой сплавлены в единое целое агрессивный религиозный фундаментализм с новейшими достижениями организационных и поведенческих наук. Далекое не случайно в основе ИГИЛ лежали структуры разведки и армии баасистского Ирака времён Саддама Хусейна. Ни для кого не секрет, что последние годы своего правления Саддам Хусейн тесно взаимодействовал напрямую с представителями теневой власти многих западноевропейских стран, с преступным миром, а также с некоторыми кругами экстремистского подполья по всему миру.

Вывод второй. Исчезновение квазигосударства ИГИЛ может оказаться пирровой победой в том случае, если руководящему ядру ИГИЛ удастся раствориться в сирийской пустыне и скрытно перебраться в такие страны, как Ливия, Йемен, в афгано-пакистанскую племенную зону и т. п.

Вывод третий. ИГИЛ за время своего квазигосударственного существования успело создать разветвлённую сеть спящих ячеек в странах ЕС. Сегодня эти ячейки могут действовать независимо от существования квазигосударственного образования. Иными словами, победа над ИГИЛ на Ближнем и Среднем Востоке не только не гарантирует победу над террористической организацией в странах ЕС и Северной Америке, а напротив, ведёт к большим рискам и угрозам.

(Окончание следует)

АНДРЕЙ ФУРСОВ

ОКТАБРЬ 1917 — МОМЕНТ ИСТИНЫ РУССКОЙ СМУТОРЕВОЛЮЦИИ

Я не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклонённой головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит её.

П. Чаадаев

Понимать мир — это значит для меня стоять с миром вровень. Важна суровость жизни, а не понятие жизни, как тому учит страусова идеалистическая философия.

О. Шпенглер

VII

К концу 1916 г. в России окончательно оформился двуединый (сдвоенный) субъект, если угодно, субъект-тандем — русско-британский. Русская часть была представлена российским капиталом, в основном московским, связанным со старообрядцами, частью генералитета и думцев. Британская — определёнными сегментами британского капитала и истеблишмента, чьи интересы артикулировались “командой” Милнера (закрытая наднациональная структура мирового согласования и управления “Группа”, она же — “Мы”), сыгравшей решающую роль в подготовке и развязывании Первой мировой войны. Цели обеих частей, британской и ориентированной на неё российской, — свержение самодержавной монархии (генералы и часть клана Романовых, стремившихся лишь к смене монарха на троне, играли “втёмную”), установление следующей в “британском фарватере” Российской республики и обеспечение решающих позиций британского капитала в России. Сами по себе, по отдельности российский и британский “полусубъекты” достичь указанных целей не могли — сработать могла только двойная масса. Она и сработала Февральским переворотом, увенчавшегося победой “тандема”. Однако вскоре выяснилось: за победой открылась пустота. Ставленники российского и британского капитала, попытавшиеся осуществить буржуазную революцию в имманентно

* Окончание. Начало — в №10 за 2017 год.

антибуржуазной стране, которую они к тому же плохо знали, быстро потеряли контроль над ситуацией: страна начала разваливаться, в деревне сильно запахло новой пугачёвщиной в духе 1906–1907 гг. Это в столице Керенский “калфиствовал на белом коне”, а в стране — “... всё это, значит, безвластье. / Прогнали царя... / Так вот... / Посыпались все напасти / На наш неразумный народ” (С. Есенин). Феврализм, “временщина” стали лишь стремительным развитием — расширением, углублением и обострением — кризиса позднего самодержавия, развязанного реформами Александра II.

Проблемы победившего в феврале 1917 г. русско-британского субъекта не исчерпывались, как это и положено в революционно-кризисные времена, “внутренностями”. Нарастала внешняя проблема, связанная с ещё одним англосаксонским хищником, вовсе не собиравшимся мириться с тем, что кузены-британцы прибирают к рукам лакомый кусок — Россию, решая таким образом одну из поставленных ими задач мировой войны. Речь, естественно, о США или, как писали в те времена, САСШ.

В 1915 г. в рамках реализации плана “Марбург”, предполагавшего расширение власти США на весь мир, была создана American International Corporation (“Американская международная корпорация”). В её правление вошли крупнейшие американские магнаты, опиравшиеся, помимо прочего, на мощь созданной ими в 1913 г. Федеральной резервной системы. Главной целью корпорации было установление экономического контроля над Евразией, прежде всего над Россией, которую предполагалось при случае расчленить на части.

В России в самом начале XX в. американский капитал в лице Рокфеллеров столкнулся с британским капиталом в лице Ротшильдов. Объект борьбы — бакинская нефть. Нефть, добываемая в Российской империи входившими в ротшильдовский кластер Нобелями, была конкурентом хоть и раскассированной, но де-факто ещё единой рокфеллеровской “Стандард ойл”. И не случайно Рокфеллеры “спонсировали” стачки бакинских нефтяников, одним из организаторов которых была группа И. Т. Фиолетова (в ней, кстати, какое-то время состоял Сталин).

Поскольку Февральский переворот привёл к власти в России силы и правительство, стоявшее на пути американских интересов, было решено это правительство свергнуть силами определённой части российских революционеров во главе с Троцким, у которого были свои давние контакты с американским капиталом и Рокфеллерами в частности и который открыто восхищался США и говорил, что настоящие мировые революционеры сидят на Уолл-стрит. В результате всех этих планов оформился ещё один внешне-внутренний двойной субъект — американский капитал плюс некий сегмент российских революционеров — левых глобалистов во главе с Троцким. И неважно, что количественно этот сегмент был невелик. Мир — понятие не количественное, а качественное, как говаривал Эйнштейн, а в условиях кризиса это так вдвойне. В начале мая 1917 г., после некоторых приключений и не без посторонней помощи Троцкий оказался в России. С чем оказался — по этому поводу бытует разная информация. Согласно одному варианту, он вернулся с большими деньгами и большой группой боевиков. А по другому варианту — приехал Лейба Давидович с 534 долларами на двоих с женой и всего лишь несколькими спутниками. Спутников, разумеется, не спрячешь, а вот доллары — вполне можно, особенно если речь идёт об опытном революционере-конспираторе. Тем более что в Штатах Троцкий вёл вовсе не безбедную жизнь. Да и в России он не бедствовал.

Почти месяцем раньше, в апреле 1917 г. в plombированном вагоне через территорию Второго рейха в Россию прибыл Ленин. Его приезд, после которого он в “Апрельских тезисах” (“Задачи пролетариата в данной революции”) фактически призвал к свержению Временного правительства и к социалистической революции, почти совпал со вступлением США в мировую войну. Г. В. Плеханов квалифицировал “...тезисы” как разрыв с марксизмом, а своего бывшего ученика припечатал как “бланкиста” и “бакунинца”. Впрочем, Плеханов был уже вне игры и скорее напоминал Говорящего Сверчка из “Золотого ключика”, которому Буратино велел убираться из каморки папы Карло. А Ленин играл, но, в отличие от Троцкого, не с американским капиталом. В его “десантировании” в Россию и в расшатывании ситуации здесь, особенно в условиях появления на западном фронте США, была заинтересо-

вана Германия. Так в революции в России и свержении Временного правительства оказались заинтересованы два двойных субъекта: чётко очерченный американско-российский и ситуационно возникший пунктирный российско-германский.

Здесь необходимо ещё раз вернуться к вопросу о наднациональных двойных субъектах вообще и капиталистическо-революционерских субъектах в частности.

Формально господствующие классы капсистемы являются частью своих наций и, следовательно, и наций-государств; более того, у значительной их части есть и национальные классовые интересы, т. е. здесь налицо и содержательная принадлежность. Однако интересы значительной части буржуазии объективно носят наднациональный, интернациональный характер — это и есть одно из главных внутренних противоречий буржуазии, её национально-интернациональная нетождественность самой себе. Вообще, нужно сказать, что реально интернационалистами являются в большей степени не пролетарии, как считали Маркс, Энгельс и многие другие, а представители верхней части капиталистического класса; история Интернационалов, особенно Второго, — красноречивое тому свидетельство. “Интернационалы” буржуазии — капинтерн, фининтерн — оказались в конечном счёте эффективнее всех антикапиталистических интернационалов. Здесь я оставляю в стороне вопрос о связи этих интернационалов-“антагонистов” между собой, поскольку в данном случае для нас важно другое — оформление в капиталистическую эпоху, уже на рубеже, на водоразделе XIX–XX вв. мощной и могущественной международной, интернациональной североатлантической верхушки.

Вот что писал по этому поводу Георгий Кнупфер в работе “Борьба за мировую власть. Революция и контрреволюция”: “С развитием ростовщичества и создающего деньги (money creating) капитализма набрала силу новая форма власти, протагонисты которой не имели подлинных связей с нациями, над которыми они полностью господствовали. Методы и политика этой власти хранились в секрете, её интересы и цели не имели ничего общего с интересами их наций, а в реальности противоречили им. <Таким образом, > возникла чисто паразитическая власть, интернациональная по форме и по духу — и потому, что её совершенно не интересовала судьба её подданных, и потому что её деятельность (operation) была естественно интернациональной, а её главные адепты часто и вовсе были иной национальности, чем население, среди которого они действовали. Эта форма власти не имела никаких органических связей или общих интересов с теми, кем она правит. В этом плане она полностью отлична от предыдущих форм власти, какой бы ни была их юридическая основа.

Номинально капитализм сохранил государственное управление старого типа, хотя в реальности те, кто теоретически правил государством, оказались подчинены ростовщикам и теперь являются не более чем фасадом, полностью контролируемым с помощью финансов”.

Это — о капитализме и капиталистах, о буржуинах. Но ведь и возникающий в качестве антагониста хозяев капсистемы, её Игры-как-Истории (её Истории-как-Игры) тоже оформляется не столько на национально-государственном, сколько на международном уровне. Поле его деятельности, масштаб, важнейшие характеристики — такие же, как у международного капитала, которому он противостоит, с которым борется (причём сама эта борьба расширяет поле для будущего существования — и будущих битв). Но не только борется, имеет место и сотрудничество — косвенное, наведённое, а иногда и прямое. “В истории существуют достаточно короткие периоды, когда будущие противники вынуждены работать сообща исключительно ради создания прочных долговременных основ глобального конфликта, который определит мировой баланс”, — пишет Сергей Горяинов об эпохе рубежа XX–XXI вв. На рубеже XIX–XX вв. такими будущими противниками, одновременно боровшимися друг против друга и совместно — с империями XIX в., в том числе с российским самодержавием, — были мировой социализм/коммунизм и мировой же фининтерн. Их связывал принцип единства и борьбы противоположностей. Это единство среднесрочных интересов проявилось и в закулисной механизме русской революции 1905–1907 гг., и в ещё большей степени — обеих революций 1917 г., когда международный капитал действовал рука об руку с социалистами, сначала с умеренными, а потом — с крайне левыми.

Я уже не говорю о контактах 1960–1970-х годов между советским и американским руководством, в которых отражалось стремление не только тайно договориться верхушкам двух стран, но и создать некую наднациональную координационную структуру поверх системных барьеров. Внешним проявлением такого стремления было, в частности, создание Международного института прикладного системного анализа в Вене как некоей ширмы, как акции прикрытия основной операции. В конечном счёте эта операция обернулась против советского руководства, оно попало в западню и проиграло, а сами контакты из поначалу равноправных отношений превратились в отношения международных хозяев и русских приказчиков (а la комиссия “Гор – Черномырдин”). Но это отдельная тема.

Здесь нам важно зафиксировать следующее: природа и логика развития капитализма ведут к тому, что, во-первых, возникает международный слой, интересы которого в основном не совпадают с национально-государственными, а потому требуют особого, преимущественно тайного организационного оформления; во-вторых, возникает международное социалистическое/коммунистическое движение, интересы которого в основном тоже не совпадают с национально-государственными, – и потому что цели и задачи движения носят мировой характер, и потому что движение это противостоит легальной власти, что, в свою очередь, становится двойной причиной превращения как международных, так и страновых оргформ коммунизма в конспироструктуры; в-третьих, у действующих на одном – наднациональном – поле двух кластеров конспироструктур, двух заговоров – международно-капиталистического и международно-коммунистического, несмотря на теоретический долгосрочный антагонизм, нередко совпадают среднесрочные интересы – особенно по линии объектов борьбы.

В результате между ними возникает сверхтайное взаимодействие, формы которого могут носить сетевой, косвенный, а иногда и непосредственный характер (финансирование, дипломатическая помощь, информационная война и т. п.). Перед нами сверхзаговор, тайны которого охраняются особо тщательно обеими сторонами, а попытки прояснить ситуацию отменяются представителями этих сторон как “клевета”, “дешёвая конспирология” и т. п.

Цель интернационал-социалистов – слом системы, революция, земшарная республика – во главе с коммунистической контрэлитой, иными словами – новая система. Цель интернационал-капиталистов, фининтерна – мировая капиталистическая система без империй и с максимально ослабленным нацией-государством, т. е. иная, новая структура капиталистической же системы.

В период социальных кризисов (снижение уровня мировой прибыли *par excellence*) объект борьбы у обеих групп интернационалистов один и тот же, но в разной ипостаси: социалисты боролись против капитализма как против **системы**, а капиталисты – только как против **структуры**, на смену которой они готовили новую структуру той же системы. В этой борьбе коммунисты пытались использовать фининтерн как антисистемный ледокол международного уровня (впрочем, конкретные результаты редко всерьёз выходили за национально-государственные рамки), тогда как интернационал-капиталисты использовали социалистическое движение для структурной перестройки (разгром империй), для “перезагрузки матрицы” в духе фильма “Матрица-2”. Противостоять двуручному – системно-антисистемному – мечу, двойному – финансово-политическому – удару было очень трудно. Крушение империй в два первые десятилетия XX в. свидетельствует об этом со всей очевидностью. Повторю: интернациональные верхушки – капиталистическая и коммунистическая – силой обстоятельств вынуждены были развивать свою совместную деятельность, деятельность двойного субъекта в качестве сверхтайного заговора, тем более сверхтайного, что в своей пропаганде и те и другие призывали, во-первых, к открытой и честной публичной политике, во-вторых, к непримиримой, не на жизнь, а на смерть борьбе друг с другом. Но вернёмся в 1917 год.

VIII

В течение мая–июня “команды” Троцкого и Ленина шли параллельными курсами, однако после событий 3–5 июля 1917 г. большевики начали испытывать трудности с деньгами. Фактор денег, а также разделяемая Лениным

и Троцким установка на взятие власти и мировую социалистическую революцию привели к принятию “Иудушки Троцкого” (Ленин) в большевистскую партию и началу его карьеры в ней. В складывающейся ситуации связанной с американским капиталом Троцкий явно выдвигался на первые роли руководителя и революции, и будущей России. Это не устраивало Ленина, но в тот момент он мало что мог поделать. И тем не менее, вождём Советской России стал именно Владимир Ильич, хотя в номерах некоторых американских газетах, вышедших после Октябрьского переворота, в качестве лидера новой России было опубликовано фото Троцкого. Как вышел такой облом? Тем более, как считается, именно Троцкий руководил переворотом.

Мы до сих пор не так много знаем о реальных событиях отрезка между Февралём и Октябрём, о том, что скрыто политической пеной, с одной стороны, и пропагандой – советской и антисоветской – с другой. По-видимому, и большевикам, и их противникам есть что скрывать, и прямых свидетельств и доказательств ждать, скорее всего, придётся долго. Но ведь есть косвенные свидетельства и доказательства, совокупность которых никак не менее значима, чем прямых – недаром в ГРУ была, а возможно и сейчас есть, структура, специализирующаяся на анализе косвенных свидетельств. В анализе ситуации восьми месяцев, предшествовавших десяти дням, которые потрясли мир, мы вступаем в зону детективной политики или политического детектива, где многие линии приходится прочерчивать дедуктивно. Впрочем, как заметил О. Маркеев, “в любом детективе на проверку оказывается лишь десять процентов вымысла, остальное – факты, сценарии, дешифровка чужих тайн”*. Такого рода сценарий по поводу Октябрьского переворота и того, что ему предшествовало, предложил замечательный писатель О. Стрижак. В размещённом в интернете материале “И приснился мне сон...” он изложил свою версию событий – в большей степени дедуктивную. По поводу недостатка документов Стрижак резонно задаёт вопрос: “А укажите истинный заговор, который оставил по себе хоть клочок бумаги с уличающей записью”. И предлагает следующую реконструкцию событий, которую я изложу максимально кратко.

В 1917 г. в условиях рушащегося государства патриотически настроенные военные, прежде всего генералы и офицеры разведки и контрразведки, вошли в контакт с той частью большевиков, которая в наименьшей степени была замечена в контактах с Западом и которая ориентировалась в большей степени на российские дела, чем на мировую революцию. “Контактные лица” – Сталин, Дзержинский, Урицкий. Цель военных – переворот, упреждающий развал России, утрату ею суверенитета и распада на части под ударами Запада, прежде всего англосаксов и их агентуры влияния, и следующий за переворотом мир с Германией и выход из войны.

Реальными руководителями Октябрьского переворота Стрижак считает не Троцкого, отводя ему роль ширмы, а его действиям – акции прикрытия, а Сталина, Дзержинского и генералов разведки. “Мне видится, – пишет он, – что генерал Потапов и Сталин явились реальными руководителями Октябрьского переворота (после Октября генерал Потапов стал начальником разведки Штаба Красной Армии)”. Как, воскликнет кто-то в негодовании, при чём здесь Сталин?! Его не было видно и слышно во время Октябрьского переворота, всем руководил Троцкий – он не слезал с телефона. Ответы на подобного рода негодования у О. Стрижака таковы. Во-первых, по телефону, как это расписывал Троцкий, переворотами не руководят – руководят по спецсвязи. Во-вторых, не было видно и слышно не только Сталина, но и Ленина. И что? О. Стрижак специально обращает внимание на то, что “военно-революционные приказания” рассылались по Петрограду именем Петросовета за подписью М. М. Лашевича, а не Троцкого. Военные контрразведчики прекрасно знали о связях Троцкого с США и вовсе не собирались принимать его в свою “компанию”, которую ему, однако, удалось отодвинуть весной 1918 г.

Стрижак обращает внимание на то, что в августе 1917 г. генерал-аншеф В. Н. Клембовский (главком Северного фронта) и генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич (начштаба Северного фронта, комендант Псковского гарнизона и – какое совпадение! – родной брат ближайшего соратника Ленина большевика В. Д. Бонч-Бруевича) сорвали мятеж Корнилова, которого не без оснований

* Маркеев О. Чёрная луна. М.: ОЛМА, 2007. С. 71.

считали британским агентом влияния. Ну а в октябре большевики взяли власть — с помощью военных, так же, как и февралюсты.

Даже если представить, что картина событий, предложенная О. Стрижаком, — всего лишь интеллектуальная игра в сфере вероятностной истории, игра, в ходе которой под известные события подведена иная причинно-следственная связь, а следовательно, излагается иная схема, то в этом случае можно сказать следующее. При том фактическом материале, который имеется в наличии, данная схема (повторю: даже в том случае, если это плод интеллектуальной игры — кстати, очень качественной) ничем не хуже традиционной, в которой хватает дыр, лакун и умолчаний. Как модель вероятности и фантазии на заданную тему инфоблок Стрижака позволяет, во-первых, дедуктивно объяснить то, что традиционная схема не объясняет, во-вторых, поместить октябрьские и предшествовавшие им события, происходившие в нижней части социальной пирамиды, в контекст борьбы различных элитных групп России, стремившихся контактно использовать низы, — собственно, такое разноуровневое контактное взаимодействие и есть революция. Я уже не говорю о ряде бесспорных фактов, которыми оперирует автор “Сна” и которые позволяют взглянуть на ситуацию под иным, чем обычный, углом зрения.

Мы, например, знаем, что основная масса генералов и офицеров, которые пошли служить красным, сделали это после изданного по инициативе Троцкого приказа Реввоенсовета от 23 ноября 1918 г. о мобилизации бывших офицеров в армию. Основная масса — да. А вот начальник Разведывательного управления Генерального штаба генерал-лейтенант И. М. Потапов даже по официальной версии начал сотрудничество с большевиками в июле 1917 г. Этот эпизод нашёл отражение в советском многосерийном фильме “Операция “Трест” (1967 г.; поставлен по роману Л. Никулина “Мёртвая зыбь”). В фильме ситуация, конечно же, подавалась как переход генерала на сторону большевиков. В реальности же дело, разумеется, обстояло иначе: в сложившейся ситуации начальник разведки использовал определённую часть руководства большевиков (но, конечно же, не Ленина и Троцкого с их компаниями), скорее всего сделал им предложение, от которого они не могли отказаться. Это — во-первых.

Во-вторых, едва ли генерал Потапов сам, лично устанавливал контакт с большевиками — должны были быть посредники с обеих сторон, и логично предположить, что со стороны “спецуры” это были лица, как минимум, симпатизирующие большевикам. Иными словами, генерал Потапов в его контактах с большевиками не мог действовать в одиночку, самой силой обстоятельства это должна была быть акция в составе возглавляемой им группы Разведупра. Скорее всего, и без контрразведчиков, которые “вели” большевиков, а следовательно, хорошо знали ситуацию в партии, дело здесь не обошлось. Да и контакты, скорее всего, начались раньше. Как, например, у генерал-лейтенанта (с апреля 1917 г.) В. Ф. Джунковского, позднее, как стало известно, участвовавшего в разработке операции “Трест”.

Установив контакт с большевиками с явным прицелом на взятие власти (а иначе зачем устанавливаются контакты с людьми такого уровня, ведь это не Дегаев и не Азеф, а нечто иное), Потапов не мог не привлечь к делу сочувствующих — патриотически настроенных военных, не просто понимавших, что государство гибнет на глазах, что страна катится в пропасть, но агентурно знавших, кто и как в эту пропасть её катит. Ведя разработку как в России, так и за её пределами иностранной агентуры, с одной стороны, и революционных партий (особенно пораженческих групп типа таковой во главе с Лениным), с другой, они прекрасно знали весь расклад и отслеживали формирование того, что в данной статье названо “двойными международными субъектами”. Они знали, что, например, Керенского “ведут” Великий Восток Франции и британцы; А. И. Гучкова и К^о — тоже британцы, которые вдобавок “вёмную” используют генерал Л. Г. Корнилова, готовясь сыграть им как джокером; прямые связи Троцкого с американцами и косвенные Ленина с немцами — для них не были секретом. Военные видели, что ход событий, особенно война, ослабляет Россию и создаёт угрозу утраты ею суверенитета.

Кстати, аналогично ситуацию видел Сталин, который 5 июля 1917 г. в обращении к рабочим и солдатам Петрограда писал, что у России в складывающейся ситуации только два пути: либо превращение в колонию США, Великобритания и Франции, либо власть Советов, т. е. подлинно левая, социалистическая революция. То есть социалистическая революция рассматривалась им прежде

всего как сохранение суверенитета России, а не как запал мировой революции, отменяющей все суверенитеты. Как тут не вспомнить замечательного русского публициста М. О. Меньшикова, за полтора десятка лет до Октябрьской революции написавшего, что “если не произойдёт какой-нибудь смены энергий, если тягостный процесс подражания Европе разовьётся дальше (а именно в этом направлении толкали Россию февралисты. — А. Ф.), то Россия рискует быть разорванной без выстрела”*. Смена энергий и есть революция.

Едва ли Сталин с самого начала был стопроцентным государственным, как это пытаются доказать его апологеты; однако в любом случае он акцентировал бóльшую важность происходящего в России, чем “в европах” и на мировом уровне. Это и была позиция группы Фиолетова, в которую одно время входил Сталин, в борьбе с командой Ленина за то, кто в закатно-самодержавной России должен руководить революционным подпольем — зарубежный ЦК во главе с Лениным, т. е. “люди неместные”, или те, кто действует в стране. Позднее сначала логика борьбы за власть и обстоятельства, а затем функция генсека, т. е. руководителя партаппарата сделает Сталина противником мировой революции и сторонником “социализма в одной, отдельно взятой стране”, т. е. импер-социалистом, цель которого не Земшарная республика, а “Красная империя”.

В ситуации 1917 г. логика военных патриотов, толкнувшая их к союзу с большевиками, которые, конечно же, не могли им быть сколько-нибудь симпатичны (равно как и англосаксы, в которых они совершенно верно видели главных врагов России, хуже вражды с которыми только одно — дружба), безупречна: они понимали, что “временные” страну не удержат и что “слазь” им скажут именно левые — дело идёт к революции левых сил, причём вовсе не самых умеренных. В этой ситуации было логично попытаться спасти страну от распада и превращения отдельных её кусков в полукolonии стран Запада, войдя в контакт с теми левыми, которые минимально контактировали с Западом, не были замечены в участии в “двойной субъектности”, а поэтому представлялись не просто наименьшим злом, а возможным партнёром или, как минимум, орудием против внешне-внутренних двойных субъектов. Одни, сами по себе военные с решением этой задачи не справились бы. Двойные субъекты посредством российского сегмента мобилизовали массы, массовое движение, противопоставить которому можно было только массовое же движение, а оно контролировалось различными левыми. Значит, надо было искать союзников среди них и создавать с ними двойного субъекта, только чисто внутреннего. Что и было сделано весной-летом 1917 года. И неважно, что военных вряд ли было много — много для переворота и не надо, будь то 1740, 1762 или 1917 г.: потребны нужные люди в нужном месте в нужный момент. Они обеспечивают первое движение, первый шаг, а затем срабатывает инерция, нарастающий и с определённого момента неостановимый ком событий.

И последнее по счёту, но не по значению. В 1917 г. ни в феврале, ни в октябре никакой переворот не мог быть совершён без участия военных. Разница между Февралём и Октябрём заключалась в том, что в первом случае военные были частью внутренне-внешнего двойного субъекта, а во втором — сугубо внутреннего. Кстати, в пользу схемы Стрижака косвенно свидетельствуют следующие факты: на II Съезде Советов, проходившем во время низложения Временного правительства, весьма информированный Ю. О. Мартов прямо охарактеризовал ситуацию как “военный заговор за спиной съезда”, а ещё раньше, летом 1917 г. не менее информированный И. Г. Церетели обвинил руководство большевиков в связях с генералами.

... Когда-то Свифт решил написать пародию на книгу своего политическо-го и спецслужбистского противника У. Дефо Робинзон Крузо”. Результат против воли автора оказался не пародией, а потрясающим романом для детей и взрослых “Путешествия Гулливера”. Можно сказать, что аналогичным образом интеллектуальная “фантазия на заданную тему” Стрижака, каков бы ни был его первоначальный замысел, обернулась убедительной картиной революции, вычисленная, так сказать, “на кончике пера”. И картина эта не более, а скорее менее фантастична, чем те, что рисуют отечественные и западные историки.

* Меньшиков М. О. Кончина века // Меньшиков М. О. Выше свободы. Статьи о России. М.: Современный писатель, 1998. С. 30.

Поддержавшие большевиков военные настаивали на немедленном мире с Германией, что не устраивало ни Антанту, ни США: им нужно было, чтобы две сотни немецких дивизий оставались на Восточном фронте. Тот факт, что именно Троцкий поехал в Брест-Литовск в качестве главы делегации Советской России, и то, что ему на два месяца удалось затянуть переговоры, говорит о том, что после Октября его группировка начала отвоёвывать позиции. После заключения Брестского договора Троцкий (по-видимому, при временной тактической поддержке ещё одного “проамериканца” Я. М. Свердлова) развёртывает мощное наступление на позиции военных, Сталина и Ленина.

Как известно, 9–10 марта 1918 г. советское правительство во главе с Лениным переехало, а по сути, бежало из Петрограда от его рабочих и матросов в Москву. Однако часть его, в том числе Троцкий и ряд персон из его команды, оставались в Петрограде. 11 марта Ленину за подписью одного из ближайших соратников Троцкого А. А. Иоффе была отправлена телеграмма. В ней говорилось, что задержавшейся в Питере частью ЦК было единогласно принято предложение Иоффе назначить Троцкого наркомом по военным делам. А далее следовала фраза: “Политическое значение того неизмеримо, особенно в Англии и Франции” (подчеркнуто мной. – А. Ф.). Показательно, что из Петрограда в Москву Троцкий выезжал в одном поезде с британской миссией. И интерес внешне-внутреннего “двойника”, и связи с британцами налицо.

19 марта 1918 г. М. Д. Бонч-Бруевич был смещён с его должности, и её занял Троцкий. И хотя Бонч остался начштаба Высшего Военсовета, реальная военная власть оказалась в руках Троцкого, а генералы-державники и Сталин были отодвинуты. В это же время в Москве Свердлов подминает под себя организационно-административную сферу, существенно потеснив Ленина, положение которого начинает напоминать декорацию.

Заняв стратегические властные позиции, Троцкий совершает двухходовку, которая ввергла Россию в Гражданскую войну. Эта война была совершенно не нужна тем, кто совершал Октябрьский переворот, но она была нужна двойному внешне-внутреннему субъекту, коллективному Западу, стремящемуся разорвать Россию на части, – в данном случае интересы США, Великобритании и Франции совпали. Ну а Троцкий Гражданскую войну в России рассматривал как этап в развитии мировой перманентной революции, куда он, да и Ленин сотоварищи готовы были швырнуть Россию в качестве хвороста, а русских – в качестве пушечного мяса. В конце 1917 г. Ленин откровенно заявил своему знакомцу Г. А. Соломону: “Дело не в России, на неё, господа хорошие, мне наплевать, это только этап, через который мы проходим к мировой революции”. Более того, как заметил в одной из бесед с Ф. Чуевым В. Молотов, главную опасность для большевизма Ленин видел в “великорусском шовинизме”. Если учесть, что для Ленина большевизм это то, что работает на мировую революцию, на левоглобалистский проект, то становится ясно, угрозу чему он видит в так называемом “великорусском шовинизме” “угнетающей нации” – и это при том, что в Российской империи русские никогда не были угнетающей нацией.

Подобный подход к русским разделяли Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и вообще все интернационал-социалисты, адепты мировой революции, включённые в различные формы двойной – внутренне-внешней – субъектности и являющиеся частью двойных субъектов. Именно в соответствии с интересами такого субъекта Троцкий в конце мая 1918 г. и предпринял первый шаг двухходовки, которая и привела к Гражданской войне. Этому предшествовали следующие события.

Для установления контроля над Россией, её расчленения государствам Запада нужно было ввести свои войска на русскую территорию. Однако большевики не торопились приглашать иностранную воинские контингенты, чего добивались прежде всего британцы и американцы. Война с Германией закончилась, и приглашение англосаксов и французов могло иметь место только в случае возобновления войны, чего Ленин и другие старались избежать всеми силами. Тогда британцы предъявили ультиматум: Советская Россия обязана принять их военную помощь. 1 мая 1918 г. Вайзман отправил полковнику Хаузу (смотрящему от Барухов за внешней и внутренней политикой США) шифrogramму следующего содержания: “Если мы решим, что Троцкий не хочет

или не может пригласить нас, то мы можем призвать Керенского и других деятелей первоначальной республиканской революции, побудить их образовать правительственный комитет в Маньчжурии и делать то, чего Троцкий не пожелал или не смог бы сделать”.

Это важный документ, указывающий на две вещи. Во-первых, британцы уверены: они могут элементарно создать новое российское правительство, легко поменяв Троцкого на Керенского и, начав интервенцию, посадить Керенского во главе одного из марионеточных государств, на которые они планировали расколоть Россию. Во-вторых, подразумевается, что именно Троцкий решает в советском руководстве важнейшие проблемы. Однако Троцкий, до этого фактически пригласивший британцев на север России (Мурманск, Архангельск), при всей его власти не был всемогущим: 5 мая Ленин и его команда переиграли Льва Давидовича: Совнарком отклонил британский ультиматум и принял немецкий (немцы пригрозили жёсткими действиями в случае появления контингента Антанты в России). Думаю, именно эта позиция Ленина решила его судьбу в глазах британцев, и именно с этим связано покушение на него в августе 1918 г.

Проблему интервенции Троцкий всё же решил, спровоцировав выступление чехословацкого корпуса. Дело обстояло так. В 1916–1917 гг. из пленных чехов и словаков – подданных Австро-Венгерской империи, готовых сражаться против неё, был создан Чехословацкий корпус. После заключения Брестского мира, чтобы не попасть к австро-венграм и не быть повешенными за измену, корпус выдвинулся вглубь России. В марте 1918 г. было решено отправить его во Францию через Сибирь, Тихий океан, США и Атлантику. На апрель–май 1918 г. около 10 тыс. чехословаков было в Пензе, столько же – в районе Челябинска и около 25 тыс. было разбросано на всём протяжении между двумя этими пунктами. Таким образом, под потенциальным контролем корпуса оказалась стратегически важная Урало-Сибирская железнодорожная магистраль.

Англосаксы и французы упустить такой шанс не могли. 11 мая британский правительственный комитет рекомендовал странам Антанты не выводить чехословаков из России, обеспечить их оружием и использовать в качестве интервенционистских сил союзников, тем более что корпус числился как часть французской армии. 14 мая в Челябинске произошло столкновение между чехами и возвращавшимися по условиям Брестского мира из лагерей венграми. 20 мая создаётся Военный совет всего Чехословацкого корпуса; ясно, что достаточно искры – и полыхнёт. Искру обеспечил Троцкий. 25 мая он издаёт приказ о разоружении Чехословацкого корпуса, в котором говорится: “Каждый чехословак, найденный вооружённым... должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором найден хотя бы один вооружённый солдат, должен быть выгружен из вагонов и заключён в концлагерь”.

Это поразительный документ. Во-первых, Троцкий, известный своей ориентацией на Антанту, на США, постоянно играющий в их пользу, известный как антигерманский и антиавстро-венгерский деятель, издаёт приказ, направленный против одного из корпусов армии Антанты! Во-вторых, Троцкий не мог не понимать, какую реакцию вызовет у почти 50 тысяч хорошо вооружённых людей его приказ – сопротивление. В-третьих, он не мог не знать и не понимать, что из-за слабости советской власти в городах Урала и Сибири приказ некому выполнять, а попытка его выполнить может привести к свержению власти большевиков в регионе. Так оно и вышло. 26 мая начался мятеж Чехословацкого корпуса. Советская власть была свергнута на огромном пространстве, а корпус получил команду от военного руководства Антанты и США установить контроль над Транссибирской магистралью. Мало того, мятеж стал сигналом к антибольшевистским восстаниям казачества от Забайкалья до Урала. Поднялся Дон, и, воспользовавшись этим, А. И. Деникин начал наступление на Кубань и Ставрополье.

Если в начале мая казалось, что Гражданская война затухает и вот-вот закончится, то в начале июня она уже полыхала почти по всей стране, разрывая её на части к глубокому удовлетворению Запада, который использовал мятеж чехословаков. Представители Антанты заявили, что чехам грозит гибель (это при том, что те уже разгромили всех, кто мог оказать им сопротивление) и необходима интервенция союзников. В результате в июле в Сибири оказалось почти 5 тыс. европейцев, почти 12 тыс. американцев и канадцев и 70 тыс.

японцев. Началась интервенция и в европейской части России. Интервенция и Гражданская война были необходимым условием раздела России.

Гражданская война, вспыхнувшая в результате чехословацкого мятежа, рассекала Россию на части по горизонтали, географически, по регионам. Для полного эффекта и необходимо было “вертикальное измерение”, раскалывающее страну по социальному признаку и вдобавок стравливавшее город и деревню. Это тоже было исполнено, и большую роль в этом сыграл всё тот же Лев Давидович.

13 мая 1918 г. ВЦИК и СНК издали Декрет о чрезвычайных полномочиях (по борьбе с кулачеством и укрывателями хлеба) наркома по продовольствию. Наркомпрод А. Д. Цюрупа прямо говорил об объявлении войны “деревенской буржуазии”, в которую автоматически записали и середняка. Ясно, что ни середняки, ни зажиточные крестьяне буржуазией не были — декрет сознательно провоцировал социальный конфликт в деревне. 4 июля 1918 г. Троцкий заявил: “Наша партия за гражданскую войну. Гражданская война упёрлась в хлеб. Да здравствует гражданская война!”. А всего двумя неделями раньше, выступая во ВЦИК с докладом об организации комитетов бедноты (комбедов), Свердлов тоже с максимальной откровенностью заявил: “Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, что шла не так давно в городах... только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне сделаем то, что смогли сделать для городов”. Естественно, Гражданская война и запылилась повсеместно. Так и вспоминается фраза из поп-оперы “Jesus Christ Superstar” (“Иисус Христос — суперзвезда”): “Well done, Judas” (“Хорошо сработано, Иуда”).

Пройдёт всего лишь год и, оказавшись в аховом положении (Деникин развернул своё наступление), большевики на VIII съезде РКП(б) будут вынуждены повернуться к середняку, однако это будет в ходе Гражданской войны, развязанной в интересах внешне-внутреннего (российско-западного) субъекта.

Лето 1918 г. выдалось необыкновенным: первые радости революции сменились поражениями и угрозой свержения большевистского режима. Нарастала борьба различных группировок в руководстве ВКП(б) и самих по себе, и как “сегментов” различных двойных субъектов. Момент истины наступил в июле-августе: так называемым “левозсеровским мятежом”, якобы расстрелом царской семьи (якобы — потому что трупы не предъявлены; расстреляли, скорее всего, не там и не тогда, но это отдельная тема) и вполне очевидное покушение на Ленина, приписанное Фанни Каплан с её зрением “минус восемнадцать”. На мой взгляд, ясно, что Ленина (и его правительство) пытались устранить так же, как за десять месяцев до этого устранили Керенского и Временное правительство — только путём не переворота, а политического убийства. Обломилось. Ленин выжил. В Москву примчался Троцкий, Свердлов через полгода умер при странных обстоятельствах, а в противовес Троцкому начал подниматься Сталин. Точнее, начали поднимать Сталина — в этом были заинтересованы и Ленин с его группой в противовостоянии Троцкому и его команде, и военные, ясно как относившиеся к большей части этой мишпухи. Ясно также, что военные были против “мировой революции”, им нужна была российская держава. Однако эта позиция в виде сталинского курса на построение “социализма в одной, отдельно взятой стране”, опровергающего важнейшее положение Маркса, разделявшееся Лениным и Троцким, а также их учителем (во многих отношениях) А. Л. Парвусом (И. Л. Гельфандом), торжествует только в середине 1920-х годов, когда закончится Гражданская война (1921 г.), начнётся нэп (1921 г.), возникнет СССР (1922 г.), провалится революция в Германии (1923 г.), умрёт Ленин (1924 г.), а триумvirат Зиновьев — Каменев — Сталин нанесёт поражение Троцкому (1924, 1925 гг.).

Это поражение будет нанесено уже после окончания Гражданской войны. Именно она продемонстрирует то, что Гегель называл “коварством истории”, и, развязанная одними (буржуинами) для расчленения России, а другими (интернационал-социалистами) — для развёртывания мировой революции, неожиданным образом сорвёт планы и тех и других, позволит вместо мировой революции выковать социалистическое государство в одной, отдельно взятой стране. И ещё одно проявление коварства истории: против своих воли и желания, неожиданно для себя самих большую роль в срыве этих планов сыграют белые, их сопротивление большевикам — в этом, по-видимому, и заключается

их большой и важный вклад в восстановление исторической России. Суть в следующем.

По замыслу правых глобалистов Гражданская война в России должна была покончить с Россией, по замыслу левых глобалистов – стать фитилём мировой революции. Замысел провалился. Разумеется, решающую роль в этом сыграл сам большевистский режим, который, будучи исходно ориентирован на мировую революцию, оказался способен трансформироваться в структуру государственного типа, благо стержень имелся – РКП(б) и её “боевой отряд” ВЧК, а во главе аппаратов партии и ВЧК стояли импер-социалисты Сталин и Дзержинский. Разумеется также, что свою роль сыграли определённые исторические обстоятельства, сработавшие на режим и Красную армию. Однако большую роль сыграло само существование белых, с которыми режиму пришлось вести войну и которые заставили большевиков ради красной победы работать над созданием государственности, государства и его атрибутов, т. е. заниматься тем, чем они в соответствии с мир-революционными планами интернационал-социалистической верхушки всерьёз заниматься не собирались.

Трёхлетнее сопротивление белых, в разы уступавших красным по численности и ресурсам, имевших всего лишь половину прежнего офицерского корпуса (половина была у красных) поразительно. Тем более поразительно, что белые дважды – с колчаковским и особенно с денкинским наступлениями – были близки к победе, которая, конечно же, не устраивала западных союзников, игравших и с белыми, и с красными и работавших на развал России. На предложение западных держав провести на Принцевых островах мирные переговоры и поделить Россию на красную и белую части большевики ответили согласием (на Россию, как мы помним, лениным-троцким было плевать, они стремились к мировой революции, пожар которой можно было вполне раздуть из одной части страны), а белые с их идеей “единой и неделимой России”, столь раздражавшей союзников, отказались, и война продолжилась.

Да, у белых не было своего проекта будущего России, политически они были людьми XIX в. (большевики – людьми XX в.), им нечего было предложить России кроме бессмысленного непредрешенчества, у них не было Идеи (опять-таки, в отличие от большевиков). Однако своей упорной борьбой – их “прощальным поклоном” русской истории – они сработали на неё, заставили большевиков “менять кожу”: создавать государство, превращать партийный аппарат в партийно-государственный, в результате чего появился большой слой лиц, заинтересованных не в мировой революции, а в стабильном функционировании государства и его аппарата. За время Гражданской войны произошла не только милитаризация партии, но и максимальная централизация и иерархизация.

“В 1920 г. были образованы в ЦК и губкомах РКП(б) учётно-распределительные отделы. Они стали первыми органами, специально занимавшимися выдвиганием и перемещением ответственных партийных работников, а также учётом кадров”*. В 1922 г. деятельность учраспредов была распространена на государственное управление, по сути это было рождение номенклатуры – господствующего слоя СССР. В 1989 г. комиссия Н. И. Рыжкова упразднит номенклатуру, верхушка которой, однако, успеет к этому времени сдать систему и страну глобалистам Запада, устремившись по пути превращения в собственников. Парадокс: слой, который в 1920–1930-е годы в силу своего возникновения и существования встал на пути превращения России/СССР в расходный материал и периферию мировой революции левых глобалистов, в конце 1980-х годов сдал страну правым глобалистам: sic transit... Иными словами, к концу Гражданской войны и в канун превращения Советской России в СССР большевистский режим превратился в мощный партийно-государственный аппарат со своими внутренними интересами – и это был результат Гражданской войны, иначе белых было не победить.

Х

В 1923 г. произошли два события. Событие № 1: потерпела поражение, а по сути провалилась, не начавшись, подготавливаемая из Москвы революция в Германии. Готово было всё: деньги, оружие и даже списки на аресты

* Восленский М. С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 86.

и расстрелы. Подкачали структуры, организация, люди. Жена одного из наиболее серьёзных “серых кардиналов” советской истории Отто Куусинена (1881–1964; автор Устава Коминтерна; разработчик плана революции в Германии; автор речи Г. Димитрова на суде; вдохновитель доклада Н. С. Хрущёва “О культе личности Сталина”) весьма информированная А. Куусинен пишет, что причиной срыва плана стало то, что один из главных организаторов событий в Германии К. Радек и его сожительница, небезызвестная Л. Рейснер, не посоветовавшись с Москвой, в последний момент решили изменить план. “Они отдали приказ отложить революцию на три месяца. Посоветовавшись с коммунистами – сторонниками председателя компартии Германии Брандлера, они пришли к выводу, что в стране ещё не созрела революционная ситуация и не все районы готовы к революции. В ходе обсуждения выяснилось, что была допущена грубейшая ошибка: Тельману ничего не сообщили об этом внезапном решении, поэтому он, придерживаясь первоначального плана, пытался в Гамбурге захватить полицейский участок и другие объекты. Он был уверен, что такие же вооружённые захваты идут в Берлине и других крупных городах.

Главными виновниками в конце концов оказались Радек и его подруга. Отто Куусинен, принимавший непосредственное участие в подготовке этой неудачной революции, вышел, как всегда, сухим из воды. Он был достаточно осторожен, принимая участие в рискованных предпрятиях. Составленный им план восстания Отто из осторожности дал на подпись Зиновьеву, председателю Исполкома. Однако не следует думать, что Отто оставался в тени из скромности или из-за отсутствия честолюбия.

Причины неудачи в Германии Отто обдумывал не один год. Казалось бы, всё в 1923 году соответствовало ленинской теории, были налицо все предпосылки для революции. И – провал. Лишь много лет спустя Отто пришёл к выводу, что причина неудачи – в руководителях. Те просто перетрусили. Отто считал, что Лениным была недостаточно продумана роль руководителей и функционеров при подготовке и проведении революции.

Так неожиданно мертворождённая революция в Германии стала переломным моментом в истории Коминтерна. Пришлось до основания пересматривать саму стратегию^{*}. Были ли причиной провала Германской революции, который, кстати, совпал с провалом Пивного путча в Мюнхене (совпадение?) только глупость, ошибочные решения, за которыми легко скрыть контрплан? Работали ли Радек и Рейснер на кого-то ещё, кроме Коминтерна? Мы этого не знаем. Важно, однако, что в 1923 г. левые глобалисты получили удар, от которого выиграла, с одной стороны, верхушка Запада, с другой – команда Сталина с её аппаратными (партийно-государственными) установками на строительство социализма в СССР. Им победа революции в Германии ничего хорошего не сулила, напротив, существенно укрепляла позиции интернационал-социалистов, перебивавшихся в Берлин или Гамбург как столицу Дивного Нового Мира победившей европейской революции. В любом случае Германия, Запад оказались не по зубам левым глобалистам. Но в это же время не по зубам Большой системе “Капитализм” оказалась Большая система “Россия” (СССР). Здесь имеет смысл сказать несколько слов о том, кто выиграл и в какой степени в событиях 1917–1923 гг. Как отмечает А. Г. Мосякин: “Шахматную партию с магнатами Уолл-стрит большевистские вожди выиграли. Создатели АИС и её “гуманитарной” миссии не смогли экономически закабалить Россию, как хотели, хотя вывезли сотни тонн русского золота и тем выполнили свою программу-минимум. А вот Ленин сотоварищи выполнили программу-максимум: спасли свою власть и начали строительство “нового мира” в России и на Земле, пожертвовав ради этого золотом. Если бы большевики, подобно Мефистофелю, не манили Запад “солнечным металлом” и не жертвовали им, они бы власти не удержали. Ведь чтобы свергнуть большевиков, Западу достаточно было всерьёз помочь белым силам. Но западные державы этого не делали, потому что русское золото (и “колчаковское”, и “ленинское”) и так текло в их закрома. От добра – добра не искали, а потом уже было поздно. Откупаясь золотом, большевики выиграли время, а вместе с ним выиграли для себя Россию. Это была поистине фаустовская сделка: **золото – в обмен на власть**, которую большевики **купили**. А библейских

^{*} Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. Воспоминания 1919–1965. Петрозаводск: Карелия, 1991. С. 54–55.

масштабов гражданская война, громывшая на бескрайних просторах России, была декорацией этого закулисного исторического спектакля”.

Здесь необходимо внести уточнение: Ленин и К^о выиграли только начало первого тайма. Решающую победу одержал Сталин, ставший диалектическим отрицанием линий и Троцкого, и Ленина; продолжение курса этих двух интернационал-социалистов с неизбежностью вело антикапиталистическую Россию к поражению и краху. Сталин сумел создать не коминтерновское, а просоветское лобби за рубежом, включая США, и активно использовал его в интересах СССР. Именно это не может простить Сталину Запад, именно поэтому немногo лучше относится к Ленину и Троцкому: оба – глобалисты, а второй вообще почти свой (впрочем, смерть последнего была весьма удобна для американцев, начавших в 1940 г. на всякий случай игры с Керенским – Троцкий для этих игр не годился и в них не вписывался).

Если же говорить о Ленине, то его историческая деятельность закончилась двойным поражением. Во-первых, не произошло никакой мировой революции, на которую он работал. Более того, логика сохранения себя, своей партии и власти заставила Ленина и вообще интернационал-социалистов вопреки их исходному замыслу, сражаясь в гражданской войне, укреплять советскую государственность как субстанцию и советское государство как её функцию и форму. Во-вторых, вместо мировой революции возникло то, к чему Ленин никогда не стремился, – отдельно взятое социалистическое государство, “Красная империя”. Неудивительно, что в последние два года жизни Ленин так сблизился с Троцким и предложил ему союз против Сталина – союз двух мир-революционеров против антикапиталистического государственника. В Большой криптоисторической игре 1917–1927–1939 гг. победили Сталин со товарищи и боровшиеся в имперские времена с интернационал-социалистами контрразведчики. А Ленин оказался гениальным лузером, как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд. Но, как пел Остап Бендер (в исполнении Андрея Миронова) в советском телефильме “12 стульев”: “Вы оцените красоту игры”. Нельзя не оценить масштаб русских земшарников, прежде всего Ленина. Без их усилий, расшатывавших и уже качавшееся гнилое самодержавие, и мир капитализма, площадка для реализации Красного проекта, для строительства “Красной империи” не возникла бы. И, конечно же, нельзя не оценить идейность лучших из них, помня, однако, что она была тесно связана с жаждой Власти – тотальной власти.

“Ленинский грабёж” по иронии (или коварству) Истории сработал не на мировую революцию, а на триумф СССР как альтернативной капитализму мировой системы. Через 20 лет после начала грабежа СССР превратился в мировую военно-промышленную державу № 2, добившись во многих отношениях автаркии от капиталистического мира, впрочем, во многом с помощью этого мира, решавшего таким образом свои проблемы. Через 20 лет после начала в 1992 г. “ельцинского грабежа” РФ оказалась сырьевым придатком Запада (как и Российская империя начала ХХ в.) с туманными, мягко говоря, перспективами развития. Сегодня, в год столетия Октябрьской революции, отказ от сырьевой специализации и, следовательно, прекращение зависимости от Запада – это до сих пор предмет не дела, а разговоров с неясным исходом. “Ленинский грабёж” России соединил золото с Идеей; у “ельцинского грабежа” никакой идеи не было – достаточно посмотреть на лица Ельцина и многих из его окружения: персонажи Гоголя и Салтыкова-Щедрина отдыхают.

“Ленин грезил о мировой революции, а Сталин вершил мировую политику”, – пишет по этому поводу А. Г. Мосякин.

Но вернёмся в 1923 г., к событию № 2.

За полгода до германского казуса, в апреле на XII съезде РКП(б) по предложению Сталина деятельность Учраспредов была распространена вообще на все области управления и хозяйства, а в 1924 г. Учраспред слился с оргинструкторским отделом ЦК. Возникший в результате этого Орграспред во главе с верным сталинцем Л. Кагановичем начал формировать партийную, государственную и хозяйственную номенклатуру.

Если учесть, что ещё почти за два года до этого, в августе 1922 г., партаппарат, подчинённый секретариату ЦК, т. е. генсеку (с апреля 1922 г.) Сталину, насчитывал 15 325 человек (к ним следует добавить 12 тыс. сотрудников Оргбюро и Рабкринна – организаций, столь раздражавших Ленина) и что после запрета на X съезде (1921 г.) фракций в РКП(б) именно секретариат стал

самой могущественной организацией в партии, то мощь советской партийно-государственной власти в России к исходу и в результате Гражданской войны, развязанной для ослабления и уничтожения именно этого типа власти, очевидна. И мощь эта не могла не настораживать интернационал-социалистов, сближение с конца 1922 г. Троцкого и больного Ленина (по инициативе последнего) на антибюрократической/антисталинской основе не случайно: левые глобалисты готовились дать бой. Но Германская революция провалилась, Ленин умер, и в течение трёх лет до ноября 1927 г. Троцкому пришлось действовать сначала в одиночку, а затем в союзе с Зиновьевым и Каменевым. Однако этим мир-революционерам противостоял постоянно растущий партгосаппарат, нацеленный на сохранение и укрепление своих позиций, а следовательно, не на мировую революцию, а на строительство социализма “в одной, отдельно взятой стране”. Партаппарат рос вместе со стремительным ростом численности партии: в 1925 г. там было уже не 15 тыс., а 25 тыс. сотрудников. Стремительно рос и госаппарат: если в 1921 г. в нём насчитывалось 2 666 тыс. человек, то в 1927 г. — 3 722 тыс. (из них собственно административно-управленческая часть — 2 млн).

Запущенная ленинскими-троцкистами-свердловскими и другими интернационал-социалистами (при всём различии Ленина и Троцкого) Гражданская война породила не мировую революцию, а гиганта, который под названием партгосударство СССР уничтожил “инженеров мировой революции”, не позволив им запустить их “гиперболоид”. Именно в 1927 г. была подведена черта под интернационал-социалистической фазой революции. На 7 ноября — день рождения Троцкого и 10-летия Октябрьского переворота, который до 1936 г. именовали ещё и праздником Первого дня мировой революции, — было запланировано выступление сторонников Троцкого в Москве, Ленинграде и Харькове. Главное место уделялось Москве. Однако рано утром по городу с шашками наголо прошли кавалерийские части под командованием Будённого, что весьма охладило пыл заговорщиков и сократило число активистов. Остальное доделали сотрудники ОГПУ.

Несмотря на то, что интернационал-социалисты, связанные с Западом и включённые в международные сети межэлитного взаимодействия поверх барьеров “капитализм-социализм”, потерпели поражение, “левоглобалистское родимое пятно” или, если угодно, “левоглобалистская родовая травма”, сопровождавшая возникновение большевистской партии, никуда не делась. Тем более что продолжал существовать оплот левых глобалистов Коминтерн, с руководством которого Сталину пришлось побороться в 1930-е годы. Коминтерн был тесно связан с элитными организациями Запада (в частности, с фабианцами). Показательно, что западные спецслужбы, например, британская, чётко отличали коминтерновскую разведку от советской, сотрудничая с первой, но не со второй. Сохранявшаяся в качестве левоглобалистского наследия включённость (пусть небольшой части) советской элиты в сети мирового межэлитного взаимодействия, подавленный, но не искоренённый по объективным причинам (идеология, история партии и т. п.) “левоглобалистский уклон” сохранился и после роспуска Коминтерна в 1943 г., впрочем, такие “сгустки” энергии (деньги, влияние) и информации (организация, информпотоки) никогда не исчезают — они трансформируются и продолжают существовать в скрытом виде, как, например, Четвёртый рейх, но это отдельная тема.

Более того, левоглобалистский “уклон” не только сохранился, но после смерти Сталина по мере ослабления “партийно-государственного” центровых системы начал набирать силу, проявляясь в различных сферах — от внешней политики, внутренней политики (особенно в области национальных отношений — “дурной интернационализм”) до искусства. Необходимо подчеркнуть, что послевоенный, иной, чем коминтерновский и не столь враждебный по отношению к капитализму и к буржуазии, к Западу в целом, а скорее примирительный (“давайте жить дружно”) глобализм в советском руководстве прорастал и нарастал по мере затухания народного социализма, его превращения в номенклатурный социализм, а самой номенклатуры — в квазикласс. Решающую роль в этом сыграли, по-видимому, О. Куусинен и подобранные им кадры, включая два десятка “советников вождей”, которые, будучи антисталинистами, повёрнутыми в сторону Запада и “мировых проблем” (глобализм), обслуживали советских вождей, начиная с Брежнева и заканчивая Горбачёвым, — ясно, что они вкладывали в малоизвилисто-мозговые головы генсеков.

Но вернёмся во времена русской революции в широком смысле слова (1917–1939 гг.; в узком смысле – 1917–1921 гг.).

В 1927 г. закончилась интернационал-социалистическая фаза и началась другая – назовём её “импер-социалистической” (“национал-большевизм” – неудачный термин: большевики проводили не национально-, а интернационально-государственный курс – наследие, “мёртвая рука” интернационал-социализма). Новая фаза, помимо прочего, предполагала решение аграрно-крестьянского вопроса, который остро возник в 1860-е годы и который самодержавие решить не смогло. Теперь советская система должна была расплачиваться не только по своим историческим счетам, но и по счетам самодержавия, причём делать это очень быстро: как сказал в 1931 г. Сталин, если мы за 10 лет не пробежим тот путь, который Запад прошёл за 100 лет, нас сомнут.

Исторический счёт большевистского режима в данном контексте заключается в следующем. В Гражданской войне параллельным курсом, порой пересекаясь, шли два процесса: “революция комиссаров” и “революция крестьян”. К 1920 г. крестьяне вернули в общинную собственность почти всю землю, утраченную общинами во время столыпинской реформы (привет самодержавию!), а в 1921 г. прокатившаяся по стране волна крестьянских восстаний вынудила большевиков пойти на “Брестский мир с собственным народом” и ввести нэп (привет Совдепии!).

Как сказал Ленин, крестьян, в отличие от помещиков, нельзя прогнать, с ними надо ужиться. Впрочем, он сразу же предупредил, что со временем режим вернётся к террору, в том числе к террору физическому по отношению к крестьянам. Выяснение отношений между “революцией комиссаров” и “революцией крестьян” было отложено из-за слабости первых и из-за ведущейся борьбы команды Сталина с интернационал-социалистами, требовавшими разорвать “смычку пролетариата и крестьянства” (символически она была зафиксирована даже на советском рубле 1924 г.: рабочий, положив правую руку на плечо крестьянина, левой указывает ему на солнце, восходящее из-за гор над заводом) и превратить последнее во внутреннюю колонию. Пойти на это до разгрома “левого уклона” означало капитулировать перед Троцким и К^о по кардинальному вопросу. После 1927 г. два года ушло на борьбу с группой Бухарина, ну а после того, как в 1929 г. группа “правых” была разгромлена, а лидер “левых” Троцкий выслан из страны, можно было начинать коллективизацию: “комиссары” приступили к революционному окончательному решению крестьянского вопроса.

Именно этим началась импер-социалистическая фаза русской революции, которая продолжилась индустриализацией, проведённой с помощью американского капитала (который вложил в СССР после того, как британцы закрыли от него Британскую империю – 25% мирового рынка), острейшей борьбой Сталина с региональными баронами и коминтерновской элитой, получившей живое название “сталинских репрессий”, которая завершилась XVIII съездом ВКП(б) в марте 1939 г. 1939 год можно считать окончанием Большой русской революции, начавшейся в 1917 г. и одновременно концом Большой русской смуты, стартовавшей в 1861 г. Сам же Октябрь 1917-го – это Момент Истины всей русской смутореволюции, развязавший узлы прошлого и завязавший узлы будущего. Это триумф внутреннего двойного субъекта над внешне-внутренними. И неважно, что ему пришлось почти на десять лет отступить под натиском интернационал-социалистов – десятилетие Октября было отмечено его победой и началом новой фазы борьбы, завершившейся в 1939 г.

XI

Теперь имеет смысл взглянуть на Октябрь и русскую революцию в контексте Большой Истории России с посленаполеоновских времён, когда Россия, во-первых, стала сверхдержавой № 2 тогдашнего мира и, во-вторых, начала испытывать серьёзное осязаемое деформирующее влияние капиталистической системы, усиливавшее и ускорявшее процесс разложения самодержавно-крепостнической системы.

Николай I пытался подморозить начавшую гнить самодержавную систему (повторю: этот процесс стремительно ускорился в результате воздействия на имманентно некапиталистическое общество западного капитализма).

Ему удалось это сделать на целых 30 лет. Александр II своими реформами заморозил одновременно и Россию и кризис. Вся история пореформенной России – это нарастающий кризис, вывести из которого Россию удалось импер-социалистам Сталина, начав этот процесс в 1927–1929 гг. Реальным выведением из кризиса мог быть посткапитализм, т. е. коммунизм, однако “низкий старт” с аграрно-индустриальной основы позволил создать лишь системный антикапитализм, который при условии создания определённой материально-технической базы должен был со временем превратиться в посткапитализм. Не как подготовка к посткапитализму, а сам по себе антикапитализм был подморожением кризиса, в котором почти 70 лет варилась Россия. Однако в отличие от николаевского подморожения, консервативного и оборонительного, сталинское было революционным, наступательным и созидательным – мы до сих пор живём на его фундаменте и греемся у его костра. “Заморозка” продлилась тоже 30 лет – до 1957 г., когда произошёл разгром хрущёвцами так называемой “антипартийной группы”, представленной сталинским поколением руководителей и воплощающий народный социализм (при всех его эксцессах, о которых нельзя забывать) и перехода к номенклатурному социализму; форма перехода – так называемая “оттепель”. Переход как кризис власти совпал с окончанием советского “экономического чуда” 1950-х годов и началом кризисных явлений в экономике, которые так и не были преодолены Советским Союзом и по наследству, только в ещё более тяжёлой форме, достались постсоветской РФ.

Если кризис СССР начался в конце 1950-х годов и продолжается до сих пор, то в 1967 г. стартовал процесс, который, будучи ещё более важным, этот кризис усугубил. В 1967 г., в год 50-летия Октябрьской революции, на июньском пленуме партноменклатура, исходя из своих квазиклассовых интересов, окончательно заблокировала возможность перехода от антикапитализма к посткапитализму* и вступила на путь, который привёл её к разрушению СССР и советской системы, к горбачёвщине и ельцинщине (“время загогулины”) – т. е. на путь контрреволюции.

Произошло это на фоне проявления результатов сверхнапряжения русско-го этноса в 1920–1950-е годы (“победитель не получает ничего”), этнопсихологической усталости, проводимого КПСС курса дурного интернационализма (советскость за счёт русских и РСФСР, с одной стороны, и стимулирование национального сознания, а на практике национализма в республиках – с другой) и ликвидации народного социализма, который номенклатура в 1961 г. обещала заменить социалистическим обществом массового потребления. Если время 1917–1967 гг. было восходящей эпохой исторической России, торжеством вертикального аттрактора, то в следующее пятидесятилетие горизонтально-застойный аттрактор быстро сменился деградационным с катастрофическими результатами к 100-летию Великого (никуда не денешься) Октября.

В 1960–1980-е годы с СССР, советской номенклатурой произошло то самое перерождение, которое предсказывал Троцкий и которого так опасался Сталин. Можно только догадываться, что чувствовал вождь, понимая, к чему идёт дело, когда сопротивлялся проведению XIX съезда партии в 1952 г. и изменению названия с ВКП(б) на КПСС – выбрасывалось упоминание большевизма.

История советской номенклатуры – это борьба за превращение в квазикласс той группы, которую историческая Россия использовала в борьбе за самосохранение с глобалистами и которая по мере превращения в квазикласс – диалектика, или, если угодно, коварство Истории – двигалась в сторону сговора с глобалистами и сдачи им себя самой, системы и страны.

С удивительной периодичностью раз в 10 лет партноменклатура, рождённая революцией и Гражданской войной как выходом из смуткризиса 1860–1920-х годов, шла к превращению в квазикласс, а вместе с этим – к новому кризису. В 1937 г. номенклатура сорвала попытку Сталина внести в Конституцию положение об альтернативных выборах, т. е. создать широкую массовую социальную базу для народного социализма, таким образом, максимально затруднив, если не заблокировав, его перерождение сначала в номенклатурный социализм,

* Подр. см.: Фурсов А. И. “Это было недавно, это было давно”. Шестидесятые – переломная эпоха в истории СССР и мира // Раззаков Ф. И. 1960. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017. Т. 1. С. 6–53; Его же. Цепи настоящего, силы прошлого, битвы будущего // Фурсов А. И. Борьба вопросов. Психологическая война: Русское и мировое измерение. М.: Книжный мир, 2017 (в печати).

а затем в капитализм. Для верности партноменклатура решила подкрепить свои действия массовым террором и таким образом загнать Сталина в угол, а при возможности – устранить от власти. На массовый террор номенклатуры Сталин ответил выборочным террором по верхам. Вал террора был сбит, однако от своего предложения Сталину пришлось отказаться: слой, который он называл “проклятой кастой”, оказался сильнее, а народный социализм так и не получил столь необходимый ему правовой фундамент.

В 1947 г. номенклатура, используя сложную международную обстановку начинавшейся Холодной войны, спустила на тормозах разработку новых, более демократичных, чем прежние, документов – Конституции СССР и Устава ВКП(б).

В 1957 г. июньский пленум ЦК КПСС закончился разгромом “антипартийной группы”, т. е. руководителей партии и страны, строивших вместе со Сталиным народный социализм; номенклатура перешла к строительству своего социализма, народный социализм она заклеила как “сталинизм”.

В 1967 г. (июньский пленум) номенклатура окончательно отказалась от рывка в светлое посткапиталистическое будущее.

В 1977 г. из новой Конституции исчез термин “диктатура пролетариата”, он был заменён “общенародным государством”; в то же время была зафиксирована возрастающая роль КПСС, т. е. партноменклатуры. Номенклатурный социализм получил свою конституцию, однако жить ему осталось недолго: кто не идёт вперёд, катится назад.

В 1987 г. решениями июньского пленума ЦК КПСС был подписан смертный приговор советской экономике и, следовательно, системному антикапитализму и СССР, приведённый в исполнение “трёхчленом” “номенклатура–ГБ–теневой капитал”. Ну а пехоту, которую “трёхчлен”, подгоняемый Западом, бросил на штурм рушащихся бастионов советской системы, он черпал из диссидентско-сексотской клоаки. Вчерашние полудиссиденты, стукачи и фирмачи становились сегодняшними депутатами и реформаторами демократического разлива. На этой основе их из пешек проводили в фигуры – в законодательную и исполнительную власть, где их задачей было обеспечить разгосударствление (т. е. расхищение в особо крупных размерах) государственной собственности, экономики и передачу её жирных кусков в заранее назначенные руки. Одним из средств процесса была “криминальная революция” 1988–1998 гг., в ходе которой власть управляла криминалом с помощью приданных новым депутатам-демократам людей из спецструктур – интерлокеров *à la russe postsoviétique*.

В конце 1980-х годов номенклатура рванула к превращению в собственников в союзе с западным капиталом. И действительно, 70% представителей номенклатуры (в провинции – 80%), одновременно превратившись из “товарищей” в “господ” (многие даже, не побрезговав, озаботились получением у политических проходимцев и самозванцев дворянских титулов – как тут не вспомнить ножинское “опять наверх попёрла лабуда”), вошли в состав постсоветского господствующего класса – поразительная для русской истории преемственность при переходе от одной системы к другой. Впрочем, говорить о событиях 1991–1992 гг. как о системном переходе можно лишь формально. В реальности постсоветский социум есть не что иное, как вывернутый наизнанку “совок”, самовоспроизводящееся разложение позднесоветского общества, а сама РФ, по меткому выражению В. Цымбурского, – это “корпорация по утилизации России”. Утилизации совместно с западным капиталом – мечта глобалистов начала XX века осуществилась с помощью советских и постсоветских негодяев. Русская история, издав в 1991 г. неприличный звук и вывалив из себя дурно пахнущую, по нимашь, **загогулину**, сделала полный круг – от кризиса к кризису через революцию. Но ведь кризисы нередко завершаются революцией, и, как знать, не вызревает ли подспудно зеркальная схема: революция–кризис–революция? Тем более, что 100-летие Октября на носу, разморозка в духе 1860–1920-х годов заканчивается, а советское наследие почти проедено. Да и знаков на стене хватает – кто не слеп, тот видит. Ну что же, поживём – увидим: “блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые”. Тем более, что приходят они внезапно: ещё вчера ананасы и рябчики, а сегодня вот он – “юный Октябрь впереди”, празднование которого отменила постсоветская власть. Праздник отменить, конечно, можно. Это легко, это не страну поднять из руин, победить в страшной войне и послать человека в космос. Значительно труднее встать вровень с веком-волкодавом и попробовать на вкус настоящей борьбы – за Россию, за будущее, наконец, просто за человеческое достоинство.

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ВДОХНОВЕННАЯ ОШИБКА

“Пушкинская речь” Ф. М. Достоевского

“Пушкинская речь” — одно из самых известных произведений писателя. Но прочитана ли она с должной глубиной и ответственностью?

Ни одно из творений Достоевского не вызывало таких восторгов. Современники рисуют картину всеобщей экзальтации. Мемуарист Д. Н. Любимов вспоминал: “Зала точно замерла... Вдруг из задних рядов раздался истерический крик: “Вы разгадали!” (значение Пушкина. — А. К.). Вся зала встрепенулась. Послышались крики “Разгадали! Разгадали!”, гром рукоплесканий, какой-то гул, топот, какие-то женские визги”.

Не менее красочно описывает событие сам Фёдор Михайлович: “...Зала была как в истерике, когда я закончил, я не скажу тебе про рёв, про вопль восторга. Люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга: “Вы наш святой, вы наш пророк!” “Пророк, пророк!” — кричали в толпе... Я бросился спастись (так! — А. К.) за кулисы, но туда вломились из залы все, а главное женщины. Целовали мне руки... Прибежали студенты. Один из них, в слезах, упал передо мной в истерике на пол и лишился чувств”.

Реакция необычная, согласитесь. Тот же Д. Н. Любимов пишет: “Думаю, никогда стены московского Дворянского собрания ни до, ни после не оглашались такой бурей восторга”.

В чём причина неслыханного успеха? Из множества факторов (мастерское чтение Достоевского — его отмечали многие, патетический стиль самого текста и т. д.) я бы выделил два. Объективный и субъективный.

Сначала об объективном. Обращу внимание на время произнесения речи — 1880 год. Период для истории русской литературы рубежный. Три года ранее умер Н. Некрасов. Спустя год после пушкинских торжеств не станет самого Достоевского. В 1883 году умрёт И. Тургенев. В 1879-м Л. Толстой вчерне заканчивает “Исповедь”, где по существу отказывается от своих художественных произведений.

Завершался Золотой век русской литературы. Эпоха, в начале своём давшая А. Пушкина, Н. Гоголя, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, а в полноте сил — Л. Толстого, И. Тургенева, Ф. Достоевского. То было вершинное проявление национального духа, выше которого Россия ничего не дала.

Публика инстинктивно чувствовала значимость заканчивавшегося периода. Вопрос заключался в том, кто подведёт итог. Кто включит этот период в историю самых славных эпох всемирной литературы.

Это сделал Ф. М. Достоевский в “Пушкинской речи”: “...Мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения. Ведь

мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные. В искусстве, по крайней мере, в художественном творчестве, он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание”.

Обращаясь к творчеству Пушкина, Фёдор Михайлович не только уравнивал отечественную словесность с ведущими мировыми литературами, но и поставил, пусть в одном пункте, выше них: “В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении – Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такую способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин”.

Вроде бы преимущество не всеобъемлющее, но и самому Достоевскому, и его аудитории было ясно: оно ключевое: “Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное... Стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всеобъединяющей, вместить в неё с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой общей гармонии”.

“Изречь окончательное слово” европейской и мировой истории – было от чего восторженно взрывать не избалованной похвалами отечественной публике!

Не забудем и о факторе субъективном.

Первоначально открытие памятника Пушкину было намечено на 26 мая по старому стилю – день рождения поэта. В двадцатых числах литераторы, представители различных обществ и учреждений начали съезжаться в Москву. Но 22 мая умерла жена Александра II императрица Мария Александровна. На следующий день газеты опубликовали извещение: открытие памятника в связи с трауром откладывается. Называют новую дату – 4 июня, затем 6 июня.

А публика съехалась! Более двух недель десятки знаменитостей и сотни восторженных ротозеев колобродят по Москве. Устраивают торжественные обеды (25 мая в ресторане гостиницы “Эрмитаж” чествовали Достоевского). Участвуют в литературно-музыкальных вечерах (6 июня на одном из таких вечеров Достоевский прочёл монолог Пимена из “Бориса Годунова”). Общественная жизнь кипит, и с каждым днём вынужденного ожидания градус повышается!

Чтобы понять причины такой взвинченности, надо учесть, что общественной жизни в общероссийском масштабе тогда не существовало. Власть строго следила за тем, чтобы начавшееся после реформ Александра II оживление в обществе замыкалось на местном уровне. Пушкинские торжества давали легальный повод придать этой активности всероссийский масштаб. “Прогрессивная” Россия ждала судьбоносного, пророческого слова. И с каждым днём промедления всё истовее, всё испуганней.

Вот в какой атмосфере прозвучала “Пушкинская речь”. Вот почему дамы в зале Дворянского собрания кричали: “Вы наш святой, вы наш пророк!” – а впечатлительные юноши падали в обморок. Не удивительно и то, что именно речь Достоевского дала выход эмоциям. То была его сцена, его роль.

Корреспондент “Вестника Европы” заметил: “...Сказанная в известном стиле талантливого писателя, она (речь. – А. К.) подействовала – без сомнения, в значительной степени потому, что сказана была перед аудиторией, уже приготовленной к крайнему увлечению: несколько дней, проведённых в непрекращающемся ряду сильных впечатлений, сообщили этой аудитории почти нервическое возбуждение, – по степени этого возбуждения ей требовалось всё больше увлекающих и обольстительных слов. Их предложил г-н Достоевский”.

Показательно, что уже на следующий день восторги поутихли, а спустя ещё несколько дней начали появляться критические отзывы, причём не только в либеральной, но и почвеннической печати.

Попробуем и мы взглянуть на “Пушкинскую речь” без эмоций.

Огромное значение речи, подводившей итог Золотого века русской литературы, несомненно. Однако столь же несомненны, на мой взгляд, просчёты и натяжки в тексте. Думаю, излишне объяснять, что это не “ученические промахи”, а результат страстной увлечённости великого писателя, искажавшего историю русской литературы и национальную историю ради своих излюбленных идей.

Произвольным был изначальный посыл – сведение всей духовной сферы к литературе. Понятно, что литература выражает культурную жизнь народа на-

и более отчётливо. Но разве менее значимы в духовном плане музыка, живопись, архитектура, громадный пласт народного творчества? Фёдор Михайлович не подкрепил свои рассуждения обращением к народным песням, былинам, что придавало бы его тезису о “всечеловечности” русских бóльшую убедительность. Или же опровергло бы его...

Неверно сводить литературу к творчеству одного, пусть и великого писателя. Критики упрекали Достоевского в том, что он обошёл вниманием такого пушкинского современника, как Гоголь. По их словам, Гоголь – “великая оборотная сторона Пушкина” (А. Градовский). Действительно, друг и единомышленник поэта резко договаривает многое из того, о чём в силу особенностей своего солнечного дарования не говорил Пушкин.

Гоголь, – утверждает А. Градовский, – вывел череду устрашающих персонажей: Собакевичей, Ноздрёвых, Коробочек. От них-то и бежали “скитальцы”, подобные Онегину. (Кстати, описание гостей на именинах Татьяны во многом подтверждает догадку А. Градовского.)

Но вот герои без страха и упрёка. “Тарас Бульба” – вдохновенная попытка создать подлинный эпос, где народ высказывается о себе и своём видении мира. Тем характернее его мнение об инородцах: “чёртов лях”, “поганый татарин”, “турецкие собаки”, “проклятые жида”. Не очень-то это согласуется с ролью “брата всех людей”, которую приписывает русскому человеку Достоевский.

Да и в реальной жизни в суждениях о соседях – ближних и дальних – русские не стеснялись себя политкорректностью. Достаточно вспомнить народные поговорки (цитирую работу: Шевченко И. Ю., Зубков М. Н. “Этностереотипные образы иностранцев в русских поговорках”. www.rae.ru/forum 2012/274/1619): “злее злого татарина”, “холод глупее вороны, а хитрее чёрта”, “у французца ножки тоненьки, душа коротенька”, “грек скажет правду однажды в год”.

Конечно, можно указать на историческую обусловленность тех или иных характеристик, вспомнить об ужасах войн и взаимного насилия. Русские не более пристрастны к иноземцам, чем те к нам. Однако идеализировать нас, представляя образцом “всемирной отзывчивости”, нет оснований.

Между прочим, у самого Достоевского в “Дневнике писателя” немало нелестных слов о “полячишках” и других европейцах. Но он как бы забывает об этом, глядя на “всечеловечность” русских через призму пушкинского творчества.

Неправомерно сводить произведения писателя к образам отдельных героев. Всё-таки три персонажа, пускай выразительных, ярких – Алеко, Онегин, Татьяна, – далеко не исчерпывают ошеломляющего богатства пушкинских характеров. И уж если говорить о народности, уместнее было бы обратиться к героям “Капитанской дочки”: Петру Гринёву, Савельичу, семейству капитана Миронова, Пугачёву и его сподвижникам – вплоть до казака, посланного самозванцем “пожаловать” Гринёва полтиной, да “растерявшего” деньги по дороге.

Не стоило пренебрегать и сравнительно-историческим анализом. “Скитальцы” (Алеко, Онегин), которых Достоевский рассматривает, с одной стороны, как порождение петровских реформ, разделивших народ и элиту, а с другой – как воплощение стремления русских к “всечеловечности” (критики, в частности, Г. Успенский, указывали на противоположность этих двух тезисов) – типичные романтические герои. Романтизм, как известно, возник на германской почве: братья Шлегели, Ф. Шиллер, А. Шамиссо, Ф. Гёльдерлин, Г. Клейст, чрезвычайно популярный в России Э. Т. А. Гофман. Позднее романтизм стал знаменем английской литературы. Она-то и дала классический тип скитальца – байроновского Чайльд-Гарольда.

Отечественные авторы, в том числе Пушкин, шли вслед за европейцами. Последней, Восьмой, главе “Евгения Онегина” предпослан эпиграф из Байрона. Лермонтов вынужден был специально подчёркивать своё отличие от мятежного британца: “Нет, я не Байрон, я другой...”

Русские романтики не были создателями образа скитальца. Рассматривать его как исключительно отечественный и строить на этом основании теорию о “всемирных” устремлениях русского народа ошибочно.

Всё это просчёты существенные, но до известной степени простительные. Куда более значим отказ автора “Пушкинской речи” от социальной конкретности, придающий его рассуждениям абстрактный характер. Достоевский

сводит понятие народа к крестьянству, что само по себе спорно. Но даже приняв концепцию писателя, нельзя не пожалеть об отсутствии ссылок на работы, посвящённые жизни и нуждам пореформенного крестьянства.

Такие работы во второй половине XIX века появились: “Голос из земства” (М., 1869) славянофила Александра Кошелева, знаменитые “Письма из деревни” Александра Энгельгардта, публиковавшиеся в 1872–1887 годах, циклы Глеба Успенского “Из деревенского дневника” (1877–1880) и “Власть земли” (1882). Примечательно, что Глеб Успенский оказался в числе наиболее резких критиков “Пушкинской речи”. В статье, опубликованной в “Отечественных записках”, он провозглашал: “... Не следует ли... заняться с возможной внимательностью изучением самой нивы (в данном случае – синоним деревни. – А. К.) и положением, в котором она находится, так как, очевидно, только это изучение определит и “дело”, в котором она нуждается, и способы, которые могут помочь это сделать”.

Противопоставляя народ и космополитических “скитальцев”, Достоевский рассматривает крестьянство как единый монолит. Но во второй половине XIX века шло активное социальное расслоение деревни. Ни о каком монолите, от лица которого писатель изобличал элиту и провозглашал “всемирность” русского народного характера, не могло быть и речи!

Крестьянин отчаянно нуждался в земле. Во второй половине столетия величина среднего надела из-за роста населения сократилась в два раза, тогда как урожайность выросла в 1,3 раза (infopedia.su). Пореформенная Российская империя (1861–1917). Крестьянам элементарно не хватало хлеба. Осенью 1879 года начался голод, вскоре принявший характер национального бедствия. Сельчане питались “наполовину лебедой, мякиной, отрубями” (newrefs.ru. Пореформенное помещичье хозяйство). А Достоевский манил их “единением всечеловеческим”!

Конечно, в восьмидесятые годы XIX века такие науки, как социология, социальная психология, этнология, чьи данные могут учитывать современные авторы, находились в зачаточном состоянии, хотя статистика уже тогда давала точные сведения о реальном положении в стране и на местах.

Но сердце... Разве сердце не заменяет художнику мудрость трактатов? Не обладая полнотой сведений, Достоевский должен был больше внимания уделить конкретике, а не возноситься в область абстракций. Однако на этот раз писатель предпочёл роль пророка. А пророк, понятное дело, в цифрах и прочих “приземлённых” данных науки не нуждается.

Первой и главной жертвой этой позиции стала логика. Из скитальчества героев Пушкина никак не вывести их тягу к “всемирности”. Уход Алеко к цыганам – бегство от цивилизации, а не порыв в цивилизованную Европу. В “Онегине” по “европейским землям” путешествует не главный герой, а Ленский, которого Онегин убивает. “Почём знать, может быть, из хандры по мировому идеалу!” – восклицает Фёдор Михайлович. Воля ваша, но в этом залихватском “почём знать” слышится интонация Хлестакова, не достойная великого писателя.

Но и поверив Достоевскому на слово, приняв его толкование образов Алеко и Онегина, невозможно отождествить их духовный настрой с народным. Тем более, что сам Достоевский упрекает их в отрыве от народа.

Между тем автор “Пушкинской речи” постулирует: “... Что такое сила духа русской народности (разрядка моя. – А. К.), как не стремление её в конечных целях своих к всемирности и всечеловечности!” Показательно, что это утверждение вызвало возражение Александра Кошелева, который, в отличие от Фёдора Михайловича, полжизни прожил бок о бок с простонародьем. Принимая основной посыл речи: Пушкин – народный поэт, – Кошелев оговаривает: “Не могу... согласиться со следующим мнением г-на Достоевского: “Что такое сила духа русской народности, как не стремление её в конечных целях своих к всемирности и к всечеловечности”. Думаем, что это стремление... вовсе не составляет отличительной черты характера русского народа”.

Действительно, с чего бы? Русский крестьянин в массе своей видывал иностранцев разве что в Петербурге и о пресловутой “всемирности” слыхом не слыхивал.

К слову, история крестьянских бунтов, когда народный характер проявлялся без всяких ограничений, не подтверждает тезиса “Пушкинской речи” о стремлении русского человека “стать братом всех людей”. Погромы Немец-

кой слободы в XVII веке, расправы с немцами-лекарями во время холерных бунтов в XVIII-м и в первой половине XIX века показывают, что простонародье видело в чужестранцах угрозу своим традициям, вере и даже жизни (считалось, что чужеземцы отравляют колодцы, распространяя заразу). И хотя в отношении медиков такое мнение было ошибочным, столетия натиска Европы на Восток давали достаточно оснований для народной подозрительности.

Наконец, предельно алогичный тезис речи о “служении” Европе: “...Что делала Россия во все два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо больше, чем себе самой?”

Сомневаюсь, что это соответствовало интересам русского крестьянства. Не народный дух, а скудоумие петербургской элиты, направляемой такими ненавистниками России, как Карл Нессельроде, стало причиной позорного “служения”! За которое Европа “отблагодарила” войной 1812 года, Крымской и Первой мировой.

Не достаточно ли, чтобы разочароваться во “всемирности”?

Меж тем, тезис о всемирном служении России чрезвычайно соблазнителен. Недаром В. Соловьёв положил его в основу знаменитой “Русской идеи”.

Ошибочные тезисы порождали и ложные цели. Достоевский видел назначение русского народа в том, чтобы “внести примирение в европейские противоречия”. Но, во-первых, европейцы нас об этом не просили. Жизненный опыт показывает, как опасно навязываться с непрощеными благодеяниями. Во-вторых, в XIX веке, когда европейские страны десятилетиями враждовали из-за клочка земли (Эльзас в борьбе Франции и Германии – иллюстрация классическая), такое “примирение” было невозможным. Оно состоялось в XX столетии после двух мировых войн. Европу объединила не нравственная проповедь, а материальная выгода общего рынка.

А если уж говорить о мировоззрении, то “единение” Европы во многом основано на антироссийской платформе.

Параллельно с укреплением Евросоюза происходило крушение Союза Советского – второе в XX веке раздробление России. Оба раза – по линии внутренних национальных границ, что силой реального примера опровергает тезис о “всечеловеческом воссоединении” и роли русского народа в этом процессе.

Возможно, не стоило бы напоминать об ошибке Достоевского, если бы не великий соблазн, который для русского сердца кроется в словах о нашем всемирном предназначении.

Тридцать шесть лет спустя после “Пушкинской речи” архиепископ Антоний Храповицкий – другой выдающийся представитель отечественной мысли, член Государственного совета, один из основателей Союза русского народа – писал о Первой мировой: “... На настоящую войну наш народ взирает, как на освобождение христианства от ига еретиков и магометан, а настоящую цель её видит в освобождении священного Царьграда с церковью Св. Софии” (Архиепископ Антоний (Храповицкий). Чей должен быть Константинополь? Таганрог, 1916).

Чудовищное заблуждение – империалистическую войну за передел мира представлять в образе крестовых походов Средневековья! И это писал владыка, окормлявший западноукраинские приходы, где магометан не видели со времён Румянцева и Екатерины. На его земле разворачивалась кровавая битва, стоившая России миллионов жизней, не с мифическими “агарянами”, а с прусской военной машиной, ни в какого бога, кроме крупповской стали и крупповских пушек, не верящей.

Каким же “всесокрушающим” был разрыв с реальностью в сознании этого выдающегося пастыря и политика! После революции владыка Антоний сетовал на недостаточную стойкость русских солдат, так и не освободивших Царьград, а ведь “уже был заготовлен крест на купол Святой Софии”! Рокочная русская “всемирность”: потеряла страну, а он – о кресте над Босфором!

К слову, Антоний ссылался в числе прочих и на Фёдора Михайловича – на статью в “Дневнике писателя” о Восточном вопросе. “...Этот страшный Восточный вопрос, – читаем у Достоевского, – это чуть ли не вся судьба наша в будущем. В нём заключаются как бы все наши задачи и, главное, единственный выход наш в полноту истории. В нём и окончательное столкновение наше с Европой, и окончательное единение с нею”.

Отчего, по мнению Достоевского, все национальные задачи России заключаются в движении на черноморский Восток? В XIX веке, как и в следую-

щем столетии, основные угрозы приходили к нам с Запада. А укреплялась страна силой Сибири, движением к Тихому океану. Как же можно столь упоённо игнорировать историческую конкретику?

Каким образом “окончательное столкновение” с Европой из-за Константинополя должно было обернуться “окончательным единением” с нею? Возможно ли оно? Да и нужно ли?

Столкновение с Европой действительно произошло. Причём в те годы, когда Россия и ведущие европейские державы Англия и Франция были союзниками. Как выяснилось теперь, Лондон и Париж тайне способствовали русской революции, чтобы не выполнять свои обещания отдать проливы под контроль России. Говоря о столкновении, Достоевский оказался прав, но где же обещанное “окончательное единение” с Европой?

Нет, я не собираюсь упрекать Фёдора Михайловича в чрезмерном обольщении Европой. Мне отвратительно распространявшееся нынче кликушество, когда неофиты патриотизма и Православия дерзают бесчестить выдающихся писателей и мыслителей. Достоевский – один из глубочайших критиков и даже обличителей современной ему Европы.

В том же августовском выпуске “Дневника писателя”, где помещена “Пушкинская речь”, отвечая на критику А. Градовского, Достоевский пишет: “Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник, давно уже создававшийся в ней без Церкви и без Христа... с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим всё, всё общее и всё абсолютное, – этот создававшийся муравейник, говорю я, весь подкопан”.

Я веду речь об увлечении фразой, о том нервическом напряжении мысли, свойственном русским вообще и Достоевскому в особенности. Приведённая инвектива в адрес Европы столь же опрометчива, как и мечта о “конечном единении” с нею. Прошло без малого полтора века, а “подкопанный муравейник” стоит.

Не разумнее ли нам заниматься своими проблемами, своими нуждами, самими собой, не воспаляясь по поводу Европы (в нынешнем варианте – Запада; или Востока, в котором многие пытаются разглядеть нашего спасителя). Прислушаемся, наконец, к замечательному высказыванию Николая Данилевского (“Россия и Европа”): “...Невозможно и вредно устранить себя из европейских дел, но весьма возможно, полезно и даже необходимо смотреть на эти дела всегда и постоянно с нашей особой, русской точки зрения, применяя к ним как единственный критерий оценки: какое отношение может иметь то или другое событие к нашим особым русско-славянским целям, какое могут они оказать препятствие или содействие им. К безразличным в этом отношении... событиям должны мы оставаться совершенно равнодушными, как будто бы они... происходили на Луне; тем, которые могут приблизить нас к нашей цели, должно всемерно содействовать – и всемерно противиться тем, которые могут служить ей препятствием, не обращая при этом ни малейшего внимания на их безотносительное значение; на то, каковы будут их последствия для самой Европы, для человечества...”

К сожалению, призыв великого мыслителя до сих пор не услышан. Русское сердце и русская мысль всё так же пленяются красотой фразы, масштабом рассуждений и обещаний. Зная за нами такой грех (а это грех, прежде всего, перед своим народом, который элиты сплошь и рядом заставляют служить утопиям), нужно с особой тщательностью следить за “полётом мысли” – собственной и чужой. Сдерживать фантазию. Обуздывать красноречие. И, разумеется, опираться на факты. Ибо только опора на факты, любовь к конкретике – исторической, социальной, политической – позволяет выстроить концепцию, способную выдержать проверку жизнью.

ЯНА САФРОНОВА

ЗАГЛЯНУТЬ В ЛИЦО

О книжном бизнесе

Мир всегда одинаков и стоит, отвернувшись от нас. Наше счастье — заглянуть миру в лицо.

Михаил Пришвин

Как работает механизм

“Рукописи не рецензируются и не возвращаются” – выделено жирным шрифтом в условиях приёма рукописей издательства “Эксмо”. Возможно, они и не возвращаются, но рецензируются – совершенно точно. Когда-то, в числе прочих, и мной.

Во внештатные рецензенты я попала с экскурсии, устроенной одним из преподавателей моего института. Мы сидели в современном стеклянном зале для переговоров, а редактор отдела зарубежной прозы перечисляла условия, при которых книгу могут взять в печать. Одним из них было: “У вас должен быть один роман, но к нему вдобавок ещё три или четыре, если у вас свой стиль... в ином случае у нас есть серии женского романа, детектива, исторической прозы, куда можно “вписаться”. Все эти коммерческие предложения меня мало интересовали – на том же сайте “Эксмо” очень чётко было прописано: “Мы не рассматриваем поэзию (стихотворные произведения)”. В плане публикаций мне ловить было нечего. Но я быстро сообразила, как реализовать свой критический потенциал, когда редактор заговорила о работе рецензентов. “А как можно устроиться к вам на работу?” – спросила я, краснея. Мне выдали контакты отдела современной прозы, и я тут же написала восторженное электронное письмо: мол, хочу с вами работать, очень интересно было бы посотрудничать...

Ответ пришёл через неделю. Сговорились, что первые тексты мне дают на пробу, следовательно, за них не платят. Однако уже через пятнадцать минут редактор изменила решение и прислала сумму будущей оплаты. Следует упомянуть, что в издательстве меня не знал никто, о моих способностях или об их отсутствии у работников не было ни малейшего представления, и то ли мне просто поверили, то ли они брали вообще всех, кто хотел заниматься оценкой художественной прозы. Мне выслали очень подробный план рецензии. “Вам нужна схематичная статья?” – сразу же поинтересовалась я. “Нет, литературная, художественная”. Ответ меня удовлетворил, и с первой партияей я справилась за две недели. Оценка моей работы удивила: попросили

составлять рецензию по пунктам, которые прописаны в выданном ранее плане, а пункты в самой рецензии обозначать названиями. И что же я, по мнению редакции, имела в виду, когда спрашивала о схематичности?

Немного об упомянутом плане. Первая его часть состояла из таких обычных вещей, как краткое содержание, сегмент, мнение рецензента о массе вещей (композиция, динамичность, образы, язык произведений и т. д.). Вторая же представляла собой огромную таблицу, которую я преимущественно игнорировала в своей работе. Таблица называлась “целевая аудитория”. Начиналось всё безобидно, с пола и возраста, наличия детей, социального статуса, но то, что следовало дальше, приводило меня в недоумение. В графе “благополучие” всегда умилял второй вариант: “бедные слои населения, на еду хватает, на одежду – нет”, а также четвёртый: “средние слои населения, хватает на бытовую технику”. Литература в издательстве воспринимается как продукт, это известно всем, но настоящим чёрным откровением для меня стало то, что, по мнению “Эксмо”, существует художественная проза в отдельности для людей, которые не могут купить одежду и которые могут позволить себе бытовую технику... Для меня так и осталось неразгаданной тайной, какова же эта литература для “бичей”, в чём её смысловая и стилистическая особенность, чем она отличается от литературы для тех, кто “материальных затруднений не испытывает”.

Но всё же я могу сделать предположение, основываясь на выдержках из интервью Олега Новикова, генерального директора издательской группы “Эксмо-АСТ”: *“Сегодня человек начал читать Донцову, завтра – Улицкую, потом – Барнса. Но вот, например, мигранты приезжают – ну, не можем мы сразу им предложить Макьюэна. Они его не будут читать, не станут. Но многие из подрастающего поколения начали читать благодаря Донцовой, я знаю несколько примеров”**. Новиков предлагает нам градацию, как бы обозначает культурные уровни, где низший – явно необеспеченные и, судя по словам Новикова, не слишком интеллектуальные “мигранты”. С Донцовой и Улицкой в эстетической системе генерального директора “Эксмо” всё понятно, их взаимосвязь он обозначил следующим образом: *“Не может быть высокой литературы, если нет основы – массовой литературы. В литературе не могут быть одни Улицкие”***³. На вершине же пирамиды восседает отчего-то английский автор-постмодернист Джулиан Барнс. Очевидно, Новиков считает, что творчество именно этого направления соответствует планке “культурной элиты”, которая состоит из читателей искушённых, уже познавших и Донцову, и Улицкую. Прибавление про мигрантов и подростков заслуживает отдельного внимания. Интересно, почему же “не тянушим” Макьюэна надо предлагать вместо него именно Донцову? Наверное, чтобы после неё всё-таки обязательно следовала Улицкая, а за ней – непременно райские сады с чудесами постмодерна. Дети, начинающие свой читательский путь с дрянных пошлых детективов, – это вообще апофеоз. Зачем нам проза Пушкина, если можно сразу в грязь? Перейти, так сказать, к самому захватывающему.

Со временем я приноровилась следовать плану, обходя его странные формулировки. Выдумывала свои пункты, рассматривала произведение в большей мере с точки зрения эстетической, а не коммерческой. В моей работе мне виделась высшая цель: сделать что-то для русской литературы, отыскать среди присылаемых в издательство текстов бриллианты современной прозы, завалившиеся в пыли безвестности. Со временем пришло понимание, что система, установленная в издательстве, всячески мешает моим целям.

Абсолютно все тексты, которые приходят в издательство, отдаются на рецензию. Главное, чтобы правильно было сформулировано письмо, указаны все контактные данные. Когда текст отправляется к рецензенту, его никто не смотрит предварительно. Поэтому в итоге можно получить любой сюрприз: от сборника школьных сочинений до романа, полностью состоящего из мата. Даже если весь текст расчерчен красным в ворде, он всё равно доходит до рецензентского компьютера. Оплата одной рецензии зависит от размера присланного текста, в теории сто замечательных страниц стоят в разы меньше, чем четыреста отвратительных, просто нечитабельных. Авторы “скидывают” архивом, примерно по пять в одной партии, количество зависит от исполни-

* <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/archive/giaint-publishers/>

** <https://eksmo.ru/news/481590/>

тельности самого рецензента. Если сдаёшь работу в срок, то тексты независимо от твоего желания прибавляются. Несмотря на то, что сотрудничала я с отделом современной прозы, пару раз на рассмотрение присылали детских авторов. Я добросовестно отрецензировала их, посоветовавшись с коллегами, которые более меня разбираются в детской литературе. После первого я намекнула редактору, что более претендую на рецензирование “взрослой” прозы и попросту лучше в ней разбираюсь, но меня не услышали.

Один текст даётся сразу двум рецензентам: два “да” – произведение продолжает своё путешествие и направляется на оценку к редакторам, одно “нет” и одно “да” – туда же, два “нет” – в мусорный ящик, на кладбище забытых текстов. Такая практика в теории не плоха и даже претендует на объективность, ведь судьба произведения решается не единолично. Гораздо больше вопросов к тому, какие критерии устанавливаются издательством в оценке и как этот процесс реализуется на деле. Когда я только начинала сотрудничать с “Эксмо”, в групповых письмах значилось двадцать семь человек. Затем, примерно спустя два месяца, пришла массовая рассылка с анкетой. “В связи с участвовавшими вопросами редакторов по вашим рецензиям был составлен этот опросник. На основании данных опросника будут внесены изменения в механизм нашего дальнейшего сотрудничества”. Это значило – грядёт сокращение штата. В анкете нужно было обозначить своё образование, место работы и прочие формальные вещи. После опроса цифра получателей изменилась с двадцати семи на семь. С того момента текстов постепенно стало приходиться всё больше, время на их отработку оставалось тем же – месяц. Конечно, приходилось просматривать романы в четыреста страниц по диагонали.

О чём пишут люди?

Я пишу эту заметку потому, что больше не работаю с “Эксмо”, со мной так и не заключили обещанного договора, формально я не ограничена никакими запретами, а потому просто излагаю свой личный литературный опыт. Я всё же ценю его, ведь у меня была возможность поработать с “живыми” текстами разного уровня, просмотреть хотя бы частично, о чём думают люди, у которых возникает желание записать свои мысли, которые оценивают своё творчество настолько высоко, чтобы отправить его в издательство. Чем они живут, какие проблемы их волнуют, пусть даже на бытовом уровне.

Абсолютным рекордсменом среди жанров стал женский роман на вечный сюжет: история Золушки и принца. Занятия Золушки варьируются, встречались варианты сотрудницы рекламного агентства, уборщицы, продавца мебельного салона, журналистки. Принц же всегда остаётся заграничным, богатым и сказочно красивым. Произведения этого типа были исполнены с разной степенью мастерства, в этой категории встречались грамотно выстроенные образцы, где в шаблон были примерены стереотипные, только значительно осовремененные герои и героини. Часто выбирался и жанр исторического любовного романа, который назвать так можно было только с большой натяжкой. От истории в такого рода произведениях чаще всего были только красивые декорации. Почему-то преимущественно в этом жанре мне встречались самые неординарные произведения. Особенно неприятно поразила книга тринадцатилетней девушки. Героине её романа, незаконнорождённой графине, тоже было тринадцать лет. За пять дней она успела прожить богатую половую жизнь, забеременеть, в подробностях описать все эти процессы и свои “крепкие груди”.

Посчастливилось встретить две повести на военную тематику, обе были автобиографичны и мало интересны в художественном плане. Упомяну, что женских романов было мною отрецензировано более тридцати, дальнейшая статистика будет единичной. Единственный постапокалиптический роман был неожиданно хорош, автор интересно поработал над трансформацией жанра. В постапокалиптическом разрушенном мире герои ушли в природу, окунулись в верования народа мари. Этот автор был единственным, страницы которого я не нашла на Прозе.ру и других свободных от отбора порталах. Но кроме этого самобытного автора, мне не встретилось интересных текстов за весь год работы. Только накалялся градус безумия. Однажды пришёл научно-фантастический роман про инопланетянина, страдающего импотенцией,

с фото-приложением. Пришлось удивиться и ста страницам школьных сочинений, темы которых были вовсе не оригинальны: “Что такое добро?”, “Как я провела лето?”, “Мой любимый домашний питомец”. Я долго и мучительно размышляла, как отрецензировать эти разрозненные темы. Не прошло бесследно заявление издательства о том, что поэзию они не рассматривают. Хитрые поэты в своих прозаических произведениях наделяли героев стихотворными речевыми характеристиками, излагали их мысли в стихах. Такие опыты всегда вызывали у меня улыбку понимания.

Но, пожалуй, самым ярким впечатлением остаётся для меня последняя рецензия, после которой я решила прекратить сотрудничество с “Эксмо”. Авторам, для которых “рукописи не рецензировались”, моя деятельность не приносила никакой пользы, а я утонула в море бессвязной прямой речи, которой были наполнены десятки многословных произведений. Самым ярким впечатлением тот роман остался потому, что в нём болезненно и гиперболически отражалась... боль русского народа. Это был крик человека, который взялся за перо, потому что больше не мог молчать, и настолько невыносимым ему виделось положение дел в стране, что он, как мантру, запечатлел своё отчаяние на бумаге. Его роман игнорировал все прозаические правила и принципы, даже грамматические и синтаксические нормы, он язвительно и издевательски нападал на президента, локализовав в его образе свою ненависть к коррупции и игнорированию социальных проблем. Этот автор замкнул цепочку. Во всех произведениях, приходивших в издательство, очень ощутимым было недовольство, неудовлетворённость и отчаяние. Этими текстами говорили со мной девушки, мечтающие о лучшей жизни, юноши, фантазирующие об инопланетных мирах, женщины рассказывали мне свои невысказанные эротические фантазии, взрослые мужчины с тяжёлым вздохом вспоминали героические времена войны, пожилые люди горько плакали, обзревая настоящее, кричали, как умели, о том, что мы живём в социальном аду, а они – его главные жертвы. Вся эта какофония непоставленных голосов слышалась, тем не менее, очень отчётливо, единым хором. Для меня стало совершенно очевидно, что люди мечтают уйти, спрятаться в тексты, которые они присылают, и спрятать в них других...

Отвлекусь от литературных мотиваций и обращусь к конкретным результатам социологических исследований. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения на апрель 2017 года* определённы счастливыми ощущают себя 39% россиян. Скорее счастливыми, чем наоборот, – 46%, скорее нет – 9% и определённы несчастливы всего 4%. Подавляющее большинство “счастливых” объясняют свои позитивные ответы наличием семьи (32%), жизни и здоровья у себя и близких (21%), детей (19%). Кроме семейных ценностей, радуют людей и наличие хорошей работы (14%), общая удовлетворённость жизнью и хорошее материальное состояние (по 9%). Уровень счастья, по заявлению ВЦИОМ, рекордный – 85%. То ли ко мне попадали самые несчастливые, то ли люди лукавили в опросниках и бодрились, а может, самое сокровенное могли доверить только бумаге?

С редактором мы прощались тяжело. Не эмоционально, а с большой натяжкой. Я обозначила, что хочу прекратить наше плодотворное сотрудничество. В ответ мне пришло двадцать четыре текста на одиннадцать тысяч рублей. Некоторые из них были помечены жёлтым, авторы предпочитали остаться анонимными. “Это нужно сделать как можно быстрее”, – писала мне редактор в ответном послании. “Вы меня не поняли, – ответила я уже жёстче, – мы больше не можем сотрудничать”. И мы действительно не могли. Возможно, эти “жёлтые” тайные тексты были кладзем таланта, но мне уже не удастся их прочесть. Кажется, вместе с “Эксмо” я прочитала достаточно.

Во всей этой долгой истории мне очевидна одна вещь: разорванность литературного процесса. “Толстые” журналы, интернет-порталы художественного слова, которые пытаются поддерживать биение сердца русской литературы, существуют обособленно от издательств. У гигантов книжного бизнеса совершенно другие правила. Максимальная интеграция с миром литературы, которую они себе позволяют, – это внимательное отношение к литературным премиям, которые сами по себе довольно спорное эстетическое мерило. А ведь журнальная традиция в России – явление центральное, веками выполнявшее

* <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116179>

функцию регулировки литературного процесса. И сейчас молодые литераторы всё так же стремятся в “толстяки”, потому что публикация в литературном журнале с историей — знак качества. И история в этом случае действительно заслуживает внимания. Русская словесность “расцвела” в журналах.

“Вестник Европы” в первый раз явил миру Пушкина, который создал “Современник”, где публиковался сам и печатал Николая Гоголя, Александра Тургенева, Василия Жуковского, Петра Вяземского, Дениса Давыдова, Фёдора Тютчева, Алексея Кольцова и многих других, в будущем сплошь классиков девятнадцатого века. Стоящий особняком Лермонтов тоже официально дебютировал в литературном журнале “Атеней” со своим первым стихотворением “Весна”. Если говорить о временах близких, то “Наш современник” подарил читателю не так давно ушедшего Валентина Распутина. И если книги признанного мастера можно найти в магазинах, то молодым “журнальным” авторам пробиться на книжный рынок достаточно сложно. Как я и говорила в начале, условием попадания хотя бы в серию является наличие романа. Вполне естественно, что начинающие авторы пишут рассказы и повести, а потому априори не могут быть напечатаны в издательстве. Поэтому “толстые” журналы становятся для них не только мечтой, но и единственным выходом на настоящую аудиторию. Даже успешные по современным меркам литературного процесса писатели, например, Елена Тулушева, издают сборники своих рассказов далеко не в крупнейших издательствах России, и даже вообще не в издательствах. Книга Тулушевой “Чудес хочется!” издана Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ. Хорошо, что молодым авторам оказывается поддержка хотя бы с этой стороны. Что говорить о других литературных видах деятельности — поэзии, драматургии, критике? В книжных магазинах вообще вряд ли найдётся хотя бы одна хрестоматия по классической критической мысли...

Я, безусловно, считаю, что “толстые” журналы излишне дистанцировались, но упрекнуть их в коммерческом интересе даже при желании будет достаточно сложно. Идёт борьба за выживание, а не за массовую популярность. К тому же редакторы заботятся о поддержании имиджа и сохранении традиций своего издания, потому что во многом это определяет само явление. Каким образом они это делают и какой имидж поддерживают — тема для другого обширного разговора, а всё-таки ориентировка происходит не на будущие продажи, но на художественное качество, понимаемое каждым журналом по-своему. В издательстве же всё ровным счётом наоборот: важна коммерческая ценность и целевая аудитория, на которую автор будет работать. Работать, как раб на хозяина. Как тот, из первой строки, который не может позволить себе купить одежду, на того, кто не испытывает материальных трудностей, из шестой. Справедливо ли было надеяться на другое положение вещей, идя работать в “Эксмо”? Не наивно ли это, не излишне ли инфантильно? Возможно, а всё-таки я надеялась...

ЕВГЕНИЙ ШИШКИН

РУССКИЙ ЯЗЫК: ВРЕМЯ УГРОЗ

Зуд реформаторства

Казалось бы, реформы русской орфографии, замышляемые разными учёными мужами в России, преследовали благие цели: что-то “упорядочить”, что-то “привести в соответствие”, что-то “упростить” и т. п., ведь язык у нас очень разнообразен, изошрён, велик и требует определённых правил.

Однако минувшие реформы орфографии (1917-1918 и 1956 годов), помимо, казалось бы, очевидных плюсов, нанесли русской словесности и немалый урон. В целом произошло осклопление языка: ушли в прошлое целые пласты лексики, было утрачено разнообразие оттенков письменной речи (как-никак язык лишился падежа, нескольких букв), пострадала семантика и многое другое.

О негативных последствиях реформ не раз говорили и писали авторитетные русисты и литераторы. “Реформой язык не *повышается*, а *понижается*, не толпу намерен поднять за собой реформатор, а сам спуститься до уровня толпы. В этом и есть плебейский оттенок реформы”, – так оценивал в начале прошлого века действия орфографических перестройщиков выдающийся русский писатель Борис Зайцев.

Последняя затея реформирования русского языка приходится на конец минувшего века – начало нынешнего: Орфографическая комиссия Российской Академии наук предложила опять же “упростить” и “упорядочить”. И то ли по наивности, то ли по недомыслию, академики вознамерились русскому правописанию дать урок. Причём урок, который затронул бы каждого, кто имеет хоть малое касательство к русскому языку, в том числе всю экономику страны.

Да каким образом могут затронуть российскую экономику и сограждан безобидные “чёрточки”, “новые” запятые, звонкие “з” вместо глухих “с” в приставках? Ещё как могли затронуть! Чтобы воплотить предложенную реформу, надо было бы переиздать сотни тысяч учебников, словарей, методических пособий. Для школ, техникумов, вузов! Всякий уважающий себя грамотный человек в России обязан был бы обновить свою книжную полку со справочниками. Да и все книги с “прежней” орфографией автоматически стали бы устаревшими и ждали бы своего обновления. Колоссальный куш сорвал бы издательский бизнес!

А всего-то – умные дяди и тётки в тишине академических кабинетов решили, что “полдвенадцатого” надо писать так же, как “пол-одиннадцатого”, что “красавица дочка” будет краше при написании “красавица-дочка”, что “матушка Русь” станет крепче в новом исполнении “матушка-Русь”. А может быть, “мно-

гомиллионную” реформу, острой необходимости в которой нет, “заказывали” учёные киты книжного бизнеса, специализирующиеся на выпуске учебной и справочной литературы? Сюжет отнюдь не фантастический. И если бы заинтересованным кругам удалось реформу “продать”, вот тогда барыши некоторых издательств могли бы стать действительно фантастическими.

Но даже не экономический фактор был страшен в навязываемой реформе, а другое... Реформа могла оказаться губительной для правописания. Безграмотного письма могло стать ещё больше. Орфографических и стилистических огрехов и сейчас полно – даже в уважаемых газетах, журналах, книгах солидных издательств, а не только в “неуправляемом” интернете. “Да пошли они к чёрту! Как писал, так и буду писать!” – сказали бы не только некоторые писатели-“консерваторы”, но и журналисты, редакторы газет, издатели, корректоры, большинство которых предлагаемую реформу встретили бы в штыки. И управы на них не нашлось бы. Сейчас в России всё слишком демократично. Следить за соответствиями печатного слова новым правилам некому. В итоге мог возникнуть хаос в правописании, а попросту – бардак.

Вот вам и чёрточки с дефисами! Языковая реформа обострила бы многие российские проблемы. В том числе политические. Беднейшие слои общества: сельские учителя, родители сельских учащихся тоже были бы вынуждены раскошелиться на новые словари и учебники. Да помилуйте! Откуда ж у них лишние деньги! Вот проблема из экономической и превратилась в политическую – курс на дальнейшее обнищание...

А в каком положении оказались бы русские школы за рубежом, в странах СНГ? Кто позаботился бы об учебниках для них? В бывших братских республиках и так очень многое делается для выхлощивания русского языка. А тут ещё реформа! Лишний формальный повод к закрытию русских школ. “А, чтоб не возиться с ихними проблемами...” Про Украину с её нынешними революционными русофобскими завихрениями страшно и подумать; там ещё бы активней стали топтать сапогами националистов великий и некогда родственный русский язык...

Впрочем, в страны СНГ можно и не ходить. Языковой сепаратизм мы недавно наблюдали в России. В Татарии уже был принят закон, по которому хотели заменить кириллицу на латинский алфавит. А значит, пытались поменять вектор духовной и культурной ориентации. Это могло стать прологом расколов, распрей, гражданской напряжённости. Только жёсткими мерами и законодательным путём удалось пресечь “алфавитное” реформаторство в Татарстане, которое вбивало клин в культуру народов России.

Удалось также отбиться и от назойливых академиков-реформаторов, правителей русской орфографии, которые даже не подумали – ох! академики, головы учёные! – о том, что “упрощение правил”, уничтожение “исключений” в языке отнимет некую изюминку русской письменной речи и повлияет на мыслительную деятельность человека, особенно молодого, постигающего правописание. Язык – инструмент мышления. И нет ничего страшного в том, что русская орфография подкидывает учащимся сложности в виде отступлений и исключений. Это только способствует мыслительной деятельности человека, повышает его образовательный уровень. А ещё даёт возможность проникнуть в глубины русского языка, в этимологические, словообразовательные, фольклорные пласты.

Тут уместен пример Англии. Британцы уже несколько веков не трогают орфографию. Ну и пусть пишется “Манчестер”, а читается “Ливерпуль”! Так было и так должно быть. Данный консерватизм крепит традиции и моральные устои Англии. И конечно, имеет свой прагматический расчёт. А мы за одно столетие готовы провести целых три революции в языке?!

Отстаивать завоевания русского языка в России, в странах СНГ, в мире, а не вносить сумятицу в мозги русских и русскоязычных граждан путём неуместного реформаторства – это святая обязанность русистов, и безусловно – академических!

Языковой натиск: заразные вживления, сор, притеснения...

Было время, когда российская знать изъяснялась по-французски, иногда по-немецки (обезьянничанье и низкопоклонство перед Западом – у нашей знати в крови). Теперь той знати нету... Появилась элита... Для новоявленной

элиты трех сотен английских слов вполне достаточно, чтобы козырять своим **безупречным** английским и разговаривать с официантами, портье, таксистами где-нибудь на Западе.

Английский язык стал проникать в нашу жизнь не только как средство коммуникации, но и как язык лейблов, терминов, инструкций, компьютерных программ и т. п. С одной стороны, это вроде бы неизбежно: английский язык – международный, для разговорных надобностей он весьма прост, да и электронных переводчиков уже появилось немало. С другой – насаждение англицизмов не только притесняет, выдавливает обиходный русский язык, но и урезает сферу его применения, а стало быть, уменьшает его влияние: всё меньше русских слов мы употребляем в речи... Зайдите в любой торговый центр Москвы (и не только Москвы): все таблички, названия кафе, магазинов, ремонтных мастерских, химчисток – непременно на английском манер. “Маркет”, “супермаркет”, “гипермаркет”, “сити-маркет”, “бутик”, “шоп”, “фастфуд” и просто “фуд”, а ещё извращенческие “Смирнофф”, “Деффчонки”... Даже стыдно это писать. Всё это небезобидно. Это сор, иноязычный сор, даже языковая трава!

Наплывы заимствований и прежде были. Но, как правило, были они по недомыслию и ущербности внедряющих эти заимствования. Русский язык с ними боролся и, чаще всего, побеждал. Некоторые варваризмы отомрут сами по себе. Горбачёвские “консенсус”, “плюрализм” почти исчезли. Правда, жизнь подкидывает другие словечки...

Есть такой телеведущий Сергей Брилёв, уважаемый, самоуверенный, общается с первыми лицами государства. Так вот, однажды, комментируя коротенький репортаж о предстоящем чемпионате мира по футболу, он около десятка раз произнёс слово “mundial”. Слово, абсолютно чуждое русскому языку, русскому уху, но телеведущему уж так оно нравилось, что он упивался им... Эх, этого бы мундиала по его мундиалу отмундиалить, чтобы он больше никогда не мундиалил...

Ну, а как нынче обожают слово “шок”! “Я была в шоке!” Медицинский термин “шок” обозначает “угрожающую жизни реакцию организма на травму, ожог, операцию...” Никакой образности и метафоричности в слове “шок” нет, зато явно обозначается у произносящего слабость в знании русского языка, неумение выразить своё изумление образно.

В отношении огромного количества англоязычных техницизмов, связанных с компьютеризацией, особо бояться не стоит. Сайт, файл, драйвер, интерфейс – всего лишь профильные термины. К ним нужно так и относиться! Аналогично, предположим, терминам медицинским: анальгин, грипп, антибиотик, клизма...

Профильные термины не так страшны, как язык публичных выступлений каких-нибудь телевизионных див, звёзд, актёров, а иногда – попросту разных телемартышек (это опять от “обезьянничанья”), которые рассуждают о “креативе” (творчестве), “контенте” (содержании), “биеннале” (выставке) и т. п.

Самое печальное, что засорением русского языка занимаются именно те, кто должен бы его бережно охранять от иноязычного вливания. Тут есть ещё одна сторона данного вопроса. “Биеннале”, “креативы”, “контенты”, “mundiali”, скорее всего, и не приживутся в языке, но люди (в первую очередь, дети), воспитанные на этой иноязычной тарбарщине, уже не смогут вернуться и к истинному русскому языку, эмоционально богатому и многословному.

Вспомнился старый анекдот. Из времён, когда в обиход входили словечки “кайф” и механическое, жёсткое, холодное “секс” (у нас секса не было: была любовь в разных проявлениях, в том числе любовь грешная и продажная...) Так вот: на работу секретаршей приходит наниматься красивая длинноногая девица. Директор принимает её на службу, а руководитель отдела кадров показывает ей место работы. “Здесь ваш письменный стол...” – “О! Кайф!” – откликается девица. “Здесь ваш письменные принадлежности...” – “О! Кайф!” – “Здесь телефоны и пульт управления...” – “О! Кайф!” – “Скажите, а другие слова вы знаете?” – не выдерживает кадровик. – “Секс”, – отвечает девица. – “А что такое секс?” – “О! Кайф!”

Язык нашего общества, к сожалению, становится примитивен, ограничен несколькими сотнями слов. Косноязычные депутаты и чиновники всех мастей, не очень грамотные редакторы и ведущие телеканалов, со своими ужимками и “приколами”, одни и те же персонажи, приглашённые на однотипные

крикливые телешоу, скудная речь героев бесконечных бандитских и дамских сериалов... Вот и получается, что язык, который мы слышим, жалок, чёрств, неинтересен, а подчас и глуп, потому что забит не только “мундиалами” и “мейнстримами”, но и вульгарными словечками, феней: “облом”, “попёрло”, “лохануться”, “фарт”, “откат”, “распил”, “беспредел” и другой словомутью. Присовокупите сюда приклатнённую песню, которой определили стиль “шансон” и заполонили ею радиоэфир, а ещё – модные молодёжные песенки, где стихов нет, они там даже противопоказаны, в основном там три-четыре пары зарифмованных глаголов и бессистемный набор слов, а ещё чмоки, динь-дини, буди-буди, гуди-гуди...

А ещё засилье голливудских фильмов – “блокбастеров, бестселлеров”... Как там разговаривают тупорылые голливудские костоломы?!

А ещё на всех каналах бесконечная КВНщина, “пельменщина”, “нашарашнина”, “комедиклабщина” и другая телечушь, не имеющая никакого отношения ни к искусству, ни к просвещению, даже к развлечениям отношение имеющая отдалённое (стриптиз и пошленькие анекдоты ведь тоже развлечения, но вряд ли их надо делать общественными).

Злостное подспудное *реформаторство* русского языка идёт каждодневно на бытовом уровне благодаря средствам массовой информации, примитивному вещанию и кинопоказу, и так далее, и тому подобное... А семья, школа, художественная литература, редкие просветительские программы в СМИ не могут, не способны и не рассчитаны справиться с засильем пустозонства “фрайерских, понтырских” песенок, феней, примитивом сленгов: бизнесменских, молодёжных, интернетовских. А главное – эта социальная болезнь даже толком не диагностирована. Современная художественная литература истребляется, школьные и вузовские гуманитарные программы сокращаются. Рынок ведь не востребовал богатства русского языка, а у нас правит рынок! Каков поп – таков и приход...

Художественную литературу подменили сивухой детективщиц донцовского разлива и псевдоисторическим чтивом – ақунинщиной, и вроде бы все довольны. Особенно издатели. Кстати, владельцы крупнейших издательств и книготорговых сетей в России, по информации СМИ, давно живут за границей: им плевать и на русский язык, и на русскую литературу. Впрочем, разговор о современной литературе – тема отдельная и многоликая.

Есть ещё один важный фактор, затрагивающий русский язык, вернее – урезающий его влияние. К несчастью, ещё одна напасть. Беженцы и переселенцы с Ближнего Востока, трудовые мигранты Европы демонстрируют нам эту напасть... И у нас почти повсюду, в городах центральной России, а в Москве – особенно наглядно, выпукло это проявляется, поскольку их наводняют выходцы из южных краёв. Одни из них – граждане России, другие – не граждане. Но и те, и другие – носители своего языка.

В столице уже есть целые кварталы, где живут, обитают, работают, а подчас ведут незаконную деятельность выходцы из далёких регионов. Они, эти выходцы, безусловно, имеют полное право общаться на своём языке. Но в последнее время это общение становится уж слишком активным. Слово бы они нарочито подчеркивают, что русский язык им чужой, знать они его не хотят. В метро, в общественном транспорте, в жилых массивах, в торговых центрах, особенно вечером, когда большинство мигрантов после работы выходят на столичные улицы, они говорят громко, даже вызывающе. С одной стороны, это их закомплексованность, но с другой – плохо скрываемая агрессия, подчёркнутое неуважение к русским и русскоязычным окружающим их гражданам. При этом их южные женщины плодovито рожают, дети становятся российскими гражданами, и в некоторых местах диаспоры уже требуют создания национальных школ. Ассимилироваться-то они не хотят...

В Россию идёт наплыв кавказцев и азиатов уже следующего поколения. Это поколение в советских школах не училось, о Пушкине и Некрасове не знает, про Великую Отечественную почти ничего не слышало... А про русских знает твёрдо: они у них, с национальных окраин, забирали все богатства. Нет-нет, не строили города, предприятия, школы, вузы, научные институты, театры, а всё-всё (имеется в виду ценное) забирали и оставляли только “пыль”, как выразился один из лидеров бывшей советской республики, забыв при этом, что республику ему создали тоже “русские варвары”.

Все эти выходцы, другого, не советского кроя русский язык знают плохо, скверно, из русского языка для бытового общения берут, чаще всего, матерщину, грубую лексику, торгашеский жаргон.

Некая ползучая антирусская языковая эпидемия-реформа, имеющая вполне легальные и даже законные рамки, распространяется всё шире и шире, а наш язык, его область применения, а главное – богатство языка, ценности словоупотреблений и неиссякаемой лексики, становятся не востребуемыми и насильно омертвляются – как устаревшие, архаичные, годные для употребления только “квасным патриотам”.

А что ж власть? Русская общественность требует от власти принять действенные меры по сохранению, а не по разрушению языка. Власть принимает кое-что, проводит заседания “Совета по языку” при президенте РФ, поддерживает некоторые общественные инициативы, участвует в создании “Общества русской словесности”. Выходит, кое-что делает. Но больше всё же для показухи.

Некоторые из инициатив вызывают сомнения. Вот проводят в стране “Тотальный диктант”. Почему тотальный? Нельзя, что ли, просто всеобщий? Или французское словечко “тоталь” ласкает новым русистам слух? Проверка знаний – это неплохо. Всеобщий диктант! А лучше бы назвать “Общественный русский диктант”. Но опять же инициатива с каким-то вывихом и подоплёкой. Чьи тексты для диктантов? И какие тексты? Ну, непременно что-нибудь из быковско-рубинских книг, которые отнюдь не блещут ни грамотностью, ни красотой русского языка. А уж рубинский текст и вовсе вызвал возмущение: оказалось, израильская авторша сама заявила, что правил русского языка не знает. Но ведь тотальный диктант оголтело внедряют в регионах, в столицах. Тут есть где блеснуть писакам-русофобам, а ещё и похвастаться: мы их всех за парту усадили!

Есть и другие инициативы. Создано “Общество русской словесности”, которое возглавил Патриарх. Туда вошли крупные деятели науки, культуры, религии. Но опять же те, которые делать по сути(!) практически(!) для сбережения русского языка ничего, кроме участия в общих говорильнях, не будут. Им некогда. У них своих обязанностей полно. Советания, форумы, симпозиумы – это только трата средств, в том числе наших с вами, государственных. Действенных планов у этого “Общества” нет и, похоже, не предвидится... А почесать языки, пофилософствовать с трибуны – так это мы всегда, ведь все эти деятели входят в десятки подобных обществ, фондов, комиссий... Показушества и профанации в таких инициативах в переизбытке, они вроде бы направлены на благое дело и цели у них благие, а по факту – пшик!

Вот и достоимый Год литературы. Мне довелось быть на писательской встрече с президентом, где он объявил об этом Годе литературы. Аплодисменты! А после довелось услышать слова премьера, что на Год литературы выделено аж три млрд рублей! Где они? Кто отчитался? Ау, Счётная палата, расскажите, куда, сколько и зачем было потрачено? Что реального получила наша русская литература, русский язык? Деньги-то из кармана налогоплательщика. То бишь – наши. Вернее, были наши, стали...

Ещё раз о русской брани

Так уж исторически сложилось, что редактором III издания Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля в начале прошлого века был лингвист польского происхождения И. А. Бодуэн де Куртенэ. Он самовольно включил в словарь огромное количество ругательных нецензурных слов. Расширил русскую лексику? Нет. Жестоко поступил по отношению к памяти В. И. Даля, потому что “словарь авторский”, а ещё вроде бы и “узаконил” нецензурщину как языковой пласт русского народа. Нет спору, крепкие выражения испокон веку употребляемы в России, но рассматривать их как богатство, а словарь В. И. Даля открывает нам именно богатство языка, неправомерно.

И нынешние языковеды ведут себя очень непоследовательно в отношении ненормативной лексики. Веяния нового времени – словари жаргонов, русского мага, блатной “фени” и т. д. Сколько их выпущено по России! Под прикрытием объективности (явление, мол, существует, его надо исследовать) появились книги с жуткими словниками. Здоровая ткань богатейшего русского

языка разъедается зафиксированным сквернословием, подобострастными примерами.

Труды эти в большинстве своём псевдонаучные, их значение для лексикографии мизерное, но интерес к ним спекулятивно подогревается: мол, такие изыскания прежде были невозможны. На самом деле всё диктует прибыль издателей и растущее бескультурье общества. Цензуры нет. Вернее, цензура – рубль и доллар – тут не помощница, а совести, разума и вкуса некоторым творцам изящной словесности и науки попросту не хватает. И языковая вольница даёт волю разного рода прохиндеям, эпатажным персонажам и просто отъявленным прохвостам от литературы и искусства.

Порой слышатся ссылки на классиков. Великий А. С. Пушкин якобы не чурался крутых высказываний. Но разве использование нашим гением нескольких нецензурных слов в своих произведениях – повод для подражания? Пушкин иной раз и неприглядные поступки совершал. Что ж из того? У Есенина найдётся во всём творчестве тоже несколько бранных нецензурных слов... И что теперь?!

Появление ненормативной лексики в произведениях великих художников – это, скорее всего, результат духовного срыва, факт болезненного состояния или озорства, творческого отчаяния или некоторого вызова ханжескому обществу, проявление симптома какой-то социальной заражённости и т. п. К этому стоит относиться очень настороженно и уж никак не восторженно!

Замечательный языковед, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского В. А. Гречко (ныне покойный) считал мат “антиязыком” русского народа. Он был в этом убеждён, писал на эту тему статьи, был категоричен. Заметьте: не языком, а антиязыком! То есть, по существу, – врагом. А уж когда какой-нибудь деятель или даже писатель ерофеевско-сорокинско пошиба с пошлыми улыбочками всезнайки говорит, что мат *просто* язык русского народа, то и вовсе хочется на них, на этих говорунов, плюнуть!

Мат – язык русского народа??? Нет, голубчики! Антиязыком его ещё можно признать, но языком... Мат назвать языком – это будет слишком жирно! И подло! Это всего лишь малая междоветная часть бытового нелитературного языка. Кстати, матерных слов в языке совсем немного – с десяток... (трехэтажные обороты – это всего лишь обороты с участием одних и тех же непечатных слов). И говорить о том, что это язык русского народа? Да упаси бог! Что вы плетёте, олухи?!

Или вот разрекламированная книжица некоего обласканного на телеканале “Культура” доктора филологических наук М. Кронгауза “Русский язык на грани нервного срыва”. В этой книжице говорится в основном о соре русского языка, о тех убогих лингвистических новшествах в области интернета, молодёжного сленга, и, разумеется, немалое место уделяется матерщине. Цитировать кронгаузов – занятие жуткое. Но кое-что придётся процитировать, чтоб почувствовать уровень, соотносить с выводами нижегородского учёного. Цитируем М. Кронгауза: “...как просвещённый лингвист я мат не то чтобы поддерживаю, но отношусь к нему с интересом, пусть исследовательским, и с определённым почтением как к яркому языковому и культурному явлению...” (Вот оно как! “яркое языковое и культурное явление!”) “...в советской деревне мат использовался много, часто и всеми...” (Интересно, бывали ли эти кронгаузы в советской деревне? От моих бабушек, русских крестьянок, я никогда матерных слов не слышал! Да разве обзовёт крестьянка свою коровушку-кормилицу матерным словом?! Никогда не слышал я матерщины и от других своих родственников, выходцев из деревни.) “А не ругаться матом – это для русского человека, ну, как водки не пить, то есть подозрительно”. (А что, все русские пьют водку? Все спились? Кто бы вам, кронгаузам, построил дома, университеты, заводы, накормил вас, напоил, защитил?!) И ещё одну цитату из доктора филологии: “Увы, и в мате не стоит искать национальную идею. Сегодня он скорее разъединяет людей”. (О чём это?! О том, что полдюжины бранных слов могут быть национальной идеей России?! Это ж надо так не любить, не знать, не понимать, не уважать свою или, правильнее для кронгаузов – “эту” страну!)

И вот такая профессура нынче в самых популярных вузах. Учат... И на экзаменах, разумеется, мельтешат, копошатся. Нынче для них – вольница. Пле-ти, Емеля – твоя неделя!

Тьфу на них! На эту нерусь!

Слово “нерусь” я использую в значении широком: нерусь – это не обязательно человек другой, чужой нации или веры, приезжий; нерусь – это те, кто, возможно, родился и вырос в русской среде, но её не признаёт, не принимает, глумится над всем русским и радуется каждому провалу русских в той или иной сфере, в том числе языковой.

...Междометная, животная сущность мата очевидна: слова эти коротки, скоропалительны, их даже договаривать до конца не надо. Да ими и пользуются люди чаще всего заводные, взвинченные, с избытком темперамента, злобы, ущемлённости или неудовлетворённости. А животная сущность этих слов также очевидна: что бы ни приписывали человеку – божественное начало, духовность, – человек несёт в себе и животную основу, поэтому и весь мат связан с плотскими потребностями человека, опирается на полдюжины слов плотской лексики.

Мат, безусловно, заразителен. Как вредоносная бактерия, он больше всего заражает молодые, неокрепшие души. Разговоры многих молодых людей и так-то поражают своей простотой и малословием. Но это поправимо, с годами что-то приобретётся; молодые люди слишком молоды: в них бурлят эмоции, в них кипит кровь, и изъясняться длинными красивыми предложениями несподручно. То ли дело коротко: “классно! прикольно! дебил!..” А соцсети интернета вообще – отдельная тема. Там писать надо, а не хочется. Короткие слова – и те не дописывают, грамотностью никто не “заморачивается”. Там же в основном “лайкают”! Даже есть “словарь интернет-сленга”, где приготовлено немало глупостей для малограмотных пользователей. Но самым печальным в речи молодых людей становится обыденная матерщина.

А ведь повседневный, бытовой, междометный лексикон губителен! Особенно для девушек. Тут имеются два важных момента. Молодой мужчина, юноша острее чувствует свою половую зрелость, в нём бушует плоть, жаждет улады и удовлетворения... Поэтому животные междометные выплески естественны. Другое дело – молодые девушки. Они ещё не падки до плотских утех. Они ещё находятся в стадии лирики – в мечтаниях о любви, а все плотские любовные игры – это где-то впереди, и чаще всего плотский расцвет для женщины наступает уже после рождения ребёнка.

Но в компании юная девушка порой вынуждена подыгрывать окружающим сверстникам, выглядеть взрослой, подчас ругаться матом. Тут и показушное представление о своей взрослости: сигарета, пиво, ругань и прочие “шалости”. Но с каждым ругательным плотским словом милая девушка, юница лишает себя многого: в ней становится всё меньше фермента любви; она трагично теряет свою энергетику любви, которой потенциально наделила её природа, в брани, в показной вулгарщине. Ей потом всё сложнее будет полюбить, ведь любовь – это уважение к мужчине и таинство, а какое уж таинство и уважение к мужчине, если она матерится рядом с парнем, как сапожник... (извинимся перед сапожником: подлинные ремесленники ругаются редко).

Да спросите любого парня из той же компании, где стоит мат-перемат: хотел ли бы он взять в жены девушку, которая палит “уй” да “лять”? Так, пошалит с ней – куда ни шло, с такой распутной даже и в кайф... Ну, а серьёзно полюбить, пойти с ней под венец вряд ли захочется. Ведь она ещё будет и матерью его детей, ведь она ещё и с его мамой будет говорить на таком языке... О! милашка матерщинница, лучше уж я без тебя как-нибудь по жизни обойдусь, другую поищу.

Как алкоголь, который быстрее губит женщину, чем мужчину, так и матерщина. Женщины, которым привили брань и которые даже нелепо гордятся своей чудовищной речью, впоследствии становятся несносными циничными хамками, мужчина для них – самец, добытчик денег, “козёл”; впереди у таких дам – развод, делёж имущества, судебные дела, бесконечная нервотрепка и неудовлетворённость во всех проявлениях. И, как правило, у них уже не будет любви. Разве что к деньгам мужчины. А это любовь слишком зыбкая. Ведь мужчина-то интуитивно понимает, за что его любят...

О! милые девушки, юные создания, не пачкайте свою душу бранью, матерщиной, не допускайте в своё сердце чёрную злобу, которую несёт междометный плотский слог, который оставляет меньше шансов на искреннюю, светлую, духоподъёмную любовь.

Есть такой певец, зовут его не по фамилии, а по кличке: что-то связанное со шнурками. Пошляк, сквернослов и хам, он часто мелькает на экране. Вот он, закон эпатажа! Но мат на сцене запретили. Есть “закон об ответственности за нецензурную брань”. Так этот деятель решил выступить без мата, но при этом снял на концерте штаны... Другие “шоумены” в одном из бесконечных “телешоу” на центральном канале, правда, заметили, что “пиписечка” у голоштанного певчишки невелика. Поэтому, молодые люди, не стоит обращать внимание и тем более брать пример с этих пиписечных певцов! Они валяют дурака и потешаются над вами за ваши же деньги.

Как важно, чтобы родители и педагоги, проповедники и гуманитарии, а ещё и вездесущие средства массовой информации (такие свободные!) провели просветительскую работу на эту тему, дали бы молодым людям представления о ценностях русского языка, русского творчества, дабы безвкусица, хамство и эпатаж не выдавались за искусство. Поймут ли и примут ли молодые люди эти наставления сразу? Скорее всего, нет, но они будут хотя бы посвящены в то, что существует и Русский Мир, и Русское Искусство, и непревзойдённый Русский Язык. А чиновники из Минкульта, Госкомпечати, телена начальники с госканалов публично должны отчитываться за казённые средства, то бишь народные, потраченные на современных создателей культурных ценностей. И вообще всех чертей надо выводить на чистую воду! Знать, кому и за что мы платим! Депутаты, проснитесь!

Противно слушать матерные реплики со сцены театра. Стыдно становится за актёров, совестно перед соседями-зрителями, будто и тебя, и их унизили. Некоторые демонстративно уходят из зала. И правильно делают! Всё же “храм”... И диву даёшься, когда люди в театральных бархатных ложах – солидные мужчины и женщины в нарядных платьях (особенно где-нибудь в провинции) – смотрят на голозадых мужиков или слушают матерщину со сцены, а ведь эта публика считает себя нынешней элитой, посещает модные театры, где куртуазные режиссёры, брезгующие законами русского театра и русскими традициями, преподносят шедевры, от которых нормальному человеку хочется сморщиться и подумать: “Как хорошо, что мои родители и мои дети этого не видят!”

Есть, конечно, провалы, которые можно назвать случайными. Многим известен оscarовский фильм “Утомлённые солнцем” Никиты Михалкова – популярного актёра и режиссёра, председателя Союза кинематографистов, президента Российского фонда культуры. По телевидению этот фильм демонстрировался в самые “массовые” часы, когда у экрана собираются семьями. И вот главный герой фильма в исполнении того же Михалкова в порыве гнева ругается матом. Этот матюжок фильму ничего не прибавляет. Но он произнесён. Нецензурная брань обретает позволительность. Несмотря на то, что это – капля яда, которая поражает чаще всего юное зрительское сердце.

Пробелы вкуса у кинематографистов сейчас заполняет законодательное ограничение по употреблению бранной лексики, да и “Кодекс об административных правонарушениях”, в котором нецензурная брань в общественных местах расценивается как мелкое хулиганство. Любое появление разумных законов, которые выполнят роль языкового ассенизатора, наверняка будет приветствоваться обществом. Законов разумных, продуманных: язык, мышление, устои, темперамент рубку сплеча не принимают.

При этом только отъявленный русофоб или неуч может сказать, что мат – это язык русского народа.

Русские никогда не почитали матерщинников. И если о ком-то говорили, что “он матерщинник”, произносили это с досадой или отчуждением, их так же не любили, как не любили лентяев, нерях, пьяниц. Жаль, что русские подчас излишне скромны в общении с хамами, излишне доверчивы, слушая чепуху псевдоинтеллигенции, которая изнутри до дыр протирала экраны телевизоров; жаль, что потворствуем и наглецам из разных мигрантских наплывов.

А между тем, даже в уголовной среде есть табу на матерщину. Блатной мир такую лексику отвергает. Не забудем, что в лагерях, к сожалению, находится немало наших сограждан. Не найти матерных слов в блатной поэзии, песнях.

Нет никаких матерных слов в фольклорных сказаниях, легендах, балладах... Кое-что наберётся в срамных частушках да в некоторых сатирических

сказочках из устного народного творчества (чаще всего, это авторское творчество, которые пытаются выдать за народное).

Иронически-похабная поэзия, сочинительское хулиганство, — на это заносило иной раз и талантливых литераторов, но при этом они ни на какие поэтические высоты и не замахивались, знали место таким срамным поделкам.

Армия... Вот уж где не скромничают и грешат многие — но не все! — матерным окриком. Это объяснимо. Там суровость службы, часто — климата, быта, там мужиковское общество. А междометный окрик, возглас резко напрягает человека, взвинчивает или играет роль сублимации, ибо внутреннее напряжение от службы и эмоции требуют своего исхода. И в некоторых случаях мат в армии теряет всякий смысл, превращается в возглас, бессмысленный клич.

Но при этом опытные мудрые военачальники никогда не будут разговаривать с подчинёнными бранными словами.

Не помню, чтобы командиры полка, замполиты полка (а я служил в трёх частях) ругались при солдатах матом. Но помню полковника, начальника из дивизии, который без разбора крыл всех подряд... Он вызывал и усмешку, и даже какое-то сожаление, хотелось поёжиться от его речи и становилось неловко за него.

А однажды на учения на полуостров Рыбачий к нам прилетел на вертолёт проверяющий, генерал-лейтенант. Услышать от него не матерное, а просто грубое слово было стыдно... Да-да, именно стыдно! За него! Он стоит в лампадах, золотые дубовые листья в петлицах, гербы на золочёных пуговицах — и вдруг брань, обращённая к солдатам и офицерам, на огневой позиции... Ну, что ж вы так?! Не прапорщик ведь!

Так вот и писатель. На писателя воспитанный читатель смотрит не как на подвыпившего прапорщика, а как на генерала, — не имеет он права опускаться до матерной брани в своих книгах (извинюсь и перед прапорщиками: немало в армии и таких, от которых не услышать худых слов)!

В конце концов, речь-то идёт не о том, чтобы исключить несколько бранных, междометных слов из лексики языка, а о том, что изощрённые русофобы и непросвещённые бездари пытаются почти весь язык русского народа свести к матерщине. И на законных основаниях использовать его в искусстве... Узаконить этот слой как главный пласт языка русского народа.

Если кто-то вам говорит, что мат — это язык русского народа, тут же, глядя прямо в глаза этому человеку, задайте вопрос: кто он по национальности? Кто он по национальности?! Если этот аспид, балбес, вахлак, глупыш, дурень (эх, до чего ж богат, сочен наш язык! Ведь я тут только на первые буквы алфавита взял несколько “ласковых” словечек) — так вот, если этот человек будет колотить себя кулаком в грудь и доказывать, что он великоросс, спросите его: на каком языке говорили с ним мама, папа, бабушка, сестра? Может быть, у него хоть тогда просветлятся мозги...

Возможно ли избавиться или хотя бы несколько отстраниться от мата? Возможно! Почаще ходите в музеи, картинные галереи. Только избегайте выставок “современного искусства”: в словах “современное искусство” уже заложен какой-то подвох и намёк на некие безобразия. Почаще стоит в одиночестве бывать на природе. Посидите в читальном зале, полистайте книги с картинами старых мастеров. Почаще бывайте на кладбище, вспоминайте родных. Невозможен, дик мат на могилах родных и близких... При воспоминаниях само сознание ограничивает, а вернее сказать — оберегает человека от матерщины. Невозможно вспоминать о своём детстве матерными словами... Храм тоже излечивает от бранных слов. Верно замечено, что человек, находясь в храме, даже про себя не может ругаться матом. Кто-то будет возражать, искать исторические казусы... Но дурной пример — нам не пример!

Не экспансия — здоровая защита

Язык — могучее средство воздействия на умы. Внедрение своего языка в другие нации — внедрение политической и экономической зависимости. Лучшего долгосрочного представителя своих интересов и придумать нельзя! А мы отступаем. И не только в “непримиримых” странах Балтии, но и в Средней Азии, а теперь и на Украине. Миллионы русских и русскоязычных граждан в странах СНГ остались без прав на свой язык. Забывчивые

лидеры стран ближнего зарубежья не вспоминают, что русский язык прокладывал для национальных элит — научных, творческих — путь к мировому признанию.

Гуманитарное, просветительское значение русского языка в мире грандиозно! Стоило в бывших республиках СССР притеснить русский язык, сразу исчезли с мировой карты культуры все современные национальные литературы, так как только благодаря русскому языку они были доступны широкой российской читательской аудитории и далее — мировой.

Да что говорить! Десятки народностей “через русский язык” стали грамотными и обрели возможность общения с другими народами. А теперь целые государства уходят из сферы влияния русского языка. Мало того, уходят вместе с этнически русским населением, “доставшимся” от СССР, попадают под влияние языка культуры и религии, которые очень далеки от нашей культуры. И тут встаёт вопрос: а на какой язык, на какую культуру они повелись, что и кто теперь будет для них таким же проводником к мировому искусству, науке, культуре, каким был русский язык?

Защита национального языка не только в руках власти. Власть у нас нынче больше русскоговорящая... Защита родного языка во власти всех русских! Нам нужно почаще напоминать, что мы русские: в семье, в школе, на работе, в компании. И пусть ошалелая русофобия, которая появилась сейчас в мировых СМИ, обратится в пустой собачий лай, изведёт сама себя и охрипнет; а те, кто её организуют, поймут, что мы любви к себе не просим, а вот за ненависть к русским, за русофобию придётся платить.

ЮРИЙ ПАХОМОВ

полковник медслужбы в отставке

“А МОРЕ И СТОНЕТ И ПЛАЧЕТ...”

Из книги воспоминаний “Город-крейсер”

Всё впереди!..

Мне совсем не было горько покидать родной городок, он как бы уже оставался в стороне, бледнел и стирался в памяти перед тем, что проступало впереди, сформированное пока что в виде смутного всадника, застывшего на вздыбленном коне.

Впереди были каналы с тёмной водой.

Белые ночи.

Крейсер “Аврора”.

Но самое главное – там располагалось прекраснейшее в мире учебное заведение: Военно-морская медицинская академия.

Три дня я ходил оглушённый по громадному, показавшемуся мне необыкновенно мрачным городу, оглушённый в буквальном смысле, ибо, в самом деле, оглох, временно оглох на оба уха в тот самый момент, когда старенький Ли-2 тяжело присел на Ленинградский аэродром.

После зелёного городка с одноэтажными домиками, летними печками во дворах, живописным базаром, садами – громадно-серый Ленинград представился вдруг окаменевшим и нежилым. К тому же я никак не мог представить город объёмно, и оттого он виделся несколько плоским, будто вырезанным из оцинкованной жести.

Ленинград, как мне кажется, имеет удивительное сходство с лёгким крейсером. Но это сравнение пришло позже.

А в светлую июньскую ночь всё было как-то не так, одиноко было, и пугала табличка “Приёмная комиссия” у двери тяжеловатого, с куполом, похожим на тубетейку, здания бывшей Обуховской больницы.

В голове почему-то постоянно вертелась строчка из тургеневского стихотворения в прозе: “О, ты, что желаешь переступить этот порог, – знаешь ли ты, что тебя ожидает?”

Ничего особенного меня не ожидало. В низкой, со сводчатым потолком комнате – прямо-таки монастырской келье – сидел пожилой майор с полным приветливым лицом. Стол, за которым он сидел, и два других стола рядом были завалены документами, и я с внезапным холодком ужаса понял, что весь этот ворох бумаг – документы поступающих. И где-то среди них, словно щепка во взбаламученном океане, исчезнут и мои документы.

– Здравствуй, – сказал майор. – Как фамилия?

Он надел очки и уткнулся в список, где ровными рядочками стояли крестики. Рядом с моей фамилией он тоже вывел крестик.

– Сегодня приехал?

– Ага.

– Привыкай отвечать не “ага”, а “так точно”, – майор усмехнулся. – Сдавай документы, рассыльный тебя проводит. Рассыльный! – крикнул он.

На пороге возник матрос, крепкий, осанистый, с вислыми усами.

– Пулянов, проводите поступающего наверх, к старшине.

– Пошли, – сказал матрос и неторопливо повёл меня по мрачному коридору, а потом по крутой лестнице. И, пока мы шли, меня не оставляло впечатление, что мы то ли в церкви, то ли в музее: вдоль всей лестницы, в специальных проёмах покоились бюсты каких-то великих людей. Было темно, и великие люди показались мне все на одно лицо.

Естественно, я тогда и предположить не мог, что, шагая по крутой, с оббитыми ступеньками лестнице, я иду на встречу с героями моего повествования.

... В углу кубрика худой лохматый парень колотил гантелями по тумбочке и орал:

– Поднялся я на сто второй этаж, там буги-вуги лабают джаз...

Звали его Эрик – добрый весёлый парень, умевший шевелить кончиком носа. Эрику не повезло: после третьего курса его отчислили по болезни, и ему так и не удалось надеть форму морского офицера. Он исчез, исчез навсегда. Пожалуй, это единственный однокашник, о котором я ничего не знаю.

Грохот гантелей перекрыл командирский голос:

– Дробь, прекратить шум! Ещё раз увижу с ногами на койках, будете наказаны.

В дверях стоял сурового вида старшина первой статьи, высокий, худой, бровастый. Звали его Николай Ермилов. Он уже успел окончить фельдшерское училище и отслужить четыре года на линкоре “Октябрьская революция”. Его жизненный опыт не шёл ни в какое сравнение с нашим опытом вчерашних десятиклассников.

– Вот, новенького привёл, – сказал матрос Пулянов. – Медалист... на нашу голову! – хмуро добавил он. И звучно хлопнул себя по затылку.

Пророчество, или Стрижка “под “ноль”

Когда происходит перелом в жизни, и вы оказываетесь на гребне судьбы, непременно встретится человек, который безошибочно предскажет то, что произойдёт с вами в ближайшие двадцать пять лет. Именно таким человеком стал для меня парикмахер Макс.

Если бы существовали учёные степени среди парикмахеров, Макс, безусловно, получил бы степень доктора парикмахерских наук, а возможно, его избрали бы и в академики. Достаточно было взглянуть на его руки с тонкими чувствительными пальцами, покрытые желтоватым налётом, точно после йода. Руки жили своей особой, одухотворённой жизнью, и я убеждён: вложи в них скальпель, кисть или грифель, они сотворили бы чудо. У Макса были руки творца.

Густой серебристый бобрик, высокий эллиптический лоб, тёмные, с гипнотическим блеском глаза и какая-то неторопливая стремительность движений, в которых были и полёт, и точность, и, я бы сказал, музыкальность, словно, намазывая щеки клиента, он одновременно дирижировал оркестром, – вот некоторые штрихи к портрету Макса.

На Максе всегда был чистый, накрахмаленный халат. Гласные он произносил в нос, как старый петербуржец, может быть, потому маленькая парикмахерская с облупленным потолком, с пятнистым, как в бане, зеркалом в тяжёлой, выкрашенной бронзовой краской раме напоминала артистическую уборную.

Прикасаясь надушенными пальцами к розовой лысине клиента – профессора-терапевта, Макс спрашивал:

– Так что же ваш подопечный, дорогой Аркадий Галактионович? Как его докторская?

– Ха, стрекулист! Из молодых, да ранний, – усмехался профессор, презрительно выпячивая губу. – Автореферат в печать отправил. На предзащите

все сидели с открытыми ртами – никто ни шиша не понял... Алгоритмы... компьютеры... Как вы, голубчик, помните... из обычной мухи... знаменитой “мушки доместика” выдули несколько кандидатских и одну докторскую... Так и мой Коленька ухватился за новинки. И пошло, поехало... Математика, кибернетика... Сейчас модно. Не то что мы, старые клиницисты: глаз, палец, ухо – вот и весь арсенал. Да-а, на погост пора, на погост...

– Что это вы погребальные речи завели, уж не от зависти ли?

– От неё, от неё, злодейки. Ничему так не завидуешь, как молодости.

С доцентом-биохимиком Макс говорил о проблемах тканевого дыхания, о сложных ферментативных системах и о синтезе белка.

Доцент покрывался капельками пота, краснел и всё порывался выскочить из кресла.

Макс усаживал его обратно и насмешливо говорил:

– Видите ли, дорогой мой, от ваших оппонентов я отличаюсь тем, что в качестве контрдоводов могу отрезать уши. Представьте себя в аудитории... без ушей. Срам!

Нам только что зачитали приказ о зачислении в Военно-морскую медицинскую академию, и я ощутил себя на гребне судьбы. Было скользковато и ветрено. И тоскливо от неопределённости. Тогда я ещё не знал, что радость может обрести самые неожиданные формы. С гребня виден был старинный парк бывшей Обуховской больницы, серые пирамиды дров, памятник Пирогову, мрачноватые трубы котельной и где-то посередине, справа от асфальтовой реки, посверкивал огонёк парикмахерской.

Новая жизнь начиналась со стрижки “под ноль”.

– Прошу вас, дорогой мой, – величественно сказал Макс и указал мне на кресло.

Стрёт машинки совпал с шумом падающей воды... И я уже плыл, унося пророческие слова Макса: – Умеренно честолобив... Склонен к самоанализу. Тип нервной системы – художественный. Волос хватит только до факультета усовершенствования врачей...

Передо мной разворачивался гороскоп. Я потрясённо молчал. Панорама судьбы, выписанная скупыми и точными мазками, выглядела несколько плоско: ни взлётов, ни падений. По такой дорожке можно спокойно ехать на трамвае. Легковых автомобилей не предвиделось. Где-то рядом всплыла проблема облысения.

Я посмотрел в зеркало на свой лимонного цвета череп и понял, что всё сбудется.

– Следующий, – сказал Макс.

Он умер, как умирают мыслители и художники. Мгновенно, от инфаркта. И парикмахерской той уже нет. Там сейчас, кажется, склад.

“А море и стонет, и плачет...”

Той весной я влюбился в корабли. Я даже помню день и час, потому что стоял “на часах” у бочек с известью в двадцати метрах от строящегося здания клиники Военно-морской медицинской академии. Раньше здесь был парадный вход, обращённый к Фонтанке, и на клумбе цвели петунии, клумбу ограждали якорные цепи, выкрашенные кузбасс-лаком.

Для чего мы патрулировали у новостройки, никто не знал, украсть там было решительно нечего. Я дохаживал предутренние часы – знаменитую “собаку”.

Было холодновато. Я приплясывал на холмике, который раньше был клумбой, – только цепи теперь напоминали об этом. Над головой с самоварным гулом шумели деревья. Ночью, когда я заступил патрулировать, в недостроенном здании ухал филин. Филин редко кричит к добру. Я швырял в темноту, где он кричал, куски окаменевшей извёстки и ругался.

Было ещё серо, в промежутке между домами проступала лёгкая синь.

И вдруг вышло солнце.

Солнце выкатилось из-за крыши дома, окрасило воду в Фонтанке в кирпично-красный цвет. На этом мрачноватом фоне старенький дебаркадер, шлюпки у него выглядели как-то особенно красиво, словно на картинах Альбера Марке. Правда, я не уверен, что тогда в голову мне пришло именно такое сравнение.

Из-под моста вынырнул парходик, белый и сверкающий, и над спящим городом загремело:

*В белом городе у моря
Вновь увидимся с тобой...*

Мне кажется, именно в этот момент в сердце вошла любовь к кораблям.

Впрочем, любовь к кораблям возникла, возможно, ещё раньше, во время лагерных сборов в Приветнинском, когда после стрельбы мы сидели на прибрежных валунах. Плескалась бесцветная вода Финского залива. И вдруг далеко, из сероватой дымки у самого горизонта проступил силуэт крейсера, оказавшегося на самом деле учебным кораблём “Комсомолец”.

Этого учебного корабля уже нет. Много лет назад его разрезали автогеном на части, потом везли на открытых платформах к металлургическому комбинату, и люди с изумлением разглядывали покрытые ржавчиной листы стали с наростом водорослей и раковин, пустые глазницы иллюминаторов и диковинных размеров трубы, напоминающие гаванские сигары.

Потом его расплавили в огне мартена, и навсегда исчезли переборки угольного трюма с надписями, выцарапанными поколениями курсантов, исчезли могучие кнехты с надписью “Океань”, хорошо помнившие изящных гардемаринов морского корпуса, времена плавания Второй Тихоокеанской эскадры, а много позже — и нас, восемнадцатилетних мальчишек, облачённых в синие, ещё не успевшие вылинять робы.

А было так.

В Кронштадт нас отправили на буксире, маленьком и чёрном, похожем на закопченный лапоть. Неловко было нам, “морским волкам”, забираться на столь уютное судёнышко — на набережной Лейтенанта Шмидта стояли знакомые девушки.

Помнится, я устроился в корме, на жёстком, со скользкой рубчатой поверхностью барабане, как потом выяснилось — на обычной стиральной машине.

От Кронштадта в памяти остался синий огонёк на мачте дежурного корабля, напоминавший остывающую звезду, да ещё какие-то склады, амбары и бесконечный причал. Наши шаги звучали напряжённо и гулко, словно под бревнами причала была бездна.

Учебный корабль “Комсомолец” возник из темноты молчаливой глыбой. Корабль походил на брошенный дом.

Таким я увидел его впервые вблизи.

Его ещё нужно было узнать и полюбить. Полюбить огромные кубрики с хлипкими подвесными койками, кочегарку, топки, комингсы, пиллерсы, ватервейсы и замечательно просторные прокладочные палубы.

Широкие квадратные иллюминаторы прокладочных палуб глядели в море, где раскачивались зеленоватые пенные глыбы, мигали в тумане огни портовых городов и где однажды в бинокли мы с трудом разглядели акварельные штрихи плавучего маяка “Хельсинки”.

В прокладочной палубе нас учили водить корабли. И я помню, как был потрясён капитан первого ранга, штурман, обучавший нас прокладке, увидев, как Боб Певцов уверенно прокладывает курс через Африканский континент. Его корабль находился в этот момент в самом сердце Сахары, корабль огибал песчаные барханы, вспугивая пустынных грифов, и молчаливые бедуины принимали его за мираж.

Капитан первого ранга выкинул циркуль за борт и пошёл в лазарет за таблетками от головной боли.

Там же, в прокладочной палубе, лежал старый чугунный жёлоб, по которому сбрасывали за борт шлак. Однажды после вечернего чая мы с Эриком положили тяжеленный жёлоб поперёк палубы и вырубили свет. Каждый, кто шёл через прокладочную палубу в кино, спотыкался в темноте о жёлоб, падал и говорил разные слова. Говорили, впрочем, все одно и то же. Но замечательно другое: грохнувшись на палубу, очередная жертва тут же усаживалась на прокладочных столах, ожидая, кто следующий.

Последним рухнул дежурный “по низам”, долгоязыый парень. Падал он точно в замедленной съёмке, и слышно было, как звенит, перекатываясь, мелочь в его кармане.

За этот эксперимент нам с Эриком дали по пять нарядов вне очереди. Но это было потом.

А сначала был ночной Кронштадт, синий огонёк на мачте, трап над пус- тотой, колокола громкого боя и первый поход, когда на зелёные, бутылочно- го стекла волны мы, не приученные к морской болезни, блевали с каждой па- лубы, и в муках рождалось наше морское братство.

Корабль напоминал Ноев ковчег, на нём были собраны курсанты несколь- ких училищ: будущие корабледоводители, морские врачи, инженеры, связисты. Мы скатывали и лопатили палубы, шуровали уголёк, стояли вахты, а в сво- бодное время пели под гитару знаменитую курсантскую песню:

В та-зу ле-жат четыр-ре зуба!

А я, как безумный, рыда-а-л...

Нам было девятнадцать. Мы готовились стать членами самого дружного в мире коллектива — экипажа корабля!

А пока старина “Комсомолец” то и дело давал понять, что морская служ- ба — не сахар и в море должны ходить люди с твёрдым характером.

Непостижимы законы памяти.

Можно было сейчас, например, вспомнить первое в моей жизни морское учение — учение Балтийского флота, когда из-за дымовой завесы выскочили вдруг торпедные катера и пошли в атаку на нас, и тревожно заныло сердце: а вдруг “взаправду”? И как легко стало, когда застучали орудия и с тусклого, как застиранная простыня, неба стали пикировать наши истребители-бомбар- дировщики, и сквозь синеватую предрассветную мглу обозначились очерта- ния идущих к нам на помощь кораблей с крейсером во главе.

— Та-та-та! — стучали пулемёты.

Тёмная линия горизонта внезапно лопнула, пропуская багровый купол солнца, тревожно запылали облака, и по “Комсомольцу” покатились жут- кая команда: “Газы”...

Можно было вспомнить заход в Лиепая — чистенький зелёный городок с игрушечными трамвайчиками, первый наш “берег” после двухнедельного плавания, рождавший ощущение, которое испытывают моряки, оказавшиеся в иностранном порту.

Но больше всего почему-то запомнилась первая вахта в кочегарке.

И первая флотская селёдка...

Часа в четыре утра матрос-рассылный неласково вытряхнул нас из под- весных коек.

— Ты чего, а? — испуганно тарачился Эрик, потирая ушибленный о палу- бу зад.

— Чего, чего. На вахту. Спите, как суслики.

С кораблём, между тем, происходило нечто странное: он то, покряхты- вая, взбирался на гору, некоторое время застывал там, потом тяжело, со вздохом, скатывался, и в самой глубине его что-то скрежетало, ухало, гре- мело.

Кубрик, освещённый голубоватым светом плафонов, был пуст — опустев- шие койки как бы парили под потолком, изредка сталкиваясь друг с другом. Всё это производило странное впечатление.

— Где остальные? — спросил я.

— Блюют, — коротко пояснил дневальный. — До десяти баллов раската- ло. Готланд проходим.

А море, как в песне, стонало и плакало, иногда переходя на вой.

Дневальный долго вёл нас полутёмными коридорами, стремительно со- скальзывал в какие-то люки, откуда бил тёплый, пахнувший машинным мас- лом воздух.

Наконец, мы опустились на скользкие пайолы, где-то у самого днища ко- рабля, — море гудело уже над головой, — и огромный, с бронзовой волоса- той грудью кочегар весело заорал:

— А-а! Пидмога пришла. О, це гарно... У-у, орлы! Доктора, что ли? Нор- мально! Что делать будете? Сейчас узнаете.

Он прошёлся перед нами, почёсывая грудь, и, точно в бочку, сказал:

— Вот лопата, вот уголёк. Шуруй, мариманы! Делай, как я.

Он подхватил на лопату несколько увесистых кусков угля и метнул в топку. Получилось ловко, точно в руке у него была не лопата, а бильярдный кий.

– О, тебе хорошо... А ну-ка вот ты, мосластый, попробуй.

Я взял лопату и попробовал сделать то же самое. Не тут-то было! Дверца топки захлопнулась раньше, чем я успел забросить уголёк, только куски брызнули в разные стороны. Со второго раза мне удалось забросить в топку... лопату.

– Ото ж да-а! – веселился кочегар. – Ну, артисты! Не стоять, вкалывать! То тебе не клизму поставить.

Ревело море, ревели вентиляторы. Никогда бы не подумал, что лопата может быть такой тяжёлой.

От жары и качки всё вокруг плыло перед глазами. Котел разбухал на глазах, заполняя всё пространство кочегарки, а прожорливые топки всё требовали и требовали угля.

Уголь к топкам приходилось подтаскивать в вагонетках. Нагружались вагонетки в узком, как гроб, бункере.

В сумрачном лампадном свете, под близкий грохот моря я швырял в вагонетку куски угля и ругался.

– Шуруй, мариманы! – покрикивал кочегар.

А мне хотелось лечь на пайолы и думать о чём-нибудь хорошем, но в голову упорно лезли слова песенки: “На палубу вышли, а палубы нет, её кочегары пропили...”

Эрик маялся – его вот-вот вывернет наизнанку.

К нашему счастью, откуда-то из глубины кочегарки возник плотный, кудрявый старшина. Он усадил нас под вентилятором и дал воды.

– Ничего, курсачи. На флоте трудно служить только первые двадцать пять лет, – сказал он. – Матушенко, ты чего, сачок, расселся? Ребята, что негры на плантации, уродуются, а ты сидишь. Давай живо вагонетку с углем. А вы, ребята, отдохните малость, а потом я вам покажу, что и как. Дело-то нехитрое.

К восьми часам утра качка стала утихать. Мы с Эриком еле держались на ногах.

Старшина принёс большой медный чайник, достал из тумбочки селёдку, хлеб, сухари и предложил:

– Присаживайтесь, курсачи, перекусим.

– Люблю пожрать, – сказал кочегар-громилла по фамилии Матушенко. – Сидайте. Чаёк у нас особый, кочегарский. Из этого чайника, – он с нежностью погладил медный лоснящийся бок, – можно сказать, Римский с Корсаковым чаёк гоняли. То-то! А теперь мы. Чудно даже.

Через несколько лет я узнал, что на судне “Океань”, переименованном потом в “Комсомолец”, морскую практику проходил гардемарин Римский-Корсаков, будущий композитор, а позже – писатель Виктор Конецкий. С Виктором Викторовичем мы встречались несколько раз, переписывались. В одном из писем он писал: “Масса, конечно, пересечений у нас с Вами в морской жизни”...

Мы пили крепкий чай, ели тёплый поджаристый хлеб и селёдку. Чудо-селёдку!

До конца вахты оставалось полчаса. Корабельный хронометр равнодушно проглатывал минуты. Там, наверху, уже было светло, влажный ветер срывал пену с гребней волн, трепал брезентовый плащ на крошечной фигурке вперёдсмотрящего. На вахте стояли наши ребята: медики и будущие связисты, инженеры и минёры. И пусть не мы сегодня вели корабль, пусть выполняли второстепенную работу – корабль шёл, шёл вперёд, и это было самым главным.

– Ну что, курсачи, – сказал, наконец, старшина, – шабаш, как говорится. Благодарю за службу. Тяжеленько пришлось? Ничего. Привыкнете.

Матушенко положил мне на плечо тяжёлую руку и, улыбнувшись, сказал:

– Вы не сердчайте, хлопцы. На корабле без подначки, что харч без соли. Шкура будет крепче. В санчасть сходите, руки надо перевязать. Ишь, музулей нарвали, интеллигенция.

– На вахту проситесь только к нам, – напутствовал старшина. – Здесь работа так работа. И селёдочка что надо.

Когда мы уже подошли к трапу, Эрик вдруг сунул руку в вагонетку с углем, потом, осторожно оглянувшись, растёр по лицу угольную пыль.

— Для колорита, — пояснил он мне. — Как-никак, мы с тобой теперь чечегары. Давай-ка я и тебя оформлю. — И он старательно вымазал мою физиономию.

Корабельная сторона

Море даёт морякам суровые уроки. Несколько лет спустя и я получил такой урок.

Хорошо помню то январское утро 1961 года. Севастополь. Корабельная сторона, солнце, иней на крышах, пустые, прозрачные сады. И запах, скорее осенний, чем зимний: солений, перебродившего виноградного сока и ещё дыма костров — в садах жгут листья.

Я возвращался домой после дежурства в госпитале. Нас, небольшую группу врачей-подводников, направили на усовершенствование по хирургии. Ночка выдалась хлопотная: несколько часов у операционного стола, а под утро привезли моториста с проникающим ранением сердца. Парня спасли. И, хотя я только ассистировал, всё моё тело, до последней клеточки, было наполнено приятной усталостью, какую всегда испытываешь после удачно проведённой операции.

Мы с женой снимали крошечную комнату в доме, стоящем на улице, скатывающейся к морю, и ночами было слышно, как ворочается, живёт, погромыхивает Корабельная сторона, а утром этот равномерный, неумолчный гул пробивали пронзительные трели боцманских дудок, а чуть позже, во время подъёма флагов на кораблях, трубили горнисты.

В нашей комнатке стояла старинная кровать с медными шарами на спинках, пузатый комод, а в кухне над печью висели гирлянды лука и чеснока. Во дворе за сараем прилепилась коптильня. Хозяйка, вдова моряка, коптила в ней янтарную, с золотыми прожилками барабульку. В ветреную погоду ветви миндаля с лёгким звоном стучали в окно.

Я шёл, представляя уютную тишину комнаты, нашего временного жилья, прибежища посреди дорог, перестука колёс вагона, тоскливого крика паровоза, сулящего разлуки и радость встреч. Я был счастлив в то утро, с жадностью вдыхал горьковатый дымок костров, чадающих за высокими каменными заборами, и всё вокруг виделось отчётливо, остро и так же остро запоминалось. Я миновал площадь, на которой стоял пустой троллейбус с опущенной дугой и молочно-белыми, запотевшими за ночь стёклами, и тут увидел их. Три офицера и мичман шли странной какой-то походкой, будто не шли, а плыли, поддерживая друг друга. И я не сразу понял, что они пьяны. Я знал этих парней — вместе столовались в бригаде подводных лодок.

“Что это они с утра пораньше?” — подумал я и пошёл навстречу, вглядываясь в их окаменевшие лица, ещё не испытывая, а как бы предчувствуя тревогу.

— Привет! — сказал я. — Со свадьбы, что ли?

— Какая свадьба, — хмуро отозвался старший лейтенант, штурман. — С-80 не вернулась из полигона. — Губы у него дрогнули. — А у меня на ней друг, на соседних койках в училище спали.

С-80? Лодок с таким номером в нашей бригаде не было...

— А где? В каком полигоне? — растерянно спросил я.

— На Северном флоте. Второй день ищут. Гробанулись, видно...

И они прошли мимо, унося на плечах тяжёлую ношу горькой вести. А вокруг всё кричало о жизни, о скорой крымской весне с влажными ветрами и розовой пеной цветущего миндаля.

Я стоял, ощущая, как струйка холодного пота соскальзывает между лопатками, пытаюсь осознать грубоватое и ёмкое “гробанулись”, а перед глазами встал другой день, сущность которого я понял только сейчас. Ведь и мы могли...

Наша лодка дифферентовалась неподалёку от Феодосии. Обычный плановый выход. Я сидел на своём “боевом посту” — за обеденным столом во втором отсеке, на котором в случае необходимости я должен был оперировать. За спиной — посудный шкаф. На противоположном конце стола примостился замполит, шелестел какими-то бумажками. Шипение сжатого воздуха, плеск воды, запах щей и мокрой резины. И вдруг лодка провалилась вниз,

в глубину, с резким дифферентом на корму. Замполит упал со стула, посудный шкаф распахнулся, и фаянсовые тарелки, описав дугу, с грохотом расколосились о край стола, осколки брызнули в разные стороны. А лодка стремительно соскальзывала вниз. Ничего, не понимая (это был мой второй выход), я ухватился за дверцу шкафа, и тут тишину рассёк крик. Я с трудом узнал голос механика. Лодка дрогнула, замерла на месте, покачалась, в глубине её что-то хрустнуло, зашипело, и стало слышно, как булькают пузыри воздуха. Длилось это, как мне показалось, целую вечность, и в себя я пришёл только тогда, когда услышал тяжёлый всплеск: лодка всплыла по-аварийному и покачивалась теперь на волнах. Несколько секунд тишины, и спокойный голос командира возвестил: “Свободному от вахт офицерскому составу разрешается подняться наверх”.

Я отдраил кремальеру, протиснулся в межотсечный люк в центральный пост, снял с крючка жетон и по скользкому трапу поднялся в рубку. Объёмный, наполненный солнцем мир. В отдалении, сквозь дымку проглядывались горы. Волны заплескивали в шпигаты и с шипением опадали. Отсюда, с высоты рубки, лодка казалась маленькой и ненадёжной.

– Доктор, а что сегодня на обед? – с усмешкой спросил командир.

– На обед? – поразился я, не понимая, как после того, что произошло, можно думать об обеде.

– Что рубать будем, док?

Я сказал, сказал и про разбитую посуду.

Командир рассмеялся.

– Не забудь отметить это событие в вахтенном журнале, а то тыловики потом затаскают, начёт пришлют. Ничего, сервис для кают-компании купим. Скинемся по рваному, и купим.

В рубку поднялся механик. Он был голым по поясу. На груди, испачканной машинным маслом, проступили крупные капли пота. Пилотка сдвинута на лоб. Он жадно закурил.

– Ну что, механик! – в голосе командира послышались жёсткие нотки. – Так провалиться при дифферентовке! А дно-то здесь илистое, воткнулись бы кормой и... – Он не закончил, швырнул папиросу за борт. Окурок подхватило ветром и отбросило метров на пять...

Дурные вести быстро распространяются по флотам. Вечером мой однокашник, с которым я учился на курсах, сказал:

– На С-80 Володя Зубков был. Обеспечивал выход. Поиски лодки продолжаются, но, скорее всего, лодка погибла.

Боже мой, Володя! Разом погас целый мир: это и тот окопчик с рыжим осыпающимся бруствером, откуда в военном лагере под Приветинском мы с ним бросали учебные гранаты; и тяжкий, одуряющий запах анатомички; и удивительная кафедра боевых средств флота, где в коридоре шелестели знамёна, на стеллажах лежали торпеды и мины, где устройство шлюпки преподавал мичман по прозвищу Карасин, и мы от него впервые услышали звучные, как заклинание, слова: пиллерс, подлегарс, ширстрек; это и первая самостоятельная операция, и первый самостоятельно поставленный диагноз; и, наконец, удивительное, ликующее чувство, которое все мы испытали, когда, скосив глаза, впервые увидели на собственных плечах новенькие погоны с лейтенантскими звёздочками, а у левого бедра ощутили приятную тяжесть кортика. Неужели всё это может исчезнуть?

О подводной лодке С-80 ходили невероятные слухи; один, самый нелепый – лодка со всем экипажем ушла к... супостату. Говорят, семьям погибших какое-то время даже не выплачивали пенсии. Пресса в те годы угрюмо отмалчивалась. Первые сообщения появились лишь в 1990 году.

Из рассказов участников ЭОН – экспедиции особого назначения, документов, публикаций мне удалось более-менее точно восстановить события, произошедшие много лет назад. К тому же, какой-то собственный опыт у меня уже был.

27 января 1961 года подводная лодка С-80 под командованием капитана третьего ранга А. Ситарчика шла под перископом в режиме РДП – работы дизеля под водой. Штормило. В том районе Баренцева моря всегда неспокойно. Выдвижные устройства покрылись коркой льда. Когда волна захлёстывала шахту РДП, дизель начинал стучать с переборами, в отсеках падало давление, и рулевой-горизонтальщик морщился, удерживая штурвал. Где в этот момент был Володя Зубков? Скорее всего, на “боевом посту” – во втором отсеке.

Командир лодки не отходил от перископа. Ударил снежный заряд, видимость резко снизилась, а тут, как всегда бывает по закону подлости, забарахлила радиолокационная станция. Командир развернул перископ и сквозь белесую муть с трудом различил тень судна, скорее всего, траулера, пересекающего курс лодки, коротко скомандовал: “Лево на борт!” – пытаюсь разойтись с траулером, но через несколько минут понял: опасность столкновения сохранена, и тогда последовала команда: “Срочное погружение!” Дизель замер. Наступившую тишину разорвал нарастающий гул поступающей воды, и лодка стала стремительно проваливаться на глубину. Трагедия произошла в 14 часов 20 минут.

Это потом комиссия установит, что у С-80 была конструктивная особенность: шахта РДП оказалась значительно шире, чем на других средних подводных лодках, на верхней крышке шахты намёрз лёд, и она не могла закрыться. Когда вода ринулась в пятый отсек, два моряка пытались предотвратить аварию, но было уже поздно. Их так и нашли вместе. Установлено и то, что экипаж до конца боролся за живучесть корабля, и им удалось сделать почти невозможное – мягко опустить лодку на грунт. Они пытались всплыть, но иссякли запасы воздуха высокого давления...

До глубокой осени в районе, где затонула С-80, шёл интенсивный поиск. В поиске участвовало свыше 40 кораблей, судов, самолётов и вертолётов – безрезультатно. Флот тогда ещё не располагал эффективными средствами поиска, ещё не было ни гидрографического эхотрала, ни подводной телевизионной установки, ни буксируемого магнитного металлоискателя. И только спустя несколько лет в районе промысла рыбаки случайно зацепили тралом подводный объект. Им оказалась С-80.

Подводную лодку подняли и отбуксировали в бухту Завалишина. Для извлечения тел погибших были созданы бригады врачей. Володю Зубкова опознали по медицинским эмблемам на истлевших погонах. Выяснилось одно странное, почти мистическое обстоятельство: Володя вышел на ракетные стрельбы... не на своей лодке. Однокашник, уезжающий в Архангельск на курсы усовершенствования, попросил Зубкова вместо себя сходить в море, всего на несколько суток. Судьба у этого однокашника тоже не сложилась. Должно быть, его угнетало, что он как бы проживает чужую жизнь.

Четверть века спустя после трагедии белой ночью стоял я у памятника, сделанного матросскими руками, на котором среди прочих имён было начертано: “Лейтенант медицинской службы Зубков В. И”. Лысеющий полковник стоял у могилы юного лейтенанта. Теперь уже вечно юного...

Суровое и строгое место выбрали моряки для братской могилы – скалы, отливающее свинцом море. Тревожный свет рождался в вышине, за ржавыми, напоминающими коралловые рифы облаками, и в свете этом чахлая зелень была ядовито-зелена, а берег, казалось, подёрнула плесень: цвела пушица – клочки ваты, нанизанные на голые жёсткие стебли. За памятником рождался туман, он густел, уплотнялся на глазах, словно поставили дымовую завесу, и в эту туманную пустошь с отчаянными криками кидались чайки, растворялись, таяли в ней.

Я снял фуражку. Лёгкий ветерок шевелил волосы. Всё вдруг как бы застыло. И сопки, и море, и кустики пушицы словно встали в почётный караул. Даже чайки перестали орать. Как вдруг под опалёнными облаками родился звук, точно судорога пробежала по сопкам, звук отдался плаксивым эхом – в бухту входила подводная лодка. Пейзаж был суров. А я видел весёлую суетолюку на площади перед Финляндским вокзалом и Володю в новенькой форме, с улыбкой на губах. Нам только что в старинном парке Военно-медицинской академии вручили дипломы, впереди были дальние дороги, и никто ещё не знал, как сложится его судьба.

Тогда, у Финляндского вокзала, я видел Зубкова в последний раз. Прошло пятьдесят пять лет. Многое из жизни Володи подёрнулось дымкой. Каким он был? Застенчиво-тихий, молчаливый, вроде бы нерешительный. Но в его угловатой фигуре чувствовалась сила. И ещё – надёжность. Теперь, когда мне стукнуло восемьдесят, это качество я стал особенно ценить в людях.

На памятнике надпись: “Вечная память подводникам экипажа ПЛ С-80, погибшего при исполнении служебных обязанностей”. Шестьдесят восемь человек погребены под плитами. Сколько таких памятников стоит на российской земле, а для иных моряков нет и надгробий – только координаты, занесённые

в вахтенный журнал, да изредка – цветы на воде, сброшенные с борта корабля в память о погибших. Сколько вдов, взрослых сыновей и дочерей приходит к могилам! В храмах в те дни горят поминальные свечи, и своды отражают скорбно-светлые слова молитв...

Возрождения к жизни не произошло

Я сейчас уже не помню ни номера той больницы, ни где она размещалась; запомнились грязноватые коридоры, палаты, напоминающие камеры вытрезвителя, и дежурные санитары в жёваных халатах, надетых на синюю милицейскую форму. Не уверен, что в наше смутное время ещё существуют такие очаги гуманизма и любви к людям.

А тогда в эту больницу со всего Ленинграда свозили пьяниц, получивших ту или иную травму. Нужно сказать, что случаи встречались уникальные. Во хмелю для сведения счётов люди использовали самые различные предметы: сковороды, пивные кружки, логарифмические линейки, эмалированные тазы китайского производства, стеклотару и даже детские коляски. Я был свидетелем случая, когда в травматологическое отделение доставили мужчину среднего возраста с рваной раной на темени. Клиент владел приёмами бокса и самбо и так изощрённо ругался, что его приняли за матроса с какого-нибудь сухогруза. Мы всей хирургической бригадой, включая дежурного милиционера, привязывали его к операционному столу, при этом он всё же ухитрился правым хуком закатать одному из хирургов в нос. Утром выяснилось, что молодец – доцент кафедры марксизма-ленинизма Лесотехнической академии. Отмечал защиту докторской диссертации!

Мы, слушатели академии, проходили в этой больнице практику. Очень удобно: пострадавших можно было зашивать без анестезии, они и так были под раушем, то есть кайфом, к тому же там нас подкармливали, и мы познавали жизнь в неотредактированном виде. Как-то на пятиминутке начальник отделения сообщил, что под утро в травматологию поступил известный ленинградский писатель Георгий Шамин (фамилия изменена) с переломом костей носа и ушибленной раной правого предплечья, и... в состоянии алкогольного опьянения.

Это сейчас писатели утратили своё значение, встали в ряд обычной обслуги, призванной развлекать утомлённого обывателя. Социологи утверждают, что уже два поколения молодых людей вообще не читают книг. В моё время писатель, да ещё известный, был чем-то вроде мессии. На поэтические вечера было не попасть, свободные билеты спрашивали за два квартала до дворца культуры, где происходила встреча с литераторами.

Роман Георгия Шамина "Возрождение к жизни" я купил с лотка в поезде, отправляясь домой на каникулы, и прочёл под мерный перестук колёс. Не скажу, что роман мне понравился. В нём шла речь о спившемся музыканте, скрипаче, который дошёл, что называется, "до ручки", и его, в соответствии с канонами социалистического реализма, спасает влюблённая медицинская сестра. Но меня поразили глубокое знание автором методики лечения хронического алкоголизма и подробное, я бы сказал, художественно точное описание клиники психиатрии, где обретался несчастный герой, один к одному напоминающей клинику Военно-медицинской академии. Дело в том, что мы в это время проходили курс психиатрии, слушали лекции знаменитого профессора Чистовича и вели больных.

Об Андрее Сергеевиче Чистовиче нужно сказать отдельно. Потомственный дворянин, учёный, эстет, он представлял древний, чудом сохранившийся род Чистовичей, вошедший в историю отечественной медицины, да и не только медицины. Прадед Андрея Сергеевича, тайный советник Яков Александрович Чистович, в семидесятые годы позапрошлого столетия был начальником Военно-медицинской академии. Под его руководством трудились такие корифеи, как Боткин, Доброславин, Руднев, Склифосовский, Бородин и многие другие. О Чистовичах можно написать захватывающий исторический роман, но оставим эту идею романистам-историкам.

В середине пятидесятых годов Андрей Сергеевич Чистович походил на Бунина времён вручения ему Нобелевской премии: узкое, холёное лицо, седоватые, зачёсанные на пробор волосы, серые, пронзительные, несколько надменные глаза. Говорил профессор на превосходном русском языке. Вообще,

языку дикции, чистоте произношения Чистович уделял особое внимание. “Слово лечит, – любил повторять он, – поэтому важно, как его произнести”.

Свои лекции, несколько академичные и суховатые, профессор оживлял неожиданными репликами, рассказами о таинственном и необычном в природе человека. Как-то, обратившись к аудитории, он спросил: “Сновидения – область особая, об этом мы поговорим отдельно. Скажите, приходилось ли кому-нибудь летать во сне?” Летали, конечно, многие, но признался в этом курсант Вася Природа – здоровенный парень, удивительно соответствующий своей фамилии. Чистович потёр руки и задумчиво сказал: “Представители вульгарно-материалистического направления в психиатрии утверждают, что подобные сны возникают лишь при мгновенном опорожнении кишечника. У меня, признаться, другая точка зрения”. Какая именно, узнать не удалось, старшины несколько минут не могли унять хохочущую аудиторию. У Васи долго потом спрашивали: “Ну как, сегодня летал во сне?”

В другой раз Андрей Сергеевич завёл речь о парапсихологии, телекинезе (это в середине пятидесятых годов!). Оказалось, что он дружил с известным иллюзионистом Вольфом Мессингом. Кому позже довелось читать книги Мессинга, может представить, какое это впечатление произвело на нас. Сейчас бы сказали: “Крыша поехала!” И поедет, если лектор приглушённым голосом вам сообщает, что лично присутствовал при сеансе телекинеза. Пустой спичечный коробок ёрзал по столу под взглядом Мессинга. Однажды Чистович заговорил о Фрейде, его методе психоанализа, хотя теории этого венского психиатра были тогда под строжайшим запретом. Но, конечно же, самый грандиозный эффект произвёл сеанс гипноза, проведённый после одной из лекций. Признаюсь, позже я не видел ни одного действия, которое бы так ошеломило меня. Если профессор-патологоанатом Вайль заставил меня задуматься о вечности, то Чистович подвёл к пониманию некоего иррационального начала в нашем бытии.

Практические занятия по психиатрии мне понравились куда меньше, ибо трудно представить себе более печальное место на земле, чем сумасшедший дом.

С клиникой психиатрии мне довелось познакомиться ещё на втором курсе: сопровождал курсанта из своего взвода. После конфликта с командиром роты с Эриком случилось что-то вроде истерики. Возможно, впечатление усилили белые ночи, но тогда, в приёмном отделении клиники, мне, театралу, показалось, что я присутствую на спектакле с хорошо поставленной мизансценой. Теперь-то я убеждён, что идея театра абсурда родилась в предбаннике такой вот психушки.

Одноактная пьеса запомнилась на всю жизнь. Действующие лица: мальчишка-узбек из военно-строительного отряда, красномордый старшина-сверхсрочник, доставленный в состоянии “белой горячки”, и доцент полковник из артиллерийской академии. Дежурного врача срочно вызвали в палату (что-то там произошло), санитар то и дело куда-то выходил, поэтому никто не мешал развиваться действию. Мы с отошедшим уже однокурсником выступали в роли зрителей.

Солдатик-узбек, сидевший в углу на полу, каждую минуту задира л голову и тоскливо, нараспев спрашивал: “Где-де я?” Сверхсрочник, оживившись, с удовольствием указывал ему место, где тот находится (не трудно догадаться, что он имел в виду), затем начинал что-то брезгливо стряхивать с себя, бормоча: “Зелёные, те ничо, ласковые, а вот красные дже поганы”. Ему казалось, что по нему бегают черти. “Где-де я?” – снова вопрошал страдалец. Сверхсрочник сменял адресование и принимался хохотать. Наконец, это занятие ему надоело, и он обратил внимание на полковника. “Ты кто?” Полковник встал и с достоинством представился: “Гвардии полковник... доцент”. Старшина погрозил ему толстым, как обрезок водопроводной трубы, пальцем и сказал: “Не-е, ты уже не полковник”. “А кто же я?” – тревожно озираясь, спросил доцент. “За нарушение устава внутренней службы я тебя понижаю в звании до подполковника, во!” “Как? Почему?” – у несчастного выступила на губах пена, и он начал кататься по полу. Пришёл санитар, переложил полковника на топчан, успокоил и опять ушёл. И всё началось сначала. “Где-де я?” – тоскливо вопил солдатик. Сверхсрочник озадаченно скрѐб затылок и отыскивал ему подходящее место, затем катался по полу полковник, пониженный в звании до старшего лейтенанта. К моменту появления дежурного

врача я поймал себя на том, что мне нестерпимо хочется задрать к потолку голову и тоскливо завывать: “Где-де я?”

Когда я, оставив однокурсника в этом весёлом месте, покинул клинику, у самого входа прочитал объявление: “Внимание обслуживающего персонала! Большой похитил прут от каминной решётки, будьте бдительны!” Я нёсся по пустынной улице, и мне всё казалось, что за мной гонится некто в белом с прутом в руке.

Однако вернёмся к писателю Георгию Шамину. После “пятиминутки” я помчался вниз, на первый этаж, где в палатах-камерах временно содержались клиенты спецотделения. Дежурный санитар указал мне глазами на пожилого человека, сидящего на краю привинченной к полу койки. Лицо забинтовано, глаз заплыл от чудовищного синяка. Во всей его фигуре было столько безнадежно-горького, что я не решился подойти. На одной из лекций я послал Чистовичу записку, в которой просил уточнить, не лечился ли в его клинике писатель Шамин. Профессор прочитал записку, назвал мою фамилию. Я встал. Андрей Сергеевич глянул на меня: “Отдаю должное наблюдательности коллеги, автор нашумевшего романа “Возрождение к жизни” и в самом деле мой давний пациент, — профессор развёл руками. — Увы, возрождения к жизни не произошло”.

Курс психиатрии закончился, но судьба ещё раз свела меня с этим удивительным человеком. Я тогда увлекался авангардистской живописью, особенно сюрреализмом. Оно и понятно — “оттепель”. В Эрмитаже, Русском музее из запасников извлекли ранее запрещённые картины. Одна выставка сменяла другую. От всего этого голова шла кругом. Сальвадор Дали — альбом с репродукциями его картин каким-то чудом раздобыл мой приятель — настолько поразил меня, что я решил поделиться своими наблюдениями с профессором Чистовичем. Шёл не без робости. Андрей Сергеевич, напротив, встретил меня очень тепло, и вопрос мой его не удивил. Он повёл меня в свой кабинет, усадил в кресло и положил передо мной рукопись монографии, не помню сейчас, как она называлась, но посвящена была творчеству душевнобольных. Монография была иллюстрирована рисунками несчастных, страдающих теми или иными расстройствами психики. Именно от Чистовича я впервые услышал о Марке Шагале и впервые увидел рисунки Чурлёниса. Не знаю, удалось ли Чистовичу издать книгу. Вряд ли.

Пожар в бардаке во время потопы

В пятьдесят пятом году, весной — в парке бывшей Обуховской больницы уже цвела квёлая сирень — в Военно-медицинском музее проходило сверхсекретное совещание руководства военно-медицинской службы страны. Нас, курсантов-первокурсников, вооружённых карабинами с примкнутыми штыками, выставили у входа и на лестнице, ведущей на второй этаж. Задача была предельно простой: проверять у участников совещания пропуска и следить за тем, чтобы в здание не проникли шпионы.

Я стоял на верхней площадке лестницы, и мимо меня в конференц-зал проследовали все светила военной медицины во главе с начальником Центрального военно-медицинского управления. В глазах рябило от генеральских погон, лампасов, орденов и лауреатских значков. Вблизи генералы оказались самыми обычными людьми, они шутили, толкались, как мальчишки, на ходу рассказывали анекдоты. Ко мне обратился ветхий старичок, генерал-лейтенант, маленький, лысый, с детскими голубыми глазами:

— Молодой человек, а я пропуск забыл. Или посеял где-то по дороге. Что теперь делать?

— Не могу знать! — отчеканил я.

— А кто же тогда мне разъяснит? Может, вообще лучше не ходить?

— Так точно!

Старичок хихикнул:

— Так точно — да? Или так точно — нет? Пожалуй, не пойду. Спасибо вам, милый, надумили старого дурака.

И он стал осторожно спускаться по лестнице вниз.

Толпа участников совещания иссякла, двери конференц-зала захлопнулись, и воцарилась совершенно секретная тишина. Было слышно, как на деревьях в сквере чирикают воробьи, изредка с Витебского вокзала доносился

вскрик электрички. Вдруг дверь конференц-зала открылась, и по коридору пробежал подполковник – чистенький, прилизанный, узкое безбровое лицо его выражало глубокую озабоченность. Каждый его шаг отдавался дробным эхом под потолком, казалось, что у него вместо ступней проросли козлиные копытца.

Подполковник спустился по лестнице, и я услышал его приглушённый голос:

– Иван Тимофеевич, пленум начался... Ваше место в президиуме. Не хорошо, право...

– А идите вы все к такой-то матери! – громыхнул бас, даже хрустальные подвески люстры в холле зазвенели. – Чем вы там занимаетесь? Засекретили переливание крови и выгибениваете. Лучше бы пиво в буфет завезли. Ступай, я отсюда послушаю.

Когда подполковник пробежал мимо меня, на лице его запечатлелось такое выражение, словно в галифе ему сунули ежа, и ёж передвигается по штанине.

С верхней лестничной площадки обладатель мощного баса не был виден. Я, крадучись, спустился на несколько ступенек вниз, перевесился через перила и испуганно замер: в холле музея почти под лестницей в кресле восседал генерал-майор в морской форме, он был могуч, грузен, впечатление портила непропорционально маленькая и совершенно лысая головка. Генерал развлекался тем, что крутил на пальце свою фуражку с шитьём. Неожиданно он поднял голову, глянул на меня и подмигнул:

– Гляди, сынок, ружжо уронишь. Вот шуму-то будет! Всё старичье проснётся.

И гулко захохотал.

Начальника медицинской службы Северного флота генерала Цыпичева второй раз довелось мне увидеть только через четыре года, но к тому времени я уже немало знал об этом легендарном человеке.

Девятнадцатилетним мальчишкой он четыре месяца служил фельдшером в банде батьки Махно, потом перекинулся к красным, не то к Щорсу, не то к Котовскому. В тридцатые годы окончил Лесотехнический институт и Военно-медицинскую академию, воевал на Тихоокеанском флоте, на корабле, которым командовал Чабаненко, а когда прославленного адмирала назначили командующим Северного флота, стал у него начмедом. О чудачествах Цыпичева гуляли на флоте анекдоты. Иван Тимофеевич писал стихи, его виршами, в основном санитарно-просветительной направленности, были увешаны стены гарнизонных медицинских учреждений. В Североморске, в поликлинике на улице Сафонова, висел, к примеру, такой лозунг: “Мускул свой, дыхание и тело тренируй с пользой для военно-морского дела”. От лозунга отдавало поздним Маяковским, но тот всё же о “военно-морском деле”, насколько я помню, не упоминал.

И ему всё сходило с рук. Организатором медицины Цыпичев был от Бога, всё новое в те времена зарождалось и осваивалось на Северном флоте, с Иваном Тимофеевичем охотно работали учёные, когда генерал утверждался на трибуне какого-нибудь высокого собрания, зал замирал в ожидании его очередной выходки. А уж второго такого матершинника ни на одном из флотов больше не было. Ругался Цыпичев со вкусом, используя такие переборы, что боцманы только кричали от удовольствия. В Медицинском отделе допоздна светились окна: генерал и офицеры резались в домино. Иван Тимофеевич говорил: “Если в “козла” не играешь, лучше сразу переводись на другой флот”. Он мог в один присест выпить литр водки, не пьянел и потому не переносил пьяниц.

После пятого курса нас, слушателей академии, направили на стажировку на Северный флот. Я оказался на крейсере “Александр Невский”. Крейсер стоял у стенки в судоремонтном заводе с разобранной машиной, надстройки были облеплены строительными лесами, вонь, грохот пневматических молотков, визг пил, всплески электросварки. Заниматься мной было некому, я целыми днями валялся на койке, спал, читал, а вечерами отправлялся на танцы в Дом офицеров флота. Там обычно собирались такие же бездельники с других кораблей. Флот жил в ожидании каких-то крупных событий, и никому не было до нас дела. Погода стояла мерзкая, холод, дождь со снегом, и белыми ночами странно было видеть офицеров и матросов в фуражках

и бескозырках с белыми чехлами. Они напоминали грибы-поганки и зловеще светились в зелёных сумерках.

В один прекрасный день вся эта идиллия рухнула, нас сняли с кораблей, посадили в грузовики, крытые брезентом, и повезли в тундру, где готовились учения по ликвидации последствий ядерного нападения противника.

В тундре, прямо среди мхов, лишайников и кривых рахитичных берёзок был разбит палаточный городок отдельного медицинского отряда специального назначения. Километрах в трёх располагалась стационарная база отряда – мрачное сооружение, смахивающее на гауптвахту. Вот и весь пейзаж. В палатке было сыро, холодно, печи дымили, под раскладушками скакали лемминги. Моим соседом по койке оказался врач-подводник капитан медслужбы Валентин Орешкин, мы познакомились ещё в академии. У Орешкина была открытая душа русского человека и внешность остзейского барона: рыж, кудряв, голубоглаз, со скошенным – следствие аристократической деградации – подбородком. Он превосходно играл на гитаре и пел песни собственного сочинения. Барды тогда ещё только входили в моду: Клячкин, Окуджава, Анчаров.

Офицеры в местном сельпо купили в складчину мотоцикл, и Валентин чуть ли не каждый вечер мотался в Кильдинстрой за водкой. А учения всё не начинались. Мы изывали от скуки, резались в “козла” и ходили на ручьи ловить пугливую форель. Наконец, дождь перестал, грянула жара, тундра в одночасье расцвела, и на нас обрушилось новое бедствие – гнус. Репелленты не помогали, все ходили с опухшими рожами, а солнце, озверев, палило днём и ночью. В палатки заглядывал красавец капитан Чигиринский и задавал всем один и тот же вопрос:

– Господа, как насчёт баб-с?

В него швыряли ботинками.

Женщины в отряде были представлены тремя посудомойками и поварихой – все дамы суровой внешности и весьма преклонного возраста. Добиться их расположения было непросто. Я был свидетелем того, как Орешкин битый час пел под окном палатки, где жили прелестницы, неаполитанскую серенаду, причём, как он утверждал, на итальянском языке. Номер не удался.

Удивительные виражи иногда заламывает судьба! Именно в доме Орешкина в Архангельске в 1963 году я познакомился с писателем Юрием Казаковым. Дом, что стоял на улице Свободы, напоминал выброшенную на берег барку с дровами – Северная Двина лежала метрах в ста. В нём были скрипучие ступени, косые полы и сортир, напоминающий аэродинамическую трубу. В очко так дуло, что приходилось держаться за стены. В доме перебивали все заезжие знаменитости. Как-то явился Евтушенко. Местный поэт подарил ему свой сборник с подобострастной надписью. Евгений Александрович оставил сборник в холщовой сумке, укреплённой на двери сортира. Обитатели коммуналки пользовались сборником в качестве туалетной бумаги. Валентин Орешкин сделал хорошую карьеру, стал заместителем начальника военной кафедры медицинского института, защитился, потом, как нередко случается у нас, русских, спился и погиб от рук подростков-хулиганов.

Ночь перемешалась с днём, день с ночью, в семнадцать часов трудно было сказать: утро или вечер. Вот в такое безвременье нас и подняли по тревоге. Предстояло снять палатки, погрузить имущество на машины и выдвинуться к границе “ядерного очага”.

Навалились посредники, хронометристы, политработники – они вертелись под ногами, мешая работать. Распространился слух, что в качестве имитации ядерного взрыва будет использован тротильный заряд, эквивалентный атомной бомбе в одну мегатонну. В нормативы мы уложились, отряд был готов к приёму раненых. Ждали генерала Цыпичева. За полчаса до его приезда внезапно вспыхнула палатка рядом с аптекой – куб там, что ли, стоял перегонный или истопник со своей задачей не справился, не помню. За несколько секунд палатка утекла серым дымком, и небо, словно в ответ, разверзлось, и хлынул библейский дождь. По законам классической драматургии в этот момент из-за сопки и вынырнул генеральский “уазик”. Автомобиль лихо притормозил у КПП, из него с трудом выбрался Цыпичев и, отмахнувшись от бледного, как стерильный бинт, начальника отряда, медленно, вперевалку, как слон, направился к месту пожарища, капли дождя стекали по его обвисшим щекам. Он остановился, сдвинул фуражку на затылок и громко сказал:

– Так-то, едри вашу мать! Пожар в бардаке во время потопа! Командир отряда, что тянешь? Натягивай новую палатку и кончай с дождём, будем считать, что палатка погибла во время ядерного взрыва, мне с хлопцами поговорить треба.

– Будет сделано, товарищ генерал, – откликнулся командир отряда, словно погода была в его личном распоряжении.

Случилось чудо: дождь мгновенно перестал, и, хотя никакой команды не последовало, изо всех палаток к генералу стали сбегаться офицеры. Первым подбежал кривоногий капитан. Выпучив глаза, он заговорил, отдуваясь:

– Иван Тимофеевич, пять лет на лодке в Гремихе. Пропаду ведь...

– Пить бросил, Карнаухов?

– Год в завязке. Вы же знаете.

– Добро. Осенью пойдёшь на академические курсы, после них возьму терапевтом в поликлинику.

– Спасибо, Иван Тимофеевич.

– Следующий!

Я потрясённо наблюдал за сценой. Здесь, под открытым небом, в полевых условиях, перед самыми учениями вёлся приём посетителей по личным вопросам. Жильё, продвижение по службе, устройство жён на работу, детей – в детский сад – всё решалось тут же. Генерал знал каждого просителя в лицо и ничего не записывал.

– Неужели он что-нибудь запомнит? – с сомнением спросил я у Орешкина.

– Запомнит. Если Иван Тимофеевич пообещал, – железно. Случая не было, чтобы он не выполнил обещания.

Генерал озабоченно глянул на часы, поднял руку и зычно крикнул:

– Всё, хлопцы! Закончим после учений. По палаткам, минут через десять жажнет.

Через десять минут и в самом деле жажнуло – тундра вздрогнула от могучего взрыва, слева над сопками вспух коричневый зловещий гриб, от него прямо к солнцу потянулись дрожащие огненные руки, небо померкло, и положи палаток затрепетали от ветра, а может, накатила ударная волна.

Последний раз генерала Цыпичева я видел осенью шестьдесят первого года в Ленинграде. Он грузно шагал по мосту через Введенский канал. На Загородном проспекте звенели трамваи. Тополя роняли жёлтые листья в тёмную воду канала. Генерал был в белой фуражке, значит, стоял сентябрь, и гарнизон ещё не перешёл на осеннюю форму одежды.

Ивана Тимофеевича давно нет в живых, да и Введенский канал засыпала. Осталась набережная и те самые тополя.

Вниз по Волге

Летом 2003 года без конца падали самолёты, водный поток под Новороссийском смахнул несколько селений и, вырвавшись на простор Широкой балки, смыл в море десятки людей и автомобилей. Дожди залили Австрию, Германию, Чехию, реки вышли из берегов, заставляя европейцев шлепать по пояс в воде. А в Москве стояла адова жара, столица лежала в жёлтой дымке, задыхаясь от смога, – горели леса под Шатурой, в Тверской губернии, под Рязанью и Владимиром.

На раскалённом небе вот-вот должны были появиться знаки, уведомляющие о прибытии на Землю Антихриста. Американские астрономы, с ужасом разглядывая звёздное небо, обнаружили метеорит диаметром в 22 километра, устремляющийся к Земле.

В воздухе пахло серой и Апокалипсисом.

Мы с женой сели в Северном порту на рейсовый теплоход “Капитан Рачков” и отправились вниз по Волге в надежде, что великая русская река защитит нас от всяких напастей. От причала отходили в дождь – первый дождь за лето. Каюта оказалась крохотной, грязноватой, с двухъярусными койками, общим туалетом, но всё это были мелочи по сравнению с запахом речной воды и небесным простором, зависшим над каналом Москва–Волга.

Я родом из Нижнего Новгорода, и мои предки по отцовской линии – волжане, оттого, должно быть, всегда тянуло меня к воде, определив тем самым судьбу: я стал военно-морским врачом, обошёл полсвета, побывал на Белом

и Чёрном, Красном, Южно-Китайском и Японском морях, на Индийском и Тихом океанах. Да и потом, ближе к отставке, увлёкся водно-моторным спортом, глссировал на катере по переменчивому Ивановскому водохранилищу, поднимался вверх по Волге, к Твери, ночевал в заводах под шелест камышей и крики ночных птиц, отогревался у костров среди таких же бродяг и браконьеров.

Путешествие на теплоходе до Чебоксар и обратно не вернуло душевного равновесия, ибо глаза выделяли не роскошные виллы нуворишей, грибами-поганками выросшие в природоохранной зоне Подмосковья, а серые избы на берегу, брошенные после ельцинской разрухи 90-х годов города и посёлки, старух в ветхих платочках, просящих на дебаркадерах милостыню, пьяных подростков с озлобленными волчьими глазами.

Среди всеобщего запустения мелькнул чудо-городок Космодемьянск, чистенький, праздничный, где предприимчивые люди создали для туристов музей Остапа Бендера, утврждая, что городок сей и есть те самые, описанные Ильфом и Петровым знаменитые Васюки. В Космодемьянске сохранился и прекрасный музей художника Александра Григорьева с полотнами Айвазовского, Коровина, Машкова, Юона, Кончаловского. А перекусить можно было в харчевне “На дне”, где окрошка стоила семь рублей, а котлета – двенадцать. Сейчас только на дне такие цены и найдёшь.

Блеснул в серой дымке и погас чудо-городок, где удивительным образом сохранился дух русского предпринимательства, и потянулись вновь вдоль берегов серые останки былой России. Одно утешало: на храмах кое-где возводились строительные леса и глядели на восток восстановленные кресты.

Смотрел я на густо-синюю воду и припоминал, что с великой реки началось моё сознательное ощущение Родины. С той поры минуло сорок с лишком лет, когда перегоняли мы по внутренним судоходным путям нашу подводную лодку “С-64”.

Из Сормово нас, помнится, вытолкнули спешно, – Волга едва очистилась ото льда. Шлюзы Мариинской системы ремонтировались, и двум подводным лодкам 665 проекта предстояло тянуться по большой воде окружным путём: Шексна, Кубенское озеро, Сухона, Северная Двина. Лодки вогнали в транспортные доки, на кормовой части, сразу за рубкой, наварили площадку для камбуза, установили газовые плиты, несколько столов, забили провизионки и даже аккумуляторную яму заполнили продовольствием, запаслись сухарями. И всё это в обстановке абсолютной секретности. Доки затянуты брезентом, никакой переписки, никакой связи с берегом. Форма одежды – телогрейки, ватные штаны, сапоги, на головах – водолазные фески. Без погон, звёздочек и иных опознавательных знаков. Не подводники – урки из “зоны”. Лодки плохо освещены, не отапливались, а под утро ударяли морозы, в Кубенском озере мы едва не застряли: бушевала метель. Экипажи на “эшелонах” – так именовались наши лодки в официальных документах – пёстрые: доковая команда, заводская сдаточная команда, личный состав субмарин, какие-то ещё представители. На “шестьдесят четвертой” как-то сразу всё не заладилось. Меня сорвали с севастопольских курсов офицерского состава, где я проходил подготовку по хирургии, не дали доучиться, кинули в Горький, где на заводе в Сормово модернизировалась лодка. Горький – моя малая родина, там я родился, там жил дядька, брат отца, есть где остановиться, – чего, казалось бы, ещё нужно? Но обстановка в бригаде строящихся кораблей в Сормово была настолько мрачная, что мы считали дни, оставшиеся до перехода. Кормили скверно, в казармах было холодно, экипаж пополняли наспех – всего несколько знакомых офицеров, новый командир – капитан второго ранга Яскевич, сразу же получивший прозвище “Мрачный Курт”, – худой, высокий, с чёрными, немигающими глазами моллюска. Говорил Яскевич настолько редко, что можно было предположить, что он плохо владеет речью. Утро начиналось с того, что старпом Володя Авилов заходил в офицерскую выгородку в казарме и сиплым с похмелья голосом спрашивал: “Ну что, мужики, по рваному?” Это означало, что нужно было бросить в его засаленную шапку по рублю. Затем через рассыльного вызывался “шиловоз” – аккуратный чистенький старшина, ему вручались деньги и чемоданчик для напитков. Пили по бедности в основном “перцовку” или, как настойку называл старпом, – “перцовый сок”. Пригубить надлежало всем, те, кто отказывался, попадал под подозрение: стукач. Март стоял какой-то серый, морозный, до центра приходилось

добираться в битком набитом работагами автобусе. После Севастополя, где уже зацвел миндаль и Корабельная сторона, казалось, плыла в розовом облаке, всё это выглядело диким.

Не радовала и сама лодка, многие офицеры сомневались в надёжности корабля. Весельчак-штурман называл “шестьдесят четвертую” не иначе, как корабль “Миру – мир!” Или “Субмарина одноразового действия”. В том смысле, что выстрелит разок ракетами и утонет. Наш механик Юра Якимовский, оглядев лодку, с усмешкой заметил: “Великий Остап Бендер по этому грустному поводу непременно бы сказал: “Вот что можно сделать из швейной машинки “Зингер” и ворот дома номер пять”. И действительно, вид “шестьдесят четвертая” имела нелепый. В подводную лодку 613 проекта врезали восьмой отсек для управления ракетной стрельбой, сбоку, по бортам навесили четыре контейнера для крылатых ракет. При этом выяснилось, что четырём офицерам негде спать. Тогда горе-конструкторы прилепили между контейнерами стальное яйцо, куда вёл трап из второго отсека. Штука вроде батискафа с четырьмя койками по круглым бортам. В этом чёртовом яйце я и минёр Валера Гаврилов и спали все тридцать восемь суток перехода, спали не раздеваясь, в шапках и сапогах.

На настроение экипажа определённый отпечаток наложила и недавняя гибель подводной лодки “С-80” на Северном флоте. Лодка схожего проекта, только у неё было всего два контейнера, по одному с каждого борта. Забегая вперёд, скажу, что судьба большинства офицеров нашей субмарины не сложилась, только мой друг Валерий Гаврилов сделал карьеру, командовал атомной подводной лодкой, долгое время был начальником штаба дивизии, руководил отделом в штабе Северного флота, но адмиральских “мух” на погоны всё же не получил.

Переход начался с грандиозного сабантуя. Сдаточная сормовская команда, укрывшись в отсеках едва освещённой лодки, гудела несколько суток, не поднимаясь вверх. Кое-что перепало нашим матросам и доковой команде. Я отвечал за продовольственное обеспечение перехода. Уже в первую ночь на закуску пошла бочка квашеной капусты. Старпом посоветовал мне сделать в вахтенном журнале запись: “При крене двадцать пять градусов бочка с капустой сорвалась с креплений и разбилась о стапель-палубу”. “Иначе не рассчитаешься потом”, – заключил он. За время перехода я этот приём использовал несколько раз. Так что “кренило” нас сильно... Дня через три кто-то взломал аптечку и похитил бутылку со спиртом, в котором я предусмотрительно растворил зелёнку и сильно действующее слабительное. О чем гласила предупреждающая надпись на бутылке. Не помогло. Зато по нервной очереди у кормового галюна нетрудно было определить злоумышленников.

Потом всё понемногу улеглось. Сдаточники, уничтожив запасы спиртного, выбирались на батопорт чёрные, с трясущимися руками, заискивающе заглядывали мне в глаза. Медицинский спирт, необходимый для инъекций, я носил с собой, даже спал с флягой за пазухой. Другую бутылку тайно от старпома зарыл в трюме в картошку: близилась майские праздники. И их нужно было хоть как-то отметить.

Много лет прошло с той поры, а я до сих пор помню, как мы отпраздновали Первое мая. Я бросил на стол все резервы, коки на нашем камбузе испечились испечь пироги, но среди команды и, особенно в офицерской кают-компании царило нынче. Все знали, что выпито всё, что можно выпить, включая одеколон и эликсир для полоскания зубов. И никто, кроме меня и моего помощника старшины Грачёва (должность у него называлась так: инструктор-химик-санитар-подводник), не знал о зарытой в картошке литровой бутылки с ректификатом. Трюм, где хранилась картошка, находился в доке, и драгоценный напиток предстояло доставить в кают-компанию в лодке через открытое и опасное пространство. Мрачный Курт уже с утра утвердился на мостике, а нюх на спиртное у него был необыкновенно развит. Пришлось применить военную хитрость. Я вылил спирт в трехлитровый графин, разбавил его холодным чаем, бросил для убедительности несколько горошин поливитаминов и велел Грачёву нести напиток открыто, под видом витаминизированного настоя, а сам затаился на последней ступеньке трапа. Слышимость была отличная.

– Эй, Грачёв, что это ты несёшь? – спросил Мрачный Курт.

– Витаминизированный настой, товарищ командир. Доктор для кают-компании приготовил. Велел спросить: вам сделать?

– Пошёл ты вместе с доктором к такой-то матери. . .

Когда я спустился в кают-компанию, офицеры мрачно разглядывали графин. Механик спросил:

– Витамин “С”?

– Антистоин, – пояснил я. – Мне уже надоело говорить о пользе полового воздержания. Зубову, видите ли, снятся эротические сны. А тут принял стаканчик, и снятся исключительно партийные собрания.

– Морду бы тебе набить, – мечтательно сказал старпом. И тут во второй отсек просунулся минер Гаврилов. Он только что сменился в вахты, озяб, потёр руки, стянул с коротко остриженной головы феску:

– С праздничком солидарности мужчин и женщин, товарищи офицеры. Прошу разрешения к столу.

– Садись, остряк-самоучка, – хмуро бросил старпом.

Гаврилов взял графин налил себе полный стакан, посмотрел содержимое на свет:

– Витаминчики? Уважаю. Зубы от цинги прямо в тарелку выпадать не будут.

Глотнул, испуганно покосился на старпома, торопливо допил содержимое стакана и тотчас налил снова:

– Ух, хорошо, с кислицей. Доктор, ты готовил? Молоток!

После второго стакана его мгновенно развезло. Авилов схватил графин, понюхал горлышко и скомандовал:

– Штурман, постой на “атасе”, а то Курт явится, тогда нам ни капли не достанется. А тебя, Гаврилов, я теперь на вахтах сгною! Два стакана упорол, скотина!

А время шло, буксиры медленно тащили за собой транспортные доки. Что происходило в тёмных шхерах подводной лодки, никто не знал, народ в основном отсыпался. Свободные от вахт офицеры тайком резались в преферанс. Замполит захватил с собой только два фильма: “Карнавальная ночь” и “Дом, в котором мы живём”. Популярностью пользовалась “Карнавальная ночь”. Прекрасный фильм, поставленный, помнится, по сценарию ныне забытого писателя и барда Михаила Анчарова. “Дом, в котором мы живём” посмотрели только раз и оставили – не под настроение. А по левому и правому бортам распаивалась неоглядная Россия, старинные города, тихие с кое-где ещё сохранившимся ледяным припаем плёсы. Как-то утренней ранью на опушке леса видел двух лосей, тяжёлые гуси проносились над головой, едва не задевая крыльями леера. Первым эшелонам, впереди нас шла в транспортном доке подводная лодка “С-61”, командиром на ней был общий любимец капитан второго ранга Николай Петрович Котихин, а доктором – мой однокурсник Петя Терехов. Нашлись там охотники шмалять из автоматов по гусям. По эшелонам был издан строгий приказ, запрещающий это легкомысленное и опасное занятие.

В свободное время мы с Валеркой Гавриловым валялись на койках в своём металлическом яйце, читали, Валерка делал зарисовки в альбоме. Альбом с его рисунками и по сей день хранится в моём архиве. За всё время перехода Мрачный Курт ни разу не спустился в кают-компанию офицерского состава. Жил и столовался он на плавдоке. По приходу в Северодвинск я из его каюты выгрузил ровно тридцать восемь пустых бутылок из-под водки – по числу дней перехода.

Рыбинское водохранилище, Шексна, Сухона, Северная Двина и лагеря, лагеря: колючка заграждений, зеки в серых робах, сторожевые вышки, густой лай собак и голубое небо, перечерченное дымом буксиров, тянущих доки. Кажется, именно тогда, белыми ночами, я впервые задумался над тем, что происходило в стране ещё совсем недавно и во что не верилось, не хотелось верить.

Северодвинск поплавком вынырнул на поверхность белесой воды. Мы шли каналом, судоходный ход был помечен буйами и вешками, они вяло раскачивались, словно кланяясь нам, воздух был одного цвета с водой, и это рождало странный эффект: казалась, и буксир, и транспортный плавдок медленно волокутся по небу, оставляя за собой зыбкий волнистый след. Второй “эшелон”, шедший за нами, едва просматривался в тумане.

– Слева тридцать, створный знак! – доложил вахтенный офицер.

Я взял у него бинокль. Жёлтая волна лизнула окуляр, откатилась, и вдали, над свинцовой гладью проступило рубленое деревянное сооружение в форме трапеции. Чуть ниже обозначились кровли домов. И этот створный знак, и штилевое море, и вынырнувшая вскоре белая фишка маяка у рейдового поста, и канал — всё это механически отметит моя память, чтобы потом, много лет спустя, ожить в моих рассказах, повестях и романах.

Какое-то время я даже буду жить в доме рядом со створным знаком — город стремительно расползлся по берегу, и в лоции вскоре появится предупреждение: “Створные знаки Северодвинского входного створа проектируются на фоне портовых сооружений, особенно передний, что затрудняет пользование ими. Не имея сведений о наименьшей глубине, входить в порт на судах с большой осадкой не следует”.

Между тем, Северодвинск медленно всплывал из воды, издали он походил на обломки кораблекрушений, рассыпанных по зыбкой поверхности, и я испытал смутную тревогу, словно предчувствуя, что этот северный городок станет городом моей судьбы. Так, в сущности, и вышло...

Поворот судьбы

Вспоминая то давно ушедшее время, я не могу не отметить одного странного обстоятельства: я жил как бы в двух пространствах, не связанных между собой. Одно пространство, где я учился на факультете усовершенствования врачей, слушал лекции известных профессоров, спорил на семинарах и участвовал в дружеских пирушках однокашников, — там я был молодым, энергичным, уверенным в себе майором. Второе пространство существовало параллельно, как параллельный мир, — и в нём жил совсем другой человек, начинающий писатель, постоянно терзаемый сомнениями, испытывающий недовольство собой. И потребуются два десятилетия душевной работы, чтобы как-то объединить их.

Иногда я думаю, как сложилась бы моя служба, если бы меня оставили преподавателем в академии. Значит, вмешалась судьба. Сейчас некоторые философы говорят о законе детерминации на будущее, иными словами, жизнь каждого человека заведомо predetermined: как ни крутись, а то, что тебе предписано, выбито на матрице и непременно сбудется.

Одним ясным апрельским деньком на кафедре эпидемиологии позвонил помощник дежурного по академии и сказал, что слушателю такому-то нужно срочно прибыть на кафедру “Организации и тактики медицинской службы ВМФ и боевых средств флота”. Звонок не вызвал тревоги — моя дипломная работа проходила по двум кафедрам, и в последний месяц я работал у организаторов. Но, оказавшись в широченном коридоре, где, как и в прежние годы, пахло старинным деревом, оружейной смазкой и табаком “Золотое руно”, я всё же испытал неясное беспокойство. Пошёл разыскивать дежурного по кафедре, и тот, глянув на меня с любопытством, сказал, что со мной хочет побеседовать сам Патриарх.

— Кто?

Дежурный усмехнулся:

— Неужели не знаешь? Патриарх — начальник медицинской службы Военно-Морского Флота всяя Руси генерал Иванов Евгений Михайлович.

— На кой я ему?

— Вот уж не знаю. Гордись.

Иванова я никогда не видел, хотя, конечно же, слышал о нём — в Северодвинск докатывались слухи о всесильном московском генерале. Патриарх был жителем Олимпа, иных сфер, поэтому я воспринимал его, скорее, как портрет в книге, нежели как реальную личность.

— А где генерал?

— В кабинете начальника кафедры. Ждёт.

— Чудеса.

Ещё больше я удивился, увидев Иванова. По просторному кабинету прохаживался краснолицый, огромного роста генерал. Ему перемахнуло за шестьдесят, но такой силой, такой крепостью веяло от его крутых плеч, загорелых лопатистых рук, что я невольно попятился. Размер генеральских штиблет был не иначе как сорок пятый. Дубовый паркет постанывал под его шагами.

Иванов хмуро глянул на меня и как-то по-домашнему тихо спросил:

– Ты чё припозднился? Не оповестили вовремя?

Я растерялся:

– Простите, товарищ генерал, после звонка помощника дежурного по академии я тотчас выехал. Кафедру эпидемиологии перевели в теоретический корпус, к Финляндскому вокзалу.

– Ладно, садись, у меня к тебе разговор есть.

Я сел.

Генерал прошёлся по комнате, остро глянул на меня и спросил:

– Конфликтовал, значить, с бывшим командиром, ругалси?

– С каким командиром?

– С Козловым Ёсифом Григорьевичем, – Иванов хитро прищурился.

Я почувствовал, как от изумления у меня выкатываются глаза. Я с трудом взял себя в руки и спокойно, с достоинством ответил, чувствуя какой-то подвох:

– Иосифа Григорьевича я искренне уважаю и считаю своим учителем. Никаких конфликтов у меня с ним не было. Спорить – спорили. Было. А ругаться – нет. С Козловым особенно не поругаешься.

Я неожиданно для себя улыбнулся, припоминая многоярусную брань Козлова.

– Эт да, – Иванов тоже улыбнулся. – Козлов – тот может. А ты, значить, упрямый, споришь с начальством-то?

Я пожал плечами. Ничего я не мог понять, сбивал с толку простонародный говор генерала. Такое впечатление, что говорит он так нарочно, играет.

– Я те, значить, для чего позвал? – генерал посерьёзшел. – Учебу заканчиваешь... На кафедре о тебе хорошо говорят. По двум линиям, значить, диплом защищать собралси. Хорошо. И опыт у тебя штабной работы есть. А у меня должностёнка проклюнулась, полковничья, при хорошем окладе. Вот и решил я на тебя посмотреть.

У меня упало сердце. Я сжился с мыслью, что буду преподавать на кафедре, и предложение ошеломило меня. Мне вовсе не хотелось становиться чиновником. Признание чуть не сорвалось с уст, но другой, внутренний, осторожный голос – голос рефери в ринге – сказал мне: “Стоп!”

– Не знаю, что и сказать, товарищ генерал. Справлюсь ли?

– Эт ты верно. Там у нас у-ю-юй! Сразу, что к чему, не поймёшь. Уровень-то какой, чуешь? Идёт мужичонка, порточки на ём висят. А пригляделся – министр. Во! Ладно, только поймей в виду, официально я тебе ничего не предлагаю. Будем посмотреть. Ну, ступай. Должно, я на обед из-за тебя опоздал. Ступай, Юрий Николаевич, – Иванов отвернулся.

В коридоре я облегчённо вздохнул. Раз генерал ничего официально не предложил, значит, и беспокоиться нечего. А фигура! Действительно Патриарх. Но откуда он узнал о моём существовании? Значит, Козлов. Но он откуда знает Патриарха? Ладно, обойдётся.

Академик Виталий Дмитриевич Беляков, когда я передал ему содержание беседы с Ивановым, совсем иначе оценил ситуацию.

– Нет, дорогой мой, Евгений Михайлович ничего зря не делает. Сановник с серьёзной властью и связями. С начальником академии на “ты”. Если он захочет вас взять к себе в аппарат, я ничего не смогу поделаться. И вам отказываться не советую. Иванов сразу прихлопнет, как муху. С ним не поспоришь. Надежда одна – у него появится более достойный кандидат. Откуда, кстати, Иванов вас знает?

– Понятия не имею. Разве что Козлов ему говорил?

– Козлов? Кто это?

– Мой бывший командир санэпидотряда. Козлов Иосиф Григорьевич.

– Постойте, постойте... Вспомнил. Он лет восемь назад факультет усовершенствования закончил. В отпусках обязательно на кафедру заходит. Козлов балтиец?

– Да.

– Тогда всё верно. Он во время войны вместе с Ивановым на Балтике служил. Благодарите его. Жаль, из вас получился бы неплохой педагог.

В Москве стояла небывалая жара, в Подмосковье горели леса, у Шатуры тлели торфяники, белёсый дым куполом возвышался над столицей, было

трудно дышать – я это почувствовал ещё на Ленинградском вокзале, когда выходил из поезда.

Я не хотел ехать в столицу, в Ленинграде оставались друзья, коллеги по объединению молодых писателей при журнале “Звезда”, оставался любимый город. Беспокоило ещё одно обстоятельство: у меня были трёхлетний опыт управленческой, штабной работы, неплохая подготовка, и всё же это не уровень центрального аппарата главкома. И как всё сложится? Вскоре мои опасения подтвердились.

Потребовалось время, чтобы я понял: в обрядовой, культовой части службы в центре заложен глубокий смысл. Ритуалы были чётко прописаны и отрепетированы. Понедельник – день марксистско-ленинской подготовки, четверг – самоподготовка, занятия по специальности, партийные собрания – раз в месяц. Весьма существен обряд взятия социалистических обязательств – действие абсолютно нелепое в условиях управления. Но ритуал есть ритуал.

Всё надлежало исполнять с самым серьёзным видом, соблюдая неписанные правила игры. На партийные собрания следовало являться в тужурке и белой рубашке, и секретарь партбюро составлял нечто вроде партитуры: кому и что говорить и на чём сделать акцент.

“Братцы! – иногда хотелось крикнуть мне. – Да это же маразм!” – Но я понимал, что коллеги меня не одобряют, а кто-нибудь недоуменно, с холодной усмешкой заметит: “Юрий Николаевич, ты же неглупый человек. Что непонятно?”

Я, надо полагать, обладал достаточной пластичностью, потому что через полгода не только принял, но и одобрил театр Иванова, где за кулисами делалось настоящее, важное дело. Страна уже вступила в период, который потом назовут “застоем”.

Разнолик и интересен был актёрский состав – Евгений Михайлович отбирал людей тщательно, не спеша. Дураков, ясно, среди них не было, проходили только специалисты высокой категории, обладающие к тому же управленческим даром. Был и свой стиль: безукоризненность в одежде, сдержанный тон – говоришь ли ты по телефону или с посетителем, изысканная, чуть-чуть издевательская, как мне казалось, вежливость, строгое обращение друг к другу по имени и отчеству и раскованный трёп в “аппендиксе” – закутке в конце коридора, где собирались только свои. Уж там позволялось многое. Иногда даже разыгрывалось что-то вроде одноактного пьеса. Тон задавал начальник санаторно-курортного отдела полковник Рубен Леонович Еганян. До того как поступить в Военно-медицинскую академию, он год проучился в театральной студии. Его анекдоты, репризы, исполненные с неизменным блеском, всегда имели успех.

Всё это отчасти напоминало мне “Театральный роман” Булгакова, с мизансценами, героями второго и третьего плана, которые нередко обладали куда большим влиянием, чем главные специалисты, и от их настроения зависели все мы. Например, капризные секретчица Нина Николаевна и машинистка Наталья. Но самой яркой фигурой в этой своеобразной театральной труппе был, конечно же, сам режиссёр с грубым крестьянским лицом и манерами шкипера с волжской баржи.

Многие поколения тверских землепашцев накапливали в своём генофонде несокрушимое здоровье, редкую работоспособность, здравый смысл, смекалку, хитрость, а главное – пророческую мудрость. Первое время меня удивляло, как этот краснолицый несуразный человек, говорящий на каком-то нарочито простонародном языке, руководит флотской медициной. Маска? Но как-то уж слишком органично. Жадно, с болезненным любопытством приглядывался я к Иванову и вскоре понял: нет, это не игра. Генерал на самом деле так говорил, знал о своём недостатке и потому, готовясь к ответственному докладу, тщательно отработывал текст, выбрасывая труднопроизносимые слова, отделявая каждую строчку. Я вскоре вошёл в группу, готовящую доклады, поэтому знал всю кухню в деталях. Выезжал с Патриархом на совещания, сборы, симпозиумы, на которых нередко присутствовали учёные с мировым именем, и им нравились и грубоватые манеры Иванова, и его простота.

Генерал Иванов долгое время меня не замечал, похоже, неприязнь к главному эпидемиологу ВМФ Валерию Петровичу Харламову перекинулась

и на меня. А тут вспыхнул эпидемический очаг дизентерии на кораблях Средиземноморской эскадры, стоящих в Александрии. Информация докатилась до министра, Валерий Петрович срочно вылетел в очаг. Харламов – человек милый, но не имеющий опыта управленческой работы, да и на крупных эпидемических вспышках никогда не был. Он, скорее, учёный, ему бы заведовать лабораторией в НИИ, а не руководить оперативной работой на таком уровне. Сведения от Харламова поступали настолько противоречивые, что я ничего не мог понять, несколько раз выходил с ним на связь, но переговоры ситуацию не прояснили. Я так работать не привык: сегодня одни цифры, завтра – другие, даже предварительной версии нет, почему возникла вспышка. Что докладывать начальству? Какие готовить справки? На телеграммах из Александрии всё чаще появлялись грозные росчерки генерала, вроде: “Путаница, галиматья!” В конце концов, я плюнул и отправился в Оперативное управление ВМФ. Направленец по эскадре капитан первого ранга встретил меня приветливо, без лишних разговоров развернул морскую карту, показал, у каких причалов ошвартованы подводные лодки, где стоит плавбаза, где источники водоснабжения. Нашлась у него и справочка о заболеваемости моряков, подготовленная для доклада главкому и министру. Выглядела она убедительней, чем у Харламова. Я спросил:

– Вам приходилось бывать в Александрии?
– Три дня как оттуда.
– Мухи там есть?
– Ты себе представить не можешь, что там творится. Жара, контейнеры с мусором на причальной стенке, вонь, с водой перебои, а уж мух... Ничего подобного не видел. Местная сторона поставляет фрукты, в основном апельсины...

– Их обеззараживают?
– Ты даёшь! В чём? Как? Там ваш медик работает, толку от него – ноль. Только суетится. Я информацию получаю от командира бригады лодок. Нужно, дорогой мой, в одну дуду дудеть, а то главкома запутаем. Это уж потом вы, учёные, разбирайтесь, выстраивайте гипотезы. Сейчас не до науки. Престиж флота – не шуточки. Ликвидируем эпидемию, тогда сочинишь приказ главкома с раздачей слонов.

– Согласен. Каждое утро я у вас, сверяем информацию. Необходимо срочно подготовить телеграмму начальника Главного штаба ВМФ с указанием, что делать. Сегодня же.

- Так готовь. У тебя пропуск в нашу управу есть?
- Заказывать приходится. Мутота, потеря времени.
- Сегодня оформим. Телефон мой запиши. Звать тебя как?
- Юрий Николаевич.
- Добро, жду.

Вернувшись в свою контору в Комсомольском переулке, я зарегистрировал у секретчицы морскую карту, нанёс на неё фломастерами всё, что успел украдкой срисовать в записную книжку офицера с карты направленца, разрисовал графиками, сочинил пояснительную записку. Ситуация стала понятней. Проклятый мушиный фактор – вечная тема для раздора среди эпидемиологов. На столе в кабинете у моего учителя академика Виталия Дмитриевича Белякова стоял сувенир – искусно сделанная из металла огромная муха. Но тут уж, как говорится, против фактов не попрёшь, в Александрии мухи уж точно поработали, во всяком случае, как детонатор.

Я уже заканчивал отделять текст телеграммы начальника Главного штаба, как в коридоре послышался рык Иванова:

– Где эти эпидемиолухи, мать иху разэдак. Дежурный, уснул? Тащи сюда майора, как его...

Увидев меня, генерал побагровел и так хрястнул по столу кулаком, что на пол посыпались карандаши:

– Мне через час главкому по Александрии докладывать, а что я ему скажу? – Он потряс у меня перед носом пачкой телеграмм. – В этой галиматье ничего понять нельзя. Что скажешь, умник?

Со мной ещё никто так не разговаривал. Я взял себя в руки и как можно спокойней сказал:

- Разрешите доложить, товарищ генерал...

– Что доложить? Что?

Я развернул перед ним карту и коротко изложил свою версию. Генерал впервые за всё время посмотрел на меня с интересом. Краснота на его лице стала спадать.

– И где ты взял эту цидулю? – спросил он.

– Сам нарисовал. Товарный вид, правда, не очень, нужно бы чертёжникам отдать... Данные взял в Оперативном управлении.

– И тебя туда пустили?

– А почему нет? С направлением договорился, буду в восемь утра свезти с ним информацию.

– Глянь-ка, шустрый! Небось, и у главкома уже побывал?

– У главкома не был.

– А цифирь где взял?

– У оператора. Если главкому разные цифры давать, он нас не поймёт.

– Энто ты прав. У-ю-юй что будет.

– Нужно срочно дать телеграмму начальнику Главного штаба. Сегодня же. Текст я подготовил.

Иванов, шевеля губами, быстро пробежал текст, поднял трубку внутреннего телефона:

– Нинка, счас к тебе Юрий Николаевич подойдёт, сама отпечатай, с красотью, для главкома. Десять минут тебе. А ты иди, карту я у тебя забираю, – кивнул он мне.

– Так не положено, товарищ генерал, карта секретная. Распишитесь за неё в форме “семь”.

Иванов с изумлением посмотрел на меня:

– Ты што, мне не веришь?

– Верю, но приказ министра нарушать нельзя.

– Гляди-ка, а ты педант, вроде твоего предшественника генерала Славина. Тот вечно бумажонки свои пересчитывал по три раза на день. Давай, черкну. Каждое утро, как из Оперативного управления вернёшься, сразу ко мне. Запиши мой телефон на даче. Звони в любое время. Слышь, тут энто, легенда ходит, будто ты главкомовского повара Романа раком поставил. Верно?

– Никого я не ставил. Обычная проверка.

– Обычная, да не обычная. А знаешь, кто тебя отстоял? Сам главком и отстоял. Мне его адъютант рассказал, когда Рома рыпнулся, жалобу на тебя написал, главком его и осадил: “Нашёлся хоть один майор, который научил тебя руки мыть”.

Я думаю, что в этот момент и была решена моя судьба.

Евгений Михайлович ничего, кроме резолюций, не писал. Кто-то пустил слух, что он путает алфавит, – в “аппендиксе” по этому поводу был разыгран не один скетч. Зато уж читал документы и правил текст Иванов мастерски. В свои шестьдесят лет он обладал фантастической памятью и обходился без записной книжки. Резолюции, лаконичные и на первый взгляд простые, нередко имели скрытый смысл.

– Ты, должно, писульку-то мою читал? Э-э? – вопрошал у меня Евгений Михайлович.

– Читал, конечно.

– Конешно... Ишшо почитай. С умом. А то в твоём документе, что ты подготовил, конь не валялся, едри его мать совсем.

Я, вспыхнув, перечитывал “писульку” и к своему стыду убеждался: Иванов прав.

Евгений Михайлович считал, что его аппарат должен уметь всё: подготовить разумное решение, написать доклад на любом уровне, книгу, отзыв на докторскую диссертацию. Причём быстро, без суеты и с блеском.

Учёным он не доверял.

– Энти академики накрутят, накрутят, едри иху мать совсем. У них идеи брать нужно. Писанины – пуд, а идея-то одна, худая. Её и бери.

Он обладал удивительным, каким-то животным чутьём. Мог вызвать к себе и сказать:

– Ты вот что, поезжай-ка на Балтийский флот, тряхни, как следоват.

Я ехал, “тряс”, а вслед за мной спецрейсом мчалась комиссия Тыла Министерства обороны, и выходило, что Патриарх предугадал, опередил события,

и неожиданный рейд тыловиков давал осечку – флотская медицина оказывалась готовой к проверке.

Персонаж Салтыкова-Щедрина, или Как я стал бездушным чиновником

Инспекция Северного флота осенью 1974 года вошла в историю под названием “нашествие ста генералов”. Я в состав инспекции был включён в качестве представителя центра, и мне предстояло сыграть своеобразную роль, что-то вроде смягчающего буфера.

Служил я в Москве недавно, был не искущён в тонких штабных играх и совсем потерялся в толпе генералов, когда мы рассаживались по автобусам на Фрунзенской набережной. При таком количестве начальников мне, по-видимому, предстояло следовать к месту назначения не иначе как стоя, приложив руку к головному убору.

Я был прикомандирован к тыловой группе, которой руководил генерал-лейтенант Власенко (фамилия изменена). Генерал был мал ростом, по-кавалерийски кривоног, его тёмное, будто сваренное из железа лицо ничего не выражало. Когда я услышал металлический, скрипучий голос Власенко, то понял, кого он мне напоминает, – Органчика, плод гениальной фантазии Салтыкова-Щедрина. Сходство было такое, что я бы, наверное, не удивился, если бы генерал тут же при мне отвинтил голову и положил её на письменный стол рядом со стопкой бумаги.

Первая встреча произвела отталкивающее впечатление. Власенко с минуты разглядывал меня, при этом в груди у него что-то шипело, словно вращалась заигранная пластинка, потом, отшвырнув стул, он пробежался по кабинету и, вперив в меня глаза-дырки, грозно рявкнул:

– Я тебе не верю! Ты послан защищать интересы флотской медицины, сглаживать, скрывать недостатки. Так вот, для объективизации к тебе будут приставлены два контрагента из Военно-медицинской академии: доцент и профессор. Сидят в соседнем кабинете. Иди, знакомься.

И генерал с сухим щелчком развернул голову на сто восемьдесят градусов, давая тем самым понять, что аудиенция закончена.

В соседнем кабинете и в самом деле в вольных позах сидели профессор полковник Портной и доцент подполковник Коноплин, оба в разное время были моими учителями: Михаил Владимирович Портной обучал меня хирургии, а Коноплин – искусству медицинской организации и тактики.

– Вот что, господа контрагенты, – хмуро начал я, – если вы будете контролировать каждый мой шаг и ставить под сомнение достоверность моих докладов, это не понравится руководству флота. Решайте!

Коноплин с удивлением посмотрел на меня:

– Ты что кипятишься? Мы, по-твоему, совсем дураки, или нам делать больше нечего?

А Михаил Владимирович мягко добавил:

– Зачем нам подставлять флот? Свои замечания мы сначала покажем вам, согласуем каждую фразу, а уж потом на стол этому...

– Органчику, – подсказал я.

– Почему Органчику?

– В повести Салтыкова-Щедрина “История одного города” есть такой персонаж – градоначальник по прозвищу Органчик.

Коноплин рассмеялся:

– А что, и правда похож.

Начался один из самых тяжёлых периодов в моей жизни.

Поскрипывание и астматическое посвистывание в груди Власенко объяснялось застарелым бронхитом курильщика, но мне всё время казалось, что вслед за змеиным шипеньем из его глотки вот-вот вырвется: “Не-е потерплю! Разор-ю-ю!”

Власенко было чуждо всё человеческое: он не читал, не слушал музыку, не пел, наверное, не ел и не спал. В любое время дня и ночи его можно было застать в кабинете, облачённым в мундир, застёгнутый на все пуговицы. При моём появлении в глубине его глаз-дырок вспыхивали розовые, похожие на свет индикаторных лампочек огоньки. И это усиливало сходство генерала-инспектора с искусственно созданным аппаратом.

После очередной проверки я представлял Власенко доклад, отпечатанный на мелованной бумаге, и с почтительным видом замирал в двух шагах от его стола. За всё время инспекции он ни разу не предложил мне сесть. В доклад я умышленно собирал все армейские канцеляризмы, накопленные военной бюрократией за минувшие столетия: “Полагал бы целесообразным”, “при наличии отсутствия”, “докладываю на ваше решение” и так далее. Генерал скрипел, свистел и, наливаясь праведным гневом, спрашивал у меня:

– Ты когда-нибудь в школе учился?

Я сконфуженно молчал. По отношению к Власенко у меня выработалась своеобразная тактика: я никогда ему не возражал, научился в зависимости от обстоятельств искусственно бледнеть или краснеть под его взглядом.

– Что молчишь? Учился или не учился?

– Так точно! Средняя мужская школа номер два, город Краснодар Краснодарского края.

– Плохо учился, – морщился генерал. – Читать противно.

Я сокрушённо вздыхал, давая понять, что он и на этот раз прав. Школу я закончил с серебряной медалью, мои сочинения на свободную тему считались лучшими в классе, а два года назад у меня вышла первая книга рассказов. Но начальству всегда виднее.

Власенко брезгливо, словно крысу за хвост, брал мой доклад и бросал на пол. Иногда мне удавалось поймать листки на лету. Я приспособился готовить доклады в нескольких вариантах, а когда все они были отвергнуты, приносил самый первый. Генерал окидывал его орлиным взором и заключал:

– Ну, это уже кое-что.

Когда я рассказывал об этом своим контрагентам, стараясь изображать происходящее в лицах, они катались от хохота.

– Вам смешно, – ворчал я, – а какво мне каждый день общаться с Органчиком?

– А вот нашими докладами генерал доволен, – ухмылялся Коноплин.

– Так вы же у меня всё списываете!

– Ну и что? Списывать тоже нужно уметь. В твоих докладах лирики не хватает, чувства. А генерал человек чувствительный.

Контрагенты вели сибаритский образ жизни, и я им ужасно завидовал.

Ударили морозы, после полудня наваливалась тьма, природа словно специально сменила декорации для разворачивающегося спектакля, придавая ему мрачную, я бы сказал, мистическую окраску. Да и происходящие события явно свидетельствовали о вмешательстве тёмных сил. Вот только один пример: группа инспекторов поднимается на борт крейсера, стоящего у стенки, внезапно трап под ними разваливается, и они падают на бетонный причал. Причём никто толком не мог назвать число пострадавших. Дальше – больше. Сталкивались автомобили, под инспекторами трещали койки и кресла, а одного полковника из Главного политуправления укусила свинья. Выскочила из подворотни, тыпнула за задницу и скрылась в неизвестном направлении. Все ходили подавленные, как в ожидании конца света. А в Мурманске в одном из тупиков стоял покрытый инеем спецпоезд, где угрюмо отсиживался дряхлеющий маршал. Именно оттуда и исходили неожиданные, порой фантастические вводные.

Химическая служба флота получила “двойку”, и было ясно, что начим флота скоро будет снят с должности. В этой ситуации и медицинская служба может отхватить “неуд”, а этого допустить было никак нельзя. Органчик совсем осатанел. Как-то вызвал меня к себе вечером и мрачно скрипнул:

– Утром я буду заслушивать медика флота по мобилизационным вопросам, но сначала всю схему развёртывания медицинских учреждений доложишь мне ты.

Специалисты поймут меня. До утра начальник Медицинской службы Северного флота генерал Антон Бадмаевич Занданов растолковывал мне эту самую схему. Антон Бадмаевич за ночь осунулся, но был по-прежнему спокоен и предельно сдержан. Власенко часа полтора топтал меня у развешенных карт, пытаясь выяснить такое, чего бы не знал Занданов. На этот раз роль полного идиота мне удалась вполне. В голове звенело, в кабинете стоял запах перегретого масла, которым, надо полагать, смазывали механизмы этого искусственного человека. Наконец, он вызвал Занданова. Ковыряя в зубах канцелярской скрепкой, Власенко с усмешкой спросил:

– Вы из татар?

Антон Бадмаевич посерел лицом, но ответил спокойно, с достоинством:

– Я – бурят. Позволю заметить, что предки мои участвовали в составлении бурятской письменности.

Власенко скрипнул пружиной, повертел механической головой и сказал:

– Это к делу не относится. Докладывайте.

Чем бы закончилось сражение генералов, трудно сказать, но тут объявили боевую тревогу, и нам пришлось спешно перемещаться в бункер. Запомнилось противоестественно жёлтое небо, зависшее над заполярным городом, – возможно, это был предвестник грядущей мировой катастрофы. Так и случилось. Через полчаса по объектам флота противник нанёс серию ядерных ударов. Последствия были ужасающими. Где-то там, наверху, за бетонными плитами перекрытия лежала обугленная тундра, в бухте вверх киями, как картофелины, плавали повреждённые корабли, и единственным звуком, нарушающим тишину мёртвой земли, был треск ополоумевших счётчиков Гейгера-Мюллера, да ещё в обломках посвистывал радиоактивный ветерок. И хотя всё это было лишь в воспалённом воображении военных стратегов, почему-то верилось в реальность происходящего.

После трёхдневного сидения в подземном бункере я настолько устал, что мне уже было всё равно, чем закончится этот спектакль. Наступил последний акт. В районе Щук-озера был развёрнут полевой военно-морской госпиталь. От степени его готовности зависела оценка медицинской службы в целом. Дороги на Щук-озеро я не знал, доверять водителю-матросу было рискованно, поэтому я попросил главного хирурга флота Владимира Даниловича Шевченко сопровождать нас с генералом. Выехали часов в десять утра. Природа Заполярья выбросила очередной фортель: небо очистилось от облаков, светило солнце, дорогу развезло, и “Волга” то и дело буксовала в колдобинах. Власенко сидел на переднем сиденье рядом с водителем. Первые полчаса генерал мрачно молчал. “Волга” миновала небольшой кирпичный заводик, где работы, смахивающие на зеков, вручную лепили кирпичи. Из закопченной трубы, торчащей из приземистого барака, к небу тянулся густой, как из крематория, дым. Генерал кашлянул, захрипел, – слышно было, как металлические пластинки позвякивают у него внутри, – и изрёк:

– Как изготовляли кирпичи при царе Горохе, так и сейчас... Самая, видать, древняя профессия.

Мне надоела игра в “поддавки”.

– Ошибаетесь, товарищ генерал, – сказал я, – есть куда более древняя профессия.

Власенко обернулся. На его лице запечатлелось такое удивление, словно заговорило сиденье автомобиля. Он снисходительно усмехнулся:

– Медицина, что ль?

– Нет, не медицина. – Я сделал паузу. – Проституция. Во всяком случае так считают.

Власенко умолк и, похоже, отключился от действительности. Я привычно ждал экзекуции. Но разнота не последовало. Каким-то другим, напоминающим человеческий голосом он задумчиво сказал:

– А что, ты, пожалуй, прав. И вот что интересно: с кирпичами никакого прогресса, а у шалав столько новинок. А-а? Новейшие технологии освоили. Анекдот слышали?

Анекдот, как ни странно, оказался вполне остроумный. Из знаменитой “одесской” серии. Я знал кучу самых разных анекдотов, моих запасов вполне могло хватить до Щук-озера, даже если бы мы застряли в дороге. Но, Боже мой, что мои жалкие возможности по сравнению с набором Владимира Даниловича Шевченко! Деликатный, невозмутимый человек, доктор наук обладал поистине артистическим даром. Это и спасло ситуацию.

Уже минут через десять салон автомобиля напоминал палату сумасшедшего дома. Власенко, взгрозоздившись на сиденье, задом к ветровому стеклу, дико хохотал, хлопал себя по бёдрам, “Волга” рыскала в жёлтом снежном крошеве, у матроса-водителя был такой испуганный вид, что, казалось, он вот-вот бросит руль и вприпрыжку унесётся в тундру. Меня, признаться, тоже смущал вид хохочущего генерала, но я смекнул, что и у этого железного человека есть слабое место и этим можно воспользоваться.

До Щук-озера мы доехали незаметно. Небо померкло, но ничто уже не могло изменить настроения Власенко. Госпиталь был развёрнут в снегу по всем правилам, даже с учётом розы ветров. Над печными трубами палаток курился дымок, душевой дезинфекционный автомобиль был окутан облаком пара. На утрамбованной площадке перед штабной палаткой генерала-инспектора ожидало руководство госпиталя. Когда "Волга" вырулила на площадку и остановилась, к ней, тяжело бухая ботинками, двинулся начальник госпиталя полковник Козлов. На лице его застыл такой ужас, словно с проверкой прибыл сам Змей Горыныч. Каково же было удивление Козлова, когда в распахнувшейся дверце показалось не лицо грозного начальника, а его зад, обтянутый залоснившимся зелёным крепом.

— Товарищ генерал!.. — начал было Козлов.

Власенко повернул к нему раскрасневшееся лицо, отмахнулся:

— Да погоди ты...

И снова полез в автомобиль, и оттуда послышалось:

— Володя, ну, а дальше что?..

Начальник госпиталя растерянно посмотрел на меня, я подмигнул ему: мол, спокойно, не суетись. Всё идёт, как надо.

И в самом деле, всё пошло, как по маслу. Генерал с благодушным видом осмотрел госпиталь.

Ему понравилось, что в хирургическом госпитале фактически шла операция, заходить в палатку он не стал, а, повертев головой, сказал:

— Ладно, верю. А вот пункт санитарной обработки раненых наверняка не работает. Проверим? Или сразу сдаётесь?

— Можно проверить, — нахмурился начальник госпиталя.

— Ну, смотри у меня!

К генералу пристроилась целая свита: тыловое и медицинское начальство, свободные врачи, вездесущие политработники, присланные политуправлением "для поддержания штанов". В палатке ПСО какой-то каперанг, чтобы видеть высокое лицо, втиснулся в душевую кабинку. Его новая каракулевая шапка расположилась как раз под душевым рожком.

Власенко весело огляделся:

— Кто здесь командует?

Ему представился угловатый капитан со следами сажи на щеке.

— Можешь подать воду? — спросил Власенко.

— Конечно.

— Так подавай, что стоишь?

Капитан исчез. Через минуту душевой рожок над головой каперанга издал лёгкий свист, затем из него вылетело облачко пара, и ударила струя воды. Несчастный каперанг ничего не мог понять, по его щекам стекала вода, а он только испуганно хлопал глазами.

— Как водичка? — доверительно спросил Власенко.

— Ничего, вроде...

— С лёгким паром, продолжайте, а мы дальше пойдём. Начальник госпиталя, что сейчас у вас по распорядку дня?

— Обед, товарищ генерал-лейтенант.

— Приглашаешь?

— Почту за честь, всё готово. — Козлов замаялся. — Есть два варианта: один, так сказать, в полевых условиях... И ещё стол накрыт в салоне дома отдыха.

— Давай-ка, милый человек, в дом отдыха. У меня эти полевые условия вот где сидят. — Власенко звучно похлопал себя по тонкой шее.

После превосходного обеда с коньяком генерал торжественно удалился в номер "люкс", оборудованный ему для отдыха. Я пристроился было в кресле в холле вздремнуть, но минут через двадцать Власенко вызвал меня к себе.

Без генеральского мундира, в исподней рубаше, подтяжках и огромных госпитальных тапочках он напоминал уже не Органчика, а черепаху, снявшую для отдыха свой панцирь. На его морщинистой шее торчали седые, с металлическим отливом волоски.

— Ну, что скажешь? — усмехнувшись, спросил он.

— В каком смысле?

— Смысле... Какой оценки, по-твоему, заслуживает госпиталь?

Тут важно было не переиграть. Твёрдая тройка госпиталю гарантировала благоприятный исход для медицинской службы флота. Поэтому я, стараясь говорить занудным голосом, сказал, что, конечно, госпиталь развернулся неплохо, способен решать поставленные задачи, но, к сожалению, генерал-инспектор сделал много замечаний и оценка вряд ли может быть выше трёх баллов. Разве что с плюсом.

Пока я говорил, Власенко с брезгливой жалостью разглядывал меня, потом, нетерпеливо оборвав, сказал:

– Да, брат, ты стал чиновником. Бездушным чиновником. Так и увянешь на паркете. Люди ночь уродовались, госпиталь в снегу развернули, а ведь большая часть персонала – бабы, не умыться, не подмыться. Операционная работает, этого дурака первого ранга чуть в ПСО не сварили, а ты им трояк суешь? Не стыдно тебе?

Я опустил глаза. Мне действительно было стыдно.

– А генерал твой, седенький Зандан Бадмаевич... Или как там его? Он свой народ, можно сказать, грамоте обучил, а ты и ему трояк? Во тебе!

И генерал показал мне хорошо закрученную дулю.

– Значится так: госпиталю – пять, медслужбе флота – четыре. Объяви народу и готовь бумаги. В Североморск едем втроём, прежним составом. Шевченко предупреди, он анекдоты из “армянского радио” не досказал. Ясно?

– Так точно.

– Ступай, а я маленько передохну.

С Михаилом Владимировичем Портным я потом несколько лет прослужил в Медицинской службе ВМФ, сидели в соседних кабинетах, Коноплин стал начальником кафедры в академии. А о “нашествии ста генералов” и одного бездушного чиновника на Северный флот помнят теперь только одни ветераны.

ВАЛЕРИЙ СДОБНЯКОВ

ПТИЦЫ НАД НАМИ

Карьеры были во льду.

Ещё до выезда из города на эту ставшую традиционной для нас весеннюю охоту мы опасались, что подобное может случиться. Хотя где-то в глубине души всё-таки верили в лучшее. Но, как оказалось, не судьба... И вот мы, пятеро мужчин с уже расчехлёнными и собранными ружьями, стоим в некотором замешательстве у кромки рыхлого, пористого льда, — которому и жить-то осталось от силы два-три дня, а там солнышко и ветерок сделают своё дело, разгонят и расплавят эту сереющую и кристально посверкивающую массу, освободят воду, — и не знали, то ли возвращаться домой восвояси, не солоно хлебавши, то ли всё-таки поверить в удачу и заночевать здесь в надежде на завтрашнее, может быть, более счастливое утро.

Карьеры с прошлой весны изменились до неузнаваемости. Оставшиеся на месте бывших когда-то торфоразработок, они со временем заполнились водой, заросли по берегам и бровкам хорошим крепким лесом. В самих карьерах удачливо ловилась рыба. Здесь находила приют перелётная птица, выводила своё потомство дикая утка. И Господь будто хранил эти места обетованные для всякой дичи и живности. Долгие годы обходили их стороной лесные пожары. Ещё не набравший полной силы лес не рубили заготовители.

Но прошлым летом беда пришла и в эти заповедные места. Торф загорелся. Весь лес по берегам с материковой стороны оказался порушенным, обожжённым, образовав из хаотически нападвших деревьев непроходимые завалы. Чтобы победить пожар, специалисты МЧС перегородили русло речки и пустили её по новому направлению, тем самым значительно подняв уровень воды в карьерах.

Вода затушила пожар, но теперь обезображенные стволы, торчащие из подо льда, отделяли берег от чистой воды. Это расстояние также нужно будет как-то преодолевать. К тому же не пешком, а на лодке — лёгком и маленьком, рассчитанном максимум на двух человек ботике. Но для преодоления этого препятствия время пока ещё не пришло, и мы прячем привезённую лодчонку ("наш лёгкий чёлн") в прибрежных кустах.

СДОБНЯКОВ Валерий Викторович родился в 1957 году в Красноярском крае. Основатель и главный редактор литературно-художественного журнала "Вертикаль. XXI век". Свои произведения публиковал во многих периодических изданиях России и за рубежом. Автор более 20 книг художественной прозы и публицистики. Указом президента РФ награждён государственной наградой "Медаль Пушкина". Секретарь Союза писателей России. Председатель Нижегородской областной организации Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

Повздыхав и посетовав на погоду, походив вдоль обезображенных берегов огромного водного пространства (вся площадь карьеров оказалась под водой, образовав единый водоём), мы, наконец, принимаем решение ехать на лесную речку Пожму.

По раскисшей просёлочной дороге, через поля и овраги, застревая в спрятанных под прошлогодней травой лужах и яминах, натолкавшись вдоволь в не справлявшейся с дорогой машине плечами и спинами, мы, наконец, останавливаемся на опушке леса. Справа от нас уходит вдаль бывшее когда-то колхозным поле. Теперь оно зарастает почувствовавшим волю мелким березняком, и оттого его заброшенность видится ещё более трагичной – будто вовсе и не земля была брошена и загублена, а чья-то долгая человеческая жизнь.

Невесело достаём из машины рюкзаки, ружья. Дальше по лесной дороге придётся идти пешком. О том, чтобы по ней проехать на машине до реки, даже и думать нечего.

В лесу ещё лежит снег. Лужи в колеях старой дороги покрыты льдом. Хотя и тут время берёт своё. Потерявший былую зимнюю крепость лёд под ногой проваливается и ребристо топорщится рыхлыми, изъеденными оттепелью краями, с неприятным свистом чиркает по высоким голенищам резиновых сапог. Нам приходится с опаской обходить по краю эти лужи, чтобы случайно не повредить обувь. Да и ледяная вода моментально захолодила ноги. Пройдя совсем немного, быстро свыкаемся с трудностями дороги: вовремя уклоняемся от встречных веток, не скользим на обледенелых, спрятанных под снегом рытвинах и колдобинах, не спотыкаемся о поваленные и сгнившие стволы небольших сосен. В движениях появляется уверенность, и мы начинаем больше оглядываться по сторонам, восхищаясь увиденным. И действительно, только ещё освобождающийся от снега лес уже таит в себе пробуждение будущей жизни. Это удивительное, не столько зримо увиденное, сколько уловленное какими-то особенными сторонами души чувство явно присутствовало, было разлито в окружающем воздухе, в едва уловимом запахе, в движении вершин начавших пробуждаться после зимы деревьев. Идём всё-таки осторожно, ничья, друг за другом. Разговариваем негромко. Каждый замечает что-то своё, его удивившее, и указывает на это ближнему, тот другому, и так по цепочке.

Дорога оказалась неблизкой. Пока добрались до реки, подустали и первым делом решили подкрепиться.

Тропинка наша упёрлась в разлив, исчезла под тёмной торфяной водой. Дальше идти всё равно было некуда. Время до сумерек ещё оставалось, поэтому мы и расположились, не спеша, на стволе поваленной берёзы у самой воды, предварительно освободив из садков подсадных уток.

Утки, обретя свободу, радостно и призывно закричали, заныряли в свободной воде, защёлкали клювами в прибрежной траве, что-то там выискивая и поедая. Их крикание, хлопанье крыльев непривычно громко раздавалось в вечернем сереющем, притихающем лесу. От этого чувство оторванности, будто обречённости невольно закрадывалось в сердце. Вокруг всё чужое, неузнаваемое. А ты, такой одинокий, ощущаешь окружающую тебя со всех сторон мощь, силу неведомую и непонятную, но явно существующую, живущую, дышащую вокруг. От этого беспокойно, взволнованно становится на сердце. И это чувство, поселившись где-то глубоко внутри, уже не оставляет, не забывается, беспокойно теплится в груди. И когда мы, наконец, рассадив уток на воде, разошлись по своим местам, прячась за деревьями, это чувство вдруг пробилось в сознание ярким и определившимся образом одиночества.

Я будто бы увидел с высоты птичьего полёта себя – такого маленького, притулившегося в ожидании чего-то неведомого к стволу дерева. А это неведомое может произойти, случиться в любую секунду и быть совершенно не таким, как предполагается гордому человеческому разуму.

Что мы есть на этой земле? Что в силах наших и что зависит от нас? И почему так трепещет в груди взволнованное, будто даже обречённое сердце? Что коснулось его, что вселило смятение и неуверенность?

Я вышел из укрытия, запрокинув голову, посмотрел в высокое небо. Над мной раскачивались огромные, уходящие далеко ввысь кроны деревьев. Там, наверху, был ветер, а тут, у земли, мы его не чувствовали и не слышали. А деревья раскачивались в вышине беззвучно, как в немом кино, и от этого собственная малость, уязвимость ощущались ещё более и отчётливее.

Пройдя немного вдоль реки, где-то в лесу вышедшей из берегов и затопившей округу, я поднялся на небольшой пригорок, от которого начиналась неровная, клочковато поросшая невысоким кустарником поляна. Кустарник был гол, и взгляд на нём почти не задерживался. А вот стоявшая по другую сторону поляны сосна невольно притягивала его к себе. Ствол дерева внизу был велик в ширину, чёрен. Он словно подтягивал на себя землю, укрытую коричневатой прошлогодней травой и хвоей. Земля наползала на ствол, неровно проваливаясь меж мощных, исполинских корней.

Но чем выше поднимал я взгляд по стволу, тем всё больше изумлялся происходившей перемене. Сосна светлела. Чернота оставалась там, внизу. А ввысь устремлялся цвет жизни, цвет Бога – золотой. И золото это, поднимаясь к небу, становилось чистым, светящимся. Уже давно не видимое с земли солнце густым медным светом обливало вершину сосны, и оттого кора, покрывающая ствол, мягко и густо сияла, словно отдавая округе накопленное за век тепло.

Я не ушёл с пригорка до тех пор, пока солнце не покинуло сосну. Пока ствол её, отдав золото свечения, не изменил свой цвет на жёлтый – обыкновенно бледный, земной.

Только тогда, вроде бы даже от чего-то и утомившись, я сошёл с пригорка, углубился в лес и присел на торчащий из снега сломанный ствол дерева. Медленно и плотно лес заполняли сумерки. Постепенно и неотвратимо одиночество и покинутость сдавливали моё сердце в недобром предчувствии. И это предчувствие меня самого делало другим – мельче и жалостливее. Это предчувствие не давало спокойствия, куда-то гнало, торопило, хотя самому мне не хотелось сходить с места, двигаться. Наоборот, хотелось успокоиться, забыться, может быть, даже заснуть...

Подсадные утки раздражающе громко кричали, словно их напугали чем-то неотвратимо наступающим. Не было в их крикание призыва – был страх. Так мне казалось.

И тут нахлынула мне в сердце волна воспоминаний давно минувшего. Почему всё это вернулось именно сейчас? Какими путями давнее ожило, заволоновало? Нет на это у меня ответа. Но только, словно в забытии, вдруг вижу себя со стороны и совсем маленьким. Вижу огромные, невероятной толщины, стволы тополей, росших когда-то недалеко от берега озера Цыганка – райского озера моего детства. Голые их ветки черны в надвигающихся скорых зимних сумерках. Черны и фигуры людей с охотничьими ружьями, что стоят у этих тополей, прячась за огромные стволы от пронизывающего ледяного ветра. Они закуривают, подняв высокие воротники полушубков, и тихо, по-недоброму разговаривают. Я их не слышу, но понимаю, что они решают мою судьбу.

* * *

Поверхность озера, занесённая снегом, гладка и пустынна. Почти каждый вечер той зимой я, ещё совсем маленький мальчик, вдруг страстно увлечённый катанием на лыжах, приходил сюда и бегал вдоль берега по проторённой лыжне. В выходные дни на озере собиралось много народа – катались с горок, прыгали с самодельных трамплинов. В будни же, особенно поздним вечером, здесь никого нет. Тихо, безлюдно. Единственный жилой дом, бывший когда-то церковным, а теперь превращённый в жилой барак, слегка светил дальними окнами. Находящаяся же за железнодорожной насыпью школа от озера и вовсе не видна. С других трёх сторон Цыганку окружали заснеженные сейчас болота, заросшие кустарником овражки и пустыри да грязные контуры асфальтового завода.

Я нёсся, как мог, на своих убогих лыжах (креплением у которых служили полоски из сыромятной кожи – они удерживали мои валенки на скользкой деревянной поверхности, хоть под подошвы и набилось достаточно снега) по разбитой взрослыми лыжне, когда вдруг увидел этих двоих, вышедших из-под деревянного железнодорожного моста. Я пробежал мимо, не испугавшись, кажется, даже не обратив на них особого внимания, и пустился дальше вокруг озера. Я ещё мог, когда круг закончился, остановиться, у церковного дома подняться на железнодорожную насыпь и мимо опустошённого храма,

вдоль сараев и гаражей, уйти домой — в наш квартал, состоящий из четырёх пятиэтажных домов. Всё это я мог, но не сделал. Почему-то в душе моей в те годы не было страха. И я не боялся ни темноты, ни одиночества, ни пустынности занесённых снегом берегов озера.

Когда я вновь приблизился к тополям, меня от них окликнули:

— Эй, пацан, подойди-ка сюда.

Сойдя с лыжни, я по рыхлому снегу двинулся к берегу. Тогда и увидел ружья у них за плечами (этим меня не удивишь — на Ярмарке подобное добро у многих водилось), и то, что, закуривая, они прячут лица от ветра в воротники полушубков.

— Говорю тебе, вдруг повредим мальчика, — негромко проговорил тот, что держал в своих ладонях, сложенных лодочкой, зажжённую спичку. — Потом отвечай.

— Да ни хрена ему не будет, — огрызнулся прикуривавший. И уже, обернувшись ко мне, спросил: — Жить хочешь?

Я молчал ошарашенно, не понимая, в шутку или серьёзно меня спросили.

— Ну что, значит, хочешь... Тогда беги. — И потянул с плеча за ремень ружья. — Нам патроны проверить надо, давай-давай, шустрее, не стой, не в упор же в тебя стрелять.

Ужас заполнил моё сознание, затмил разум, парализовал ноги. Я заплакал. Сразу — громко и горько. Нет, не от страха — от обиды, от ощущения какой-то высшей несправедливости, неправоты того, что со мной происходит. Конечно, и страх не оставил меня, но это внезапно возникшее чувство было веселее, больнее.

Уже сняв ружьё с плеча, мужик одной рукой дотянулся до моего плеча, слегка потряс и подтолкнул.

— Чё ты сопли распустил. Беги, давай.

Я с надеждой посмотрел на второго. Тот, хоть и не снял с плеча ружьё, но продолжал молчать и за меня не заступался.

Не переставая реветь, я неуклюже развернулся на лыжах, загребая нетронутый, рыхлый снег, и поплёлся назад к лыжне, спиной чувствуя взгляды тех, кто остался стоять у старых тополей. Выбравшись на лыжню, я почему-то побежал не в сторону церковного дома (а значит, ближе и к своему дому), а к забору асфальтного завода, к противоположному берегу озера. Теперь я понимаю, что тогда это было спасение. Тень от высокого забора в какой-то мере спрятала меня от стрелков. В противном случае на снегу в лунном свете я был бы у них как на ладони. Потому, услышав грохнувшие за спиной два выстрела, я внутренне приготовился к ощущению боли, но не почувствовал её. Только от страха заплакал ещё громче, продолжая как можно быстрее скользить на своих убогих лыжах по укатанному снегу. За спиной ещё дважды прогрохотало. Потом ещё раз, и всё смолкло. Тишина опустилась на землю, и только снег вдоль лыжни визжал от втыкаемых в него металлических наконечников лыжных палок. Только моё частое дыхание, запалённое, горячее, тревожило густой воздух, пронизанный холодом приближающейся ночи.

Обогнув озеро, я не пошёл к церковному дому, а, пробравшись сквозь кустарник, вышел к другому деревянному мосту, ближнему к железнодорожным путям, ведущим на Московский вокзал, и, пройдя под ним, крадучись, проскользил мимо гаражей Горгаза к своему кварталу.

Родителям о случившемся я тогда ничего не сказал. Правда, мама обратила внимание, что я немного не в себе, но всё это было отнесено на усталость и на то, что я сверх положенного прогулял на улице вместо того, чтобы лишний раз повторить домашнее задание к завтрашним урокам. И только когда она утыкивала в батарею мои промокшие валенки для просушки, то наклонилась и подняла с пола что-то мелкое, тёмное, выкатившееся из недр чёрного войлока. Положив находку на ладонь, она протянула ко мне руку.

— Что это такое?

На её ладони лежала с одной стороны до черноты обожжённая деформированная, а с другой — мышино-серая и округлая свинцовая дробинка.

Я пожал плечами.

Ах, сколько же времени прошло с того вечера! Уже нет ни озера Цыганки, ни мостов, ни железнодорожной насыпи. Озеро и каналы, когда-то служившие водными путями для подвоза товаров на Нижегородскую ярмарку, на моих глазах замыли песком из Оки. Теперь это место намного выше бывшей насыпи.

Здесь построили дома, бензозаправки, магазин. Собор вновь открыли. Сараи снесли, сады вырубали и сравняли с землёй. Церковный дом вновь стал домом причта. Мосты разобрали. Всё с тех времён изменилось до полной неузнаваемости, да такой, что и взгляду не за что уцепиться, чтобы напомнить о былом.

Но я-то ту встречу на пустынном озере помню. Мне какая-то сила не даёт похоронить её в себе под ворохом более поздних впечатлений (а они были страшнее тех детских, пережитых мною на заснеженном озере), как сделала это наша общая история, спрятав былое под неисчислимыми тоннами речного песка.

Значит, жизнь человеческая свершается по каким-то особым законам? У неё свои сроки, свой календарь, своя ответственность и своя память, которую невозможно ни изменить, ни вытравить. Для чего-то всё это в нас живёт, заставляет страдать, продолжает требовать некоего ответа, преследуя воссоздающими вновь и вновь картинами и переживаниями.

* * *

В сумеречном лесу над разлившейся и безмолвной рекой прогремел выстрел. Громко запричитали испуганные утки. Почти тут же послышался голос Вадима:

— Ну, вы где там, пора собираться. Здесь утка не летит. Одна просвисела высоко. Пальнул для остротки, да, конечно, не достал.

Опять все собираемся у реки. Сажаем в садки подсадных уток, увязываем рюкзаки и в обратный путь. По лесу движемся уже в темноте, хорошо — небо чистое, безоблачное, и лунный свет отражается в островках сохранившегося снега.

К машине выходим в полной темноте. Сапоги выпачканы до колен дорожной грязью. Но делать нечего — как есть, лезем в салон, трогаемся с места. Проезжаем немного вперёд и застреваем в первой же колее. Я остаюсь за рулём, остальные мои спутники с упорством толкают машину назад. Так добираемся до оврага, в глубине которого течёт ручей. Через ручей в виде моста брошено несколько брёвен. Я с отчаянием и злостью жму на педаль газа. Слышу сзади предостерегающие крики, впереди в свете фар приближается узенький мосток. Нет никакой уверенности, что его ширины хватит, но и тормозить слишком поздно — под колесами непролазная грязь.

Всё происходит в мгновение. Колеса подсакакивают на неровных брёвнах, идут юзом в сторону, но машина уже выскакивает на противоположный склон. Рёв двигателя терзает ночную тишину подступившего к дороге леса. И всё-таки машина с натугой буквально вылезает из оврага. Только тут, у самой кромки, вновь застревает, но это уже не страшно. Ко мне подходят мои спутники. Один из них почти шепчет, обращаясь ко мне.

— Ты сейчас проехал половиной колеса над ручьём по самому краю моста. Это чудо, что не перевернулся.

Я зол, возбуждён от недавно выпитой водки. Хочется кричать, что в такие места надо было идти пешком или не ходить вовсе, только никак не ехать на “жигулях”, но сдерживаюсь и молчу. Все и так видят, что я на нервах.

До избушки у карьера добираемся глубокой ночью. Хозяин, как всегда, пьян. Громко орёт радио.

Опять выпиваем водки, ужинаем и укладываемся на ночлег. В каморке тесно и смрадно, но выбора нет. На улице в эту пору ночевать невозможно — холод жуткий, а близость льда в карьерах действует на округу, как огромный природный холодильник.

Хозяин засыпает первым, храпит. Кто-то из наших осторожно встаёт и выключает орущее рекламой и попсовой музыкой радио. Хозяин немедленно просыпается и восстанавливает порядок в доме. Радио опять истошно орёт. Пытка продолжается. Я одеваюсь потеплее, выхожу на улицу и забираюсь в машину. В ней пока тепло. Опускаю спинку сиденья, укутываюсь в куртку, устраиваюсь поудобнее и закрываю глаза.

Почему же именно этот случай, когда в меня, как в живую мишень, стреляли два выродка, вспомнился сегодня у реки? Почему именно он и именно сейчас всплыл из глубин памяти? И почему я против всякой логики побежал

в противоположную сторону от дома? Ведь это я сейчас понимаю, что у забора меня скрыла тень, а тогда об этом я и думать не мог. Да и времени для размышлений не было.

Наконец, вообще, почему это всё со мной произошло?

* * *

Микрорайон Ярмарка состоит из нескольких пятиэтажных домов красного кирпича, возведённых в начале шестидесятых годов. До этой поры, ещё с самых древних времён, стояли здесь старинные лабазы, бараки, сараи, образующие примыкающую к Нижегородской ярмарке жилую зону. Понятно, что заселяли её не выходцы из благородных семей, а люди совсем иного отношения к жизни – более бесшабашного и сурового. В большинстве своём это были в первом или во втором поколении выходцы из сёл и деревень, которые, покинув родные места, и от крестьянства отбились, и городскими людьми не стали.

Когда наша семья поселилась в одном из таких только что построенных пятиэтажных домов у Спасского Староярмарочного собора, большие кварталы двухэтажных бараков, сложенных из старого, обожжённого до свеклольной бурости кирпича, ещё стояли нетронутыми, и в них уютилось, как мне тогда казалось, несметное количество народа. Практически каждый из этих бараков по количеству населения представлял из себя крепкое русское село. Но население это к середине двадцатого века оказалось значительно “подпорченным”, поражённым всевозможными нравственными и физическими пороками. И если отцы и матери моих сверстников, да и поколения несколькими годами постарше ещё работали грузчиками, уборщиками, плотниками, укладывали вручную асфальт на дорогах и мели мётлами тротуары, то дети их, в большинстве своём по лени и слабым умственным способностям не сумевшие окончить даже четырёх классов, работать “на стройках коммунизма” не хотели и по достижении совершеннолетия, как по установленной кем-то традиции, совершали какое-либо преступление (чаще всего, кражу или разбой) и отправлялись в тюрьму.

Образование в этой среде не то чтобы не поощрялось – к нему были абсолютно равнодушны, как к чему-то неведомому и непонятному. Потому процесс ухода детей в воровство и прочие правонарушения воспринимался, как что-то вполне естественное, с пониманием и даже сочувствием. Это была своя, закрытая некими неофициальными общественными рамками среда. Она не культивировалась специально, она росла и существовала сама по себе, потому что другого выхода у этих людей просто не было. Поэтому, в свою очередь, и от них не шло какой-то особой агрессии. Всё происходило в рамках естественного и понятного, привычного, когда-то давно и неведомо кем раз и навсегда заведённого. И от того, что эти люди затем переселились в более современные дома, мало что изменилось в их жизни, в их взаимоотношениях с окружающими. В этой среде господствовала непонятная постороннему взгляду самодостаточность, определяющая их жизненный уклад с рождения до самой старости.

Единственное, что потревожило, но не изменило ход их жизни, была война.

Чужаков в этой среде, впрочем, как и в любой другой – интеллигентной, научной, театральной, технической, да хоть и рабочей – недолюбливали. Но если ты жил вместе с ними в одном доме, в одном квартале, хоть и работал где-то “в верхах”, то всё равно принимался за своего и не отторгался. Поэтому за всё время своего детства я не припомню ни жестоких драк в нашем квартале, ни убийств, ни огульного пьянства, что сейчас, к глубокому моему сожалению, уже становится нормой.

Нет, я не вспоминаю то время с раздражением или осуждением. Более того, я признаюсь, что люблю его. Главное его достоинство по сравнению с теперешним – оно не было таким жестоким, агрессивным, хотя и идеальным его тоже не назовёшь. Да, жили бедно (оттого, наверно, и пили несоизмеримо меньше), двери в квартиру, если хозяева или их дети были дома, днём на ключ не закрывали. Взрослые парни и мы, мелюзга, вместе любили играть в лапту или “гонять” чижика. Как-то незаметно эти парни, в большинстве своём, затем, как я уже сказал, попадали в тюрьмы, едва успевая за всё время

учёбы закончить четыре-шесть классов в школе, при этом в каждом оставаясь, да ещё не по одному разу, на второй год. Но почему-то всё это нас до поры до времени не касалось. Это потом некоторые из моих сверстников “продолжили дело” своих старших братьев. А тогда мы были вместе, и старшие нас не то чтобы оберегали, но как-то естественно не допускали “переступить черту”.

О тюремной зоне в годы моего детства мне приходилось слышать много романтического и даже увлекательного. О жизни за колючей проволокой рассказывали нам обычно вернувшиеся из заключения старшие братья моих друзей по уличной жизни. Забегая вперёд, скажу, что по мере взросления и мои друзья один за другим получили вынесенные им судами сроки. Затем всё повторилось с более молодым поколением – их младшими братьями. Так что закон “ярмарочного” бытия продолжал действовать неукоснительно.

Меня судьба щадила и оберегала. Хотя казалось, что только по чистой случайности, по неведомому мне стечению удивительных обстоятельств я не оказывался с нашей уличной ватагой там, где затем по непониманию или из жажды приключений совершалось преступление – подламывалась будка сторожа, разбивалось стекло, начиналась драка...

И всё-таки сейчас, лёжа в остывающей машине посреди заброшенной, почти полностью покинутой людьми дереvушки, я больше думал именно о физическом охранении меня моей судьбой. Я думал о спасённой моей жизни, которая в детские годы, и сейчас я это отчётливо понимаю, десятки раз буквально висела на волоске.

Что за тайна сокрыта в этом чуде? Для чего я был спасён в случаях, кажущихся на первый взгляд совершенно безнадежными?

Вот два примера из самого раннего детства.

Одним из самых излюбленных мест для наших мальчишеских игр тогда были общественные деревянные двухэтажные сараи. Располагались они на пустыре у озера, которое пересекала насыпь улицы Должанской. Во что мы могли играть на этой территории? Да, конечно, в войну, стреляя друг в друга из поджигов, рогаток, самодельных ружей с натягивающейся туго резинкой, стреляющих пульками, согнутыми из алюминиевой проволоки. Конечно, подобные игры были не такими уж и безобидными. Иногда они приводили к вполне ощутимым физическим страданиям и даже увечьям. Всё это происходило не по злобе, а из-за неосторожности, по недопониманию опасности или по недоразумению. Но уж совсем непонятное приключение однажды произошло со мной. Тогда мы отчаянно сражались на деревянных шпагах, изображая из себя мушкетёров. Знаменитый французский фильм только что прошёл в наших кинотеатрах, и нам, уличным канавинским, ярмарочным мальчишкам просто вскружил головы. Днями напролёт мы изготавливали каждый для себя шпаги, мушкеты, придумывали друг другу заковыристые, на французский манер, имена и прозвища. Затем разбивались на команды и отчаянно, не жалея друг друга, махали и тыкали друг в друга заострёнными палками-шпагами. Во время одного такого боя в “пылу схватки” я не заметил, как оступился и неизбежно должен был рухнуть вниз головой со второго этажа сарая. Но произошло чудо. Шнурок ботинка зацепился за торчащий из доски гвоздь, и на этой ненадёжной страховке я повис вниз головой. Благо рядом были мои враги по игре, но друзья по двору – спасли, вытянув обратно на выступ. Но потрясение оказалось для всех столь сильным, что игру на тот день единодушно решили прекратить.

Или вот другой “смертельный” случай, при воспоминании о котором и сейчас мурашки бегут по моему телу. Произошло это опять же в раннем моём детстве, но уже суровой зимой.

Морозы тогда стояли жестокие, но и они не могли удержать меня дома во время долгожданных новогодних каникул. Тайком от родителей я оделся потеплее, в толстый свитер и довольно уже ношенную кроличью шубку, взял в охапку лыжи и убежал на улицу. Покатавшись немного с горы на берегу Цыганки, я перешёл на лыжах озеро, пробрался через прибрежный кустарник, возле которого довольно намело рыхлых сугробов, и вдоль высокого забора асфальтового завода ушёл на просторы огромного, раскинувшегося почти от самого волжского берега (от Сибирских пристаней) до транссибирской железнодорожной насыпи Мещёрского озера.

Искрился под солнцем снег. Огромное белое безмолвное пространство встретило меня недружелюбно, настороженно. Даже птиц не было видно.

Всё живое куда-то попряталось от жгучего, губительного холода. Обжигающий лицо ветер гонял по ровному бескрайнему снежному полю струйки крупчатого шуршащего снега.

Совсем немного прошёл я по этому тоскливому снежному безлюдью и остановился. Огляделся вокруг и не увидел ни одного лыжного следа. Всё замело снежной порошей. И только в одном месте снег мне показался будто бы утопанным. Он слюдяно поблескивал, отражая неяркий свет туманящегося от мороза солнца. Рядом с этим местом и лёд почему-то оказался ещё не замёрзшим, оголённым. Вроде бы и следы валенок вокруг были наморожены. Давние они или свежие – не разобрать. Схватило их накрепко морозом, так что и струящаяся позёмка не заравнивала, а обтекала.

Я решил подойти к этому месту. Что за любопытство потянуло меня к нему – сейчас этого объяснить уже невозможно. Только я зачем-то снял лыжи и попробовал крепость льда ногой. Он оказался, как я и думал, крепким. Всё-таки с опаской я решил обойти это место по наметённому сбору сугробу, и в тот же миг почувствовал, что плавно погружаюсь куда-то вниз, в водяную бездну. Под снегом оказалась спрятанная рыбаками от мороза прорубь. Я знал с малолетства, что такие окна во льду делались специально. Сверху их застилали ивовыми прутьями и заваливали снегом. В таком укрытии вода в проруби даже в сильные морозы долго не замерзала, зато к этому месту подходила рыба.

Одежда моя быстро намокла. И хотя я держался раскинутыми руками на снегу, но сил вытащить самого себя из воды, вернее, из густой снежно-водяной каши, у меня никак не доставало. Я боролся, пытался упираться ручонками в снег, но он под моими ладошками только проваливался вниз, в воду.

Ещё не почувствовав телом ледяного обжигания водой, я, тем не менее, может быть, впервые так ясно ощутил неизбежное – конечность человеческой жизни. Помощи ждать было неоткуда, и я по-настоящему, панически испугался. Конечно, в тот момент я не думал о смерти – я не знал, не представлял, что это такое. Но ужас вполз мне в сердце, вгнездился в нём, и это было куда страшнее, чем водяная бездна подо мной. Ощущение покинутости – вот самое жуткое и ни с чем не сравнимое в жизни человека чувство. Оно завладело детским сердечком. Хотя, видимо, ненадолго. В какой-то миг что-то переменялось во мне самом, откуда-то взялись силы, и я выполз из ледяной ловушки.

До дома было довольно далеко. Я понимал, что бежать обратно следует как можно быстрее. Одежда моя моментально превратилась в ледяной панцирь. Ноги в сырых заледенелых валенках и руки в ледышках, которые прежде были варежками, невыносимо болели от ломающего их холода.

Пробираться назад можно было только на лыжах. Снег глубок, и по замёрзшим болотинам между двух озёр пробиться пешком я бы никак не смог.

Обледенелые валенки на детских лыжах держались с трудом, ежеминутно соскальзывали, и я вновь и вновь проваливался чуть не по пояс в снег. От боли и отчаяния я плакал, но упрямо всё ближе и ближе пробирался к дому. Мысленно я разбил дорогу на участки, и маленькие победы, когда я преодолевал один из них, придавали мне силы. Вот позади гладь озера, вот пробрался через лесок, вот миновал забор асфальтного завода, вот кустарник у озера Цыганка...

Когда замёрзший, обледенелый, с намороженными на ресницах слезами я приплёлся домой, моя мама, увидев меня, так перепугалась, что чуть не лишилась чувств. Затем, раздевая, стаскивая с ног окаменевшие валенки и штанишки, всё плакала и приговаривала – запомни, так никогда нельзя делать. Потому что если ты умрёшь, то умру и я... Тогда она лучше осознавала, насколько близок я был к гибели. Но вот спасся, выжил и, кажется, даже не заболел. Хотя последнее утверждать наверняка не могу. Детская память слишком выборочна, и такие пустяки, как простуда, она могла просто в себе не сохранить.

Сейчас, вспомнив об этих двух приключениях, я невольно потянул из памяти кажущуюся нескончаемой нить воспоминаний о подобных событиях и фактах. Господи, сколько же их было! Оказывается, что ещё в самом раннем детстве я столько раз мог лишиться жизни ввиду разных “случайностей”, со мной происходивших. Однако этого не произошло. Почему? Я мог несколько раз почти наверняка утонуть, умереть от заражения крови, погибнуть от несчастного случая, но ничего этого не случилось. Можно ли подобное состояние моей жизни объяснить банальной случайностью? Вряд ли. Тут явно видна

борьба двух сил, взаимоисключающих начал. И далеко не все жизни в этой борьбе остаются сохранёнными. У меня и на этот счёт примеров тоже предостаточно. Значит, вопрос состоит только в том, какое моё в этой борьбе знание и участие, для чего была сохранена мне жизнь?

И тут, как-то даже и не к месту, вспомнился мне ещё один, на этот раз, должно быть, малопримечательный случай из моего детства. Но ведь запомнился, как бы мало примечательным он ни был. Сейчас же и в памяти всплыл – значит, неспроста. Во всяком случае, я уж привык прислушиваться к себе, к тем импульсам, что посылает мне в эту ночь моя память.

Вспомнился мне вдруг один человек, которого сейчас уже наверняка нет в живых. Был он в нашем дворе вообще-то мало чем примечателен – совсем не высокого роста, хром и очень, как мне тогда казалось, стар. Чаще всего я его видел, когда он сидел на старой, много раз изломанной и кое-как после этого отремонтированной, отчего имела вид убогий и допотопный, лавочке у подъезда своего дома и люто не любил нас, детей из окрестных домов. Откуда взялась эта нелюбовь, сейчас определить не представляется никакой возможности. Видимо, сказывалась здесь некая традиция. Когда-то либо он обидел кого-то из малышни, а те в отместку начали обзывать его хромым, либо, напротив, ребятня по своему детскому жестокосердию прицепилась к нему с этим прозвищем – теперь этого не разрешить. Но факт есть факт – завидев старика, мы обходили стороной лавку и в подъезд не шли, если нам туда даже и надо было. А если всё-таки решались и слышали от него брань, то непременно начинали в ответ дразнить его за хромоту, да и вообще огрызались, как только могли. Здесь к месту будет отметить и ещё одну отличительную черту ушедшего времени – мата в отношении детей тогда почти не допускали. История с хромым тут не была исключением. С клюкой за нами бегал, уши надрать обещал, родителям сообщить грозился. Но всё выражение тех, отрицательных по отношению к нам эмоций обходилось без “гнилых” и неудобоваримых слов.

В то же время была на советском телевидении одна популярнейшая передача, посвящённая воинам Великой Отечественной войны – павшим и живым, которую вёл писатель Сергей Сергеевич Смирнов. К сожалению, Хрущёвым в пятидесятых годах многое было сделано для принижения нашей Победы. А уж много ли нужно было поднадавить на наш народ, не избалованный вниманием со стороны властей, чтобы он понял – нескромно это ходить по улице с орденами и медалями на груди. И оправдание такой позиции быстро придумали. Если надеваешь награды, значит, выпячиваешься, героя из себя строишь. А мы, те, у кого наград нет, что же, хуже тебя, что ли? И перестали наши бывалые воины носить свои в боях и лишениях добытые ордена и медали. Отдали нам, ребятне, для игр и забав. Сколько этих красивых кругляшек ходило по нашим рукам – теперь и не перечесть. Но вот в одной из передач в канун Дня Победы Сергей Сергеевич призвал воинов надеть заслуженные награды и не слушать всяких болтунов. Это выступление писателя произвело большой эффект. Тогда телевидение смотрели все.

Рано утром в канун праздника я вышел на улицу. В праздники мне всегда не терпелось выйти на волю. Там происходило всё самое главное. На лавке у подъезда в привычной своей позе, привалившись боком к поперечной перекладине, сидел наш хромой. Правда, одет он был необычно, парадно, в коричневый пиджак. И вся грудь его была увешана наградами – боевыми орденами и медалями. Я опешил, остановился, уважительно-заискивающе поздоровался, но хромой не поверил в мою искренность. А может, не смог простить прошлые обиды. Он буркнул что-то не очень приветливое, недобро посмотрел на меня, наверно, ожидая какого-то подвоха (ещё и стеснясь, наверно, собственных наград), и ушёл в сторону улицы Мануфактурной.

В тот же день я рассказал об увиденном своим друзьям по двору, и мы решили больше никогда этого человека не обижать. Теперь уж точно не помню, но кажется, что своё слово сдержали.

* * *

Я и сам не заметил, как заснул. Воспоминания детства, казалось, непроливаемым облаком окутали меня, роясь то ли в моём сознании, то ли вовне, вокруг меня. Но вся эта череда происшествий, событий, поступков тревожила

в моей душе чувства совершенно особенные и ранее мною не переживаемые.

Разбудил меня ранний стук в боковое стекло машины моего товарища. Был он уже в полной экипировке – ружьё за плечом, патронташ на поясе, охотничья фуражка щегольски надвинута козырьком на самые брови.

– Ну, что, выспался?

Разминая затёкшую спину, я с трудом, неловко вылез из машины.

– Однако, морозно сегодня.

– Так ведь не лето. Смотри, как стекло в машине запотело. Чего не грел?

Погонял бы двигатель.

– Грел... Потом заснул. Мучился от холода, да думал, что это во сне.

Детство своё перед этим вспоминал, как зимой чуть не утонул... А где остальные? Ещё не встали?

– Спят.

Я сходил в дом. В тёмных сенях нашёл своё висевшее на гвозде ружьё. Сквозь бревенчатую стену было слышно, как в комнате орёт голосом очередной “звезды” не выключенное радио.

– Вы что, так и спали под эту какофонию? – спросил я товарища, вернувшись к машине.

– Если бы спали. Голова и сейчас трещит. Как он может жить с вечно работающим репродуктором?

– Думаю – так спасается от одиночества и ночных страхов. Сам-то представь, каково всю зиму одному сивуху пить. Вокруг снег да дикие собаки. Здесь всякая нечисть над тобою вволю поизмывается, наштутит, попугает.

Не сговариваясь, мы направились к ближайшему карьёру, берег которого едва виднелся сквозь оголённые ветки жиденького леска, отделяющего его от огородных усадов, жирно чернеющих после стаявшего снега. Покуда солнце ещё не поднялось высоко, мы хотели обойти его вокруг, обследовать берега и, если найдётся подходящее место, то постоять на ранней утренней тяге.

Сам карьер был всё так же затянута льдом, но по закраинам уже виднелась свободная вода. Садиться в эти небольшие полыньи утка, конечно, не будет, но чем-то привлечь птицу они могли, и потому мы устроились неподалёку, присев на какие-то по своей крепости не совсем надёжные пеньки.

Как-то неожиданно над лесом показалось солнце. И всё вокруг разом переменялось, ожило. Сразу несколько тетеревов уселись на вершины деревьев прямо напротив нас, на другой стороне. Крупные птицы будто оглядывались вокруг. Затем одна из них снялась и полетела на нашу сторону, только значительно правее. Мой спутник осторожно, крадучись, начал к ней пробираться, но я был уверен, что тетерев его к себе на расстояние выстрела не подпустит. Так и вышло.

А диск солнца поднимался всё выше и выше, становясь ярче, раскалённее. И дышать потяжелевшим морозным воздухом, вкус которого незаметно переменялся, наполнившись новыми влажными запахами, было радостно. Ощущалось во всём этом что-то первозданное, незыблемое, и оттого, видно, необъяснимая весёлость вселилась в душу. Будто наполнил живой воды, той, что столько столетий была несбыточной мечтой наших предков.

Выстрел всё-таки прогрехотал. Его звук чужим пугающим эхом отозвался в дальнем заозёрном лесу, спугнув стаю каких-то пичуг со старой раскидистой берёзы. Птицы с шорохом пронесли над голубоватой поверхностью старого, пористого, готового вот-вот исчезнуть, умирающего весеннего льда и вновь скрылись в коричневых прибрежных зарослях засохшего прошлогоднего камыша.

– Ну, что, стрелял от отчаяния? – спросил я вернувшегося товарища.

– Не подпустил тетерев, улетел. А ты чего стоишь, как на прогулке в парке отдыха? Руки в карманах и, наверняка, даже ружьё не зарядил.

Я неопределённо пожал плечами.

Пройдя по берегу ещё метров сто, мы подошли к бывшей железнодорожной насыпи и поднялись на неё. Когда-то здесь проходила узкоколейка длинной во многие десятки километров, которая тянулась до таежного посёлка Рустай, что на реке Керженец. Теперь о ней напоминали только догнивающие в земле шпалы. Предприимчивые люди, пользуясь всеобщим бардаком, снимали с них рельсы и скорёхонько сдали на металллом. Я нашёл под ногой небольшой ржавый костылёк, отёр его о песок и положил к себе в карман – вот и вся память, что осталась от узкоколейки, которая столько лет служила,

по которой до самой “перестройки” возили лес, торф, продукты для людей и всё тех же грибников, ягодников, охотников. Благодаря этой дороге существовали таёжные посёлки. Теперь всё брошено, по-варварски уничтожено, разграблено.

Мы долго ходили по тропам и ещё не разъезженным до болотной неприглядности лесным дорогам. Выходили к небольшим потаённым озерам, где мой товарищ так-таки и добыл двух нерасторопных чирков. День разгулялся на славу – затеплело вокруг, замарило. Еле заметный лёгкий парок потянулся вверх от просыхающих на взгорках полянок. Дорожные лужи расстались с последним хрустким ледком, который ранним утром ещё потрескивал и ломался под подошвами сапог.

За всё время нашего блуждания я так и не снял ружья с плеча. Мне не хотелось ни в кого целиться, тем более – убивать. Жизнь вокруг так удивительно красива и хрупка. И мне самому она, может быть, была дана как раз для того, чтобы это прочувствовать и осознать. Да, может быть, именно для этого – кто знает?

Возвращаясь вновь к насыпи, чтобы по ней вернуться в деревню, мы с моим спутником сделали привал у небольшого ручейка. И надо же было такому случиться – на самой его стремнинке стоял, дожидаясь своей добычи, маленький щурёнок. Мой товарищ без труда поймал его рукой и показал мне.

– Смотри, какой карандаш.

Я кивнул головой, улыбнулся.

– Выпусти его, пусть растёт, – посоветовал я своему спутнику.

– Конечно, куда его... Пусть благодарит меня... и Бога, – неожиданно добавил он.

Уже отпущенный вновь в воду щурёнок ещё какое-то время ошалело постоял на месте, словно окончательно не веря в свалившуюся на него удачу, и вдруг в одно мгновение исчез где-то в глубине ручья.

Я выбрал место посуше – на пригорке, расстелил на земле снятую с себя куртку и лёг. Надо мной было высокое, до бесконечной глубины промытое солнечным светом небо. Оно и восхищало, и манило, и пугало. Потому что вдруг, в неведомо почему открывшийся миг, мы все осознаём, что являемся частичкой этой бесконечности. Частичкой неотъемлемой, раз уж было нам даровано это чудо – жизнь.

Поторопивший меня товарищ заставил подняться. Я вновь закинул за плечо ружьё, оказавшееся таким ненужным в этот раз, поднялся на насыпь и посмотрел опять вверх, туда, куда неотрывно глядел мой спутник.

Высоко-высоко в небе большим колышавшимся клином летели дикие гуси и что-то оттуда, с невысказанной высоты еле различимо кричали нам, зачарованно стоящим на крохотном клочке земли, затерянном среди множества заволжских озёр и болот.

АЛЕКСАНДР ВОДОЛАГИН

доктор философских наук, профессор

СИЛЬНЫЕ МЫСЛИ О РОССИИ

Н. В. Гоголь и славянофилы

*Поблагодарите Бога, прежде всего,
за то, что вы русский.*

Н. В. Гоголь

*Не-славянофилы не понимают Рос-
сии, потому что меряют её на запад-
ный аршин...*

Ю. Ф. Самарин

175 лет назад Н. В. Гоголь, опубликовав первую часть своей великой поэмы-притчи и пятью годам позже – “Выбранные места из переписки с друзьями”, “во многих произвёл неудовольствие”, вызвал негодование у “квасных и неквасных патриотов” и восхищение у немногих знающих и понимающих, кто никогда не путал свою “странную любовь” к России в её светлой и тёмной ипостасях с фальшиво-показным, поспешно приобретённым задёшево “дубиноголовым” патриотизмом. Сегодня, когда бессовестная плутократия в страхе перед обворованным ею народом стала взхлёб проповедовать такого рода карикатурный, официально-государственный патриотизм, пришло время вспомнить о гоголевской исполненной тоски, неизбывной любви к Отчизне – любви, которая долготерпит, милосердствует, не гордится, не бесчинствует, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, всё переносит и никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся... “Непостижимо, неестественно связан с Россией Гоголь, быть может, более всех писателей русских, – утверждал Андрей Белый, – и не с прошлой вовсе Россией он связан, а с Россией сегодняшнего и ещё более завтрашнего дня”¹.

Мысль, опирающаяся на веру

Говоря об участии Н. В. Гоголя в “развитии русской философской мысли”, протоиерей Василий Зеньковский несколько преувеличивал весомость элементов “церковного сознания” в мышлении писателя. В самом деле, русская философия существенно отличалась от западной, представлявшей собой, по словам Гегеля, *мысль, опирающуюся на самое себя*, тем, что была мыслью, опирающейся на веру, правда, не всегда веру христианскую. Скажем прямо, философия в России нередко подпитывалась и языческими суевериями, и специфически русским двоеверием, ставшим корневой основой

разорванного, *несчастливого сознания*, состояния которого так или иначе описаны в нашей художественной литературе XIX века. Своеобразие названного типа внецерковного религиозного сознания (об иных пока умолчим) было обусловлено отчуждением пробудившегося мыслящего духа от официальной церковной идеологии, обслуживающей со времён Раскола светскую власть, и вместе с тем его способностью “разом созерцать обе бездны” (Ф. М. Достоевский), одна из которых манила человека в пучину безудержного, почти бессознательно-животного разврата, предлагая гибельное, дионисическое упоение “живой жизнью” (К. С. Аксаков), другая же звала к чисто духовным свершениям, требуя равнозначного подвигу *подражания Христу*, платонического обожания Девы Марии, в которой, по мысли почитаемого в России Якоба Бёме, открылась прекрасная, благословенная *вечная Дева* Премудрости Божией². Мало кому из *лучших людей* России (как, например, М. Ю. Лермонтову или Л. Н. Толстому) удалось на пути духовной самореализации продвинуться дальше этой ступени самосознания, сопряжённой с *хандрой* и тягостным “беспокойством духа”, с самочувствием, лаконично выраженным Г. Р. Державиным: “Я – червь, я – Бог”. Творчество Гоголя в этом плане не стало исключением, поэтому не будем повторять ошибку Зеньковского, сводя его философское содержание к славянофильской модификации соборного “церковного сознания” и называя писателя “пророком православной культуры”³, хотя “что-то пророческое”⁴ в его произведениях, несомненно, присутствует. Только вот навеяно оно отнюдь не общением Гоголя с идеологами “православия, самодержавия, народности” – этими “холопами знаменитого села *Поречья*”⁵, по резкому выражению В. Г. Белинского, – и тем более не его контактами с представителями католической духовности, к примеру, с А. Мицкевичем или польскими иезуитами, а также с обратившейся в католицизм княгиней З. А. Волконской. Разъясняя происхождение своей индивидуальной религиозности, Гоголь писал в 1847 году С. П. Шевырёву, заподозрившему писателя в тяготении к католицизму: “Начну с того, что твоё уподобление меня княгине Волконской относительно религиозных экзальтаций, самоуслаждений и устремлений воли Божией лично к себе, равно как и открытие твоё во мне признаков католичества, мне показалось неверным... Я пришёл ко Христу скорее *протестантским*, чем *католическим* путём. **Анализ над душой человека таким образом, каким его не производят другие люди** (выделено мной. – А. В.), был причиной того, что я встретился со Христом, изумляясь в нём прежде мудрости человеческой и неслыханному дотоле знанию души, а потом уже поклоняясь Божеству Его”⁶. *Протестантский путь* (в гоголевском случае – не католический), ибо Западная Церковь “только отталкивает от Христа”⁷, предполагал личную встречу с Христом, прямой пневматологический контакт с Богочеловеком лицом к лицу, каковой, к примеру, был некогда пережит Савлом на пути в Дамаск. Для возобновления такого рода контакта, превратившего весельчака Никошу – автора “Вечеров на хуторе близ Диканьки” – в *мистического субъекта* (П. В. Анненков), в *человекодуха*, пневматика⁸, Гоголь, видимо, и предпринял своё “внутреннее путешествие” в январе-феврале 1848 года в Иерусалим, где в молитвах провёл ночь у Гроба Господня, а в последние годы жизни три раза посетил Оптину пустынь, невольно обозначив этим своё тяготение к “аскетико-созерцательной традиции” *исихазма*, защищаемой некогда “заволжскими старцами” – *нестяжателями*, выступившими против “*неправедного обмирщения Церкви*” (В. В. Зеньковский) и чрезмерного возвеличивания царской власти. Писатель стремился к обретению “ума Христова”, к восхождению на тот **сверхчеловеческий уровень ясновидящего самоуничтожения**, о котором говорил его любимый апостол Павел: “И уже не я живу, но живёт во мне Христос” (Гал. 2, 20). На этой стезе Гоголь и приобрёл то “неслыханное дотоле знание души”, которое существенно обогатило *феноменологию русского духа*, разрабатываемую в 40-е годы, с одной стороны, “православными гегельянцами” К. С. Аксаковым и Ю. Ф. Самариным⁹, с другой стороны, А. И. Герценом и В. Г. Белинским, и, таким образом, позволило Гоголю сыграть вполне самостоятельную роль в истории русской философии, в формировании христианской антропологии и историософской концепции, став предтечей *геософии* и евразийского учения о России как “симфонической личности”¹⁰. Названные стороны его творчества связаны с описаниями дремлющего русского духа, ещё не пробу-

дившегося, не сбросившего тёмный шлейф растительно-животного психизма или уже павшего в низины пошлой повседневности, замирающего в отчуждённых формах опредмеченного существования, скрыто присутствующего в так называемых “мёртвых душах” в виде возможности воскрешения. Оказавшись на подступах к своему главному открытию – пониманию светоносной, миротворческой миссии России во всемирной истории, – Гоголь писал 11 января 1834 года М. П. Погодину: “Я весь теперь погружён в историю малороссийскую и всемирную, и та, и другая у меня начинает двигаться. Это сообщает мне какой-то спокойный и равнодушный к житейскому характер... Ух, брат! Сколько приходит ко мне мыслей теперь! Да каких крупных! Полных, свежих! Мне кажется, что сделаю кое-что необщее во всеобщей истории”¹¹. Писатель явно намекал на созревавшую в его сознании историософию, отчасти высказанную им устами Тараса Бульбы и сформулированную им позднее в “Мёртвых душах” и “Выбранных местах из переписки с друзьями”. Попытаемся вдуматься в высказанные Гоголем мысли, отбросив идеологические предрешения и пристрастия, не впадая в крайности толкований, приверженцы которых видят в Гоголе “продолжателя святоотеческой традиции в литературе” или же упорного врага “государственной Церкви”, поддавшегося соблазну манихейско-гностиической ереси и оболъщению масонства¹².

Анализ гоголевских писем подводит к выводу о том, что пророческое мышление писателя, вероятнее всего, проистекало из его личного мистического опыта, связанного с “переворотом”, предположительно, конца июля 1835 года, когда Гоголь посетил Киев, называвшийся у малороссиян “русским Иерусалимом”, и подкреплённого “переломом”, “крутым поворотом”¹³ осенью 1836 года, а также штудированием творений Платона, Марка Аврелия, Августина Блаженного, Дионисия Ареопажита, Иоанна Златоуста, Исаака Сирина, Фомы Аквинского и других авторитетных *душеведцев* “для освежения души”, что, между прочим, настораживало, а иногда и пугало опекавшего его Сергея Тимофеевича Аксакова, так что Гоголь, в конце концов, отбросив привычную скрытность, заговорил-таки с ним об *истории своего мистицизма*¹⁴. Нужно сказать, что, хотя Аксаков упустил поворотный момент превращения Гоголя в “мистического субъекта”, не понял всей серьёзности мистического умонастроения писателя, какая-то доля истины в его замечаниях о том, что Гоголь лишь “прикинулся проповедником христианства”, пряча свою “страшную гордость под личиной смирения”, всё же имеется. Усматривая в поведении Гоголя явную **двойственность** и не учитывая её глубинной духовно-исторической основы, Аксаков говорил в письме к своему младшему сыну Ивану от 16 января 1847 года о “сумасшествии” Гоголя, предостерегая восхищавшегося писателем молодого человека от дальнейших заблуждений: “Я уверен, что мысли твои о книге Гоголя (“Выбранные места из переписки с друзьями”. – **А. В.**) должны измениться. Ты оболъстил сам себя предположением чистого христианского направления в Гоголе”¹⁵. Наблюдение верное: гоголевское “христианство”, отягощённое ферментами языческого мирозерцания, идеями неоплатоников и гностиков, и не могло быть “чистым”, хотя писатель, как известно, искренне стремился к обретению требуемого Христом “чистоты сердца”, что подтверждается его паломническими поездками к старцам Оптиной пустыни и созданной им духовной прозой. Очевидно, Гоголь и в незавершенной поэме-притче, и в последней своей книге оставался *человеком с двоющимися мыслями*, ищущим примирения с самим собой и с повергавшим его в тоску “нашим родным омутом”¹⁶, но так и не нашедшим его, что, тем не менее, не давало повода для обвинений его в “демонизме”, в том, что он завис “*между язычеством и христианством*, не попав ни в одно”¹⁷. Отчётливо сознавая силу “животной души” в человеке, он упорно развивал в себе восприимчивость к импульсам животворящего Духа первоначального христианства, преодолевал суеверного язычника в себе самом. Поднимаясь над омутом *наружной жизни* с её неизбежными дрязгами и “гадостями” – пусть иногда и с помощью дионисической силы, как философ Хома Брут, – Гоголь и в своём творчестве оставался *вечным искателем и открывателем Себя Самого* (то есть *самости*, или Христа в себе, “божественного первочеловека”, по терминологии К.-Г. Юнга), открывателем дарованной русской натуре *Мощи Све-та и Разумения*.

Москва в мистическом восприятии Гоголя: Третий Рим или Новый Иерусалим?

В своих “секретных” воспоминаниях о Гоголе С. Т. Аксаков, комментируя письма писателя, отмечает, что под влиянием его старшего сына Константина — *юноши, полного всякой благодати*, — у Гоголя, дотоле подшучивавшего над русским человеком, возникло *сильное чувство России* и появились некие “сильные мысли”, превратившие *странный сюжет “Мёртвых душ”* в многозначительную притчу о смысле исторического бытия русского народа¹⁸. Приписывая московским славянофилам ответственность за “обращение Гоголя к России”, С. Т. Аксаков явно занижал уровень духовной самостоятельности писателя, который, хоть и называл в письмах к нему Москву своей родиной¹⁹, на деле как будто бы отдавал предпочтение спасительному и для его организма, и для души пребыванию в Риме²⁰, не принимая навязываемую ему роль глашатая поверхностного, казённого “патриотизма низкой пробы” (Вл. Соловьёв), связанного с языческим по своей скрытой сути, “кошунственно-империалистическим” толкованием доктрины “Москва — Третий Рим”, оформившейся на Руси в конце XV — первой четверти XVI веков с подачи Ватикана. Удивительно, что некоторые нынешние *горячие патриоты*, страстные противники превращения Москвы в космополитический центр вестернизации России, всё ещё рекламируют эту гнилую, вброшенную к нам извне “римскую ересь”²¹, приняв лежащую в её основе подмену *Рима святого Петра* Римом кесаря и склоняясь так или иначе к обновлённой версии *цезарепализма*, впадая порой в неоязыческий вождизм с элементами безрадостно-пошлого “культа личности”. Как тут не вспомнить слова Гоголя о том, что у некоторых “квасных патриотов” любовь к Отечеству отзывается приторным хвастаньем: “после их похвал, впрочем, довольно чистосердечных, только плюнешь на Россию”²².

Возобновляя традицию политического мышления допетровской Руси, славянофилы (и близкие к ним консерваторы — М. П. Погодин, С. П. Шевырёв) понимали, что концепция “Третьего Рима” может быть доведена до абсурда, до провозглашения “непогрешимости царя или, иначе сказать, обер-прокурора Святейшего Синода” (Ю. Ф. Самарин), и принимали лишь одну из заложенных в неё идей — мысль о перемещении центра православно-христианской духовности в Россию²³. При этом их главный теоретик — Алексей Степанович Хомяков — шёл ещё дальше и в стремлении отмежеваться от чуждого Православию “языческого империализма”, и представить Русь в качестве единственной “наследницы Греции”, утверждал: “**Тупые головы искали в России Рима. Суцая нелепость**”²⁴ (выделено мной. — А. В.). Добавим: нелепость, исторически связанная с Расколом²⁵, этим “первым припадком русской беспочвенности”²⁶, симптомом “русского нигилизма”²⁷, идущего на разрыв с греческим наследием, с духом не искажённого нашими доморощенными талмудистами “вечного Евангелия” (Отк. 14, 6) и отказавшегося от “христианского универсализма” (Вл. Соловьёв). Кажется очевидным, что Рим — первый ли, третий ли — должен ассоциироваться в аутентичном христианском сознании, прежде всего, с “Вавилоном великим” (Отк. 16, 19), вавилонским смешением языков и “сливом народов” (А. С. Хомяков), а сориентированная на Рим Москва — с “великой блудницей” (Отк. 17, 1; 18, 2), *дерзкой дочерью блуда* (Я. Бёме), а не со святым городом, сходящим от Бога с неба (Отк. 21, 2), — Новым Иерусалимом. Понимавший это Патриарх Никон чётко противопоставил нечистому духу языческого толкования филофеевой доктрины “Москва — Третий Рим” идею “Нового Иерусалима”, предполагавшую превращение Москвы в эпицентр Православия и, соответственно, в энергично-смысловую центр мировой истории. Но поспешное оставление Никоном патриаршего престола и окончательная победа в России *цезарепализма* надолго сделало эту перспективу нереальной, что привело, в конце концов, к превращению *дурного государства* российской в пожирающего собственное население “красного дракона”, сообразно апокалиптическому пророчеству Иоанна Богослова (Отк. 12, 3). Что же касается Гоголя (довольно-таки хорошо знавшего историю Церкви, западную и восточную патристику), то можно согласиться с П. В. Анненковым: духовно писатель никогда не покидал родину, *мысль о России вместе с мыслью о Риме была “живейшей частью его существования”*²⁸, при этом Москва оставалась для него Москвой — уникальным духовно-историческим противовесом Риму с его языческой, не преодоленной духом христианства основой, предполагающей

подмену любви к Отечеству любовью к имперской государственности, “государственной обрядности” (А. С. Хомяков). Вне политического контекста Рим был для него объектом эстетического созерцания, “чудным собранием отживших миров” в сочетании с “вечно цветущей природой”²⁹. Дружеское общение Гоголя с А. С. Хомяковым, знакомство с историческими идеями его “Семирамиды”³⁰, несомненно, сказалось на формировании оригинальной историософской позиции писателя: судя по его письмам, к концу жизни он отказывается от романтической идеализации Рима, не рвётся “под сверкающее небо Италии”, как ранее: “Мне не хочется и на три месяца оставлять Россию, — сообщает он А. С. Стурдзе. — Ни за что б я не выехал из Москвы, которую так люблю. Да и вообще Россия всё мне становится ближе и ближе; кроме свойства родины, есть в ней что-то ещё выше родины, точно как бы это та земля, откуда ближе к родине небесной”³¹. Мы видим, что гоголевская проповедь любви к родине (“Нужно любить Россию”), в отличие от беспочвенного, низкопробного патриотизма филофеевской закваски, помимо своей укоренённости в национально-исторической почве, имела и чисто духовные основания. Хомяковские “Записки о всемирной истории” (“Семирамида”) бросают дополнительный свет на эти основания, способствуя лучшему пониманию **мистического патриотизма** Гоголя, явно дистанцировавшегося от самодовольно-спесивого национализма уваровцев и угадывавшего в России скрытое присутствие “чего-то ещё выше родины”, некую пока ещё не осуществлённую возможность высшего бытия. “Та самая Русь, о которой кричали и пели кругом славянофилы, как корибанты, заглушая крики Матери Бога; она-то сверкнула Гоголю, как ослепительное видение, в кратком творческом сне”³², — верно подметил в 1909 году Александр Блок. То было “ясновидящее гадание” гения (А. С. Хомяков), опережающее прозрение Гоголя относительно русского будущего, удивительным образом возобновившее никоновскую идею “Нового Иерусалима”, сверхнациональную по своей сути. Писатель узревал сквозь “**тусклое стекло**” **христианского гностицизма** крестный путь России, которой предстояло пройти и через Голгофу, и через “смерть вторую”, дабы выполнить предопределённую ей духовную миссию спасительницы человечества, одержимого гибельным **кушитским духом** “негоции” с характерным для него культом “золотого тельца”³³, “духом тьмы, отрицания, смущения, сомнения, боязни”³⁴.

Вопреки нетерпеливым ожиданиям московских друзей, Гоголь в своём великом мифопоэтическом сказании о России как стране “мёртвых душ” вообще не затронул так называемую русскую “национальную идею” — эту скороспелую идеологию, не имевшую какого-либо прототипа в коллективном бессознательном русского народа и представлявшую собой неудачную импровизацию наших романтиков по поводу известного лейтмотива гегелевской философии истории, позволявшей каждому вырвавшемуся из дикости историческому народу поучаствовать в осуществлении **абсолютной идеи** — идеи свободы. Русские никогда не абсолютизировали эту духовную ценность. Даруемая им свобода озадачивала, вызывала чувство тревоги, так что предпочтение нередко отдавалось мертвящему покою несвободы, хотя исключения в виде вспышек своеволия и массового неповиновения власть имущим, конечно же, были. Иное дело — **идея справедливости**, порою “мстящей справедливости”, этой *Русской правды* в действии. Тут поднимались всем миром и уничтожали нарушителя принципа, следуя ветхозаветному закону “око — за око...”, неоспоримому велению безымянного бога войны, проявляя при этом, казалось бы, невозможную в земном плане, заповеданную Христом любовь к врагу. И не так важно, кто попадал под карающую руку русского воина, скажем, Тараса Бульбы, поднявшегося отомстить “за бесчинства чужеземных панов, за угнетение, за унию, за позорное владычество жидовства на христианской земле”³⁵, — казака, которому “всё равно, где бы ни воевать, только бы воевать”, или “эдакого какого-нибудь” бедняги капитана Копейкина, не нашедшего правды в северной столице-Семирамиде³⁶ и занявшегося разбоем назло неправедной власти. Оказывался ли под ударом этих суровых мстителей “бойкий и хвастливый лях”, “проклятый Бонапарт” или иной нарушитель Правды, уничтожение противника в бою позволяло русским героям прочувствовать космический смысл своего бытия — озаряющий их изнутри “огонь негации”. Нужно сказать, что московские друзья Гоголя — “горячие патриоты” — были далеки от такого понимания русского национального характера, к которому интуитивно продвигался автор “Тараса Бульбы”. Исключение

составлял один А. С. Хомяков, связывавший особенности славяно-русского психотипа с унаследованной им индоиранской верой во “всесозидающее могущество добра”, не совместимой с кушитским “служением стихиям вещественного мира” и поклонением Вакху-Дионису. “Племена славянское и санскритское не только ветви одного корня, — уверял этот противник гегелевского дионисизма, — но отделились из одного узла, в одном и том же возрасте великого дерева”³⁷. В то же время Хомяков признавал, что русский народ при всём своём тяготении к “Аполлону иранскому” (известному более как Аполлон Гиперборейский) всё же отравлен отчасти духом “Диониса кушитского”, требующего **поклонения “святыне небытия”**, ставшего тайным кумиром русских материалистов и нигилистов и предполагавшего обожествление “разрушительной силы огня”³⁸. Оставаясь сторонником спиритуализма и принципиальным противником материализма в понимании мировой истории, Хомяков утверждал: “Русский дух создал самую русскую землю в бесконечном её объёме; ибо это дело не плоти, а духа; русский дух утвердил навсегда мирскую общину, лучшую форму общежитности в тесных пределах; русский дух понял святость семьи и поставил её как чистейшую и незыблемую основу всего общественного здания; он выработал в народе все его нравственные силы, веру в святую истину, терпение несокрушимое и полное смирение. Таковы были его дела, плоды милости Божией, озарившей его полным светом Православия”³⁹. Эти историософские идеи Хомякова, его лингвистические гипотезы и герменевтические находки не могли не заинтересовать Гоголя, обнаружившего “несметные богатства русского духа” в родном языке и опередившего в этом открытии Владимира Ивановича Даля. На этом пути писатель, по словам Андрея Белого, достиг ослепительной выразительности. “Слог Гоголя одновременно и докультурный, и вместе с тем превосходит в своей утончённости не только Уайльда, Рембо, Сологуба и других “декадентов”, но и Ницше подчас”. В его стилистике “отражается самая утончённая душа XIX столетия”⁴⁰. Добавим: душа беспокойная, разрываемая противоположными духовными импульсами, чутко реагирующая на разномыслие взбудораженной идеологической экспансией Запада России.

Отвечая Анне Михайловне Вьельгорской, мечтавшей сделаться “русскою не только душой, но и языком, и познаньем России”, Гоголь разъяснял ей (30 марта 1849 года): “Знаете ли, что первое труднее последнего. Легче сделаться русскою языком и познаньем России, чем русскою *душой*. Теперь в моде слова: *народность* и *национальность*, но это покуда ещё одни крики, которые кружат головы и ослепляют глаза. Что такое значит сделаться *русским* на самом деле? В чём состоит привлекательность нашей русской породы, которую мы теперь стремимся развивать наперерыв, сбрасывая всё ей чуждое, неприличное и несвойственное? В чём она состоит?” И тут же сам отвечал на это вопрошание, формулируя сразу две свои основные, взаимосвязанные концепции — философско-антропологическую и историософскую: “Высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово евангельское, возводящее к совершенству человека”. Слова Христа попали на добрую почву “русской восприимчивой природы” и “дали всё лучшее, что ни есть в русском характере”. И это лучшее, конечно же, не имеет ничего общего с узколобым, агрессивным национализмом, с помешанностью на национальных интересах. “Может быть, одному русскому суждено почувствовать значение жизни, — развивает Гоголь свою мысль об универсализме нашей духовной мотивации. — Правду слов этих может засвидетельствовать только тот, кто проникнет глубоко в нашу историю и её уразумеет вполне, отбросивши наперёд всякие мудрования, предположенья, идеи, самоуверенность, гордость и убеждение, будто бы уже постигнул, в чём дело, тогда как едва только приступил к нему. Да. В истории нашего народа примечается чудное явление. Разврат, беспорядки, смуты, тёмные порожденья невежества, равно как раздоры и всякие несогласия, быть может, были у нас ещё в большем размере, чем где-либо... Но зато в то же самое время светится свет в избранных сильнее, чем где-либо”⁴¹. И не так важно, что *мало избранных*, важно, что только в них и через них раскрывается “значение жизни”, её божественная целесообразность, скрытая от докравшего до власти над Россией “безмозглого класса” стяжателей, вообразивших себя недостижимыми для правосудия “хозяевами жизни”.

Многоликая Русь

Было бы неверным считать, что препирательства славянофилов с западниками касательно *русского пути*⁴² и беспутства совсем не интересовали “закуренного ладаном с ног до головы” Гоголя (П. Я. Чаадаев). Возможно, они и подвигли его на создание пассажа в “Мёртвых душах” о “так называемых патриотах, которые спокойно сидят себе по углам и занимаются совершенно посторонними делами, накаплиют себе капиталы, устраивая судьбу свою на счёт других; но как только случится что-нибудь, по мнению их, оскорбительное для Отечества, появится какая-нибудь книга, в которой скажется иногда горькая правда, они выбегут со всех углов, как пауки, увидевшие, что запуталась в паутине муха, и подымут вдруг крики: Да хорошо ли выводить это на свет, провозглашать об этом? Ведь это всё, что ни описано здесь, это всё наше, — хорошо ли это? А что скажут иностранцы?”⁴³ Замечательно, что, казалось бы, обидное сравнение “горячих патриотов” с пауками не поколебало уверенности *московской братии* в принадлежности Гоголя к “русскому направлению”, не помешало ей видеть в нём спасителя русского общества от “западных мечтаний” (П. В. Анненков). В связи с этим вспоминаются слова протоиерея Георгия Флоровского о том, что Гоголь, хоть и вращался чаще среди славянофилов, но сам им не был: “Его вернее считать западником... Любил он не тот Запад, что тогдашние русские западники, и не тою любовью. Но в своём мировоззрении и в складе душевном он был весь западный, с ранних лет был и оставался под западным влиянием. Собственно, только Запад он и знал, — о России же больше мечтал. И лучше знал, какой Россия должна стать и быть, какою он хотел бы её видеть, нежели действительную Россию”⁴⁴. В самом деле, в своём изображении “действительной России” Гоголь был не менее беспощаден, чем Пётр Чаадаев или Виссарион Белинский, так что заявление лжепатриота графа Фёдора Толстого-Американца о том, что автор “Мёртвых душ” — “враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь”⁴⁵, вполне понятно и объяснимо с точки зрения правящего в стране “безмозглого класса людей” (Н. В. Гоголь), заинтересованного в оправдании “гнусной расейской действительности”, превращавшей человека не то что в раба или безгласную вещь, хуже — в “прореху на человечестве”, в безвольного *мосье Ноля*, в почти совершенное ничто, то есть, на языке автора поэмы, в “мёртвую душу”. И всё же вряд ли можно согласиться с Флоровским, поспешно зачислившим Гоголя в лагерь “западников”. Прав был Н. А. Бердяев, возражавший в 1927 году против “совершенно ошибочного и устаревшего противоположения России и Запада”, заимствованного Флоровским у славянофилов и западников 1840-х годов⁴⁶. Мы не найдём такого противоположения уже у Гоголя, державшегося довольно-таки обособленно и независимо в салонных *перепалках* между защитниками известных историософских “крайностей”, признававшего частичную правоту и тех, и других. “Разумеется, правды больше на стороне славянистов и восточников... — читаем в “Выбранных местах из переписки с друзьями”. — Но и на стороне европистов и западников тоже есть правда”⁴⁷. Вслед за Гоголем поднялся над этим “устаревшим противоположением” и Ф. М. Достоевский в “Братьях Карамазовых”. Но, видимо, не знающие об этом нынешние “квасные патриоты” по-прежнему с холопским усердием учат нас “однозначно” любить родину, забыв о её пугающе тёмном лике “великой блудницы”, лике Семирамиды (Милитты-Астарты), и кланут Европу, не желая видеть в ней ничего светлого, достойного восхищения и любви, например, средневекового культа Девы Марии, Софии-Богоматери, издавна практикуемого и в России. Иное дело, конечно, Америка. “А что такое Соединенные Штаты? — вопрошал Гоголь в своей возмущившей охранителей *странной книге*. — Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит”⁴⁸. Может быть, и так: ведь именно Америка стала подлинной наследницей языческого Рима, подмявшего Рим христианский, орудием *кушитского духа* “негоции”, нечистого духа приобретательства и сладострастного, не знающего меры потребления.

Кем же на самом деле стал вернувшийся в сентябре 1839 года из-за границы “не тот Гоголь”, открывший там для себя какой-то “не тот Запад” и, главное, разглядевший в России нечто такое, отчего пришёл в ужас и впал в “нервическую душевную тоску” и уныние⁴⁹? Ответ на этот вопрос уже давно был подсказан П. В. Анненковым, случайно встретившим Гоголя после пяти-

летней разлуки в Париже: “Гоголь постарел, но приобрёл особенного рода красоту, которую нельзя иначе определить, как назвав красотой мыслящего человека. Лицо его побледнело, осунулось; глубокая, томительная работа мысли положила на нём ясную печать истощения и усталости, но общее выражение его показалось мне как-то светлее и спокойнее прежнего. Это было лицо философа. Оно оттенялось по-старому длинными, густыми волосами до плеч, в раме которых глаза Гоголя не только не потеряли своего блеска, но, казалось мне, ещё более исполнились огня...”⁵⁰ Бесценное для нас наблюдение, опрокидывающее все высокомерные оценки гоголевского мистицизма, включая и жалкие домыслы нашей доморощенной психиатрии о “болезни Гоголя”⁵¹. Самозванные судьи Гоголя не увидели главного: осознав своё призвание *поэта-духовидца*⁵², Гоголь отказался от попыток самоутверждения в границах срединного мира сего (“Не дело поэта втираться в мирской рынок”⁵³) и, следуя естественному для него (как поэта) ходу мифомышления, стал, подобно Данте, совершать время от времени путешествия в *нижний мир мёртвых (душный подвал)*, не оставляя при этом надежды на восхождение в *верхний мир*. Вот почему, умирая, он просил то ли в полусне, то ли в бреду: “Лестницу, лестницу!...” Так или иначе, выстраданное им мирозерцание представляло собой оригинальную реконструкцию мифа о триадическом строении универсума, в контексте которого срединный мир человека представлялся ему промежуточным пунктом, ступенью к более высокому уровню бытия, без достижения которого ни второй, ни третий тома “Мёртвых душ” не могли быть созданы. “Жизнь наша – трактир и временная станция...” – говорил Гоголь⁵⁴. В свете такой дорожной перспективы становится ясным, о какой Руси грезил Гоголь в Риме, какую Россию он любил и в какую верил: то была **не реальная, наружная, “гадка Русь”**⁵⁵ с её “пустынной неприютностью пространств”, где гибнет “всё прекрасное”⁵⁶, где всем заправляют бессовестные чиновники – *кувшинные рыла*, “взяточники и плуты”, где мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет, а прокуроры разве что моргают; то была “одна только прекрасная Русь”, **внутренняя, идеальная** Россия колоссальных возможностей, заключающая в себе “великий простор”, предвещающий появление богатыря, этого “мистического субъекта” *творящей свободы* (А. С. Хомяков) – *подымающегося из русской земли царя, которого не пересилит никакая сила*. Подобно своему другу Алексею Хомякову, Гоголь не столько идеализировал историческую Россию минувших времён (как это порой делали гегельянцы Константин Аксаков и Юрий Самарин), сколько проектировал Россию будущего, формируя её сверкающий образ в своей *предполагающей рефлексии* и мысленно готовя себя к художественному воплощению своего религиозно-нравственного идеала. Контуры этого гоголевского прожекта – некоторые черты угадываемой и предполагаемой в мысли России грядущего *Светлого Воскресения*, России, преображённой в духе первоначального, незамутненного ортодоксами христианства, вырисовываются в его последней книге – “Выбранные места из переписки с друзьями”. *Рассерженный* В. Г. Белинский, к сожалению, не уловил в ней ничего, кроме проповеди “лжи и безнравственности” под покровом религии, уличив писателя в незнании реальной России, которую тот будто бы не разглядел из своего “прекрасного далека”. Между тем, Гоголь и не спорил со своим безжалостным критиком относительно того, что *нынешняя Россия* всё ещё представляет собой **ужасное зрелище страны, где “нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей”**⁵⁷ (выделено мной. – А. В.). Да, говорил Гоголь в своей отторгаемой “подлой современностью” книге, **Россия точно несчастна, “несчастлива от грабительств и неправды, которые до такой наглости ещё не возносили рог свой”**⁵⁸ (выделено мной. – А. В.). Об этом безнадёжном состоянии Отечества свидетельствовали, между прочим, “Ревизор” и “Мёртвые души”. От этого “ужасного зрелища” и бежал Гоголь в Европу, в Италию, в Рим, бежал для того, чтобы обрести в ясновидящем вдохновении “всю Русь целиком”, имея в виду и её оборотную, невидимую для профанов идеальную сторону, её скрытый от власть имущего “безмозглого класса людей” потенциал самоотрицания. Таким образом, Гоголь, по признанию того же Белинского, “могущественно содействовал самосознанию России”.

Ясновидящее гадание гения

Несмотря на ряд верных замечаний относительно психического склада и мистического умонастроения Гоголя, Флоровский всё же недооценивал духовную мощь писателя, приписывая ему некий “душевный архаизм”, уличая в “душевной отсталости”, не видя за указанными свойствами творческой приверженности художника *оборотнической логики* мифомышления, его рискованной открытости “пропасти” – тёмной бездне “коллективного бессознательного”, без чего подлинное творчество невозможно. Ближе к разгадке “странностей Гоголя”, замеченных многими его современниками, оказался двадцатипятилетний Константин Аксаков, сравнивший писателя с Гомером и тем самым намекнувший на укоренённость гоголевского образного мышления в дохристианской культуре, в языческом гилозоизме и панпсихизме. Правда, ничего стоящего, кроме этого намёка, в статье К. С. Аксакова о поэме Гоголя мы не найдём. Поверхностно усвоенная гегелевская эстетика, видимо, помешала начинавшему публицисту понять своеобразие гоголевского символизма, не сводимого к всеобъемлющей, жизнеутверждающей созерцательности, приписываемой писателю, будто бы не склонному, подобно Гомеру, к вынесению какого-либо приговора изображаемому миру⁵⁹. По словам С. П. Шевырёва, “Гегель подпустил дыму” и в мысль, и в слог Константина Аксакова, ставшего “жертвой странного брожения мыслей”⁶⁰. Совершенно очевидно, что вся художественно-образная ткань “Мёртвых душ”, действительно написанных с оглядкой на “вечные красоты Гомера”⁶¹, тем не менее пронизана ценностными суждениями автора, проистекающими из его *морального мировоззрения*, едва прикрытого кажущейся беспристрастностью “эпического” повествования и явно обнаруживающегося в так называемых “лирических отступлениях”. Художественное мышление Гоголя, питавшееся содержаниями архаичного, ночного мифосознания, было осложнено чуждой подлинному эпосу моральной рефлексией, подчинённой императивам Духа первоначального христианства с присущим ему пафосом радикального мироотрицания, под огнём которого оказался, в конце концов, и “русский мир”. Как **мыслящий христианин Гоголь** не мог не видеть явных “остатков язычества в славянской природе” и говорил о них в своей поэме, любуясь ими как художник-колдун и вместе с тем резонёрски, почти по-монашески осуждая их.

Можно сказать, что корни гоголевской метафоры и гиперболизма следует искать “у истоков звериных вер”, в глубинах неискоренимого человеческого суеверия, сопутствующего магии “детской воли”. В самом деле, в его эпической поэме-притче оживают *вещи природные* (пыль, дождь, ветер, дорога) и *вещи подручные* (сабля и чемодан Чичикова, бричка, колесо, чашки и др.), животные очеловечиваются (кони-секретари, собаки-швейцары), а люди уподобляются животным и насекомым. Так, к примеру, правитель канцелярии в каком-нибудь “тридевятом государстве” за незначительный промежуток времени успевает сменить несколько обличей, побывав Прометеем (со своими подчинёнными), орлом, куропаткой (на пути к начальнику), мухой (в присутствии оного) и, наконец, совершенно уничтожается в песчинку!⁶² “Всё похоже на правду, всё может статься с человеком”⁶³, – уверяет читателя автор “Мёртвых душ”. “...Каждый чиновник именно *днём*, а не ночью становится для него *оборотнем*, – поясняет Андрей Белый. – Но почему же? Дневное приближение *бездны духа* к поверхностям дневного сознания, рёв её... в солнечной тишине – обычное состояние высокопросвещённых мистов... Гоголь вышел за пределы своей личности и вместо того, чтобы использовать это расширение личности в целях искусства, Гоголь кинулся в бездну своего второго “я”... вместо того, чтобы соединить эмпирическое “я” с “я” мировым, Гоголь разорвал связь между обеими “я”, – и чёрная бездна легла между ними”⁶⁴. Отсюда “страшный вывих души его”, отсюда же его разорванное сознание и двоемыслие, так и не преодоленное им на пути индивидуальной религиозности. Мифотворчество – поиск утраченной целостности или хотя бы “минуты вечной гармонии”, в которую испытываешь подлинное преображение⁶⁵. В воссозданном Гоголем жизненном пространстве мифа всё возможно: душа человеческая способна превратиться в любую вещь, в любое существо и, пройдя через цепь перевоплощений, побывав за пределами серединного мира, обогащается знанием о мирах иных – нижнем и верхнем, обитатели которых, в свою очередь, время от времени прорываются в наш промежуточно-

переходный мир, воодушевляя людей или повергая их в ужас. Ключевой символ, позволяющий читателю проникнуть в самый глубокий смысловой пласт “Мёртвых душ”, по верному наблюдению Андрея Белого, — *колесо*, упоминаемое в начале и в конце первого тома гоголевской поэмы⁶⁶, символизирующее, согласно традиции, *Круг сего видимого мира* (Я. Бёме)⁶⁷, *Наружного Мира* кажимостей и фантомов с характерным для него круговоротом перевоплощений и трансформаций, бытие-в-дороге, *путь вниз* вплоть до близкого к нулю ничтожества и вместе с тем — перспективу возможного восхождения, превращения, к примеру, какого-нибудь плотоядного червя в “человека средних лет”, “переодетого Наполеона” — *выродка* Чичикова. Последнему почти ничего не нужно, разве что Ничто. По своей сути, он не далеко ушёл в своём развитии от Плюшкина — этой “прорехи на человечестве”, прорехи, через которую проглядывает Ничто. И всё же Чичиков явно выбивается из ряда изборажённых в первом томе поэмы *ничтожеств*: ведь его “страсть к приобретательству” направлена не на вещи природные и человеческие, а на само Ничто. Живая душа как *вещь мыслящая*, как нечто идеальное, его не интересует. Иное дело — *мёртвая душа*, видимость, порой прекрасная видимость, некая мнимая величина, фикция, *волдырь на воде*, “другого рода товарец”. Скупая мёртвые души (“товар такой странный, небывалый” — “хуже всякой негодной, последней вещи”), он, будучи *демонической монадой*, искрой мирового огня, “огня негации” (А. И. Герцен), присоединяет к единице собственного бытия чуть ли не четыре сотни нулей, превращаясь, таким образом, в средоточие *чудовищной мощи негативного*, в орудие разрушения и смерти, без чего, видимо, невозможно, продвижение по пути возрождения и обновления. На первый взгляд, Чичиков не столько приобретает, сколько теряет и тратит (время, престиж, деньги), оставаясь, в конце концов, один на один с Ничто. Но в том то и дело, что последнее — не пустое место, а некая мощь, скрытая энергия аннигиляции, “так что смерть действует в нас”, по слову апостола Павла (2 Кор. 4, 12). И вот, подчиняясь закону оборотничества, несущая Чичикова бричка — уже не бричка, а божественная колесница, сама *Русь, пьянённая дионисическим влечением к гибели*, захваченная абсурдным “движением от ничто к ничто” (Гегель), летящая “невеста куда в пропадающую даль”, вовлекающая в свой страшный полёт ошеломлённые страны и народы. Управляет повозкой, само собой разумеется, “квасной патриот” — *дионисианец*, то есть, по определению, поклонник бога Бахуса Селифан. Несут её кони-секретари, кони-плуты вроде “подлеца Чубарого” — этого *коня антихриста* (Я. Бёме). Восседает же в повозке сам антихрист — “скотина Чичиков”, *собиратель душ*, “незначащий червь мира сего”, *урод* во фраке брусничного цвета с искрой. Не в этом ли зловещем образе, венчающем первую часть “Мёртвых душ”, заключено учуянное богословом Флоровским гоголевское пророчество? Не в нём ли смысловой итог того **расползания сна**, кошмарного гоголевского сна о России, где “гибнет всё прекрасное”⁶⁸, — жуткого фантома, который перерос в поэму-притчу со странным, настораживающим кое-кого из “горячих патриотов” сюжетом?

Да, видно, не зря просиживал Гоголь в гостинных московских славянофилов, проникаясь духом русского *гегелизма*, прячась в дремоту, не зря заглядывал через плечо Хомякова в его записки о всемирной истории (“О! Алексей Степанович “Семирамиду” пишет!”), не зря вслушивался в салонные перепалки *восточников* и *западников*, озадачивая своей скрытностью и тех, и других. Возможно, неспроста представился он однажды своему спутнику-немцу *Гогелем*, то есть почти Гегелем. Эпизод, запомнившийся Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и неожиданно всплывший в одном из его выступлений (11 декабря 1937 года) в виде оговорки: “Великий русский писатель Гегель... Гоголь сказал...” А сказал любимый писатель Генсека, похоже, в самом деле “что-то пророческое”, нечто, касающееся *России нынешней*, обречённой, если верить Гоголю, испытать на себе ужас самоуничтожения или же мертвящую диктатуру безликого “господина средней руки”, дегенерата-*червоносца*, одержимого иноземным духом “негации”, *духом капитализма* (М. Вебер). Вот уже и *Москва — моя родина*, веками волновавшая русских поэтов-духовидцев эмблема Града небесного, Нового Иерусалима, захвачена богопротивной нечистью, как брошенная паствой церквушка из “Вия”, и превращается в какую-то чуждую нам *кушитскую* “новую Москву” — *Заманиловку*, в город “мёртвых душ”, а та старая, прекрасная, потерянная для нас навсегда

Москва, “истинная столица России, столица её духа” (К. С. Аксаков) разрыта и изъедена “страшным червём”, растущим в чудовище⁶⁹, что некогда мерещилось Гоголю в его страшных снах о России. И вот уже слышим изо дня в день о какой-то *второй столице* России. Забыли православные, что “всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет” и всякий “дом, разделившийся сам в себе, не устоит”? По всему видно: время близко. И снова поднимается из гнилой бездны сквозь зеленоватый туман, сквозь промозглую муть к облакам северным “город великий”, город-призрак, город-вампир, чтобы царить над свинцовыми пространствами России. “...Надвое разделилась, страдая и плача, до последнего часа Россия”⁷⁰. Похоже, так и не дождутся православные своего “белого царя”, Царя царей – *нестяжателя*. И терпеть им над собой, долго терпеть власть бессовестных говорунов, “людей неопределённого типа” вроде Бобчинского и Добчинского. “Да, время тёмное, нехорошее время”, – верно заметил гоголевский Селифан, непререкаемый авторитет в глазах прозорливого генсека.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 368.
- ² Бёме Я. О тройственной жизни человека. Уфа, 2011. С. 41, 85, 92, 117, 245, 271. Для Гоголя (как и для А. С. Хомякова) А. О. Смирнова была воплощением “Девы розы”. “Это перл всех русских женщин, каких мне случилось знать, а мне многих случилось из них знать прекрасных по душе”, – уверял Гоголь Н. М. Языкова (Вересаев В. В. Гоголь в жизни. М., 1990. С. 380). Правда, С. Т. Аксаков утверждал, что Гоголь “видел в ней кающуюся Магдалину” (Там же. С. 381), что сомнительно.
- ³ Зеньковский В. В. История русской философии. Т. I. PARIS, 1989. С. 181.
- ⁴ Флоровский Г. Прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 260.
- ⁵ Переписка Н. В. Гоголя в двух томах. Т. 2. М., 1988. С. 264. Поречье – усадьба министра просвещения С. С. Уварова, где читал лекции друг Гоголя профессор М. П. Погодин. Другой сторонник панславистского политического консерватизма и “евразиец” по умонастроению профессор С. П. Шевырёв был зачислен Белинским в “холопы села Поречье” по ошибке. “Неистовый Виссарион” погорячился. Возможно, уваровская доктрина представлялась приемлемой и И. В. Киреевскому, утверждавшему в “Записке об отношении русского народа к царской власти” (1855): “Истинная любовь к Царю соединяется в одно нераздельное чувство с любовью к Отечеству, к законности и к Святой Православной Церкви” (Киреевский И. В. Разум на пути к истине. М., 2002. С. 51). О соотношении гоголевской концепции царской власти и уваровской доктрины политического консерватизма см.: Сартаков Е. В. Консервативная идеология в публицистике Гоголя и русской журналистике. М., 2015. С. 7–21.
- ⁶ Там же. С. 341.
- ⁷ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. СПб., 2012. С. 116.
- ⁸ По предположению М. А. Максимовича, “крутой переворот в мыслях” и “настроении духа” Гоголя начался в июле 1835 года “под впечатлением древнерусской святыни Киева, который у малороссиян XVII века называли русским Иерусалимом” (Вересаев В. В. Гоголь в жизни. С. 171). Таким образом, Иерусалим оставался для Гоголя до конца жизни главным духовным ориентиром в его “блуждающем искании истины”, Рим же был эстетически привлекательным, чарующим промежуточным моментом в искании “небесной родины”. “Только через Иерусалим желаю я возвратиться в Россию...” – говорил он в 1843 году.
- ⁹ Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб., 2007. С. 193.
- ¹⁰ Подробнее об этом в кн.: Водолагин А. В., Данилов С. И. Метафизическая ось евразийства. Тверь, 1994.
- ¹¹ Переписка Н. В. Гоголя в двух томах. Т. 1. С. 350.
- ¹² Воропаев В. А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. М., 2014. С. 3, 19, 41; Вайскопф М. Я. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М., 2002. С. 12; Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. С. 19; Н. В. Гоголь и Православие. Сборник статей о творчестве Н. В. Гоголя. М., 2016. С. 13–118.
- ¹³ Переписка Н. В. Гоголя в двух томах. Т. 1. С. 213; Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя. М., 2004. С. 32.

- ¹⁴ Аксаков С. Т. Собр. соч. в четырёх томах. Т. 3. М., 1956. С. 338-339.
- ¹⁵ Там же. С. 343.
- ¹⁶ Вересаев В. В. Гоголь в жизни. С. 316.
- ¹⁷ Розанов В. В. Уединённое. М., 1990. С. 192. Размышляя об исповедальном подтексте гоголевской поэмы “Мёртвые души”, С. П. Шевырёв пронизательно заметил: “... В Гоголе видим мы существо двойное или раздвоившееся; поэзия его не цельная, не единичная, а двойная, распадающаяся” (Русская эстетика и критика 40-50-х годов XIX века. М., 1982. С. 56). Восхищаясь “ясновидящей фантазией” Гоголя, этот шеллингианец-любомудр ожидал от писателя изображения “всей полноты нашего духа” в следующих частях поэмы (Там же. С. 75).
- ¹⁸ Аксаков С. Т. Т. 3. С. 199.
- ¹⁹ Там же. С. 201.
- ²⁰ Италия стала для Гоголя раем: “... Родину души своей я увидел, где душа моя жила ещё прежде меня, прежде, чем я родился на свет”, — признавался писатель (Вересаев В. В. Гоголь в жизни. С. 214). В письме же А. О. Смирновой он выражал сомнение, русская ли душа у него или хохлацкая, констатируя, по сути, свойственное ему **двоедушие**. Двойственным до конца 1840-х годов оставалось и его отношение к своей *родной земле* — “гадкой Руси”, где “есть такая изрядная коллекция гадких рож”, что нестерпимо глядеть на них, и вместе с тем — “прекрасной Руси”, стране настоящих богатырей.
- ²¹ Не избегал этой ошибки, например, бесстрашный борец с русофобией А. И. Байгушев в своей книге “Русский орден внутри КПСС” (2006). Идея “Третьего Рима” рекламируется также сторонниками *правого псевдоевразийства* — с не меньшей истеричностью, чем это делал некогда Б. Муссолини.
- ²² Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. С. 77.
- ²³ Кириллов И. Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма. М., 1914. С. 47, 53, 58.
- ²⁴ Хомяков А. С. Соч. в двух томах. Т. 1. М., 1994. С. 77. Интересно, что Н. А. Бердяев, специально изучавший воззрения Хомякова, упустил из виду его проясняющее толкование “римской ереси” и некритично принял логику разрушительной для Православия доктрины “Москва — Третий Рим” в своей книге “Истоки и смысл русского коммунизма” (1937), что было шагом назад в нашей философии истории по сравнению с позицией Хомякова. Восторженное отношение к этой доктрине демонстрировал А. В. Карташёв, видевший в ней идейное ядро русского “имперского самосознания” (Карташёв А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. М., 1992. С. 397, 414-415). Архимандрит Константин Зайцев также, видимо, отказывал Москве в праве самой собой — бесподобной “коллективной исторической индивидуальностью” (Л. П. Карсавин). В наше время линия Карташёва продолжена Б. П. Кутузовым, полагающим, что “наиболее ярко русская национальная идея выразилась в известной концепции “Москва — Третий Рим” (Кутузов Б. П. Тайная миссия Патриарха Никона. М., 2008. С. 467). Замечательно, что ни один из апологетов “римской ереси” так и не объяснил, что же такого специфически национального, русского заложено в пропагандируемой ими доктрине. Ни один из них не вспомнил окончательно проясняющую проблему концепцию “Рима и его мечты”, развёрнутую Ф. М. Достоевским в романе “Братья Карамазовы” — в развитие линии А. С. Хомякова. Все пропагандисты “римской ереси” путают “национальную идею” — эту “чушь” патриотики (А. Белый) — с национальным интересом, все одинаково далеки от понимания сверхнациональной сущности подлинно духовной мотивации исторического свершения, которая отнюдь не всегда совпадает с национальным интересом, как это представлялось немецким романтикам и Гегелю.
- ²⁵ Паламарчук П. Г. “Ключ” к Гоголю. СПб., 2009.
- ²⁶ Флоровский Г., Прот. Пути русского богословия. С. 67.
- ²⁷ Н. А. Бердяев о русской философии. В 2-х частях. Ч. 2. Свердловск, 1991. С. 27.
- ²⁸ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 92.
- ²⁹ Гоголь Н. В. Собр. соч. в шести томах. Т. 3. М., 1952. С. 221.
- ³⁰ Друзья Хомякова в шутку называли его книгу о всеобщей истории “Семирамидой”, пояснял Н. О. Лосский. “Гоголь, видевший имя Семирамиды в рукописи, пустил слух, будто бы весь труд был посвящён ей” (Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 30). *Семирамида* у Хомякова — персонификация гедонистическо-утилитаристской установки падшего духа “кушизма”, подорвавшего

изнутри христианскую цивилизацию Запада и представляющего собой главную угрозу для православной России.

- ³¹ Вересаев В. В. Гоголь в жизни. С. 483.
- ³² Блок Александр. Соч. в двух томах. Т. 2. М., 1955. С. 109.
- ³³ Кормышева Э. И. Религия Куша. М., 1984.
- ³⁴ Переписка Н. В. Гоголя в двух томах. Т. 1. С. 390.
- ³⁵ Гоголь Н. В. Собр. соч. в шести томах. Т. 2. М., 1952. С. 146.
- ³⁶ Гоголь Н. В. Собр. соч. в шести томах. Т. 5. М., 1953. С. 208.
- ³⁷ Хомяков А. С. Соч. в 2-х томах. Т. 1. М., 1994. С. 353. В осмыслении противоборства аполлонического и дионисического начал в мировой истории и культуре Хомяков, видимо, продвигался независимо от Ф. Шеллинга и на четверть века опередил Фридриха Ницше. Более того, открытие волюнтаристической метафизики Заратустры также было совершено Хомяковым, причём эта метафизика не противопоставлялась им христианству, но рассматривалась как его предпосылка.
- ³⁸ Там же. С. 296. Так Тарас Бульба – одержимый жаждой мести дионисианец – предаёт огню города и местечки “чортовых ляхов”, и сам принимает смерть на костре в огне *пожирающем*, распятый врагами на “древесном стволе”.
- ³⁹ Там же. С. 517.
- ⁴⁰ Белый А. Символизм как миропонимание. С. 369, 371.
- ⁴¹ Переписка Н. В. Гоголя в двух томах. Т. 1. С. 246–247.
- ⁴² *Русский путь* – это, на языке Гоголя, “дорога невесть куда в пропадающую даль”, неустанное искание “святой правды”, правдоискательство.
- ⁴³ Гоголь Н. В. Собр. соч. в шести томах. Т. 5. С. 254–255.
- ⁴⁴ Флоровский Г., Прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 260.
- ⁴⁵ Аксаков С. Т. Собр. соч. в четырёх томах. Т. 3. С. 189.
- ⁴⁶ Н. А. Бердяев о русской философии. Ч. 2. С. 209.
- ⁴⁷ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. С. 90.
- ⁴⁸ Там же. С. 80.
- ⁴⁹ Вересаев В. В. Гоголь в жизни. С. 163, 377, 380.
- ⁵⁰ Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 115–116.
- ⁵¹ Чиж В. Ф. Болезнь Н. В. Гоголя. М., 2001. С. 6, 18, 34. При чтении этой книги создаётся впечатление, что поставленный Гоголю её автором диагноз – “дегенеративное помешательство”, “*параноический характер*” – не более чем *проекция*. В самом деле, упорное, позитивистское отрицание духовного начала, имманентного человеческой природе и проявляющегося в богоискательстве, в аскетической практике *подражания Христу* и т. п. – один из существенных признаков дегенерата, уверенного в иллюзорном характере свободы воли и не признающего идеальной самодетерминации человеческого поведения. Упорство нашей доблестной психиатрии в посмертном, бесовском преследовании Гоголя поразительно. Сообразуясь с этим, А. К. Воронский утверждал в 1934 году: “Гоголь принадлежал к шизоидным темпераментам с шизофренической склонностью” (Воронский А. К. Гоголь. М., 2011. С. 407). Реанимируя устаревшие концепции Ч. Ломброзо, Н. Н. Баженова и В. Ф. Чижова, воображая себя воплощением *homo sapiens*, некоторые *врачи-психиатры* и сегодня рассуждают о “закупорке мысли” у Гоголя, о его “негативизме” как симптоме шизофрении, не подозревая о том, что дух, организующий психическую жизнь гения, обнаруживает свою творческую мощь именно в *негации*, в отрицании давящей извне реальности и в самоотрицании, которое, между прочим, может проявиться и в приписываемом Гоголю “бреду греховности и самоуничужения”. Оставаясь во власти “мифологии мозга”, игнорируя революционные открытия Карла Ясперса в области психопатологии, исследования Мишеля Фуко по истории психиатрии, не говоря уже о более ранних прозрениях А. И. Герцена и А. Л. Чижевского относительно *homo insanus*, эти адепты репрессивной психиатрии с настойчивостью маньяков продолжают поиски разгадки гениальности Гоголя в “патологических процессах в головном мозгу” писателя, интригуя читателей такими наблюдениями: “По мере углубления и усложнения душевных расстройств Гоголь стал чаще обращаться к религии и молитвам” (Агеева З. М. Душевная болезнь Гоголя: патогRAFия. М., 2017. С. 65). Так у кого же “закупорка мысли”? Очевидно, не у автора “Записок сумасшедшего”, а скорее, у его преследователей, обращающихся за помощью к духам “нижнего мира” мёртвых – к Чезаре Ломброзо и ему подобным.

- ⁵² Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. С. 78. О заблуждениях “судей-самозванцев” см.: Переписка Н. В. Гоголя. Т. 1. С. 249, 253.
- ⁵³ Переписка Н. В. Гоголя в двух томах. Т. 1. С. 368.
- ⁵⁴ Вересаев В. В. Гоголь в жизни. С. 389. Подобное непонимание было символически закреплено Ф. М. Достоевским в эпизоде общения братьев Карамазовых (Ивана и Алёши) в трактире.
- ⁵⁵ Переписка Н. В. Гоголя в двух томах. Т. 1. С. 365.
- ⁵⁶ Вересаев В. В. Гоголь в жизни. С. 236.
- ⁵⁷ Белинский В. Г. Соч. в девяти томах. Т. 8. М., 1982. С. 283.
- ⁵⁸ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. С. 205.
- ⁵⁹ В своих заметках о Н. В. Гоголе как художнике-мыслителе, “величайшем аналитике личности” Аполлон Григорьев, между прочим, отмечал, что славянофилы не поняли в творениях своего кумира главного: изображения “страшного недуга безволия”, поразившего русского человека и проявившегося в “различных степенях падения” с высоты образа и подобия Божия (Григорьев А. А. Гоголь и его последняя книга. — В кн.: Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М., 1982. С. 106–122). Так, например, И. В. Киреевский, по свидетельству жены А. С. Хомякова, утверждал, что с Гоголем “почти говорить нельзя: до того он пуст” (Вересаев В. В. Гоголь в жизни. С. 272). Видно, не знал философ-славянолюбец, что существует и манящая мистов *Великая пустота*.
- ⁶⁰ Переписка Н. В. Гоголя в двух томах. Т. 2. С. 316–317.
- ⁶¹ Там же. Т. 1. С. 223.
- ⁶² Гоголь Н. В. Собр. соч. в шести томах. Т. 5. М., 1953. С. 51.
- ⁶³ Там же. С. 132.
- ⁶⁴ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 366.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Белый А. Мастерство Гоголя. М., 1996. С. 117.
- ⁶⁷ Бёме Я. Истинная психология, или Сорок вопросов о душе. СПб., 1999. С. 51.
- ⁶⁸ “Не житьё на Руси людям прекрасным”, — утверждал Гоголь в 1839 году в письме М. П. Погодину. (Переписка Н. В. Гоголя в двух томах. Т. 1. С. 372).
- ⁶⁹ Белый А. Мастерство Гоголя. С. 105.
- ⁷⁰ Белый А. Петербург. М., 1994. С. 98.

ВИКТОР ОВЧИННИКОВ

“...МЫ ДАЛЬШЕ ИХ ПОШЛИ...”

К 150-летию романа “Идиот” Ф. М. Достоевского

Как ни покажется странным, но ответ на вопрос, почему мы имеем сегодня в России то, что имеем, в развёрнутом виде дал ещё 150 лет назад Фёдор Михайлович Достоевский в своём до конца ещё не понятом русскими людьми романе “Идиот”.

С апреля 1867 года, когда стал формироваться замысел произведения, и до публикации первых глав в журнале “Русский вестник” в 1868 году всё существо писателя было нацелено на написание романа, который он считал одним из главных в своём творчестве.

И 2017-й год – тот рубеж, когда исполняется полтора века началу мировой истории “Идиота”.

Дата солидная, поворотная для России.

В начале наших размышлений мы не пройдем мимо того, как в прошлом, да и в недалёком прошлом оценивался роман его исследователями и критиками.

В основном всё вращалось вокруг анализа того, как писатель искал и нашёл “идеального человека”, “идеальный тип”. Всех мучил вопрос о том, действительно ли этот “идиот” – весьма умный и совестливый человек князь Мышкин – “герой нашего времени”. И если он свободно вращается в обществе разных людей, сбрасывает благостные “одежды” со всех сословий, предоставляя читателю увидеть реальное русское общество 1860-х годов, то не “идиоты” ли и они, раз друг друга все в общем-то понимают и принимают?

Одни критики и читатели считали роман удачей Достоевского, другие – неудачей. Сам писатель видел в нём много изъянов, много недосказанного, но не переставал любить своё детище.

В январе 1868 года Ф. М. Достоевский писал: “Идея романа – моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смел браться за неё... Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь... Прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни цивилизованной Европы – ещё далеко не выработался”.

Иногда говорят, что понять роман может помочь сам автор. Но есть и другое мнение: мало ли что задумал и написал автор, у него ведь может получиться совсем другое или скрытое откроется только после длительного периода осмысления. В набросках Достоевский называет своего героя “Князем Христом”, поднимая человека к лучшим образцам святой жизни...

Начну свои рассуждения с одного весьма **пророческого диалога** двух из целого ряда ключевых героев романа – князя Льва Николаевича Мышкина, который сам себя обзывает “идиотом” (с греческого – лишний, отдельный человек, в 1860-е годы – и “малоумный”, и “юродивый”, и дурачок), которого и швейцарский чудо-лекарь Шнейдер считает явно больным и слабым умом (и вправду, Мышкин выздоравливающим был выписан из заграничной клиники и, “познав” за полгода Россию, туда же возвратился “абсолютным” идиотом) – с новоявленным рублёвым миллионером Парфёном Семёновичем Рогожиным, который, на мой взгляд, тоже “идиот”, но из другого сословия и из другого мира русской жизни.

Диалог случился между этими едва перешагнувшими возраст в двадцать пять лет молодыми людьми в тот момент, когда читатель осиливает первую треть романа и автор начинает знакомить этого самого читателя и князя Мышкина с домом Рогожиных.

Вот как это описано в романе:

“...Над дверью в следующую комнату висела одна картина, довольно странная по своей форме, около двух с половиной аршин в длину и никак не более шести вершков в высоту. Она изображала Спасителя, только что снятого с креста. Князь мельком взглянул на неё... Рогожин вдруг остановился пред картиной.

– Вот эти все здесь картины, – сказал он, – все за рубль да за два на аукционах куплены батюшкой, он любил. Их один знающий человек все здесь пересмотрел: дрянь, говорит, а вот эта вот картина, над дверью, тоже за два целковых купленная, говорит, не дрянь... (Рогожин сообщает, что её хотя и у него купить и за триста, и за четыреста, и даже за пятьсот рублей).

– Да это... это копия с Ганса Гольбейна, – сказал князь...

Рогожин вдруг бросил картину и пошёл прежнюю дорогой вперёд...

– А что, Лев Николаич, давно я хотел тебя спросить, веруешь ты в Бога или нет? – вдруг опять заговорил Рогожин, пройдя несколько шагов...

... – И к чему ты меня спросил: верую ли я в Бога?

– Да ничего, так. Я и прежде хотел спросить. Многие ведь ноне не веруют. А что, правда (ты за границей-то жил), – мне вот один с пьяных глаз говорил, – что у нас по России, больше, чем во всех землях, таких, что в Бога не веруют? “Нам, говорит, в этом легче, чем им, потому что мы дальше их пошли...”

Остановимся, уважаемый читатель, в начале этого удивительного диалога, только для того, чтобы не забыть сделать один важный акцент.

Всякий внимательный читатель романа без труда обнаружит на его страницах, кого тогдашнее общество считало счастливым, везунчиком, так сказать, идеалом удавшейся карьеры.

Конечно же, это “генерал”, скажем шире – генералы. Тут тебе и звание, и доход от поместий, и почести, и проценты от данных в рост под проценты денег, тут тебе и гражданские должности в столицах и губерниях. “Генерал” – это символ времени, это “идеальный человек” для “идиотов” русского общества, которые-то и сами не понимают, что они идиоты.

Одним словом, прямая принадлежность к новой “элите” российского государства 1860-х годов.

Достоевский сообщает: “А наши няньки, закачивая детей, спокон веку причитывают и припевают: “Будешь в золоте ходить, генеральский чин носить!” И так, даже у наших нянек чин генерала считался за предел русского счастья...”

Но какова она, эта “элита”, достигшая счастья, в романе Достоевского, чем она отличается от предыдущей – “князей”, которых в 1860-х годах и ценят лишь как необходимый по традиции “интерьер” всяких собраний, балов, торжеств, заседаний, комитетов... Князем быть неплохо, но у князей деньги уже маловато, если не восприняли нового времени и не бросились копить капиталы.

У Достоевского и богатый, процветающий по положению и доходам генерал Иван Фёдорович Епанчин и спившийся, дискредитирующий “элиту” генерал Ардалион Александрович Иволгин, по сути, миссию “элиты” выполнить не в состоянии.

Бездумное, беспредметное, безыдейное служение всё ещё крепкой монархии обнаруживает полную слабость и трухлявость этой новой “элиты”.

Образованные, геройски повоевавшие, но не воспитанные должным образом обществом, формальные в вере в Бога, Царя и Отечество, оба генерала заняты с государственной точки зрения ерундой: один погряз в бытовых вопросах, другой – во вранье, двоежёнстве и пьянстве.

Их двоих окружают молодые люди и учатся у них только порокам. Эти генералы не авторитетны в обществе, не авторитетны они и в молодёжной среде!

Любой диалог этих генералов с молодёжью, с кем бы то ни было, с положительными или отрицательными намерениями, завершается и нравственным, и идейным крахом генералов.

По сути, эта опора трона уже в 1867 году имела деформации и трещины такого масштаба, что только чудо ещё 50 лет, вплоть до 1917 года, спасало царствующую династию от гибели.

А что же, так сказать, “крестьянская” элита? Нет, не ободранные до нитки крестьяне после 1861 года, где один фельдшер был на 50 000 крестьянских душ, где о грамоте слышали этак процентов десять среди мужского пола, да два процента среди пола женского. А именно те, кто был с землицей, с деньгами, крепкие хозяева?

Ф. М. Достоевский, разворачивая в романе диалог князя Мышкина и миллионера Рогожина, показывает нам через рассказ князя, который изучает после заграницы Россию, духовный мир и зажиточных крестьян, кои, обретя немалые земли и кубышки с капиталом, должны были стоять насмерть за трон, за Веру и Царя!

Этот рассказ Мышкина о том, как два благополучных крестьянина остановились переночевать в уездной гостинице, попили чаю и на трезвую голову легли спать.

Да вот беда, один благополучный крестьянин ранее подглядел, что у другого благополучного крестьянина есть серебряные часы “на бисерном жёлтом шнурке”. Пожелав и их хапнуть, взял да и убил собрата по сословию, перед убийством, как в романе описано, “возвёл глаза к небу, перекрестился и, проговорив про себя с горькою молитвой: “Господи, прости ради Христа!” – зарезал приятеля с одного раза, как барана, и вынул у него часы...”

Примечательно, что Рогожин, выслушав Мышкина, “покатился со смеху” и заметил: “Вот это я люблю! ... Один совсем в Бога не верует, а другой уж до того верует, что и людей режет по молитве... Нет, этого, брат князь, не выдумашь!”

Вот вам миллионер Рогожин! Он морально готовится к своей жизненной миссии. В конце романа он тоже зарежет, как барана, любимую беззащитную женщину – Настасью Филипповну... Но ведь многие не резали жен и содержанок, но “зарезали” Россию.

Здесь нельзя обойти ещё одну зарисовку в романе, характеризующую восходящий класс русских капиталистов.

Умирает отец Парфёна Рогожина. Брат его Семён тоже без крупного наследства не остаётся. И всё же, “с покровя парчового на гробе родителя, ночью... кисти литые, золотые обрезал: “Они, дескать, звона каких денег стоят!”..

Рядом с миллионерами – предприниматели средней руки. Их обобщённый тип писатель нарисовал в образе тридцатилетнего, изящно одетого Ивана Петровича Птицына, который “специально занимается наживанием денег отдачей их в быстрый рост под более или менее верные залого”. Для него деньги и есть мерило всего, что окружает человека.

Ну, ладно, с князьями, генералами, промышленниками, ростовщиками и крепкими крестьянами Достоевский в романе разобрался.

Чем же не “идиот” тот, кто сам рубит сук, на котором сидит? Чем не идиоты те, кто за полтинник готовы продать Родину немцу, французу, американцу под “перезвон” всяких теорий о “прекрасном коммунизме” и освобождении труда и личности.

Ну, может быть, тогда офицеры и солдаты? Они ведь должны же постоять за Веру, Царя и Отечество! Конечно, были те, кто стояли, кто был достоин своих погон! Их было немало...

Но и офицеры в романе “Идиот” пример не подают, а солдаты за ними вслед!

Вот ещё один рассказ князя Мышкина миллионеру Рогожину: “... Вижу, шатается по деревянному тротуару пьяный солдат в совершенно растерзанном виде. Подходит ко мне: “Купи, барин, крест серебряный, всего за двугривенный

отдаю; серебряный! Вижу в руке у него крест, и должно быть, только что снял с себя, на голубой, крепко заношенной ленточке, но только настоящий оловянный, с первого взгляда видно, большого размера, осьмиконечный, полного византийского рисунка. Я вынул двугривенный и отдал ему, а крест тут же на себя надел, — и по лицу его видно было, как он доволен, что надул глупого барина, и тотчас же отправился свой крест пропивать...”

И вот когда легкомысленные офицеры полегли на фронтах Первой мировой войны или, правильнее сказать, Второй Отечественной войны, вот именно такие солдаты и были назначены командирами, именно они потом, разинув рот, слушали всяких Троцких, кромсали на куски офицеров, генералов, князей и промышленников и, отрекшись от Бога, Царя и Отечества, шли служить инородцам, которые выстроились в фаланги под портретами заморских антихристов.

Так что же, в России “идиот” только один князь Лев Николаевич Мышкин? Можно продолжить и другой ряд героев романа.

Например, подающий надежды старший сын генерала Иволгина — Ганя (Гаврила) согласен вступить в брак с совращённой салонным развратником Афанасием Ивановичем Тоцким — “человеком высшего света, с высшими связями и необыкновенного богатства”, “помещиком, раскапиталистом, членом компаний и обществ” — Настасьей Филипповной за 75 тысяч рублей, потому как именно такая сумма ему была нужна для старта в карьере и в дальнейшем для полного счастья. Желая сочувствовать Гане, князь Мышкин замечает: “Мне кажется, что это сплошь да рядом случается: женятся на деньгах...”

Ещё один искатель подобного счастья — чиновник Лукьян Тимофеевич Лебедев — готов был обобрать и обворовать всякого, кто ему это позволит. Он смотрит в глаза и лжет, говорит о честности и лезет в карман, готов продать за грош близкого человека.

Младший сын генерала Иволгина Коля, в общем, искренний и добрый юноша, так характеризует петербургское общество “камелий, генералов и ростовщиков”: “...И заметили вы, князь, в наш век все авантюристы! И именно у нас, в России, в нашем любезном Отечестве. И как это так всё устроилось — не понимаю. Кажется, уж как крепко стояло, а что теперь? Это все говорят и везде пишут. Обличают. У нас все обличают. Родители первые на попятный и сами своей прежней морали стыдятся. Вон, в Москве, родитель уговаривал сына ни перед чем не отступать (в дальнейшем становится ясным, что “ни перед чем” — это перед убийством. — **В. О.**) для добывания денег...”

Ещё один герой романа, страдающий от того, что его фамилия Фердыщенко, задаёт князю Мышкину далеко не абстрактный вопрос, рождённый его опытом познания жизни: “Князь, позвольте вас спросить, как вы думаете, мне вот всё кажется, что на свете гораздо больше воров, чем неворов, и что нет даже такого самого честного человека, который бы хоть раз в жизни чего-нибудь не украл...”

Да, уважаемый читатель, нарисованная Достоевским картина жизни тогдашнего общества и, конечно, молодёжи, была мало обнадеживающей.

Хотя некоторые герои имели много положительных человеческих качеств, скажем, уже упоминавшийся Коля Иволгин, младший сын забубённого генерала-пьяницы.

Ещё мимо одного сюжета “падения молодого поколения” пройти никак нельзя.

Группа молодых людей решила поживиться деньжатами “идиота” Мышкина. Читатель, обратившись к роману, сможет узреть их моральный облик и то, как они этот замысел планировали реализовать. Мы лишь выделим первостепенное.

Вот как “борцов за достоинство” и за наследство характеризует сам человек достаточно бесчестный, чиновник Лебедев: “...Они не то чтобы нигилисты... это другие-с, особенные... они дальше нигилистов ушли-с... прежде всего, деловые-с... Это, собственно, некоторое последствие нигилизма, но не прямым путём, а понаслышке и косвенно, и не в статейке какой-нибудь журнальной заявляют себя, а уж прямо на деле-с; не о бессмысленности, например, какого-нибудь там Пушкина дело идёт и не насчёт, например, необходимости распадаения на части России; нет-с, а теперь уже считается прямо за право, что если очень чего-нибудь хочется, то уж ни перед какими преградами не останавливаться, хотя бы пришлось укокошить при этом восемь персон-с...”

Роман получил широкое хождение в 1870-е годы. Уже в той России, до-марксистской, добольшевистской, “зрела” молодёжь “октябрьских и послеоктябрьских правил”.

И вот что интересно.

В кругу той молодёжи, которая пришла за деньгами к князю Мышкину, один ради денег рассказал интимную историю из жизни матери, выставил её на посмешище и поругание. А мать-то всё-таки по-своему любил.

Другой нигилист в газете оболгал князя Мышкина, хотя горазд был выпить шампанского и расцеловать всякого, в том числе и самого князя.

Третий сторонник “абсолютного права” лжесвидетельствовал и подтасовал факты, мечтая быть полезным обществу.

Четвёртый – боксёр – потирал кулаки и готов был бить морды, а если надо, то и ввязаться в дуэль, то есть затеять убийство.

И всё б ничего! Но этот сатанинский шабаш был “упакован” в научные теории и обоснования!

Вот несколько краеугольных положений, которые они тезисно заявляли: “Гласность есть право всеобщее, благородное и благодетельное... Всеобщее восторжествование права...”

Уже тогда один из героев романа, Евгений Павлович Родомский, подметил, “что от этого дело может прямо перескочить на право силы, то есть на право единичного кулака и личного захотения, как, впрочем, и очень кончалось на свете... от права силы до права тигров и крокодилов... недалеко...”

Княгиня Лизавета Прокофьевна Епанчина, при всех своих недостатках в понимании социальных процессов, так оценила эту вконец запутавшуюся молодёжь: “Сумасшедшие! Тщеславные! В Бога не веруют, в Христа не веруют! Да ведь вас до того тщеславие и гордость проели, что кончится тем, что вы друг друга переедите, это я вам предсказываю...”

Возникает правомерный вопрос, почему в первые годы и десятилетия после выхода произведения в свет исследователи романа не обратили внимания на историческую болезнь “опоры” трона, на безверие русских людей в душе при констатации веры на словах, на гениальные пророчества Достоевского?

Да потому, что никто не мог и в страшном сне себе представить возможное убийство императора Александра Второго в 1881 году, события 1905–1907 годов, 1917 год, расстрел царской семьи, террор и преступления в последующие годы.

Видимо, нужно было, чтобы прошло полтора века со времени рождения замысла романа “Идиот”, истечение века после 1917 года, чтобы было открыто в произведении нечто главное, чему в прошлом хотя и придавалось некое значение, но “обзывалось” ни много, ни мало “фантастическими” рассуждениями писателя, не имеющими место в распространённой форме в реальной русской жизни.

Но замысел и реальность романа на бумаге оказались отнюдь не фантастическими.

Князь Мышкин описал нам человека будущего в том же разговоре с Рогожиным.

Это “атеист”, человек “действительно очень учёный”, “на редкость хорошо воспитанный человек”, “в Бога он не верует”.

Мышкин заключил: “Одно только меня поразило: что он вовсе как будто не про то говорил во все время, и потому именно поразило, что и прежде, сколько я ни встречался с неверующими и сколько ни читал таких книг, всё мне казалось, что и говорят они и в книгах пишут совсем будто не про то, хотя с виду и кажется, что про то...”

В “про то” пришлось разбираться будущим поколениям, когда эти “образованные” люди, “на редкость воспитанные”, стали сотнями тысяч вырезать, как баранов, своих соотечественников только лишь за то, что они хотели жить русской жизнью, весьма далёкой от футурологических сказок западных исследователей общества.

Как будут оправдывать свои преступления атеисты, ясно изложил князь Мышкин: “...Самый закоренелый и нераскаянный убийца всё-таки знает, что он преступник, то есть по совести считает, что нехорошо поступил... а эти ведь (“русские либералы”, атеисты, нигилисты, совершающие убийства. — **В. О.**)... не хотят считать себя преступниками и думают про себя, что право имели и... даже хорошо поступили...”

Возможно, исследователей романа “Идиот”, которые в большинстве своём были атеистами, смутило решение основных мировоззренческих вопросов героев романа самим Ф. М. Достоевским.

В уже упоминавшемся диалоге князя Мышкина и миллионера Рогожина князь делится своими впечатлениями от увиденного им выражения лица “русской бабы”, которой первый раз улыбнулся её грудной ребёнок. И эта баба сравнила улыбку ребёнка с радостью Бога, “когда он с неба завидит, что грешник пред ним от всего своего сердца на молитву становится...”

Нарисовав такую картину, князь Мышкин обращается к Парфёну Рогожину: “Слушай, Парфён, ты давеча спросил меня (имеется в виду вопрос о вере в Бога. — **В. О.**), вот мой ответ: сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут *не про то* говорить. Но главное то, что всего яснее и скорее на русском сердце это заметишь, и вот мое заключение... Есть что делать на нашем русском свете, верь мне...”

Зададимся вопросом: а могла ли оценить такой русский путь дореволюционная русская мысль, уже не говоря об “атеистической мысли” советского времени?

Но желания и готовность молодёжи 1860-х–1870-х годов ещё только проявляются.

Вот как в газете начинался пасквиль на князя Мышкина, состряпанный нигилистической молодёжью: “Пролетарии и отпрыски, эпизод из дневных и вседневных грабей! Прогресс! Реформа! Справедливость! Странные дела случаются на нашей называемой святой Руси, в наш век реформ и компанийских инициатив, век национальности и сотен миллионов, вывозимых каждый год за границу, век поощрения промышленности и паралича рабочих рук! И т. д., и т. д., всего не перечтёшь, господи, а потому прямо к делу!” А далее ложь о князе Мышкине и требование “экспроприации” средств в пользу “незаконорожденного ребёнка лейтенанта Шмидта” — в романе якобы сына покойного богача Павлищева, отписавшего свой капитал князю.

В этой публикации “деловых-с” предвестие той лжи, которая обрушилась на российскую государственность накануне 1917 года. И если князь Мышкин устоял, с помощью адвоката и закона разоблачил жульё, то династия Романовых пала!

Роман “Идиот” не просто гениальное произведение.

В нём — глубочайший анализ России. Разве можно пройти мимо такого рассуждения Достоевского: “Поминутно жалуются, что у нас нет людей практических; что политических людей, например, много; генералов тоже много; разных управляющих, сколько бы ни понадобилось, сейчас можно найти каких угодно, а практических людей нет. По крайней мере, все жалуются, что нет... Изобретатели и гении почти всегда при начале своего поприща (а очень часто и в конце) считались в обществе не более, как дураками”...

Или вот ныне интеллигенция ищет подлинных меценатов и благотворителей в предпринимательской среде. На этот счёт у Достоевского тоже была своя точка зрения: “...Некоторая тупость ума, кажется, есть почти необходимое качество если не всякого деятеля, то по крайней мере всякого серьёзно-го наживателя денег”.

Сколько сегодня говорится слов о вреде или пользе либерализма! А Фёдор Михайлович эту дилемму так разрешил рассуждениями Родомского: “Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадётся или замертвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благородный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно, и нападаю на него, что русский либерал не есть *русский* либерал, а есть *не русский* либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую...”

Слова Достоевского, вложенные в уста Родомского, о том, что русский либерализм “отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьёт свою мать... Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, всё...”, стали пророческими и раскрывают картину либерализма современной России достаточно полно...

Завершить же эту статью хотел бы строками Ф. М. Достоевского из его письма за 1868 года к одному из читателей романа:

“Неужели фантастический мой “Идиот” не есть действительность, да ещё самая обыденная!”

СВЕТЛАНА ТЮРЬМОРЕЗОВА

“ДОБРО ДОЛЖНО БЫТЬ С КУЛАКАМИ”?

Над философскими категориями добра и зла размышляли в своём творчестве многие русские писатели и поэты. В поэзии С. Куняева эта тема наиболее ярко представлена двумя стихотворениями.

Первое стихотворение написано автором в 1959 году. Вот оно:

*Добро должно быть с кулаками.
Добро суровым быть должно,
Чтобы летела шерсть клоками
Со всех, кто лезет на добро.
Добро не жалость и не слабость.
Добром дробят замки оков.
Добро не слякоть и не святость,
Не отпущение грехов.
Быть добрым не совсем удобно,
Принять не просто вывод тот,
Что дробно-дробно, добро-добро
Умел работать пулемёт,
Что смысл истории в конечном
В добротном действии одном –
Спокойно вышибать коленом
Добру не сдавшихся добром.*

Стихотворение поэта, скорее всего, отражает настроение эпохи, когда ещё романтизировался революционный экстремизм. Данное стихотворение чем-то созвучно по ощущению бытия, по настроению знаменитым строкам:

*Нас водила молодость
В сабельный поход...*

Какими же средствами автор добивается такой напряжённости поэтических строк?

Это происходит за счёт звуковой выразительности рифмы: живой ритм стихотворения возникает благодаря ямбическому порядку с 9–8–сложной строкой с чередующимися женским и мужским окончаниями. Поэт использует метафорический принцип создания художественного образа. Необычные

метафоры раскрывают образ добра в понимании автора. Трудно представить себе *добро с кулаками, суровое добро*. А метафоры «летела шерсть клоками», «добром дробят замки оков», «дробно-дробно, добро-добро // умел работать пулемёт», «спокойно вышибать коленом» резки и парадоксальны в соотношении со словом *добро*.

Особое настроение возникает и оттого, что слово *добро*, являясь тематически опорным словом в стихотворении, несёт значительную эмоциональную энергию.

Повторяющаяся анафора становится звуковым ключом стихотворения. Гармоническим аккомпанементом этому слову выступает аллитерация взрывных согласных (д, б, р) в начальной и нажимной позициях слов (**дробно-дробно, дробят, удобно, добро-добро, работать, добротном**), которая наблюдается в большинстве строчек стихотворения. В нём эти звуки приобретают определённый смысл, заключающийся в значимых для автора словах, составляющих ядро поэтического образа. Слова с твёрдыми взрывными согласными, стоящими, в основном, в нажимной позиции (входящими в состав ударного слога), становятся носителями смысловой оппозиции словам *жалость, слабость, слякоть, святость*. Здесь звукоповтор **свистящих** и **т** наблюдается в ослабленной, заударной позиции и осмысливается как отсутствие силы. Так, инструментовка стихотворения (скорее всего, не случайная) помогает постичь его художественный смысл.

По содержанию стихотворение отражает настроение молодого максималиста, ещё далёкого от христианского осмысления критериев добра и зла, отсюда строчка стихотворения:

*Добро... не святость,
Не отпущение грехов...*

Попробуем осмыслить стихотворение с философской и христианской точек зрения. «Проблему сопротивления злу невозможно поставить правильно, не определив сначала «местонахождение» и сущность зла», – писал И. А. Ильин в своём сочинении «О сопротивлении злу силою» [1]. Имея в виду зло не внешнее, а внутреннее, он говорил, что зло начинается там, где начинается человек. Точнее, душевно-духовный мир человека. По словам Ильина, этот мир и есть истинное местонахождение добра и зла. И это означает, что борьба со злом достигается во внутренних усилиях и преобразование будет именно внутренним. Определяя сущность добра и зла, Ильин говорит о том, что добро есть любящая сила духа, а зло – слепая сила ненависти. В главе «О самопредании злу» Ильин пишет: «В самом деле, что означало бы «непротивление» в смысле отсутствия всякого сопротивления? Это означало бы приятие зла: допущение его в себя и предоставление ему свободы, объёма и власти. Если бы, при таких условиях, восстание зла произошло, а несопротивление продолжалось, то это означало бы подчинение ему, самопредание ему, участие в нём и, наконец, превращение себя в его орудие...» [1, с.9]. В главе «О связанности людей в добре и зле» автор вышеупомянутого философского трактата даёт однозначный ответ: «Сопротивляться злу следует, во-первых, внутренним растворением, претворением и преобразованием злого чувства; во-вторых, – внутренне-внешним понуждением и дисциплинированием злой воли; в-третьих, – внешним понуждением и пресечением злого дела» [1, с.9].

Но совершенно очевидно, что автор стихотворения «Добро должно быть с кулаками...» говорит о борьбе со злом внешним.

Выдающийся русский мыслитель Н. Лосский писал, что вопрос о применении силы в борьбе со злом принадлежит к числу трудных проблем этики. «Бог и члены царства Божия не подавляют зло силою. Но у них есть более высокие средства для борьбы со злом. Мы, грешные существа, по своей собственной вине не имеем в своём распоряжении этих более высоких средств и потому часто бываем обязаны прибегнуть к дурному средству для пресечения зла, именно к подавлению его силою: в таких случаях мы выбираем из двух зол меньшее. Эта печальная необходимость принадлежит к числу драм нашей нравственной жизни...» [2].

В Евангелии сказано: «Нет выше подвига, чем положить живот свой за други своя» (Иоан. 15:13). Именно на войне со страшной очевидностью становятся понятны эти слова Христа. Это не только констатация факта, но и призыв, который всегда обращён к каждому христианину.

Об интересном эпизоде нашей давней русской истории рассказал однажды В. Солоухин:

“Произошло это в период крещения Руси. ...Христианские проповедники пошли в разные города и веси, в разные племена, жившие тогда на территории Руси, крестя язычников и превращая их в христиан. И вот, когда один из монахов-подвижников пришёл к языческому племени, обитавшему где-то на Севере, и убедил это племя принять христианство, произошло следующее. Вождь племени, который должен был первым пройти обряд крещения и показать, таким образом, пример своему племени, вошёл в реку, выхватил из ножен меч и, высоко подняв его над головой, трижды окунулся в воду. И когда он вышел на берег, монах-миссионер упрекнул его: что же ты, мол, сам окунулся, а меч свой не окунул? И вождь ему ответил...

– Я, говорит, прошёл обряд крещения. Я теперь христианин. Я буду соблюдать Христовы заповеди, буду жить так, как велит мне Христова вера. Я даже буду прощать врагов своих... Но меч мой... никогда не должен быть добрым...к врагам моего племени – он не для этого предназначен” [3].

Священное Писание учит смирению, покорности и кротости, и в житейских ситуациях добро – это и “жалость”, и порою “слабость”, и “святость”, и, конечно же, “отпущение грехов”.

Но “добро должно быть с кулаками”, когда речь идёт о защите отчего дома, семьи, близких, веры, Отечества. В этом случае добро должно быть защищено от сил зла.

По словам протоиерея В. Чаплина, “красных террористов” в годы революции и гражданской войны было не так уж и много. И им отчаянно сопротивлялись не только белое движение, но также участники крестьянских и казачьих восстаний, многие политики, лучшая часть интеллигенции... Почему же они потерпели поражение? Он высказал парадоксальную мысль: “Так произошло из-за православного воспитания большинства народа. Люди, приученные любить, уступать и прощать, были попросту неспособны стрелять сразу, без разбора и по всякому поводу, как это делали красные.

В годы революции и гражданской войны победили не народная воля, а наглость и дикая жестокость... Хорошо это или плохо? Пусть Господь судит. Духовная, а в конце концов, и историческая победа оказалась на нашей стороне. Но нам дан урок на будущее: защищать веру, защищать близких нужно бесстрашно и безжалостно к врагам. Так же решительно, как нужно подставлять вторую щеку личному недругу” [4].

Не случайно одна из самых почитаемых икон в Православии – икона с изображением святого великомученика Георгия Победоносца, воина, копьем уничтожающего змия-дьявола.

Великое воинство небесное включает и множество святых, которые при жизни были воинами. Вспомним, как преподобный Сергей Радонежский благословил благоверного князя Дмитрия Донского на ратный подвиг на поле Куликовом, и этот подвиг русского воинства был защитой чести, веры, добра и справедливости.

На Святой Руси добро всегда было синонимом правды, и правда понималась как истина. Однокоренное слово “истовый” звучит как “воинствующий”, но не разрушающий, а созидающий дух правоты. “Христианство..., считая войну злом, признаёт, однако, что есть другие виды зла, ещё худшие, и потому допускает в борьбе с ними войну, например, для спасения народа, погибающего от насилья хищника-завоевателя” [2, с. 238].

Василий Ирзабеков писал, что ему как-то довелось услышать от доктора филологических наук профессора Т. Л. Мироновой, “что слово *Русь* значит белый, светлый. Отсюда, по её мнению, и слово *русый*. Иное мнение высказывает её коллега Салтыков из Свято-Тихоновского богословского университета. И заключается оно в том, что тысячелетие назад слово *Русь* значило *вооружённый человек*. И в том, и в другом случае наличествуют великие, сокрытые от иноземного уха, потаённые смыслы. *Русь* – во все времена – есть светлый, лучезарный воин Христов, сражающийся против миродержца, князя тьмы” [5].

Преподобный Сергей Радонежский говорил о том, что защита Отечества и родного очага – священная война. История ранней Церкви знает многих христиан, остававшихся воинами даже после принятия крещения. Многие из них были военачальниками и считали войну нравственно оправданной. В одном из своих посланий святой Афанасий Великий (IV век) писал о том, что

убивать не позволено, но истреблять неприятеля на войне и законно, и достойно похвалы; поэтому отличившиеся в бранях удостоиваются великих почестей, и им воздвигаются памятники, возвещающие об их заслугах. Интересно отметить, что каноничность (то есть нормативность) данного послания была подтверждена 5 и 6 Вселенскими Соборами, обладающими в Православии высшим догматическим и каноническим авторитетом. Отношение Церкви к этому вопросу было сформулировано уже в 314 году на соборе в Арле: “Отлучаются от Причастия те христиане, которые бросают оружие...” [6].

Читая стихотворение молодого поэта Ст. Куяева, задаёшься вопросом: “А что есть добро в понимании автора?” Ведь и те, кто вершили революцию, тоже действовали во имя добра. Во имя своего понимания добра действуют у Достоевского и Великий Инквизитор, и Родион Раскольников! В поэтических строках молодого автора ещё нет границы Божеского и дьявольского. Нет меры “хорошего или дурного, данной Христом”. И оттого не ясно, от имени какого добра “...дробно-дробно, добро-добро // Умел работать пулемёт...”. В книге “Условия абсолютного добра” Н. Лосского говорится о том, что и сатана задаётся целью облагодетельствовать мир, соблазнив его следовать добру, измышлённому им самим. Такое поддельное добро вместо созидания ведёт к разрушению. И только Божественное добро есть добро подлинное.

Итак, мы видим, что идея стихотворения с христианской точки зрения может быть оправдана только в тех случаях, если “все, кто лезет на добро” и “добру не сдавшиеся добром” являются врагами Божьими, врагами Отечества или подавление их силой нужно для пресечения ещё большего зла. Тогда борьба со злом может быть прямою религиозною и патриотическою обязанностью человека, и он не вправе уклониться от неё.

А вот второе стихотворение автора, посвящённое памяти Юрия Селезнёва:

*Вызываю огонь на себя,
Потому что уверен: друзья
Через час подойдут на подмогу,
Потому что, собираясь в дорогу,
Я об этом друзей попросил —
С адским пламенем трудно сражаться...
Вызываю огонь... Продержаться
До подмоги хватило бы сил!
Где друзья?
Почему не спешат?
Неужели с похмелья лежат?
Сроки вышли. Должны подойти.
Неужель заблудились в пути?
Плюнул.
Вystоял.
Дух закалил.
Затоптал адский пламень ногами.
Ну, маленько лицо опалил.
Словом, вышло добро с кулаками.
Я иду — победитель огня,
Предвкушаю — дружина моя
От восторга и радости ахнет!
Но шарахнулись вдруг от меня:
— Адским пламенем, — шепчутся, —
пахнет!..*

Стихотворение “Вызываю огонь на себя...” написано в 1986 году, когда поэт отошёл от максимализма юных лет, оно отражает своеобразную эволюцию автора. Это путь от молодости к зрелости, от экстрима к мудрости, к пониманию того, что не всё в жизни так просто, что “махание шашкой” — не всегда утверждение истины. Здесь даётся уже попытка духовного осознания границ, самой проблемы добра и зла. Это стихотворение отражает мышление художника, знакомого со святоотеческим наследием, осознающего, что безоглядная удаля, молодечество, выгодно отличающие героя стихотворения от (трусливой ли?) дружины, — возможно, следствие его гордыни, самоутверждения победителя, предвкушающего:

*...дружина моя
От восторга и радости ахнет!*

Мы видим, что происходит смещение акцентов: я сражаюсь не столько во имя утверждения добра, сколько во имя самоутверждения: я сражаюсь!

Общеизвестно, что именно от такого самоутверждения до бездны с адским пламенем – один шаг!

В стихотворении “Вызываю огонь на себя...” присутствует глубокая и тонкая попытка автора разобраться уже не только в том, что есть добро и зло (понимание Божьего и дьявольского здесь присутствует: “С адским пламенем трудно сражаться...”). Здесь уже наблюдается попытка поэта понять с духовной точки зрения, что является движущим мотивом того или иного поступка человека. Если я совершаю доброе дело, но при этом думаю, что я с этого буду иметь, или думаю при этом, что я чем-то лучше других, – доброе дело обесценивается. Очевидно, что поступок лирического героя стихотворения совершается и во имя самоутверждения тоже. Слова его самооценки говорят сами за себя:

*Я иду — победитель огня,
Предвкушаю...*

Победа породила гордыню, и дьявольский её огонь опалил лицо героя:

*Но шарахнулись вдруг от меня:
— Адским пламенем, — шепчутся, —
пахнет!..*

Согласно христианскому миропониманию, верховное зло есть гордость. При внимательном прочтении строчки: “Я иду – победитель огня...” возникает и ещё одна мысль: герой стихотворения, как считает он сам, – победитель адского пламени. Вдумайтесь в это утверждение. Обратите внимание на то, что лирический герой стихотворения вызвал сам огонь на себя, и при этом он был уверен, что друзья подойдут на подмогу. Почему же всё-таки они не только не пришли, но и “шарахнулись” от “победителя” после его победы?

У А. С. Пушкина есть удивительное стихотворение, которое помогает нам в какой-то мере попытаться ответить на эти вопросы. В нём говорится о том, что победить зло, оказывается, можно отнюдь не добром, а только злом ещё более мощным – высшим злом. Об этом пишет В. Кожинов. Вот это стихотворение:

*Как с древа сорвался предатель ученик,
Дьявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геены гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лике
Лобзанием своим насквозь прожёт уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.*

В. Кожинов подчёркивает, что Пушкин даже любит сатану, потому что Иуда омерзителен. “Абсолютное зло “с веселием на лике” карает другое зло, воплощение предательства” [3, с. 208-209]. В этом стихотворении великий поэт демонстрирует своё убеждение в том, “что добро не может победить зло, ибо цель добра – оборона, противостояние злу, борьба с ним, но не уничтожение” [3, с. 208-209]. Нападать, убивать, уничтожать – прерогатива зла. Добро может только защищаться, и только в этом случае оно имеет право на “кулаки”.

Но удивительная и почти непостижимая человеческим умом мысль есть у философа И. А. Ильина, который говорит, что возможность победить у добра всё-таки есть. Вот она: “Победим тогда, когда наш меч станет как любовь

и молитва, а молитва и любовь наша станет мечом!” [3, с. 4]. Но до этой духовной вершины (или тайны?) нам ещё предстоит дорасти, чтобы она открылась всем в полной мере. И тогда, может быть, услышим призыв Слова Божьего, отеческий зов Самого Христа: “Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцом Моим на престоле Его. Имеющий ухо, да слышит...”. (Апок. 3: 21).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ильин И. Путь к очевидности. М., Издательство “Республика”, 1993. С. 12.
2. Лосский Н. Бог и мировое зло. М., Издательство “Республика”, 1994. С. 376.
3. Морозов В. Россия: век уходящий. М., Фонд содействия развитию социальных и политических наук. 1999. С. 77-78.
4. “Православная беседа”, журнал для семейного чтения, № 4, 2006. С. 5. Статья протоиерея В. Чаплина “Лоскутки. Записки священника”.
5. Ирзабеков В. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. Данилов мужской монастырь. Даниловский вестник. М., 2007. С. 114.
6. Веденский Г. Небесные покровители русского воинства. Издательство “Аврора”, СПб, 2005. С. 6.

ЭДУАРД АНАШКИН

“ЧЕМ БЛИЖЕ НОЧЬ — ТЕМ РОДИНА ДОРОЖЕ...”

О Станиславе Юрьевиче Куняеве услышал я впервые много-много лет назад, во времена нашумевшей в советское время дискуссии “Классика и мы”. Казалось бы, в советское время с чего бы защищать классику и традицию, когда их вроде и так никто не обижает? Но по ожесточенности дискуссии стало понятно: защита классики – дело непростое, если классика и традиция стали предметом таких страстей. Сейчас, оглядываясь на прошлое, понимаешь, что были эти “страсти по классике” предупреждением, что зреет в стране силы, рвущиеся разорвать страну на части... Но тогда, в советском кажущемся благополучии, это поняли далеко не все. А под обстрелом оказался один из зачинателей дискуссии – поэт Станислав Куняев. Он “осмелился” сказать, что русская классика и национальная русская культура является единственным спасением для советской литературы.

Отшумела, отгремела дискуссия... И понемногу началось планомерное оттеснение лжеэкспериментаторами на задворки литературы, исповедующей традиционные и классические ценности. Вызвавший на себя огонь Станислав Куняев попал под пристальное наблюдение сил, которые время от времени то там, то сям пытаются уничтожить его, паля по нему из всех видов информационного оружия. При этом не забывают о другой мишени. О ведущем русском литературном журнале “Наш современник”.

Поэт Станислав Куняев порою незаслуженно попадает в тень публициста Станислава Куняева. Строчку “Добро должно быть с кулаками” цитируют все, кому не лень, сегодня она актуальна, как никогда. Но при этом мало кто знает автора этой строчки, считая её народной. Хотя, может быть, это и есть лучшая похвала автору?

*Добро должно быть с кулаками.
Добро суровым быть должно,
чтобы летела шерсть клоками
со всех, кто лезет на добро.
Добро не жалость и не слабость.
Добром дробят замки оков.
Добро не слякоть и не святость,
не отпущение грехов.*

Написанное более полувека назад, это стихотворение не утратило свежести звучания. Да и не утратит никогда, как никогда наш народ внутренне не смирится с тем, что, если тебя ударили по правой щеке, надо подставить левую.

В патриотических кругах писателей-почвенников и государственников Куняев имеет репутацию стального человека, который, если понадобится, выйдет под прицелы автоматов очередного московского префекта, в очередной раз пытающегося захватить писательский дом на Комсомольском проспекте. Или отвесит пощечину очередному литературному негодяю... Куняев — человек дела, а не созерцания. Но, глубоко уважая активную гражданскую позицию Станислава Юрьевича, хочу всё-таки более поразмышлять о Куняеве-поэте. Выход его новой книги стихов — отличный повод для этого. Ведь по признанию самого автора, он же и составитель своего “Избранного” под названием “Сквозь слёзы на глазах...”. Эта книга — итог многолетней творческой работы поэта.

“Составляю свою последнюю, может быть, книгу и долго размышляю над каждым стихотворением: оставлять его для сегодняшнего читателя или нет? — пишет Станислав Юрьевич. — Не потому, что мне стыдно за какие-то стихи. К власти я за все сорок лет своей, как говорят, творческой жизни не поддаживался, в лениниану никакого вклада не внёс, никаких масок на лицо не напяливал. Был верен завету, который сформулировал для себя ещё в 1963 году:

*Пишу не чью-нибудь судьбу,
свою от точки и до точки,
пускай я буду в каждой строчке
подвластен вашему суду.
И всё же кто-нибудь поймёт,
где грохот времени, где проза,
где боль, где страсть, где просто поза,
а где — свобода и полёт!*

Смотрю, перелистываю книги, перечитываю, взвешиваю... Вырисовывается определённая картина: в одних стихах жизнь, энергия, вдохновение как бы поувяли, чуть-чуть иссякли, израсходовались. Вот их, постаревших со временем, я в эту книгу включать не буду. Оставляю те, в которых жизнь сохранилась в свежей полноте, те, которые люблю, как в молодые годы...”

По поводу того, что книга, может быть, последняя, я бы сказал: “Типун Вам на язык, Станислав Юрьевич!” А насчёт утраты общественного интереса с радостью, но и с горечью понимаю — стихи Станислава Куняева о трагической судьбе России звучат как никогда актуально. Как автора стихов, Куняева, наверное, не может это не радовать. Но как гражданин и публицист он наверняка испытывает горечь. Раз стихи в защиту России не просто не устарели, но актуализировались, значит, Россия по-прежнему в беде. Разве что “страшилки” для русского человека сверху поменяли. Раньше пугали “лишь бы не было войны”. Сегодня пугают “лишь бы не вернулись лихие девяностые”. Так что поэзия Станислава Куняева актуальной остроты ещё долго не потеряет.

*В гражданской войне победителей нет,
поскольку она без конца.
Хоть семьдесят лет, хоть сто семьдесят лет,
коль сын отвергает отца...*

Сегодня, когда общество русское, как во времена феодализма, расколото по линии “роскошь—нищета”, гражданская война уже идёт, не всегда нами замечаемая...

... Вовсе не железным, а радушно-суровым увидел я Станислава Юрьевича во время нашего первого личного знакомства. Это было в те самые суровые 90-е годы, когда после приёма в Союз писателей России я стал иногда приезжать в Москву. Приезжал, чтобы глотнуть литературного воздуха общения с коллегами и снова залечь в свою самарскую сельскую глубинку.

Тогда у меня в Самаре вышла книга рассказов и повестей “Запрягу судьбу я в санки” — книга для меня особая, потому что предисловие к ней написал сам Валентин Распутин. Признаюсь, не терпелось показать её писателям столицы. Приехав в Москву, я перво-наперво направился на Цветной бульвар в редакцию журнала “Наш современник”. Несмотря на суровые голодные времена, народ в глубинке журнал выписывал, читал, искал ответы на свои вопросы и очень уважал его за правдивость. А напечататься в “Нашем современном” мечтали многие, если не все, писатели России. Мечтать не вредно... И вот я у Куняева в кабинете.

Почаёвничали, вручил ему свою книгу. Куняев пролистал её: “Это предисловие Распутина я уже читал в журнале “Роман-журнал 21 века”. Написано кратко, ясно и главное — тепло. Как тебе удалось выйти на Распутина? Он ведь очень редко пишет предисловия и только к достойным книгам”. Тут я, конечно, разомлел и рассказал о Читинском семинаре молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, о нашем очень давнем знакомстве с Распутиным, о последующем счастье общения с ним. Куняев, даром что занятой человек, слушал внимательно...

Впоследствии мы со Станиславом Юрьевичем встречались не только в стенах редакции “Нашего современника”, но и в Правлении Союза писателей России на Комсомольском проспекте, в московском Храме Христа Спасителя на Всемирном Русском Народном Соборе, на всероссийском литературном празднике “Сияние России” в Иркутске... А на страницах журнала “Наш современник” появились мои литературные эссе о писателях России, об их книгах. Здесь же, в редакции “Нашего современника”, на первом этаже я познакомился с выдающимся русским поэтом Юрием Кузнецовым. Московские писатели поговаривали, что Кузнецов и Куняев “друганы” и соратники, потому Куняев и пригласил Кузнецова работать в журнале заведующим отделом поэзии.

Вышедшая впоследствии книга Станислава Куняева “У бездны мрачной на краю” подтвердила справедливость этих разговоров. Это книга воспоминаний и размышлений о судьбе и творчестве Юрия Кузнецова. Горжусь, что она есть в моей домашней библиотеке, причём с автографом Станислава Юрьевича: “На добрую память истолкователю наших текстов Эдуарду Анашкину от автора этой книги, написанной печальным пером. Ст. Куняев 5.12.2015 г.”.

Приятно быть толкователем стихов, в которых есть не только литературный, но и жизненный толк для судьбы России, для души русского человека. А в каждом русском человеке старшего поколения непременно живёт человек советский. Не всегда они живут в душе мирно... Примирению русского с советским Станислав Куняев посвятил многое в своём поэтическом творчестве. Строки другого его известного стихотворения, наверное, звучали едва ли не как вызов архиправославным патриотам:

*Реставрировать церкви не надо:
пусть стоят, как свидетели дней,
как вместилища тары и смрада
в наготе и в разрухе своей.*

Как показала жизнь, не вызов это был, а хуже — пророчество, и оно сбылось. “Как это не надо реставрировать церкви?” — небось, гневно восклицал иной православный. Но разве нынешнее активное строительство храмов уменьшило количество хамов во власти? И разве оно примирило русское с советским? Разве сегодня всяк чиновник, сверху донизу, не считает своим первейшим долгом плюнуть в великое советское прошлое?..

Станислав Куняев наиболее пламенные свои стихи написал именно во имя этого примирения, не состоявшегося и поныне. Поэт признался как-то, что, когда написал последнюю строфу стихотворения “Реставрировать церкви не надо...”, сам был в недоумении.

*...Всё равно на просторах раздольных
ни единый из них не поймёт,
что за песню в пустых колокольнях
русский ветер УГРЮМО поёт...*

Вот и мы сегодня, спустя десятилетия после написания этих строк, задаёмся вопросом: “Почему русский ветер угрюм, если храмы реставрируются?” А тогда Станислав Куняев упорно пытался найти для стихотворения другое слово вместо “угрюмо”, словно стараясь себя убедить: как только начнут восстанавливаться церкви – Россия воспрянет. Но стихотворение столь же упорно отвергло все попытки автора заменить эпитет на более оптимистичный. Русское угрюмство часто делает стихи русских поэтов вневременными. Александр Блок написал о поэте:

*Простим угрюмство. Разве это
сокрытый двигатель его?
Он ведь — дитя добра и света.
Он весь — свободы торжество...*

Предрёк классик России такое торжество свободы, что сегодня мы стали свободны от многих “оков” тоталитаризма – от бесплатной медицины и образования, защиты от поддельных продуктов питания и лекарств, от мошенников всех мастей... С горечью надо признать, что гражданская поэзия Куняева оказалась сильнее эпохи, в которую создавалась, потому что пережила XX век и шагнула в новое тысячелетие:

*Господи, что же творится?
В светлом притворе стоят
потусторонние лица —
свечи в их лапах горят.
Струйки зловонья и серы
вьются из тёмных ноздрей,
слушают воры и мэры,
что говорит иерей.
Господи, пробы поставь
негде — на лица взгляни!
Можно ль Россию оставить
в столь окаянные дни?
Женщина жертвует лепту
храму во имя Твоё.
Русскую женщину эту
обворовало ворьё.
Мать-Заступница наша,
Русь — Твой последний удел,
глянь — унижения чаша
переполняет предел!*

Это “Молитва” Станислава Куняева – молитва за русского человека, сохранившего душу и умение делиться последним во имя того, во что он верит. Стоящие в церковном притворе чиновные “притворы” – реальность наших дней. Не о ней ли нас почти полвека назад предупреждал “угрюмый” ветер в стихотворении Станислава Куняева?..

... Однако русский поэт остаётся поэтом во многом наперекор реальности, потому что понимает: несмотря на печальные земные реалии, над Россией распростёрта небесная благодать, и никакие суетные искушения не в силах её свести на нет. В этом, может быть, и заключена тайна бессмертия стихов.

*Как посветлела к осени вода,
как потемнела к осени природа!
В моё лицо дохнули холода,
и снегом потянуло с небосвода.
Мои края, знакомые насквозь:
пустынный берег, подзавалье, речка...
Так кто же я — хозяин или гость?
И что у нас — прощанье или встреча?*

*От холода я задремал в стогу,
как зверь, готовый погрузиться в спячку,
проснулся, закурил на берегу
и бросил в воду скомканную пачку,
и не решил, что ближе и родней:
вчерашний шум берёзы отшумевшей
или просторы прибранных полей
и тусклый свет травы заиндевевшей?
И, затянувшись горестным дымком,
спасая тело от осенней дрожи,
я вдаль глядел и думал об одном:
чем ближе ночь — тем родина дороже.*

Написанное в далёком 1966 году, это стихотворение, как и многие-многие другие классические стихотворения Станислава Куняева, останется навсегда в русской поэзии и в русской душе. Они будут жить даже в ту “пору прекрасную”, в которую, вспоминая классика, жить не придётся людям нашего поколения. В пору, когда “Россия вспрянет ото сна”. Они пребудут в русской душе до тех пор, пока русский человек будет способен беседовать с Богом, выходить на берег распахнувшейся ему навстречу родной реки детства и тихо понимать, что родину надо любить не только весной. И не только, когда на Родине светло и хорошо.

Наши читатели пишут письма, обращённые лично к Станиславу Юрьевичу Куняеву, обращаются к нему как к мудрому арбитру, который должен ответить на роковые вопросы времени. И Станислав Куняев неизменно отвечает на эти вопросы в своих книгах, в своих размышлениях о России, Поэзии и Судьбе. И это оценено читателями. Как пишут они: “Вы продолжаете строить наш общий дом с названием Россия!” И разве это не высшая оценка для писателя, поэта и патриота?

“ВЫ СТРОИТЕ ДОМ С НАЗВАНИЕМ РОССИЯ”

“ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ” – ВСЁ ДЛЯ РУССКОГО СЛОВА

Уважаемый Станислав Юрьевич, здравствуйте!

Я написала Вам письмо, а через некоторое время узнаю, что книгу “Жрецы и жертвы холокоста” Вы прислали в нашу районную библиотеку. Спасибо огромное. Взяла и начала читать. А по Междугороднему библиотечному абонементу пока ничего не прислали.

В прежнем письме я всё говорила про журнал и не сказала главного. Журнал не был бы таким, если бы не Ваш ум, талант, как творческий, так и талант организатора (не считите за лесть).

Прочла Вашу книгу “Поэзия. Судьба. Россия”. Жаль, что раньше она мне в руки не попала. Но, видно, “лучше поздно, чем никогда”. Скажу честно: испытала некоторое потрясение, радовалась, удивлялась, огорчилась, недоумевала, страдала (по поводу событий 1991, 1993 годов, “великой криминальной революции”). В общем – душа трудилась.

А Вы боец-молодец! Человек поступка. Не дали журнал “сожрать” и сами остались самим собой. “Ставка на независимость”, сделанная в молодости, помогла всё выдержать. Столько событий, радостных и не очень, поездок, встреч, переживаний, предательств, разочарований – на десятерых хватило бы. Завидую белой завистью, что Вы были лично знакомы с Рубцовым, Беловым, Распутиным, Солоухиным, Кожинным. И другими, чьё “русское понимание жизни, истории, литературы” помогало и помогает другим. В 70–90-е годы я читала много всякой всячины, в том числе журналы “Молодая гвардия”, “Знамя” (вот “Огонек” недолюбливала), выписывала “Литературную Россию”. И признаюсь: в голове была каша. Сейчас, благодаря Вашему журналу и книге “Поэзия. Судьба. Россия”, начала выстраиваться система, стало понятно влияние “еврейского крыла советской литературы”.

В Ваших книгах мне нравятся точные образы, характеристики, сравнения, оценки, что называется, “ни убавить ни прибавить”. Кое-что в журнале читаю или даю прочесть моему внуку. А на днях говорю: “Миша, смотри, как важно хорошо знать русский язык, понимать и чувствовать слово”. И рассказала о том, что кто-то в тексте стихотворения: “И русскому сердцу везде одиноко. // И поле широко. И небо высоко...” слово “одиноко”, не вдумываясь, набрал “одинаково”, и как от этого изменился смысл. Пришлось перепечатывать. Внук понял. “Ну да, говорит, – получилось, что везде одинаково, хоть в Америке, хоть в Китае”.

Вдруг – звонок в дверь, и почтальон вручает мне посылку с журналами за 1-е полугодие. Спасибо огромное и от меня, и от всех читателей журнала, и от работников библиотеки. Прочту – отнесу в библиотеку.

Читаю “Жрецы и жертвы холокоста”. Сплошная боль! Согласна с читателями, что с Вашей стороны это подвиг: изучить столько литературы и выстроить всё в одну цепочку. И мужество тоже: говорить не только о позиции ушедших в мир иной, а ныне здравствующих.

Выполняю Вашу просьбу; посмотрела архив газет за 1941–1943 годы, а потом взяла ещё и за 1944–1945 годы. Мне дали их домой, и я смотрела и читала не спеша. К сожалению, архив далеко не полон. Газета выходила на двух полосах, и материалы в ней в основном о колхозах, которых в ту пору в границах нынешнего Пыщугского района было 65 (сейчас ни одного), а вместе с Заветлужьем – 99. И в них: сев, сенокос, уборка – всё для фронта, всё для победы! Вот даже такие: “Все колхозы должны сдавать овечье молоко государству. Колхоз имени Калинина за полмесяца сдал 30 литров, 20 литров сдал колхоз имени Пушкина. Брынза – дополнительный и ценный продукт для трудящихся и бойцов Красной Армии”.

А первые полосы – это сводки Информбюро, обращения Сталина, Молотова и другое важное, чем жил народ в то время. Но вот один очень важный документ, подписанный Вашей матушкой – обязательства медицинских работников. Вероятно, были информации, как эти обязательства выполняются, может, именно в отсутствующих номерах. Очень жаль, конечно.

А вот о Вас информация в нескольких номерах. Вот когда начиналась Ваша гражданская позиция! Ещё есть маленькая заметочка: “Следуя примеру пионеров и школьников района учащиеся 1 класса Пыщугской средней школы активно начали сбор средств на постройку танка “Таня”. И фамилии: “Виноградова Вера, Сухарева Галя, Дрожников Володя, **Куняев Станислав**, Преображенский Володя”.

Желаю Вам здоровья, берегите себя. Как следует из материалов, Ваши враги не просто злы, но и мстительны.

И пусть хранит Вас Господь!

С уважением
Галина Старкова
Село Пыщуг, Костромская обл.

КОММЕНТАРИЙ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Письмо Галины Старковой из села Пыщуг, Костромской области, где мы в 1941–1944 годах жили в эвакуации, всколыхнуло в моей памяти многое из той суровой жизни, о которой я ещё более подробно напишу, если Бог даст силы и здоровья. Читая короткие информации с ксерокопий пожелтевших от времени страниц районной газеты “Знамя большевизма”, о том, как нам, эвакуированным, помогали одеждой местные семьи, о том, как мы собирали рубли на постройку фронтового самолёта “Пионер”, о том, как мы собирали мох сфагнум и кровоостанавливающие чёрные зёрна из колосьев ржи для военных госпиталей, я понимаю, что был счастливым, потому что видел, как был един в годы войны весь наш народ, бескорыстно и самоотверженно отдававший все свои силы для победы. Вот они, эти скупые строки из пыщугской газеты 1942 года, которые писала наша учительница и классный руководитель Нонна Петровна Чечурова:

“Учащиеся 1 класса Пыщугской средней школы по призыву учащихся других классов решили собрать на постройку самолёта “Пионер” по 2 рубля с каждого. Первыми в сбор денег включились те школьники, которые учатся на хорошо и отлично. Галя Сухарева, отец которой находится на фронте, внесла 10 рублей, Володя Червяков внёс 4 рубля и Володя Дрожников – 6 рублей. По 5 рублей принесли Станислав Куняев и Виноградова Вера. Их примеру последовали другие учащиеся. Всего собрано 43 рубля”.

“Включившись в предмайское социалистическое соревнование, учащиеся первого класса Пыщугской средней школы усиленно стали бороться за выполнение своих социалистических договоров. В результате хорошей работы к 1 мая класс пришёл со стопроцентной успеваемостью. Учащиеся Сухарева

Галя, Куняев Станислав, Лямкова Тамара, Червяков Володя, Харинова Нина, Дрожников Володя имеют по всем предметам отлично”.

“Во втором классе Пыщугской средней школы обучалось 28 учащихся. Из них многие кончили учебный год с хорошими показателями. Отличные оценки имеют Галя Сухарева, Станислав Куняев, Аля Пищева и Володя Червяков. Они систематически готовили уроки, являлись примером хорошей дисциплины. Они были хорошими общественниками и помогали своим товарищам в учёбе”.

ЧИТАТЕЛЬ ВНОСИТ ПОПРАВКИ

Уважаемый Станислав Юрьевич, здравствуйте!

Спасибо за Ваш блестящий новый цикл размышлений о русско-польских отношениях. Всё написано убедительно и правильно по тональности, в самую точку. Иначе они не понимают. Хотя полемику с Вами ведут, в основном, не этнические поляки. Эти люди раньше были в первых рядах в восхвалении польско-советской дружбы, а сейчас также в первых рядах, но вещают нечто противоположное.

Наверное, этот материал будет в каком-то виде переиздаваться. Поэтому я, как бывший советник по культуре советского посольства в Польше, хотел бы уточнить некоторые места, которые нуждаются в исправлении, пересылаю это Вам. Может быть, пригодится, когда будете писать о Катыни. Так, операция “Висла” имела место после войны, в 1947 году и заключалась в переселении всего украинского населения Польши из юго-восточных районов Польши из северо-западные и северные районы. Лагерь находился в довоенной Польше в Березе-Картузской.

С пожеланиями успехов

Юрий Иванов
г. Москва

“НАСТОЯЩАЯ ПОЭЗИЯ НЕ ИМЕЕТ ГРАНИЦ, И ЕЁ ГЛУБИНА БЕЗМЕРНА”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Огромное спасибо, что Вы откликнулись на моё письмо, честно сказать, не ожидал, но вы очень внимательный человек, что в наше время – редкость.

Прочитал Вашу книгу “И бездны мрачной на краю...” – о творчестве поэта и Вашего друга Ю. П. Кузнецова. Как и во всех Ваших книгах, слово ярко “горит не иссякающим пламенем”, хочется греться и греться душой и разумом от его тепла. Вы воистину талантливый человек, воин русской литературы. Поверьте, это не дифирамбы.

Полностью согласен и подписываюсь под статьёй Владимира Бондаренко “Неистовый воитель”, в Вашей книге опубликованной, как говорится, “ни прибавить ни убавить...”, и низкий поклон ему.

После Вашего признания о поэзии Ю. Кузнецова мне трудно давать свою оценку. Вы, на мой взгляд, дали чёткое понимание этого вопроса, и, тем не менее, несколько слов скажу.

Юрия Поликарповича я видел несколько раз, был у него на юбилейном вечере в ЦДЛ и даже в редакцию журнала приносил ему стихи для публикации. Он их не принял. Я теперь понимаю, почему, прочитав Вашу книгу. Об одном моём стихотворении, где в переходе метро сидит безногий солдат, а перед ним лежит десантный берет, в который люди бросают деньги, как бы откупаясь, он сказал, что у другого поэта (не помню фамилии) “написано лучше”.

Я не стал спорить, но был удивлён таким сравнительным подходом. Совершенно не обиделся на Юрия Поликарповича, купил в редакции книгу стихов Кузнецова и попросил подписать. Поэт написал: “В. Кучерю “На русскую думу”.

Я был рад такому вниманию, но потом, прочитав стихи, написанные мастерски, честно сказать, не восхитился, стихи меня не тронули душевно, в отличие от стихов Анатолия Константиновича Передреева. (Книгу “День Российской поэзии” А. Передреева мне подарил в 2001 году её редактор-составитель Артур Александрович Корнеев). Корнеев на книге А. К. Передреева написал:

“Владимиру Кучерю – сердечно, как бы Анатолий Передреев. Артур Корнеев. 9.05.2004 г.”

До этого я не был знаком с творчеством замечательного поэта А. К. Передреева. Был озарён его поэзией не меньше, чем в своё время поэзией Николая Рубцова. И только одно жалко, что написано им немного. Артур Александрович сказал, что это всё, что есть. Читаю и перечитываю стихи поэта Передреева, Ваши (“Не сотвори себе кумира...”) – восхищаюсь. Настоящая поэзия не имеет границ, и её глубина безмерна.

На мой взгляд, поэзия Ю. Кузнецова идёт от ума, литературы, но не от души. Он, поэт, парит в воздухе, пытается подняться до высот Бога, в отличие, например, от поэзии Н. М. Рубцова, который стоит на земле и воспевает “звезду полей”, русскую жизнь такой, как она есть. Здесь можно сказать, что Рубцов созвучен с В. И. Беловым, гениальным русским прозаиком. У таких талантов, как они, должны учиться люди, стремящиеся сказать своё слово в русской литературе. (Но не у Евтущенко же, который всю жизнь был хамелеоном, кривлялся, предавал, продирался на Олимп. Прожил жизнь отвратную в физическом и духовном смысле, мечтал о памятнике на века, а лёг под бок к Пастернаку, хотя талант у него был).

В отличие от Евтущенко, поэт Ю. Кузнецов, который, видимо, так же был не лишён фантазии бессмертия, прожил честную жизнь, как человек казацкого рода. Несомненно, поэзия Кузнецова достойна долгой памяти в русской литературе, и его попытка встать на равных с Великими достойна уважения. Всё же я не соглашусь с его фразой, что Данте перед его Поэмами мелковат. Поэму Данте “Божественная комедия”, как мне помнится, человечество осознало лет через двести, и, как говорится, она проверена временем. Трудно представить, что скажут про поэмы Юрия Поликарповича о Христе через двести лет; у Тютчева: “предугадать не суждено”, так что негоже нам живым грешить о величии.

У меня в одном стихотворении есть такие строки: “Время расставит по полочкам, что не сумели сберечь”. В наше время стало бесовски модным кричать: “звезда”, “гений” и т. п. Какая глупость, а возможно, и наоборот – подлость с умыслом по отношению к правде творчества.

Ещё меня кольнуло, когда читал Вашу книгу, что Юрий Поликарпович сказал о Вашей книге “Поэзия, Судьба, Россия” – мемуары. Он просто не понял её. Я считаю Вашу книгу романом, таким же, как роман М. Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”. Вы показали в ней наше литературное русское время, героев и не героев во всех проявлениях. Вы рассказали о поэтах и писателях, не утрастились “литературной власти” либералов. Редко кто из русских смел замахнуться на их мракодержавие, а вы достойно боретесь. Почему-то теперь все “великие русские поэты нашего времени” – не русские по происхождению...

В Вашей книге дана оценка поэтическому дару поэта Кузнецова с присущей Вам прямотой, что очень по-дружески и честно. За это Вам спасибо от читателей.

Несомненно, Юрий Поликарпович Кузнецов – талантливый поэт, мудрец, и ему бы родиться раньше, его эпоха – это эпоха Возрождения, но он достойно сказал своё Слово в русской литературе и в наше время.

В заключение позвольте мне отблагодарить Вас стихами:

“Здравствуй, родина, многие лета!”

(Ст. Куняев)

*От заката добрым летом бродит ночи полоса,
В горизонте разогретом, в серебристых образах...*

*Не сверкают ярко звёзды, и космическая тьма
Не висит простором грозным, но цветёт её кайма...*

*Хоть недолго лето длится, но кипит зелёный дух,
Переливы его ситца образуют жизни круг.*

*И захватывают сразу чувства розовым теплом,
Завораживают разум, когда первый грянет гром...*

*И легко к зениту лета устремляется душа
С чистым заревом рассвета до вселенского ковша.*

С самыми добрыми чувствами и пожеланиями к Вам

Владимир Кучерь
г. Москва

“КОРРУПЦИЯ ЗАХЛЕСТНУЛА ВСЮ СТРАНУ”

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

Пишет Вам пенсионер Попов Александр Прокопьевич из Барнаула. 4 года я выписывал “Наш современник”. Журнал очень правдивый и злободневный. Однако в прошлом году не смог выписать из-за финансовых затруднений. Журнал перестала выписывать даже краевая библиотека. В этом году удалось выписать “Наш современник” на 2-е полугодие 2017 года. Станислав Юрьевич, прошу Вас опубликовать в журнале текст о том, как Пётр I боролся с взяточниками, что созвучно нашей нынешней российской действительности, когда коррупция захлестнула всю страну. Пусть все взяточники России поучатся у Петра честности и порядочности. (Цитирую по “Сборнику текстов по русскому языку”. М., 2002. С. 204).

“Пётр I ненавидел льстецов и часто просил говорить о нём самую правду, какой бы горькой она ни была. Однажды в Москве подали ему жалобу на судей-взяточников, и он очень разъярился, сетуя на то, что взятки есть зло и надобно их решительно искоренять. При этом оказался возле Петра генерал-лейтенант Иван Иванович Бутурлин и, услышав грозные и горькие слова Петра, сказал ему:

– Ты, государь, гневаешься на взяточников, но ведь пока сам не перестанешь их брать, то никогда не истребишь этот порок в своих подданных. Твой пример действует на них сильнее всех твоих указов об истреблении взяток.

– Что ты мелешь, Иван?! – возмутился Пётр – Разве я беру взятки? Как ты смеешь возводить на меня такую ложь?

– Не ложь, а правду, – возразил Петру Бутурлин. – Вот послушай. Только что я с тобой, государь, проезжал через Тверь и остановился переночевать в доме у знакомого купца. А его самого дома не оказалось – был он в отъезде. Дома же осталась его жена с детьми. И случилось, что в день нашего приезда были у купчихи именины, и она созвала к себе гостей. Только сели мы за стол, как вошёл в дом староста из магистрата и сказал, что городской магистрат определил с общего совета собрать со всех горожан деньги, чтобы утром поднести тебе, государь, подарок, и что по доходам её мужа надобно ей дать на подарок сто рублей.

А у неё таких денег не оказалось, и она стала старосту просить, чтобы подождал до утра, когда должен был вернуться из поездки её муж.

Однако же староста ждать не мог, потому что было ему велено к ночи все деньги собрать, и тогда я отдал ей бывшие у меня сто рублей, так как все гости тут же разбежались по домам, чтоб внести свою долю, как только к ним пожалуют люди из магистрата.

И когда я дал купчихе деньги, то она мне от радости в ноги пала. Вот они какие добровольные тебе, государь, подарки. Так можешь ли ты от подданных своих требовать, чтоб не брали они ни взяток, ни подарков?!

– Спасибо тебе, Бутурлин, что вразумил меня, – ответил Пётр и тут же приказал все ранее поднесённые ему подарки возвратить, а впредь категорически воспретил дарить ему что-либо, будь то подношения от частного лица, корпорации или города”.

РОССИЯ ДОЛЖНА ВСПОМНИТЬ О СВОЁМ ДОСТОИНСТВЕ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Когда Бог создавал Землю, то он, видимо, всё рассчитал и обдумал. Поэтому как в одном месте поселил русских, белорусов и малороссов (украинцев), дал им одну веру, один, по сути, язык и одну ментальность. Также с учётом их естественного единства были рассеяны и природные ресурсы.

Россия – это кладёзь минеральных богатств, Украина – чернозёмы и южная природа, Белоруссия – леса, реки и трудолюбивый народ. Потом для борьбы с иноземными врагами была создана единая страна – Российская империя, которая на протяжении многих веков защищала своих людей от разных нападений. И так худо-бедно дотянули до XX века. Здесь Империя распалась и не в последнюю очередь оттого, что наши народы в лице национальных элит захотели без царя посидеть на маленьких, но своих тронах. Правда, пришли большевики и своими методами уговорили сепаратистов вернуться в строй. И вовремя, так как Гитлер решил в очередной раз осуществить мечту Запада – приватизировать земельные и иные богатства Великой России, так как в самой Европе с природными ресурсами большая проблема.

Не получилось. Тогда начали с другой стороны разваливать Россию. Украинцам сказали, что они совсем не русские, а особая, вроде нордическая каста и они должны жить самостийно под знаменем “великого” Степана Бандеры и руководством западных магнатов. Белорусам также напомнили, что они потомки, опять же, великих польско-литовских князей и им не к лицу держать курс на каких-то москалей. И здесь нашлась особая колонна, поддерживавшая эти призывы, подняла свой красно-белый флаг, который реял когда-то рядом с кайзеровским и гитлеровским штандартами. Казалось, живи и радуйся. Но вдруг оказалось, что у этих новых держав нет ни газа, ни нефти, ни металла, без чего сейчас жить нельзя. Вот и пришлось новым князьям, солнцем палимым, носиться по миру в поисках денег и возможностей сбыть свою устаревшую продукцию. А как же! Жить-то надо. С Россией дела не всегда идут на лад, а тепло и топливо для миллионов машин, да и металл на старые советские заводы нужны каждый день. А вдруг Россия вспомнит о своём достоинстве в ответ на санкции и другие пакости!

Тяжело вокруг Африки возить нефть и газ. Ближний Восток разбомбили и ждать оттуда труб с нефтью и газом очень долго, а Россия, имея всю таблицу Менделеева, как-нибудь проживёт. Бог – Он всё видит и знает, и нельзя младшим сёстрам России это игнорировать. Правда, и сама Россия сильно изменилась не в лучшую сторону. Из бывших первых коммунистов и борцов за справедливость к власти пришли нынешние капиталисты и перекрасились в буржуев с волчьими повадками. Прихватили и распродают на Запад и Восток природные богатства, не забывая себя. Сначала появились тысячи олигархов и других полурусских спекулянтов с замками, яхтами и семьями на берегах Франции и Англии. Двухметровыми трубами выкачивают ресурсы всего народа, видимо, зная, что потом уедут на запад в свои поместья, а остальные русские, да и украинцы с белорусами с пустыми карманами будут горе мыкать.

Но основная беда для всех этих незалежностей, что германцы каждое столетие ходят на Восток, так как по их расчётам у них там есть свои интересы. И не это главное. По дороге на Россию они всегда мимоходом переступают все эти державы. И потом братской России приходится освобождать своих сестёр, и так каждый раз, а сёстры всё не умнеют.

Когда я смотрю, как бывшие коммунисты-ленинцы по праздникам на Красной площади отгораживаются фанерными щитами от Мавзолея, то подумал: а действительно, может, стоит по-семейному перезахоронить прах В. Ленина, оставляя его имя в душах истинных коммунистов и не подвергая оскорблениям со стороны перевёртышей?

Л. М. Козловский
г. Смоленск

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ СТАЛИНГРАДА

Здравствуйте, дорогой и уважаемый Станислав Юрьевич!

По территории бывшего Советского Союза, как теперь говорят либералы своим корявым языком “постсоветского пространства”, прошла 72-я годовщина Победы над фашистским агрессором. Где-то шествие это было таким, каким и должно было быть – с памятью, а где-то – формальная показуха. Вроде бы не отметить нельзя, так как живы ещё те, кто эту Победу не понаслышке знает, а ценит памятью захороненных друзей, пролитой на полях сражений кровью, памятью потерянных родственников, поломанной судьбой своих

детей, родственников, переживших дни войны. Их память хранит события тех невозвратных потерь и отзывается болью не только в сердце, но и в душе.

На некоторых пространствах происходили подлые и низменные поступки по отношению к тем, кому мы обязаны собственной жизнью. Не будь они упомянуты ни к ночи, ни ко дню!

Ведь у Второй мировой и Великой Отечественной войны было три цитадели: Ленинград, Москва и Сталинград! Москву отстояли в сорок первом, вторым стал Сталинград, Ленинград стал третьей устоявшей цитаделью.

Начало Сталинградской битвы датируется 17 июля 1942 года. И в этом году – 75 лет с начала освобождения территории Советского Союза и соседних стран от вражеского нашествия! Начало перелома в той войне произошло именно с этой даты, как отмечают историки.

И вот странное мистическое совпадение – в ночь с 17 на 18 июля 1918 года в Екатеринбурге была расстреляна царская семья! Я думаю, что наша победа – это возмездие “жрецам” за расстрел монарха России.

Уместно будет вспомнить книгу, в которой затронута перманентно-опасная тема – тема “жрецов и жертв холокоста”, кровоточащих язв мировой истории. Ведь и во время войны те же жрецы пытались извлечь выгоду из происходящего, потому Ваша разоблачительная книга, имеет непосредственное отношение ко Дню Победы.

Мне к 9 Мая, ко Дню Победы выслали по электронной почте фото, сделанное из находок на поле битвы под Сталинградом, при обороне города. Оно просто поразительное! Две пули на лету впились друг в друга и образовали крест! По этой находке можно судить, что там происходило. Там был крошечный ад. Те, кто стрелял друг в друга и с той, и с этой стороны, не виноваты были в том, что происходило такое жертвоприношение!

Я написал стихотворение к присланной фотографии, оставив надпись над фото, какой она была. Это свыше мне была прислана фотография, затем, чтобы я написал. Высылаю Вам, дорогой и уважаемый Станислав Юрьевич, это стихотворение, которое я назвал “КРЕСТ СМЕРТИ”:

*Тот бой явился диким адом,
Две силы встретились в упор:*

*Тяжелый бой под Сталинградом,
И смерти страшный был напор!*

*И бой был не на жизнь, а на смерть!
За будущее счастье — жить!*

*Но смерть зашла на поле-паперть
Не милостыни — душ просить!*

*И смертью смерть поправ, две пули
Сошлись над смертным полем в крест.*

*Две смерти в том кресте уснули...
Победа жизни — Божий перст!*

*В те дни смерть сыпал дьявол градом,
И надо ж быть судьбе такой:*

*Двум пулям выпало в награду —
Одна в другой нашла покой.*

*Два воина остались живы
И с той, и с этой стороны;*

*Наверно, Ангелы просили
За них, чьи души не грешны!*

*Тяжелый бой под Сталинградом,
Две силы встретились в упор.*

*Тот бой стал настоящим адом,
И смерти страшный был напор.*

*Там пулям было места мало,
И воздух смертью накалён...*

*Солдат на поле много пало,
Не перечислить их имён.*

Алексей Шерник,
кандидат технических наук
г. Алма-Ата, Республика Казахстан

“МЫ ПОСТОЯННО ЧИТАЕМ ВАШИ КНИГИ...”

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Получила Вашу посылочку с книгами и письмо, очень была рада Вашему вниманию к моей скромной персоне. Книги эти привели меня в восторг. Как раз я недавно прочла в “Нашем современнике” Ваши воспоминания о Ю. Кузнецове, и они произвели на меня неизгладимое впечатление. И вот чудо – теперь я прочту эти воспоминания заново в Вашей книге полностью. Мне очень понравилось, как Вы пишете о Кузнецове: это не просто воспоминания о поэте в духе большого некролога, как у нас принято вспоминать, а художественное произведение, которое читается с удовольствием, невозможно оторваться. Некоторые ситуации выписаны потрясающе, среди них сюжет про муху!

Две недели назад я прочла 1-ю часть Ваших мемуаров “Поэзия. Судьба. Россия”. Великолепный стиль и язык, очень образно описано Ваше детство и юность. Таких мемуаров не читала ранее. Особенно мне пришлась по душе та глава, где Вы рассказываете о нашем земляке Анатолии Передрееве. Мы давно знаем и любим этого поэта. Мы – я имею в виду активисты Рубцовского центра, который создан по моей инициативе 8 лет назад. Периодически, время от времени, среди других литературно-музыкальных вечеров, мы проводим и посвящённые нашему земляку. В ноябре этого года, к 30-летию его кончины, мы почтим его память очередным вечером.

Посетили мы и Октябрьский городок в 10 километрах от деревни Новый Сокур, где родился поэт, куда переехали оставшиеся жители деревни после её ликвидации. Там, в школьном музее, на стене висят 3 стенда с фотографиями А. Передреева и его близких родственников, а также копии стихов и краткая биография поэта. Но, к сожалению, наша поездка в школу нас огорчила, потому как встретили нас прохладно, ещё с большей неохотой открыли музей. В целом – удручающее впечатление: никто нам не рад и даже попросили “приехать завтра”. Но всё-таки мы оказались внутри. Там вместе с разными экспонатами местного краеведения были и эти 3 стенда. Как стало понятно, сами они мало знают о поэте, скучным голосом отвечали на наши вопросы и всё более “нет” да “не знаю”. Обидно и то, что никто не смог подсказать, где находился Новый Сокур. С большим трудом мы нашли человека из местных жителей, который знал это место и проводил нас туда.

Несколько лет мы дружили и общались с младшим братом Анатолия – Борисом Константиновичем. Во время наших встреч этот душевный человек много рассказывал о детстве и юности Анатолия Передреева, показал много фотографий. Я решила написать книгу об Анатолии Передрееве. Конечно же, вставляю в книгу цитаты из опубликованных многих книг всех, кто знал его и оставил о нём какие-то сведения. В том числе и Ваши воспоминания о друге. К сожалению, Борис Константинович не дождал своего 80-летия, на которое приглашал нас.

Несколько лет мы пробивали увековечивание имени нашего земляка. Вначале ходатайствовали, собрав несколько писем в поддержку нашей инициативы, о названии безымянной площади, в которую вливается Сокурский

тракт, именем А. Передреева, но получили официальный отказ. Теперь думаем о мемориальной доске, и всё начинаем сначала.

В таких условиях нам приходится трудно, но держимся, работаем. К радости нашей, находятся немногочисленные единомышленники, которые нас поддерживают. В этом году мы провели в краеведческом музее литературно-музыкальный вечер, посвящённый А. Передрееву, а к 70-летию Александры Баженовой – вечер русского романа. Также нами были проведены вечера, посвящённые русской народной песне, Валентину Распутину и Василию Белову, Николаю Клюеву, памяти Российской империи (культурное наследие), сейчас готовимся к мероприятию к 100-летию Октябрьской революции (культурное наследие советской эпохи).

Станислав Юрьевич! Каждый человек на этой земле должен построить дом, родить ребёнка и написать книгу (как вариант – посадить дерево). Вы с лихвой выполнили это задание и продолжаете строить наш общий дом с названием Россия!

А какого великолепного сына воспитали! Он не только пошёл по Вашим стопам и стал единомышленником, но и продолжателем Ваших идей. Это бывает очень редко, и здесь, несомненно, Ваша заслуга. И замечательно то, что вы вместе написали книгу о Есенине, правда, нам её не удалось достать. А какие у Вас книги! В этом году осенью мы собираемся провести мероприятие по Вашим книгам: у нас их теперь 7 штук, мы их постоянно читаем, а отрывки из них включаем в свои мероприятия, цитируем регулярно. Они нам очень помогают в работе.

Желаем Вам всего доброго! Дай Вам Бог здоровья и творческих успехов, чтобы Вы могли как можно дольше радовать нас своими книгами и журналом, который мы регулярно читаем.

С уважением к Вам,

Любовь Чиркова,
Руководитель Саратовского Рубцовского центра
г. Саратов

АНАТОЛИЙ АБРАШКИН

ОТКРОВЕНИЕ ИВАНА ВИНОГРАДОВА

О романе Владимира Чугунова “Провинциальный апокалипсис”

Скажут, сочиняю, намеренно сгущаю краски, и так на Россию половина мира взъелась, а тут ещё вы... Только посмотрел бы я, что бы вы сами запели, случись с вами такое.

В. Чугунов “Провинциальный апокалипсис”

Название нового романа Владимира Чугунова не может не заинтриговать. “Апокалипсис” (или “Откровение”) – это пророческая книга, венчающая Новый Завет. Она написана апостолом Иоанном Богословом и предмет её – брань змия-искусителя с Богом. “Провинциальный апокалипсис” также можно назвать битвой сил добра и зла. Рассказ о ней ведётся от лица священника Ивана Виноградова. Как и Иоанн Богослов, отец Иван обличает “любящих и делающих неправду” (Откровение 22: 16). Действие происходит в небольшом городке, отсюда и название “провинциальный”. Но городок этот – уменьшенная копия России. Пусть и невелика она по масштабам, но, изучая её, подчас проще разглядеть картину современности и назвать всё своими именами. К тому же, как и в новозаветном “Откровении”, в романе присутствует символическая составляющая, что сразу же переводит его в разряд книг, достойных прочтения “от корки до корки”.

На личном сайте Владимира Чугунова выставлено видео, где он анонсирует произведение. Оказывается, история Ивана Виноградова имеет реальную подоснову и непосредственно связана с семьёй автора романа. В книге обозначен и год происходящих событий – 2013-й. Так что это совсем недавняя история, и она, если хотите, представляет художественно оформленное свидетельство того, как отечественные реформаторы обустроили Россию в начале XXI века.

Начнём с сюжета. В одном из баров городка зверски избит сын сельского священника. Вместе с ним пострадали три его товарища, но их травмы не такие тяжёлые: писать заявления в полицию они не стали, а свидетельствовать из-за угроз отказались. У сына Виноградова – Алёши – перелом основания черепа, но местные эскулапы под разными предлогами отказываются документально признать этот диагноз. Настоящая видеозапись драки “таинственным образом” заменена новой, смонтированной так, что, отталкиваясь от неё, в организации драки обвиняется уже сам потерпевший. При этом и участковый, и майор полиции Куклин отговаривают священника от подачи заявления на том основании, что преступники (все они хорошо известны) избивали людей

уже неоднократно, но за ними неодолимая сила. По признанию Куклина, “90% боятся писать заявления, а 10% идут на примирение”. Проводя собственное расследование, отец Иван узнаёт, что в городке существует преступная группировка, которую возглавляют бывший прокурор и бывший начальник вневедомственной охраны. Виноградов предполагает, что причиной бездействия полиции служит сговор ее начальника Ястребова с преступниками. В связи с этим он пытается найти поддержку в областных ведомствах.

После нескончаемых мытарств семья Виноградовых добивается всё-таки проведения полноценного расследования и осуждения зачинщиков драки. Однако сколько неожиданного и непостижимого для рядового гражданина открывается при этом. У Ястребова обнаруживается покровитель в ГУВД. Заместитель начальника Главного следственного управления уверяет священника, что поддельная видеозапись и есть самая что ни на есть настоящая (притом, что у отца Ивана хранится уцелевшая подлинная), а нанятый священником за бешеные деньги адвокат Лавровичева откровенно защищает бандитов. Служители Фемиды настолько искренно изображают своё неведение, что не остаётся никакого сомнения в их продажности. А адвокатесса (так и хочется приписать: “дьявола”) при просмотре подлинного видео вообще заявляет отцу Ивану:

– Я уже по этому вижу, что тут ничего не добиться.
– Как? Почему?
– Если бы он (Алёша. – А. А.) стоял, опустив руки, а они его били, а он (видите?) пытается защищаться...”

Эта позиция защитника тем более нелепа, что другой адвокат, нанятый священником позже, выиграл судебный процесс. Добро, как кажется, победило, однако ни сам священник, ни члены его семьи не стали чувствовать себя более защищёнными. И вскоре бандиты нанесли ответный удар, избив теперь уже дочь священника Дашу и её мужа Игоря. А ещё какое-то время спустя их главарь Чика совершил убийство, которое местная полиция захотела переклассифицировать в несчастный случай. Но тут уж поднялась общественность городка. Даша выложила на специальный сайт петицию к президенту, и под ней подписалось 1280 человек. После этого колесо правосудия завертелось совсем по-другому: “Чикю тут же заключили под стражу, хотя до этого он находился под подпиской о невыезде. По всем делам стали вызывать в следственный отдел потерпевших, свидетелей. Следствие поручили вести сотрудникам следственного управления, то есть из областного центра. Ястребова вызвал на ковёр начальник ГУВД, генерал, и тот сразу слил своего зама. Приходившего к Игорю и Даше участкового в скором порядке по собственному желанию уволили из органов. Ястребову удалось усидеть в кресле. Но... Опять сработала круговая порука <...> И всё опять свели к простой бытовухе. Нету, мол, никакой ОПГ...”

Машина правосудия вновь забуксовала, и отец Иван совсем перестаёт верить в её действенность. В финале своего “Откровения” он вообще не склонен видеть в мире правосудия какие-либо светлые краски. Полиция, прокуратура и суд для него – это трёхглавое чудовище-змий, единственным смыслом жизни которого является измывательство над простыми людьми. К тому же новой жертвой полиции становится старший внук священника, девятиклассник Саша – сын Даши и Игоря. Тут уже неведение юноши, нарвавшего вместо полыни букет дикой конопли, соединилось с желанием местной полиции отомстить семье священника. На основе подложной экспертизы на юношу заводится уголовное дело, и теперь отца Ивана ожидает новое судилище. Чем оно закончится, и закончится ли вообще, неясно, но Виноградовы будут “бороться и молиться” (этими словами заканчивается роман).

* * *

*Так на чём стоит Россия?
Ответ простой. Идея справедливости.*

В. Чугунов “Провинциальный апокалипсис”

Ошибётся тот, кто увидит в романе Чугунова лишь изложение криминальной драмы. Тема христианских ценностей, обретения и поддержания в себе сил с целью противостоять Злу пронизывает роман, скрепляет отдельные его части.

Тут самое время сказать о некоторых символических моментах, приоткрывающих замысел и позицию автора. Писатель не скрывает и неоднократно ранее признавался в особом пристрастии к творчеству Достоевского. Названия его романов “Мечтатель”, “Русские мальчики” напрямую перекликаются с творчеством Фёдора Михайловича. “Провинциальный апокалипсис” даёт основание утверждать, что и в своей писательской манере Чугунов ориентируется на приёмы и методы классика. Это и длинные, с обилием подробностей отступления, и внезапные перескоки в рассказе на что-то, казалось бы, более интересное. В романе четыре части и сорок две главы, но все они лишь обозначены номерами и не имеют названия. Автор как бы избегает упорядочения и систематизации содержания, пусть даже с помощью заголовков. Во второй, “лирической” части он вообще отвлекается от основной темы и, как бы импровизируя на ходу, рассказывает историю воцерковления и рукоположения отца Ивана. Такой метод изложения сродни организованному хаосу, и идёт он, конечно же, от Фёдора Михайловича. Причём, как и в его романах, если взглянуть на произведение в целом, все концы окажутся сведёнными воедино, а все повествовательные линии уложены в единую, продуманную и досконально выверенную смысловую картину.

Стоит указать также на идейную связь “Провинциального апокалипсиса” с “Бесами”. Другой сюжет, другое время и другие герои, но тот же разгул преступности в губернском городке, и всё те же разговоры о справедливости, предназначении России и Боге. Правда, в романе Чугунова есть важнейшая деталь, которую автор неоднократно подчёркивает и всячески отстаивает. Бандиты теперь находятся под защитой местных государственных структур — полиции и службы вневедомственной охраны. Группой бандитов, избивших Алёшу, руководил бывший полицейский Чекмырёв, который “открывает в полицию дверь ногой”. Он же организовал и нападение на Дашу с Игорем. В блатной среде бандиту дали кличку Чика. Чугунов предпочитает называть его исключительно по кличке, и она невольно заставляет вспомнить аббревиатуру организации, преследовавшей и уничтожавшей священнослужителей во времена большевизма. Подельники и подручные Чики — чикисты, — олицетворяют в романе зверя “Апокалипсиса”.

Потянем ещё одну, как нам представляется, главную “ниточку” из клубка ассоциаций, связанных с творчеством Достоевского. “Скажите, вам ничего не напоминает имя Алёша, — обращается Чугунов к читателю. — Ну, хотя бы это, например: “Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины?” Или это: “Алексей, Алёшенька, сыно. Словно сын её услышать мог”? Вспомнишь? <...> Я, когда впервые услышал эту песню, плакал <...>. А есть и посылнее. Помните Алёшу Скворцова из фильма “Баллада о солдате”?” И далее писатель повествует о сцене встречи Алёши с матерью, и так проникновенно описывает её, что у читателя наворачиваются слёзы, потому что нет ничего крепче материнской любви. Сам автор после этого отступления переключается на своего Алёшу, Алёшу Виноградова, но механизм родовой памяти им уже запущен, и в черед художественных образов читатель должен вспомнить об Алёше Карамазове — чистом, светлом юноше, в образе которого Достоевский мечтал прозреть грядущее поколение русских людей — **русских мальчиков**, способных преобразить Россию. В “Провинциальном апокалипсисе” имя “Алёша” — кодовое, оно отсылает к заветной теме Достоевского, воспринятой и активно развиваемой в своём творчестве Чугуновым, теме русских мальчиков. В аннотации к роману “Русские мальчики” он признаётся: “Церковь, семья, Россия — основная тема книги, сфера интересов русских мальчиков, впервые выведенных Ф. М. Достоевским в романе “Братья Карамазовы”. Автор, будучи отцом многодетного семейства (девять детей), сам всецело относит себя к этой категории и считает, что русские мальчики неистребимы, как и волнующие их вопросы. Хотим мы или не хотим, но каждое поколение будет решать их по-своему, как и наше поколение тоже. И это очень важно, как свидетельство живого опыта в деле общественного служения, в деле воспитания детей, в плане личного спасения и в плане нашего участия в деле державного строительства России”.

Чугунов не даёт портрета Алёши Виноградова, ничего не говорит он и о его детстве и юношестве. Алёша — типичный русский мальчик, живущий в провин-

циальном городке. Всё, что происходит с ним, глубоко символично (повторимся, но это крайне важно: его история не выдумана!). Судьба Алёши — это, в том числе, отражение внутренней ситуации в стране. А она такова, что система потворствует преступникам, которые калечат и убивают русских мальчиков. В справке врача, осматривавшего Алёшу, записано: “Перелом основания черепа, ушиб головного мозга, кровоизлияние в мозг, перелом носа”. И невольно возникает вопрос: а не есть ли это диагноз состояния нашей Родины?.. Неожиданно? Или, может быть, вы не согласны с мыслью, вынесенной в эпиграф раздела?

* * *

Я понял не на словах, а на собственной шкуре, что Бог есть Отец с самой большой буквы.

В. Чугунов “Провинциальный апокалипсис”

Отец Иван не рассказывает в деталях о своих отношениях с сыном, но по обрывочным сведениям можно заключить, что они непростые. Так, отец неизменно называет сына Алёшка. Не Алёша, Алёшенька, как в песнях, о которых упоминается в романе, а Алёшка. Это отражение недовольства сыном, которое отец Иван хранит на бессознательном уровне. О причине можно с разной степенью уверенности гадать, но, похоже, она заключена в отношении сына к Церкви и Богу. Втайне от отца Алексей вместе с дедом Николаем (старшим Виноградовым) занимаются “разработкой собственных представлений о Боге, о мире, о человеке, соотнося это всё с современностью”.

Дед Николай — убеждённый коммунист, оставшийся верным партии и в постперестроечные времена. День Октябрьской революции для него по-прежнему остаётся великим праздником. Иван не поздравляет отца в этот день, а вот внук Алексей неизменно звонит и поздравляет деда. Иван принял сан священника в начале 90-х, и это стало ударом для отца. Встречаясь потом, они без усталости спорили, но до поры до времени только нагнетали напряжение в личных отношениях. Алексей в вопросе веры двигался своим собственным путём, отличным от пути отца и деда. Эта самостоятельность раздражала отца, но нравилась деду.

Решительные перемены внутри треугольника Виноградовых произошли после избиения Алёши. Для отца Ивана это стало не только испытанием личного мужества, но и новым религиозным опытом, толчком к более глубокому постижению Бога. Много лет ему не давал покоя один библейский сюжет. Он мучился вопросом, почему Авраама, уже занесшего нож над своим сыном, вдруг остановил Ангел? Какую истину, гадал отец Иван, Всевышний хотел вложить в распалённое сознание отца? И ответ приходит к нему как раз в тот момент, когда он узнаёт об избиении сына. Бог — Отец всех своих чад, и жертвоприношение сына Авраамом во славу Господа означало бы смертный приговор Бога по отношению к одному из своих сыновей. Вот почему Иван Виноградов восклицает: “Бог есть Отец с самой большой буквы!”

Отец священника, дед Николай, тоже шёл к постижению природы Абсолюта (Бога), но двигался он, отталкиваясь от языческой (ветхозаветной) пристани. Он не раз повторял сыну слова Розанова, что “Россия прогоркла в вашем Сладчайшем Иисусе”. Это следует понимать как увлечение новозаветными заповедями, утверждающими неразличимость эллина и иудея. Ветхозаветная составляющая христианства не менее важна, она открывает человеку мир его предков и призывает к ответственности за продолжение рода. Иван Виноградов “на собственной шкуре” усвоил этот опыт. Он не только ещё сильнее прикипел к сыну, но и разрушил стену обиды на отца.

Перед смертью дед Николай признался супруге в своём особом предчувствии, что “всё, что у него было святого, теперь не умрёт и будет жить” в Алёше. Он, мы верим, продолжит развивать идеи деда, и, думается, в одном из будущих разговоров с отцом признается тому, что Отец есть Бог с самой большой буквы.

* * *

Сколько себя помню, никогда в интонации её голоса не было тени упрёка или возмущения... Всегда тактично-певучее, с одним и тем же подтекстом: переживаю, скучаю, люблю.

В. Чугунов “Провинциальный апокалипсис”

Книга Владимира Чугунова вышла в серии “Библиотека семейного романа”. Это обстоятельство вскрывает ещё одну важную тему романа — тему семьи. Она не является стержневой, но органично вписана в “ткань” повествования. Фрагменты семейной хроники отца Ивана — лучшие в романе с художественной точки зрения. В сущности, это отдельные рассказы, умело встроенные в канву судебно-полицейских разбирательств. Они так продуманно помещены в текст, что логическое и образное полушария читателя включаются попеременно, и, как результат, книга читается и с интересом, и без напряжения.

Возьмём, к примеру, рассказ о набожной бабушке Василисе Егоровне, ходившей в церковь и читавшей толстые религиозные книги. Вера в Бога — её отрада, но в стране царит атеизм. Сын ещё школьником утащил вместе с другом Божьи книги и сжёг их в овраге. Дочь, вышедшая замуж за коммуниста и руководителя серьёзного масштаба, запрещает приобщать внука к религии. Но только бабушка Василиса знает какую-то высшую, глубинную правду. Вот уж чья вера не прогоркла в сладких речах, она идёт из народной толщи, из тьмы древнейших времён, вот почему бабушка не только молится на Библии, но и крестит корову, и читает “Богородицу” над огурцами. Внука она наставляла: “Ты его (отца. — А. А.) слушай, с ним не спорь, а в Бога про себя верь”. Вот и напророчила — стал её внук священником.

Отозвалась бабушкина вера и в сердце внучки Лены, сестры Ивана, принявшей монашеский постриг. История её житейских испытаний — отдельная линия романа: здесь и гибель возлюбленного в Афганистане, и попытка создать семью с другим человеком, смерть ребёнка во время родов и годы жизни при монастыре в качестве простой послушницы. Стальной характер, который будет, быть может, покрепче бабушкиного.

Автор романа с любовью описывает дорогих ему женщин. В эпитаф вынесены слова отца Ивана о своей жене Кате. Многие ли из мужчин смогут сказать подобное о своей спутнице жизни? Или по-другому: многие ли женщины ведут себя таким образом, чтобы их мужья смогли написать такое? Ведь сама по себе семья Виноградовых — отнюдь не идеальная, в ней есть свои неурядицы. Но Чугунов показывает, как их можно победить взаимопониманием, терпением и любовью даже в случае серьёзной беды. Читайте “Провинциальный апокалипсис”.

ИННА БАСОВА

СЛОВО СЕЛЕЗНЁВА

Четыре года назад трудами литературного критика, профессора факультета журналистики Кубанского госуниверситета Юрия Павлова состоялась первая научно-практическая конференция, посвящённая выдающемуся критику, публицисту Юрию Селезнёву. В Краснодар, на малую родину Селезнёва, приехали ведущие российские литераторы, чтобы в свете его наследия – “Селезнёва слова” – обсудить проблемы литературы, истории, культуры, журналистики, критики. За четыре года эта конференция успела стать доброй традицией факультета журналистики КубГУ и привлечь к себе большое внимание общественности.

IV Международные Селезнёвские чтения прошли 22 сентября. Среди участников – редакция “Нашего современника” в лице писателей, критиков Александра Казинцева и Сергея Куняева, ответственный секретарь газеты и журнала-приложения “День литературы” Алексей Шорохов, классик Виктор Иванович Лихоносов, историк, профессор, декан факультета журналистики КубГУ Валерий Касьянов, секретарь правления Союза писателей России Василий Дворцов, прозаик, литературный критик Андрей Тимофеев, писатель из Краснодара Алексей Смоленцев, председатель Краснодарского краевого отделения СПР Светлана Макарова-Гриценко, литературоведы Виктор Бараков, Алексей Татаринов, Олег Мороз, Николай Крижановский, историк журналистики Юрий Лучинский, представители краевых общественных организаций, преподаватели и студенты из разных вузов... К слову, молодёжи, как обычно, много, и это не может не радовать.

– Эту конференцию мы делаем не для отчётности в деятельности нашего факультета, а, прежде всего, для студентов, – сказал соорганизатор IV Селезнёвских чтений Валерий Касьянов. – Мы очень рассчитываем на то, что это, не побоюсь назвать, событие послужит для молодых большим, твёрдым шагом в мир настоящей литературы, культуры, современной и честной журналистики.

“И вечность длится бой...”?

Юрий Селезнёв (1939–1984) – один из самых известных в России исследователей творчества Ф. М. Достоевского, В. И. Белова, В. М. Шукшина, В. Г. Распутина и других классиков русской литературы. В 1976–1980 годах Селезнёв редактировал любимую миллионами серию биографий “Жизнь замечательных людей”. Затем работал заместителем главного редактора журнала “Наш современник”.

Критик внёс большой вклад в развитие литературного процесса 70–80-х годов, но фигура эта важна не только для литературы. Селезнёва не случайно называют витязем на “войне за наши души, совесть и будущее”, и войну эту он считал Третьей мировой. Со страниц своих работ он боролся и по сей день борется с бездуховностью, уничтожением традиций, национальной культуры, русофобией.

— Юрий Селезнёв — имя общероссийского масштаба и значения. Однако до сих пор это имя, увы, не стало объектом серьёзного изучения, — убеждён Юрий Павлов. — Мы всеми силами стараемся изменить положение дел.

И это действительно так. На конференции было представлено более ста работ, большая часть которых — осмысление литературы, культуры, общественной жизни (во внимании и наша современность, и прошлое) сквозь призму идей Юрия Селезнёва. Темы докладов, прозвучавших на пленарном заседании, ненамеренно, но закономерно перекликаются: “Юрий Селезнёв и дискуссия “Классика и мы” (С. Куняев), “Достоевский и современность” (В. Бараков), “Мастер словесности как воплощённая идея (Юрий Селезнёв, Юрий Кузнецов, Виктор Лихонос)” (А. Татаринов), “Юрий Селезнёв как наставник молодых литераторов” (А. Казинцев). В этих и других выступлениях участников конференции можно найти ответ на главный вопрос: зачем нужно творчество Юрия Селезнёва российской современности?

— Нас собрало сегодня не имя Юрия Ивановича Селезнёва (таких имён на Руси, слава Христу, ещё миллионы), не его душа (для этого достаточно пойти в храм и помолиться об упокоении ея) и даже не его отдельные литературоведческие или критические труды, взятые порознь и в целом. Нас собрал Юрий Иванович Селезнёв как явление русской жизни, русского национального самосознания и даже точнее — русского национального самостояния (именно в том смысле, который вкладывал в это слово Аполлон Григорьев), — отметил Алексей Шорохов. — Селезнёв и его соратники обличали, на мой взгляд, самое существенное и страшное зло русской общественной жизни нескольких столетий — либерализм и его отвратительнейшее смысловое ядро — русофобию.

В “тон” этому выступлению — доклад Виктора Баракова. Он привёл размышления Селезнёва о значении творчества Ф. М. Достоевского и использованные в знаменитой ЖЗЛовской книге цитаты из “Дневника писателя”, “Бесов”, “Братьев Карамазовых”... Рассуждая о Достоевском более 40 лет назад, Селезнёв затронул многие актуальные вопросы нынешней России, например, взаимоотношения с Европой и “братьями-славянами”.

Александр Казинцев рассказал работе Селезнёва в “Нашем современнике” и особенно — о работе с молодыми авторами. Критик был в штате редакции всего лишь год и успел опубликовать как “молодого” только 40-летнего Владимира Крупина. Его дебют — повесть “Сороковой день” появилась в 11-м номере “Нашего современника” за 1981 год. Правда, позже чиновники от литературы, разбирая публикации номера, поставили эту публикацию Селезнёву в вину.

— Конечно, Крупин был здесь десятой спицей в колесе — в основном-то били по самому Селезнёву, потому что видели в нём потенциал национального лидера, — объяснил Александр Казинцев. — Это был 81-й год — год, когда на улицы вышла польская “Солидарность”, и не просто вышла на улицы, а вывела миллионы людей. Это был протест против социалистической системы за национальное возрождение Польши. А Селезнёв был за национальное возрождение России, и в нём, конечно, видели возможного Леха Валенсу и старались его устранить.

Сергей Куняев уделил внимание теме классики и современности — выступлению Юрия Селезнёва на одноименной дискуссии в ЦДЛ в 1977 году, где критик высказался в защиту классического наследия (том числе и от “современных интерпретаций”). Как дорого стоит (и стоила — вспомним конец жизненного пути Селезнёва!) его многожды цитируемая реплика: “Третья мировая война идёт давно. Война эта идеологическая — против наших душ, против нашей совести, против нашего будущего... Классическая, в том числе русская классическая литература, сегодня становится едва ли не одним из основных плацдармов, на которых разгорается эта третья мировая идеологическая война, и здесь мира не может быть!” Сергей Куняев, будучи свидетелем этого события, вспомнил, что зал после выступления Юрия Селезнёва словно “оледенел”.

– Я потом разговаривал со многими людьми, которые вышли из этого зала, и именно от этой речи Юрия Селезнёва многие не могли прийти в себя, они только задавали вопрос: откуда он это взял? – сказал Сергей Куняев. – Самое интересное, что сейчас подобного вопроса в принципе не возникает: нечто подобное мы уже буквально в той или иной вариации слышим с высоких государственных трибун, но при этом имя Юрия Селезнёва аккуратно не называется.

По существу, Селезнёв тогда говорил о сути классики, её современности и о том, как она формирует и преобразует сознание современного человека. И здесь, опять же, сложно избежать переклички с современностью. Вспоминая спектакль “Мёртвые души” “Гоголь-центра” или недавнюю экранизацию “Вия” (2014) режиссёра Степченко (и много чего ещё, к слову, – не очень достойного упоминания в данном тексте), хочется процитировать фразу из выступления Селезнёва в ЦДЛ: “Одно дело, когда мы восстанавливаем истинное значение классики, когда мы сегодня по-новому понимаем себя через эту классику и этим самым даём как бы новую жизнь ему, этому произведению и этому писателю, и другое дело, когда мы пляшем на классике, когда мы превращаем великие, подлинные национальные шедевры в сырьё, в сырьевой материал для наших плясок над прахом наших великих предков”.

– Это ещё раз говорит о провидческом даре Юрия Селезнёва, который на самом деле умел смотреть далеко за пределы своего времени, хотя он вроде говорил о самом жгучем, самом насущном из того, что у него болело в его время, – считает Сергей Куняев.

Утратят ли когда-нибудь актуальность мысли Селезнёва? Наверное, нет. От этого и спокойно, и горько: сменяются эпохи, а проблемы в России, в сущности, всё те же, и бьются патриоты всё за то же...

Гордость Кубани

Говорили не только о творчестве Юрия Селезнёва, но и о его личности. Трогательно звучали воспоминания Виктора Ивановича Лихоносова, который дружил с Селезнёвым:

– Это был очень красивый человек: красивый внешне – синеглазый, высокий, статный – и душевно. Изумительная, богатая внутренне личность! И гордость берёт, что наша, кубанская. Он жил на улице Шаумяна, 109 (сейчас – Октябрьская) – такой родной и такой выдающийся человек.

Да и сама конференция началась выступлением Николая Денисова, сопредседателя краевого экспертного совета экспедиции “Имя Кубани”. Проект приурочен к 80-летию образования края и направлен на чествование выдающихся личностей, прославивших край. Юрий Селезнёв удостоен звания “Духовное имя Кубани”.

Особый, возникающий в этой связи разговор – о литературе края.

– Через изучение наших местных писателей мы можем двигаться вместе с литературой и транслировать литературу в те сферы, которые её пока не признают, – уверен Алексей Татаринов (тоже краснодарец, к слову). – Например, в этом плане наш край может предоставить, прежде всего, трёх наших наиболее выдающихся мастеров словесности, работающих в трёх разных сферах: Юрий Селезнёв – критика, Виктор Лихоносов – проза, Юрий Кузнецов – поэзия. Мне кажется, что их ненавязчивое совместное единство в рамках большой российской словесности и изучение этого единства может принести большие результаты для развития литературы.

Кстати, организаторы Селезнёвских чтений не сомневаются, что богатство литературы, многообразие культуры нашей страны произрастает именно из провинции. Будущее за кем? За регионами!

– Мы постоянно подчёркиваем, что провинция, в том числе наша родная Кубань, рождает новые таланты, даёт новую практику творческих изысканий, и мы это видим достаточно хорошо, – заявил Валерий Касьянов.

В подтверждение – доклад председателя Краснодарского отделения СПР Светланы Макаровой-Гриценко о деятельности организации. Она познакомила участников конференции с историей краевого писательского союза (в этом году он отметил 70-летие), рассказала о его деятельности в день сегодняшний, особо подчёркнув равнодушие кубанских литераторов к сферам патриотического, гражданского воспитания и, конечно, просвещения. Отдельно

был отмечен высокий творческий уровень современных писателей из Краснодарского края – таких, например, как Ирина Иваськова, Елена Суханова, Николай Ивеншев, Николай Зиновьев. Все они – лауреаты престижных литературных премий и форумов всероссийского и международного уровней.

Обращаясь к прошлому – смотреть в будущее

Большой интерес вызвал доклад студентки 4 курса журфака КубГУ Элины Болдыревой. Девушка подготовила объёмный очерк о творчестве Юрия Селезнёва.

– Юрий Иванович Селезнёв велик как критик и просто по-человечески. Я это хорошо понимаю. Помню, как на первом курсе прочла его книгу “Глазами народа” и была поражена, какой мир для себя открыла. Убедена, что нам всем нужно учиться у этого человека, пытаться смотреть на мир сквозь призму его идей, – считает Элина.

Докладом Элины было положено начало дискуссии о молодёжи. Александр Казинцев, Василий Дворцов, Андрей Тимофеев, Алексей Татаринцов, Юрий Павлов размышляли, как вести разговор с молодыми, чтобы они правильно понимали и перенимали наследие русской классики, охраняли чистоту русского языка и культуры и, конечно, писали о проблемах, бедах России и её достоянии, врачевании.

– В своей идейной борьбе Юрий Селезнёв отстаивал литературу как потрясающее пространство свободы, где формируется человеческая душа. В этом плане Селезнёв – не просто национальный русский критик, а человек, который понимал, что литература – это один из последних бастионов классического человека, – отметил Алексей Татаринцов. – И задача молодых заключается в том, чтобы не просто повторять высокие слова, а чтобы быть услышанными там, где не понимают и не слышат!

Александр Казинцев уверен, что главное “спасение” литературы – в единении молодых (и далее) писателей и преемственности в писательских поколениях. Важно “быть вместе”, как были в своё время Виктор Лихоносов, Юрий Селезнёв, Василий Белов, Валентин Распутин... Сегодня же, по словам Александра Казинцева, очень многие таланты – сами по себе, со временем такие писатели как писатели погибают.

В конце конференции литераторы призвали молодых авторов больше работать над собой и писать. Сотрудничество будущим журналистам и критикам предложили Союз писателей России, журнал “Наш современник”, газеты “День литературы” и “Кубанский писатель”, журнал “Родная Кубань”.

Как обычно, конференция прошла продуктивно, интересно и с высоким градусом обсуждения выступлений.

– Доклады впечатлили и глубиной, и внутренним единством мысли. Эта “мысль, чувствующая и живая” (фраза Юрия Селезнёва), несмотря на то, что уже почти четыре десятка лет прошло с того момента, как были написаны последние статьи критика, живёт и чувствует, и заставляет нас жить и чувствовать, – поделился Николай Крижановский.

Слово (равно – дело) Юрия Селезнёва продолжает жить.